

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Тема номера:
«ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ, РЕЗЕРВЫ,
УПРАВЛЕНИЕ»

2023. ТОМ 3. №4

ДЕМИС. Демографические исследования.
2023. Том 3. № 4

DEMIS. Demographic research.
2023. Vol. 3. No. 4

Научный рецензируемый журнал
Издается с 2021 г.
Периодичность: 4 раза в год
Журнал открытого доступа
DOI 10.19181/demis.2023.3.4

Peer-reviewed scientific journal
Founded in 2021
Publication frequency: quarterly
Open access
DOI 10.19181/demis.2023.3.4

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate
El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access
Authors are not charged for publication
Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303
ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

- Рязанцев Сергей Васильевич**, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Моисеева Евгения Михайловна**, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Аббаси-Шавази Мохаммад Джалал**, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран
- Безвербный Вадим Александрович**, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Воробьева Ольга Дмитриевна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Гаврилова Наталья Сергеевна**, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США
- Гейгер Мартин**, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада
- До Кармо Роберто Луиз**, доктор наук, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия
- Жуков Василий Иванович**, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия
- Иванова Алла Ефимовна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Инглис Кристине Бренда**, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия
- Карачай Айсем Бириз**, доктор наук, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция
- Ким Сейонджин**, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея
- Кочербаева Айнура Анатольевна**, доктор экономических наук, профессор, Кыргызско-Российский славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Киргизия
- Леденева Виктория Юрьевна**, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Лукьянец Артем Сергеевич**, кандидат экономических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Мартин Филип**, доктор наук, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США
- Марушиакова-Попова Елена Андреевна**, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария
- Молодикова Ирина Николаевна**, кандидат географических наук, исследователь, Международная сеть исследований в области миграции, Льежский университет, Льеж, Бельгия
- Охаси Кэнити**, магистр социологии, профессор кафедры культурологии и туризма, колледж туризма, университет Рикке, Токио, Япония
- Пизарро Синтия Александра**, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина
- Письменная Елена Евгеньевна**, доктор социологических наук, доцент, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
- Ростовская Тамара Керимовна**, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Рыбаковский Леонид Леонидович**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Хорие Норико**, доктор наук, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония
- Храмова Марина Николаевна**, кандидат физико-математических наук, доцент, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Шенк Каресс**, доктор наук, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Vadim A. Bezverbnny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasily I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Ainura A. Kocherbaeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Eltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Researcher, International Migration Research Network (IMISCOE), University of Liege, Liege, Belgium
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Department of Culture and Tourism Studies, College of Tourism, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Leonid L. Rybakovsky**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khranova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

О ВЫПУСКЕ.....8

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Доброхлеб В. Г. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ЕАЭС 11

Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Мирязов Т. Р., Рязанцев Н. С.
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....23

Безвербный В. А., Микрюков Н. Ю., Мирязов Т. Р., Лукашенко Е. А.
ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ФАКТОРЫ,
ДИНАМИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ 37

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Васильева Е. Н. ИНСТИТУТ МНОГОПОКОЛЕННОЙ
СЕМЬИ КАК РЕЗЕРВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ.....59

Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Кочербяева А. А. РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ..... 78

ЗДОРОВЬЕ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СМЕРТНОСТЬ

Иванова А. Е., Сабгайда Т. П., Семенова В. Г. РЕЗЕРВЫ СОКРАЩЕНИЯ СМЕРТНОСТИ
В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ВОЗРАСТНЫХ И НОЗОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ 92

Храмова М. Н., Смирнов А. В., Рязанцев Н. С. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПОСТКОВИДНОГО
СИНДРОМА НА САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ..... 126

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

Кашепов А. В. ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 137

Воробьева О. Д., Топилин А. В., Хроленко Т. С., Ниорадзе Г. В. РЫНОК ТРУДА,
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ В РОССИИ 153

<i>Яник А. А., Попова С. М., Карпова С. Ф.</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА В РОССИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ВЫХОДА ИЗ «КОЛЕИ РАЗВИТИЯ»	165
--	-----

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ткачев С. В., Ткачева Н. Н.</i> УПРАВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ОСВОЕНИЕМ ПУСТУЮЩИХ ЗЕМЕЛЬ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МАНЬЧЖУРИИ И ХОККАЙДО НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.	183
---	-----

<i>Леденева В. Ю.</i> АДАПТАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ ДЛЯ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ.....	197
---	-----

<i>Маньшин Р. В., Моисеева Е. М.</i> ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА	209
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ростовская Т. К.</i> НАУЧНАЯ ШКОЛА ПО ДЕМОГРАФИИ	231
---	-----

<i>Лебедева Т. В., Акрамова А. Р.</i> СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И КИТАЯ: КРУГЛЫЙ СТОЛ В МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА.....	236
--	-----

CONTENT

ABOUT THE ISSUE.....	8
----------------------	---

REGIONAL DEMOGRAPHICS

<i>Valentina G. Dobrokhleb</i> DEMOGRAPHIC DYNAMICS AND SOCIAL TRANSFORMATIONS IN THE EAEU.....	11
--	----

<i>Sergey V. Ryazantsev, Elena E. Pismennaya, Timur R. Miryazov, Nikita S. Ryazantsev</i> DEMOGRAPHIC WELL-BEING OF THE ETHNONATIONAL REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	23
--	----

<i>Vadim A. Bezverbny, Nikolay Yu. Mikryukov, Timur R. Miryazov, Elena A. Lukashenko</i> NATURAL POPULATION CHANGE IN RUSSIAN REGIONS: FACTORS, DYNAMICS, PROSPECTS..	37
--	----

FAMILY AND FERTILITY

<i>Tamara K. Rostovskaya, Oksana V. Kuchmaeva, Ekaterina N. Vasilieva</i> THE INSTITUTE OF MULTI-GENERATIONAL FAMILY AS A RESERVE OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA	59
--	----

<i>Galina I. Osadchaya, Tatyana N. Yudina, Ainura A. Kocherbaeva</i> REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE MOSCOW AGGLOMERATION	78
--	----

HEALTH, SELF-PRESERVATION BEHAVIOR, AND MORTALITY

<i>Alla E. Ivanova, Tamara P. Sabgayda, Viktoria G. Semyonova</i> RESERVES FOR REDUCING MORTALITY IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF ITS AGE AND NOSOLOGICAL CHARACTERISTICS.....	92
--	----

<i>Marina N. Khramova, Alexey V. Smirnov, Nikita S. Ryazantsev</i> ASSESSING THE IMPACT OF POST-COVID SYNDROME ON MOSCOW RESIDENTS' HEALTH....	126
---	-----

DEMOGRAPHICS OF THE LABOR MARKET

<i>Alexey V. Kashenov</i> TRANSFORMATION OF THE EMPLOYMENT STRUCTURE OF THE POPULATION IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION	137
--	-----

<i>Olga D. Vorobyeva, Anatoly V. Topilin, Tatiana S. Khrolenko, Georgy V. Nioradze</i> LABOR MARKET, MIGRATION PROCESSES, SOCIAL STATE IN CONDITIONS OF POPULATION AGING IN RUSSIA.....	153
---	-----

<i>Andrey A. Yanik, Svetlana M. Popova, Svetlana F. Karpova</i> REGIONAL LABOR MARKETS IN RUSSIA UNDER NEW CONDITIONS: PROBLEMS AND POSSIBILITIES OF PATH DEPENDENCE OVERCOMING.....	165
--	-----

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY

<i>Sergey V. Tkachev, Natalia N. Tkacheva</i> MANAGING THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF WASTELANDS: THE HISTORICAL EXPERIENCE OF MANCHURIA AND HOKKAIDO AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES.....	183
--	-----

<i>Victoria Yu. Ledeneva</i> ADAPTATION CENTERS FOR MIGRANTS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN MIGRATION POLICY	197
--	-----

<i>Roman V. Manshin, Evgeniya M. Moiseeva</i> THE IMPACT OF INTERNATIONAL LABOR MIGRATION ON THE BALANCE IN REGIONAL LABOR MARKETS	209
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Tamara K. Rostovskaya</i> SCIENTIFIC SCHOOL OF DEMOGRAPHY	231
--	-----

<i>Tamara V. Lebedeva, Aleksandra R. Akramova</i> CONTEMPORARY POPULATION POLICY IN RUSSIA AND CHINA: ROUND TABLE AT LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY	236
---	-----

О ВЫПУСКЕ

Настоящий номер журнала представляет собой материалы, подготовленные сотрудниками Института демографических исследований ФНИСЦ РАН в ходе исполнения государственных заданий 2023 г.

Институт выполняет четыре темы государственного задания: «Демографическая безопасность, миграционные процессы и миграционная политика в ЕАЭС» (руководитель – д-р социол. наук Г. И. Осадчая), «Стратегия пространственного развития РФ в условиях нового режима воспроизводства населения и мобильности трудовых ресурсов» (руководитель – д-р экон. наук В. А. Гневашева), «Семья как объект реализации семейно-демографической политики в контексте преодоления депопуляции и роста продолжительности жизни населения России» (руководитель – д-р социол. наук Т. К. Ростовская), «Трансформация миграционной политики России в контексте демографического кризиса и дефицита трудовых ресурсов» (руководитель – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук С. В. Рязанцев). Также в Институте реализуется научный проект «Демографическая ситуация в этнонациональных регионах Российской Федерации: методика оценки, прогноз, демографическая политика» (руководитель – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук С. В. Рязанцев) в рамках Программы научных исследований 2023–2025 гг., связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (руководитель – академик РАН В. А. Тишков). Номер включает наиболее значимые результаты исследований в рамках данных проектов.

Логика номера построена так, чтобы дать представление об основных тенденциях демографического развития Российской Федерации в последние годы. Новые социально-экономические, медико-биологические и геополитические факторы экстремального характера в 2020–2023 гг. в значительной степени повлияли на демографические процессы не только в стране, но и в регионе бывшего СССР. Экономический кризис и половозрастная структура населения предопределяют снижение рождаемости, пандемия COVID-19 и геополитическая ситуация также оказывают существенное влияние на демографические и миграционные процессы. В номере фактически дан комплексный анализ демографической и миграционной ситуации в Российской Федерации в современном контексте. Кроме того, проанализированы факторы, обусловившие демографические изменения, представлен исторический опыт и обозначены перспективы развития демографической и миграционной политики страны на перспективу.

В первом разделе «Региональная демография» рассматриваются демографические изменения, характеризующие новейшие тренды воспроизводства населения в странах Евразийского экономического союза (В. Г. Доброхлеб). Мало того, развивается концепция «демографического благополучия», исследуются ключевые тенденции и особенности демографического развития в 27 этнонациональных регионах Российской Федерации.

ской Федерации (С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, Т. Р. Мирязов, Н. С. Рязанцев). Понятие демографического благополучия и методика его оценки является «ноу-хау» Института. Ранее они были предложены в ряде работ, а в настоящем номере данные методики развиваются и представлены в новом измерении. В статье о естественном воспроизводстве населения в российских регионах приводятся результаты анализа количественных параметров депопуляции (В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов, Е. А. Лукашенко).

Статьи второго раздела «Семья и рождаемость» дают представление о двух различных компонентах демографического развития России. С одной стороны, это внутренний потенциал – многопоколенные семьи, которые имеют, как правило, больше детей и более высокие репродуктивные установки (Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, Е. Н. Васильева). С другой стороны, это потенциал рождаемости среди мигрантов из стран Центральной Азии, которые не только являются рабочей силой, но и рожают в России детей (Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина, А. А. Кочербаева). В исследовании определена распространенность многопоколенных семей в Российской Федерации и характер взаимодействия поколений в семье в условиях нуклеаризации. Выявлены такие тенденции, как увеличение доли населения, проживающего в одиночестве; сокращение количества семей, состоящих из нескольких брачных пар; уменьшение числа детей в семье наряду с увеличением доли многодетных семей в общей численности семей и др.

Третий раздел «Здоровье, самосохранительное поведение и смертность» знакомит читателей с не менее актуальными на сегодняшний день работами ученых Института. В статье А. Е. Ивановой, Т. П. Сабгайды, В. Г. Семеновой на основе данных официальной статистики проанализирована динамика смертности за 2000–2021 гг. основных возрастных групп населения от ведущих причин смерти, обуславливающих 3/4 смертности в мужской и 2/3 в женской популяции в каждой возрастной группе. Выявлены резервы роста продолжительности жизни во всех возрастах за счет снижения смертности от социально обусловленных и предотвратимых причин. В то же время установлено, что главной группой риска является наиболее значимая в демографическом и экономическом отношении возрастная страта 30–44-летних, смертность в которой за счет потерь, вызванных алкоголизмом и его последствиями, ВИЧ/СПИД, повреждениями с неопределенными намерениями и неточно обозначенными состояниями, свидетельствует об устойчивой маргинализации. Еще раз подчеркивается, что без выхода политики по снижению смертности за пределы здравоохранения ее эффективность будет недостаточна. Также в разделе представлено уникальное социологическое исследование ученых Института по оценке влияния постковидного синдрома на самочувствие жителей крупнейшего российского мегаполиса – Москвы (М. Н. Храмова, А. В. Смирнов, Н. С. Рязанцев).

В четвертом разделе «Демография рынка труда» дан анализ трендов, формирующих трудовые ресурсы, занятость и безработицу в России, в том числе с учетом региональной специфики. В статье О. Д. Воробьевой, А. В. Топилина, Т. С. Хроленко, Г. В. Ниорадзе приведены результаты исследования последствий демографического старения населения для социальной системы Российской Федерации на основе социологических методов. Статья А. А. Яника, С. М. Поповой, С. Ф. Карповой анализирует положение на российских региональных рынках труда и перспективы их выхода из «колеи развития». Особое внимание уделяется адресной миграционной политике как одному из инструментов повышения сбалансированности и адаптивности реги-

ональных рынков труда. В статье А. В. Кашепова разбирается трансформация структуры занятости населения и предлагается типология регионов России по показателю валового регионального продукта на одного занятого в экономике, который интерпретируется как уровень производительности труда (эффективности производства).

Наконец, пятый раздел «Демографическая и миграционная политика» включает три статьи по заслуживающим внимания актуальным практическим вопросам управления. В статье С. В. Ткачева, Н. Н. Ткачевой рассматривается исторический опыт заселения и управления демографическим развитием «пустующих земель» на Дальнем Востоке на материалах России и Японии. Этот исторический аспект также может быть жизненно важным в современных условиях необходимости стимулирования развития и заселения некоторых территорий российского Дальнего Востока. В работе В. Ю. Леденевой изучаются вопросы эффективности функционирования миграционных центров по адаптации мигрантов в контексте демографического развития России. Автор обосновывает понятие «демографическая интеграция», отражающее взаимосвязь и влияние успешной адаптации мигрантов на демографическое развитие общества. В статье Р. В. Маньшина и Е. М. Моисеевой проведен анализ влияния трудовой миграции на сбалансированность региональных рынков труда в Российской Федерации. Актуальность такого исследования обусловлена изменением баланса на рынках труда и трендов миграции населения под влиянием стрессовых факторов последних лет (пандемия COVID-19, внешнеполитическая напряженность, санкции).

Надеемся, что предложенный Вашему вниманию специальный выпуск журнала даст ответы хотя бы на некоторые сложные вопросы демографических тенденций в России последних лет, которые, безусловно, нуждаются в своем дальнейшем исследовании и осмыслении.

Главный редактор
журнала «ДЕМИС. Демографические исследования»

С. В. Рязанцев

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.1)

EDN [TNWGBF](https://www.edn.ru/TNWGBF)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЕАЭС

Доброхлеб В. Г.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

Для цитирования: Доброхлеб, В. Г. Демографическая динамика и социальные трансформации в ЕАЭС // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 11–22. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.1). EDN [TNWGBF](https://www.edn.ru/TNWGBF).

Аннотация. Демографические изменения, характеризующие новые тренды воспроизводства населения стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), которые в значительной степени различаются уровнем и темпами старения населения, являются предметом данного исследования. Цель исследования состоит в разработке предложений по совершенствованию социальных институтов, направленных на развитие ЕАЭС в условиях изменения возрастной структуры населения. Евразийский экономический союз – это относительно новая, но быстро развивающаяся региональная интеграционная организация, в определенном смысле составляющая ядро Содружества Независимых Государств (СНГ). При этом переход на последующие интеграционные этапы невозможен без развития социальных институтов ЕАЭС. В настоящее время выработка социальных программ, норм по формированию единых социальных ценностей не входит в круг задач региональных союзов на постсоветском пространстве или рассматривается лишь вскользь. Тем не менее для дальнейшей интеграции существенным становится учет демографических трендов как факторов развития ЕАЭС. В статье показано, что за последние шесть лет (2017–2022 гг.) в области естественного воспроизводства в странах, входящих в Союз, демографические тренды имели разную направленность. Наибольшее влияние на демографическое развитие ЕАЭС оказывают изменения в населении Российской Федерации, хотя в последние годы наблюдается незначительное снижение доли РФ в общей численности населения Союза. Население стран ЕАЭС имеет существенные различия по возрастной структуре, однако все пять стран, входящих в Союз, испытывают влияние процесса демографического старения. В статье представлен ряд предложений, направленных на включение демографических изменений как фактора развития ЕАЭС. В их числе – подготовка развернутой программы взаимодействия по общегуманитарным вопросам, в первую очередь в области образования и сохранения культурных ценностей как основы связи поколений.

Ключевые слова: ЕАЭС, социальный институт, социальные нормы, социальные ценности, связь поколений, демографическая структура

Введение

Уровень интеграции стран постсоветского пространства имеет существенные различия. Так, страны Балтии, начиная со времени распада СССР, позиционировали себя как отдельные, не связанные с бывшими союзными республиками, другие же стремились к созданию различных региональных союзов (РИО). В истории интеграционных связей на постсоветском пространстве можно выделить следующие этапы:

1. К середине девяностых годов XX века (1995 г.) относится создание интеграционного ядра из ряда бывших союзных республик.
2. К концу XX века (1999 г.) Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан объединились в Таможенный союз и единое экономическое пространство.

3. В настоящее время состав ЕАЭС входит пять стран: Россия, Кыргызстан, Казахстан, Армения и Беларусь. Это относительно новый, но быстро развивающийся РИО, в определенном смысле составляющий ядро СНГ.

При этом развитие и переход на последующие интеграционные этапы невозможны без социальных институтов Союза, который был создан как «союз четырех свобод» – свободной торговли, свободы передвижения людей, свободы движения услуг, свободы движения капиталов¹. Исследователи отмечают, что после начала Специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г., при нарастании санкционного давления недружественных стран, главным образом, США и ЕС, формирование современного интеграционного союза становится гораздо сложнее. Предполагается, что наиболее приемлемой является организация «Большого Евразийского партнерства», составляющего систему социальных институтов и соглашений различного характера [1]. В настоящее время в первую очередь решается задача создания экономических, финансовых и правовых институтов. Вместе с тем рассмотрение социальных программ, норм по формированию единых социальных ценностей не входит в круг задач региональных союзов на постсоветском пространстве или рассматривается лишь вскользь. В то же время учет трендов демографической динамики, формирование единых социальных ценностей и норм массовых слоев населения стран, входящих в тот или иной региональный союз, весьма существенно для развития и дальнейшей интеграции международных объединений. Это направление имеет первостепенное значение для ЕАЭС. Для достижения основных целей данного объединения, в том числе по созданию условий «для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения»², учет изменений в демографических трендах и создание условий для формирования социальных институтов по сохранению культурных ценностей и укреплению связи различных поколений Союза представляется немаловажным.

Обзор литературы

Демографические тренды ЕАЭС остаются в фокусе внимания исследователей с момента создания Союза по настоящее время. В их числе работы В. В. Кирпичева, А. Г. Лучкина [2], Г. И. Осадчей и М. Л. Вартановой [3; 4], Е. Долженковой и А. Ю. Мохоровой [5] и других авторов. Развитию интеграции может способствовать укрепление институциональной составляющей Союза. Для нашего исследования наибольший интерес представляют публикации С. М. Юн [6], Е. А. Худоренко, Е. А. Константиновой [7], Л. Г. Титаренко [8], М. В. Шугурова и И. В. Шугуровой [9]. Существенно важным представляется исследование А. А. Ткаченко, раскрывающее неоднозначные проблемы, связанные со становлением и развитием ЕАЭС [10]. Новые аспекты в рассмотрении демографических процессов на территории бывшего СССР предложены в коллективной монографии «Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы. Аналитический доклад», которая вышла в 2021 г. под редакцией члена-корреспондента РАН С. В. Рязанцева. Важной составляющей данного исследования стала геополитическая рамка демографического анализа [11]. Основные методологические аспекты этой работы основаны

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе // Евразийский экономический союз : [сайт]. URL: http://www.eacunion.org/files/history/2014/2014_2.pdf (дата обращения: 16.08.2023).

² World Social Report 2023: Leaving No One Behind in an Ageing World // United Nations iLibrary : [site]. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210019682> (accessed on 10.09.2023).

на предложенных Организацией Объединенных Наций (ООН) подходах, в которых показаны новые векторы социальной политики в условиях нарастающего процесса старения населения³, что предполагает равноправное участие различных поколений в жизни общества.

Результаты и обсуждение

Ранее было высказано предположение о том, что в связи негативными демографическими процессами в Российской Федерации, Республике Беларусь, а также в Республике Армения проблемы сокращения численности населения ЕАЭС не будут преодолены на достаточно длительном отрезке времени [2]. Авторы основывались на прогнозах ООН и российских статистических органов, по расчетам которых (средний вариант) сокращение численности населения в крупнейшем по населению члене Евразийского экономического союза России будет составлять в период до 2035 г. более 330 тыс. человек ежегодно. Причем по прогнозам ООН, демографическая динамика РФ еще более драматична⁴.

Естественное воспроизводство населения зависит от процессов рождаемости и смертности. В табл. 1 представлены показатели воспроизводства населения стран ЕАЭС в 2016 и 2020 гг.

Таблица 1

Показатели воспроизводства населения стран ЕАЭС в 2016 и 2020 гг.

Table 1

Population reproduction indicators of the EAEU countries in 2016 and 2020

Страны	Коэффициент рождаемости, число родившихся на 1000 человек населения		Коэффициент смертности, число умерших на 1000 человек населения		Коэффициент естественного прироста, на 1000 человек населения		Суммарный коэффициент рождаемости	
	2016	2020	2016	2020	2016	2020	2016	2020
ЕАЭС	14,2	11,8	12,0	11,5	2,2	0,3	-	-
Армения	13,5	12,3	9,4	12,2	4,1	0,1	1,647	1,656
Беларусь	12,4	9,3*	12,6	12,8	-0,2	-3,5	1,733	1,382
Казахстан	22,5	22,8	7,4	8,6	15,1	14,2	2,77	3,126
Кыргызстан	26,0	24,0	5,5	6,1	20,5	17,9	3,06	3,044
Россия	12,9	9,8	12,9	14,6	0	-4,8	1,762	1,505

* *Примечание:* показатели даны за 2019 г.

Источник: составлено автором по данным Евразийской экономической комиссии⁵

Из пяти стран, входящих в данный Союз, только в двух (Казахстан и Кыргызстан) высокие показатели рождаемости ведут к расширенному воспроизводству населения (табл. 1). В целом по ЕАЭС с 2016 по 2020 г. коэффициент рождаемости снизился на 2,4%. Население ЕАЭС различается не только по показателям рождаемости, но и по

³ World Social Report 2023: Leaving No One Behind in an Ageing World // United Nations iLibrary : [site]. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210019682> (accessed on 10.09.2023).

⁴ ООН оценила демографические перспективы хуже Росстата // РБК : [сайт]. 24.06.2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/06/2019/5d0b43749a794718129aa169> (дата обращения: 20.06.2023).

⁵ Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2021. 70 с.

продолжительности жизни. Итак, в рассматриваемый период коэффициент смертности немного изменился в лучшую сторону, снизившись с 12,0‰ до 11,5‰.

Другим важнейшим показателем демографической динамики является ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) при рождении (табл. 2).

Таблица 2
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в странах ЕАЭС (лет)
Table 2

Life expectancy at birth in the EAEU countries (years)

Страны	ОПЖ при рождении в 2016 г.			ОПЖ при рождении в 2020 г.		
	Мужчины	Женщины	Разница	Мужчины	Женщины	Разница
Армения	71,57	78,29	6,7	68,38	78,63	10,3
Беларусь	68,94	78,97	10,0	65,6	77,2	11,6
Казахстан	67,99	76,61	8,6	67,09	75,53	8,4
Кыргызстан	67	75,07	8,1	67,76	75,97	8,2
Россия	66,5	77,06	10,6	66,49	76,43	9,9

Источник: составлено автором по данным Евразийской экономической комиссии⁶

За период с 2016 по 2020 г. лишь в Кыргызстане продолжительность жизни мужчин увеличилась на 0,76 года. Показатели продолжительности жизни женщин выросли в двух странах Союза: Армении – на 0,34 года, Кыргызстане – на 0,9 года (табл. 2). Можно предположить, что причиной изменения показателей продолжительности жизни в 2020 г. стали последствия пандемии COVID-19, которые были различными для стран ЕАЭС.

В табл. 3 представлены данные по динамике численности населения с 2017 по 2021 гг.

Таблица 3
Численность постоянного населения стран ЕАЭС на начало года (тыс. человек)
Table 3

**Resident population of the EAEU countries at the beginning of the year
(thousand people)**

Страны	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Доля в ЕАЭС (%)
ЕАЭС	183 318,7	183 715,4	183 960,3	184 273,9	184 000,4	100
Армения	2 986,2	2 972,7	2 965,3	2 959,7	2 963,3	1,6
Беларусь	9 469,7	9 448,3	9 429,2	9 410,3	9 349,6	5,1
Казахстан	17 918,2	18 157,3	18 395,6	18 631,8	18 879,6	10,3
Кыргызстан	6 140,2	6 256,7	6 389,5	6 523,5	6 636,8	3,6
Россия	146 804,4	146 880,4	146 780,7	146 748,6	146 171,1	79,4

Источник: [11]

В 2022 г. численность населения ЕАЭС составила 183,6 млн человек, сократившись по сравнению с предыдущим годом на 353 тыс. человек. В этот период несколько

⁶ Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2021. 70 с.

ко уменьшилась доля Российской Федерации и Республики Беларусь в общей численности населения Союза. Для Республики Казахстан этот показатель напротив увеличился на 0,1% (табл. 4).

Таблица 4

Численность и доля населения стран, входящих в ЕАЭС, в 2022 г.

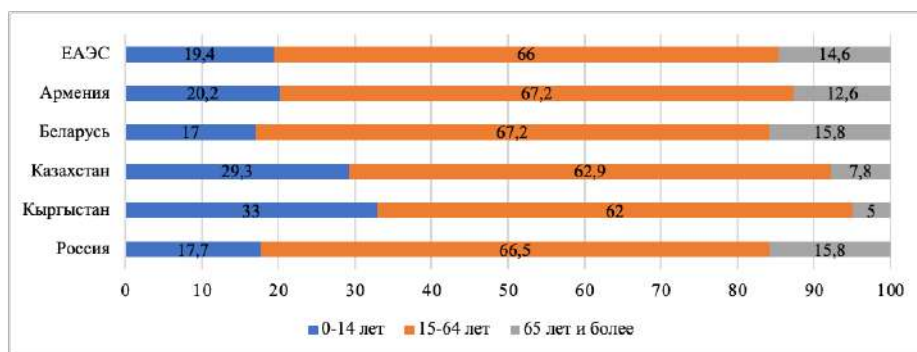
Table 4

Number and share of the population of the EAEU countries in 2022

Страны	Численность населения (человек)	Доля в ЕАЭС (%)
ЕАЭС	183 647,4	100
Армения	2 961,4	1,6
Беларусь	9 255,5	5,0
Казахстан	19 125,6	10,4
Кыргызстан	6 747,3	3,6
Россия	145 557,6	79,2

Источник: составлено автором по данным Евразийской экономической комиссии⁷

В условиях сокращения численности населения существенным фактором демографической динамики является возрастная структура населения. На рис. 1 представлено соотношение возрастных групп в ЕАЭС на начало 2021 г.

Рис. 1. Удельный вес возрастных групп населения стран ЕАЭС на 1 января 2021 г. (% от общей численности)

Fig. 1. Share of age groups in the population of the EAEU countries as of January 1, 2021 (% of total population)

Источник: [2]

По мнению исследователей, уменьшение численности населения ведет к снижению рейтинга в мировом «табеле о рангах» населения мира, а также к падению экономической значимости государства, возможному снижению его военной мощи и, как следствие, к уменьшению политического влияния. Считается, что сокращение качества демографического потенциала является долговременным и снижает возможности экономического развития стран.

⁷ Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2021. 70 с.

По данным ООН, в 1990 г. Российская Федерация занимала шестое место рейтинге десяти крупнейших государств мира по численности населения, а в 2022 г. РФ сместилась на девятое место. По представленным расчетам, при сохранении текущих тенденций в динамике населения к 2050 г. Россия уже не будет входить в состав десяти наиболее крупных стран мира по численности населения⁸. При этом демографическая составляющая имеет существенное значение в сумме факторов, позволяющих противостоять как внешним, так и внутренним угрозам.

В период с 2017 по 2022 г. наблюдались разнонаправленные тренды в области естественного воспроизводства в странах, входящих в ЕАЭС: процессы естественного воспроизводства населения в РФ, Беларуси и Армении вели к сокращению общей численности населения, а в Казахстане и Кыргызстане способствовали его увеличению (табл. 1, 3). В связи с тем, что доля населения Российской Федерации в данном объединении составляет около 80%, демографические тренды современной России оказывают наибольшее влияние на демографическую составляющую Евразийского экономического союза. В то же время наблюдается незначительное снижение демографической составляющей РФ в общей численности населения данного Союза.

В населении ЕАЭС имеются существенные различия по возрастной структуре (рис. 1). Вместе с тем все пять стран, входящих в Союз, испытывают влияние процесса демографического старения, который только начинает разворачиваться в Кыргызстане, где доля жителей в возрасте 65+ составляет 5%, и достигает 15,8% в России и Беларуси. По рекомендациям ООН с учетом потребностей стареющего населения необходимо предпринять шаги по адаптации разнообразных государственных программ к потребностям растущей доли пожилых людей, включая надежные системы социального и пенсионного обеспечения, создание систем всеобщего здравоохранения и долгосрочного ухода. Безусловно, старение населения как демографический процесс свидетельствует об успехах в улучшении условий жизни. По расчетам ООН, к середине текущего века число людей в возрасте 65+ в мире удвоится и превысит 1,6 млрд.

Рост продолжительности жизни сопровождался сужением возрастного диапазона, на который приходится большинство смертей⁹. В государствах ЕАЭС снижение смертности, особенно в мужских возрастных когортах, происходит медленнее, чем во многих других странах. Это актуализирует проблему здорового старения. Неслучайно ближайшее десятилетие – с 2021 по 2030 г. – Всемирная организация здравоохранения и Организация Объединенных Наций объявили Десятилетием здорового старения. Его цель состоит в поддержке благополучия пожилых людей. Причем наиболее адекватной стратегией государств является следующая установка ООН: никого не оставлять позади в сегодняшнем стареющем мире. Такой подход открывает широкие перспективы к разработке политики, дающей каждому человеку одинаковые шансы к экономической безопасности с учетом продвижения равного доступа к возможностям развития с рождения.

Различия в численности населения, возрастной структуре стран-членов ЕАЭС, разнонаправленности процессов естественного воспроизводства (депопуляция в РФ, Беларуси и Армении, с одной стороны, и рост численности населения в Казахстане и Кыргызстане, с другой) обостряют проблемы демографической безопасности, что требует системы формирования социальных институтов, позволяющих отвечать на

⁸ World Population Prospects 2022: Summary of Results // United Nations iLibrary : [site]. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210014380> (accessed on 10.09.2023).

⁹ Ibid.

современные вызовы. Для России, Беларуси и Армении наиболее востребованными становятся институты социальной защиты старшего поколения, преодоление эджистских проявлений на рынке труда, в более «молодых» по демографической структуре населения Казахстане и Кыргызстане – усиление роли институтов образования. Именно институт образования для всех стран Союза, его реформирование с учетом потребности в «образовании через всю жизнь» и возможности передачи базовых социальных ценностей от старшего поколения младшим становится важнейшей составляющей для развития ЕАЭС.

В данной связи использование опыта интеграционных процессов в современном мире позволяет системно рассмотреть различные формы международной интеграции. Достойный нашего внимания анализ представлен в работе А. А. Ткаченко «Извилистые пути интеграции: Россия в ЕАЭС» [10], в которой автор исследует как международный опыт интеграционных союзов, так и опыт Евразийского экономического союза. Существенным становится выделение *форм интеграционных процессов международных объединений*. В их числе:

1. *Углубление*. Именно этот процесс представляет наиболее слабое место в процессах формирования ЕАЭС, т. к. предусматривает делегирование «большого объема политических полномочий с национального уровня наднациональному органу». По мнению А. А. Ткаченко, развитие данной формы интеграции в ближайшем будущем «не просматривается».

2. *Увеличение компетенции*. В настоящее время это направления имеет место только в рамках принятия решений по формированию единого цифрового пространства в масштабах ЕАЭС

3. *Расширение состава*. Данная форма интеграции является актуальной для Союза, однако несет определенные трудности, связанные с различием экономических или гуманитарных интересов новых членов.

Показательно то, что исследователи европейской интеграции [13] рассматривают интеграцию как цикл, который может характеризоваться как восходящими, так и нисходящими потоками. На примере ЕС выявлено: чем более широкий круг политических, социальных направлений представлен в региональном объединении и включен в его реальную политику, тем менее вероятен распад такого союза [14]. Сделано обоснованное заключение о том, что Евразийский экономический союз может стать более устойчивым при активной практике заключения договоров и соглашений, не только в экономической и торговой сферах, но и по иным, в том числе социальным направлениям.

Для России приоритет состоит в демографическом оздоровлении. Причем на первое место выходит задача приумножения и сохранения народа. Мы согласны с российскими исследователями [15], которые предлагают направления действий по наращиванию усилий, регулирующих наднациональную составляющую по демографическому развитию каждого члена ЕАЭС, обеспечивающих национальную и демографическую безопасность каждой страны и Союза в целом. Действенным инструментом в этом направлении может стать создание на базе Евразийской комиссии постоянного совета по проблемам демографического развития евразийского объединения в целях разработки единой концепции демографической безопасности ЕАЭС. Для решения данной задачи следует привлечь ответственных представителей центральных и региональных госорганов, а также ведущих экспертов-демографов стран-членов Союза. И совершенно очевидно, что процессы воспроизводства насе-

ления следует связывать с формированием социальных норм брачного и репродуктивного поведения.

Российские ученые считают, что в современном постоянно меняющемся мире именно формирование единого образовательного пространства, или в более широком контексте единого «гуманитарного пространства», представляет обширное поле для взаимодействия различных культур и партнерства цивилизаций¹⁰. В этой связи существенным является воссоздание общей идеологии единого евразийского пространства, направленной на сохранение и передачу обширного духовного наследия, объединяющего входящие в ЕАЭС страны. Все более актуальным становится вложение значительных средств в общую систему образования, включающую повышение квалификации в целях роста производительности и оплаты труда. Инвестиции в данную сферу необходимы не только со стороны государств, но и бизнес-сообществ, семей (домохозяйств) и отдельных членов общества. Национальные программы развития системы образования должны развиваться с учетом кластеризации промышленности и сферы услуг, с учетом прогноза необходимых изменений [12]. Одним из направлений развития ЕАЭС могут стать программы по укреплению связи поколений, которые, к примеру, могут быть подпрограммой развития сферы образования. Потребность в таком векторе интеграции повышается в связи необходимостью стратегического планирования по развитию Евразийского экономического союза, как для выполнения Стратегии-2025, так и при подготовке новых стратегических документов с большим горизонтом планирования, в том числе до 2045 г. Важность укрепления связи поколений обусловлена еще и тем, что меняется демографическая структура стран ЕАЭС. В России, Беларуси и Армении интенсивный процесс демографического старения требует новых подходов. А более молодые по возрастной структуре населения Казахстан и Кыргызстан испытывают потребность в накоплении опыта лучших практик в изменении социальных институтов при трансформации демографических структур и миграционных процессов. Сотрудничество в укреплении связи поколений может реализовываться через проекты и новые рамочные программы в сфере гуманитарных отношений между странами. Первоначально это направление может осуществляться через систему образования стран-участниц, рамочных программ, усиливающих экономические и социальные эффекты.

Заключение

Научная новизна данной работы состоит в том, что ходе исследования демографической динамики Евразийского экономического союза было подтверждено, что за последние шесть лет (2017–2022 гг.) в области естественного воспроизводства в государствах, входящих в ЕАЭС, демографические тренды имели разную направленность. Демографическая динамика РФ, доля населения которого в составе Союза около 80%, оказывает наибольшее влияние на демографическую составляющую ЕАЭС. При этом наблюдается незначительное снижение демографической составляющей России в общей численности населения Союза. В население стран данного объединения имеются существенные различия по возрастной структуре. При этом все пять стран, входящих в ЕАЭС, испытывают влияние процесса демографического

---

¹⁰ Общее образовательное пространство ЕАЭС как залог успеха евразийской экономической интеграции // Московский комсомолец : [сайт]. 29.12.2016. URL: <https://www.mk.ru/migrants-in-russia/2016/12/29/obshhee-obrazovatelnoe-prostranstvo-eaes-kak-zalog-uspekha-evraziyskoy-ekonomicheskoy-integracii.html> (дата обращения: 09.09.2023).

старения. В таких условиях необходим доступ всех поколений к качественному образованию на всех уровнях, что становится определяющим фактором для достижения Целей устойчивого развития¹¹.

В обращении к главам государств Президент России В. В. Путин подчеркнул, что ЕАЭС сталкивается с новыми проблемами, обусловленными геополитической напряженностью и международными санкциями против Российской Федерации и Республики Беларусь. При принятии наднациональных решений следует учитывать факторы, направленные на повышение эффективности наднационального взаимодействия¹².

В ходе настоящего исследования было показано, что в рамках дальнейшей интеграции ЕАЭС необходимо создание различных социальных институтов в гуманитарной сфере, в первую очередь в сфере демографической безопасности и образования. Также были предложены конкретные мероприятия в этой области, что может найти применение в дальнейшей практике по укреплению Союза.

Ученые полагают, что мир вступил в период, который, если не произойдет катастрофы, будет длиться как минимум столетие, и который связан с высокой степенью неопределенности¹³. Это состояние похоже на мир после крушения Римской империи или на кризис средневекового общества XIV–XV веков. И наша важнейшая задача – это умение жить в условиях перманентного кризиса.

Список литературы

1. Механизмы принятия наднациональных решений в ЕАЭС: вклад в стратегическое планирование и антикризисное управление : экспертный докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / Д. В. Галушко, М. К. Глазатова, В. Н. Зуев и др. ; под науч. ред. Т. А. Колобашкиной ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 234 с. ISBN 978-5-7598-2850-1. EDN [MPELWQ](#).
2. *Кирпичев, В. В.* Современные демографические тренды ЕАЭС / В. В. Кирпичев, А. Г. Лучкин // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6–4 (96). С. 84–87. DOI [10.23670/IRJ.2020.96.6.128](#). EDN [IIWQTK](#).
3. *Осадчая, Г. И.* Человеческий потенциал устойчивого развития стран Евразийского экономического союза: динамика изменения и демографическая безопасность / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Вопросы управления. 2022. № 3 (76). С. 46–59. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-46-59](#). EDN [ATUSYW](#).
4. *Вартанова, М. Л.* Оценка рисков и угроз демографического развития популяции стран ЕАЭС // Вестник Академии знаний. 2021. № 6 (47). С. 57–61. DOI [10.24412/2304-6139-2021-6-57-61](#). EDN [WEEJIE](#).
5. *Долженкова, Е.* Интеграционные процессы ЕАЭС в условиях санкций: социально-экономический и демографический аспекты / Е. Долженкова, А. Ю. Мохорова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 55–65. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.4](#). EDN [VUPSYZ](#).
6. *Юн, С. М.* Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 89–92. DOI [10.17223/19988613/50/13](#). EDN [ZWDSZY](#).
7. *Худоренко, Е. А.* Интеграционный потенциал ЕАЭС: образование, культура, инновации /

¹¹ World Population Prospects 2022: Summary of Results // United Nations iLibrary : [site]. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210014380> (accessed on 10.09.2023).

¹² Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина к главам государств – членов Евразийского экономического совета 23 января 2023 г. // Президент России : [сайт]. 23.01.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70380> (дата обращения: 26.03.2023).

¹³ Фурсов, А. Приходит мир, который не ждали. Что для планеты означает конец прогресса // Дзен : [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/ZFvCxUTWdTGROkK> (дата обращения: 25.05.2023).

Е. А. Худоренко, Е. А. Константинова // Политическая наука. 2017. № 5. С. 261–277. EDN [YVWABZ](#).

8. *Титаренко, Л. Г.* Место и роль интеграции систем высшего образования в международном сотрудничестве стран ЕАЭС // Большая Евразия : Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2 / ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества ; Отв. ред. В. И. Герасимов. Москва, 2018. С. 319–321. ISBN 978-5-248-00904-6. EDN [YSOWVY](#).

9. *Шугуров, М. В.* Научно-образовательная интеграция ЕАЭС как фактор технологической модернизации: правовые и организационные вопросы / М. В. Шугуров, И. В. Шугурова // Международное право и международные организации. 2020. № 3. С. 37–68. DOI [10.7256/2454-0633.2020.3.34167](#). EDN [RVVIQY](#).

10. *Ткаченко, А. А.* Извилистые пути интеграции: Россия в ЕАЭС // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13, № 6. С. 46–57. DOI [10.26794/1999-849X-2020-13-6-46-57](#). EDN [QHDGHK](#).

11. Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы. Аналитический доклад / В. Н. Архангельский, Л. И. Бардакова, В. А. Безвербный [и др.] ; под ред. С. В. Рязанцева ; ФНИСЦ РАН. Москва : ИТД «Перспектива», 2021. 200 с. ISBN 978-5-89697-379-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-379-9.2021](#). EDN [DAEWUW](#).

12. *Доброхлеб, В. Г.* Гендерная составляющая демографической безопасности стран ЕАЭС / В. Г. Доброхлеб, Н. А. Кондакова // Женщина в российском обществе. 2022. № S1. С. 4–18. DOI [10.21064/WinRS.2022.0.1](#). EDN [WALVKK](#).

13. *Schmitter, P. C.* A Revised Theory of Regional Integration // International Organization. 1970. Vol. 24, № 4. Pp. 836–868. DOI [10.1017/S 0020818300017549](#).

14. *Lefkofridi, Z.* Transcending or Descending? European Integration in Times of Crisis / Z. Lefkofridi, P. C. Schmitter // European Political Science Review. 2015. Vol. 7, № 1. Pp. 3–22. DOI [10.1017/S 1755773914000046](#).

15. *Осадчая, Г. И.* Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества : [монография]. Москва : Изд-во «Экон-Информ», 2021. 346 с. ISBN 978-5-907427-41-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021](#). EDN [FJASSX](#).

Сведения об авторе:

Доброхлеб Валентина Григорьевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4864-8231](#); РИНЦ Author ID: [312761](#); Web of Science Researcher ID: [B-1337-2017](#); Scopus Author ID: [57193690883](#).

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; принята в печать 16.11.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC DYNAMICS AND SOCIAL TRANSFORMATIONS IN THE EAEU

Valentina G. Dobrokhleb

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

For citation: Dobrokhleb, Valentina G. Demographic Dynamics and Social Transformations in the EAEU. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 11–22. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.1](#).

Abstract. The subject of this study is demographic changes characterizing new trends in population reproduction in the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) which differ significantly in the level and rate of population aging. The purpose of the study is to develop proposals for improving social institutions aimed at the development of the EAEU in the context of changes in the age structure of the population. The Eurasian Economic Union is a relatively new but rapidly developing regional integration organization, in a certain sense forming the core of the Commonwealth of Independent States (CIS). At the same time, the transition to subsequent integration stages is impossible without the development of social institutions of the EAEU. Currently, the development of social programs and norms for the formation of common social values is not included in the tasks of regional

unions in the post-Soviet space or is considered only in passing. Nevertheless, for further integration it becomes essential to take into account demographic trends as factors in the development of the EAEU. The article shows that over the past six years (2017–2022) in the field of natural reproduction in the countries that are members of the Union, demographic trends have had different directions. The greatest impact on the demographic development of the EAEU is exerted by changes in the population of the Russian Federation, although in recent years there has been a slight decrease in the share of the Russia in the total population of the Union. The population of the EAEU countries has significant differences in age structure, however, all five member countries of the Union are affected by the process of demographic aging. The article presents a few proposals aimed at including demographic changes as a factor in the development of the EAEU. These involve the preparation of a comprehensive program of interaction on general humanitarian issues, primarily in the field of education and the preservation of cultural values as the basis for the connection between generations.

Keywords: EAEU, social institution, social norms, social values, generational connection, demographic structure

References

1. Mekhanizmy prinyatiya nadnatsional'nykh resheniy v YEAES: vklad v strategicheskoye planirovaniye i antikrizisnoye upravleniye [Mechanisms for making supranational decisions in the EAEU: contribution to strategic planning and crisis management] : expert report for the XXIV Yasinsky (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development, Moscow, 2023 / D. V. Galushko, M. K. Glazatova, V. N. Zuev et al. ; sci. ed. T. A. Kolobashkina ; Higher School of Economics National Research University. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. 234 p. ISBN 978-5-7598-2850-1. (In Russ.).
2. Kirpichev, V. V. Current Demographic Trends of EAEU / V. V. Kirpichev, A. G. Luchkin. *International Research Journal*. 2020. No. 6–4 (96). Pp. 84–87. DOI [10.23670/IRJ.2020.96.6.128](https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.128). (In Russ.).
3. Osadchaya, G. I. Human Potential of Sustainable Development of the Eurasian Economic Union Countries: Change Dynamics and Demographic Security / G. I. Osadchaya, M. L. Vartanova. *Management Issues*. 2022. No. 3 (76). Pp. 46–59. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-46-59](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-46-59). (In Russ.).
4. Vartanova, M. L. Assessment of Risks and Threats to the Demographic Development of the Population of the EAEU Countries. *Vestnik Akademii Znaniy*. 2021. No. 6 (47). Pp. 57–61. DOI [10.24412/2304-6139-2021-6-57-61](https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-6-57-61). (In Russ.).
5. Dolzhenkova, E. EAEU Integration Processes in Conditions of Sanctions: Socio-Economic and Demographic Aspects / E. Dolzhenkova, A. Yu. Mokhorova. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. Pp. 55–65. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.4). (In Russ.).
6. Yun, S. M. Educational Cooperation in the Eurasian Economic Union: Problems and Prospects. *Tomsk State University Journal. History*. 2017. No. 50. Pp. 89–92. DOI [10.17223/19988613/50/13](https://doi.org/10.17223/19988613/50/13). (In Russ.).
7. Khudorenko, E. A. Integration Potential of the Eurasian Economic Union: Education, Culture, Innovations / E. A. Khudorenko, E. A. Konstantinova. *Political Science (RU)*. 2017. No. S. Pp. 261–277. (In Russ.).
8. Titarenko, L. G. Mesto i rol' integratsii sistem vysshego obrazovaniya v mezhdunarodnom sotrudnichestve stran YEAES [The place and role of integration of higher education systems in international cooperation of the EAEU countries]. *Bol'shaya Yevraziya: Razvitiye, bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: Development, security, cooperation]*. Yearbook. Issue 1. Part 2 / INION. Department of Scientific Cooperation ; Ex. ed. V. I. Gerasimov. Moscow, 2018. Pp. 319–321. ISBN 978-5-248-00904-6. (In Russ.).
9. Shugurov, M. V. Scientific and Educational Integration of the EAEU as a Factor of Technological Modernization: Legal and Organizational Questions / M. V. Shugurov, I. V. Shugurova. *International Law and International Organizations*. 2020. No. 3. Pp. 37–68. DOI [10.7256/2454-0633.2020.3.34167](https://doi.org/10.7256/2454-0633.2020.3.34167). (In Russ.).
10. Tkachenko, A. A. Sinuous Paths of Integration: Russia in the EAEU. *Economy. Taxes. Law*. 2020. Vol. 13, No. 6. Pp. 46–57. DOI [10.26794/1999-849X-2020-13-6-46-57](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-6-46-57). (In Russ.).
11. *Demographic Development of Post-Soviet Countries (1991–2021): Trends, Demographic Policy, Prospects. Analytical Report* / V. N. Arkhangelsky, L. I. Bardakova, V. A. Bezverbny [et al.] ; ed. by S. V. Ryazantsev ; FCTAS RAS. Moscow : Perspektiva Publishing House, 2021. 178 p. ISBN 978-5-905790-53-9. DOI [10.51285/978-5-905790-53-9.2021](https://doi.org/10.51285/978-5-905790-53-9.2021).
12. Dobrokhleb, V. G. Gender Component of the Demographic Security of the EAEU Countries / V. g. Dobrokhleb, N. A. Kondakova. *Woman in Russian Society*. 2022. No. S1. Pp. 4–18. DOI [10.21064/WinRS.2022.0.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.0.1). (In Russ.).
13. Schmitter, P. C. A Revised Theory of Regional Integration. *International Organization*. 1970. Vol. 24, No 4. Pp. 836–868. DOI [10.1017/S_0020818300017549](https://doi.org/10.1017/S_0020818300017549).
14. Lefkofridi, Z. Transcending or Descending? European Integration in Times of Crisis /

Z. Lefkofridi, P. C. Schmitter. *European Political Science Review*. 2015. Vol. 7, No. 1. Pp. 3–22. DOI [10.1017/S1755773914000046](https://doi.org/10.1017/S1755773914000046).

15. Osadchaya, G. I. *Eurasian Economic Union: Development Potential, Cooperation Format*. Moscow : Ekon-Inform Publishing House, 2021. 346 p. ISBN 978-5-907427-41-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021). (In Russ.).

Bio note:

Valentina G. Dobrokhleb, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4864-8231](https://orcid.org/0000-0002-4864-8231); RSCI Author ID: [312761](https://www.rsci.org/author/312761); Web of Science Researcher ID: [B-1337-2017](https://orcid.org/B-1337-2017); Scopus Author ID: [57193690883](https://orcid.org/57193690883).

Received on 18.09.2023; accepted for publication on 16.11.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.2](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.2)EDN [SBKTCB](https://www.edn.ru/SBKTCB)

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Письменная Е. Е.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nikitar@list.ru

Мирязов Т. Р.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

Рязанцев Н. С.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

Для цитирования: Рязанцев, С. В. Демографическое благополучие этнонациональных регионов Российской Федерации / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, Т. Р. Мирязов, Н. С. Рязанцев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 23–36. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.2](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.2). EDN [SBKTCB](https://www.edn.ru/SBKTCB).

Аннотация. В статье исследуется понятие демографического благополучия в разрезе изучения 27 этнонациональных регионов Российской Федерации в период с 2018 по 2022 г. В работе предлагается разработанная авторами методика, совмещающая анализ качественных и количественных показателей с картографической визуализацией промежуточных и итоговых результатов. Подобный подход позволяет произвести комплексный анализ демографических процессов за пятилетний период вместе с пространственной аналитикой данных. В качестве результата представлен суммарный показатель демографического благополучия, позволяющий выделить демографически благополучные, демографически неблагополучные и промежуточные в демографическом отношении регионы. Рассмотрены ключевые тенденции и особенности демографического развития в этнонациональных регионах на современном этапе. Разработано более 55 картографических произведений – серий карт за рассматриваемый период времени по 11 демографическим показателям. Итоговая типология визуализирована на карте Российской Федерации.

Ключевые слова: демографическое благополучие, демографическая безопасность, демографические процессы, этнонациональные регионы, воспроизводство населения, демографические показатели, рождаемость, смертность, миграция, демографическое картографирование

Введение

Настоящее исследование посвящено оценке демографического благополучия в Российской Федерации на региональном уровне на основе статистических демографических данных. Этнонациональные субъекты РФ отличаются уникальным этническим составом населения, особенностями демографических процессов. Исследо-

вание количественных и качественных характеристик демографической ситуации и факторов региональной дифференциации демографических процессов представляется актуальным для Российской Федерации как крупнейшего в мире государства. Важным аспектом является также разработка типологии этнонациональных субъектов России на основе демографических показателей в целях совершенствования мер демографической политики на федеральном и региональном уровнях. Особое значение это приобретает с точки зрения нивелирования негативных трендов депопуляции.

Источники информации и методы исследования

Основным источником информации стали данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), представленные в открытом доступе на сайте организации и аккумулирующие данные текущего учета по ключевым демографическим показателям естественного движения и миграции населения.

География исследования охватила 27 этнонациональных регионов Российской Федерации, по которым была доступна статистика Росстата, в том числе 21 республику (это Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карелия, Карачаево-Черкесия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Татарстан, Тыва, Хакасия, Удмуртия, Чеченская Республика, Чувашия), четыре автономных округа (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий), одну территориальную республику (Крым), одну автономную область (Еврейская).

Для визуализации статистических данных использовался картографический метод. Разработана серия картографических материалов на основе 11 демографических показателей за период 2018–2022 гг.: 1) динамика численности населения; 2) коэффициент естественного прироста; 3) ожидаемая продолжительность жизни; 4) миграционный прирост (общий); 5) миграционный прирост по международной миграции; 6) миграционный прирост по внутрироссийской (межрегиональной) миграции; 7) суммарный коэффициент рождаемости; 8) коэффициент смертности; 9) доля трудоспособного населения в структуре населения; 10) доля пожилого населения в структуре населения; 11) доля детей и молодежи в структуре населения. Всего составлено 55 карт, демонстрирующих географическое распределение демографических процессов в этнических регионах РФ.

Картографические произведения создавались на базе открытого программного обеспечения QGIS версия 3.14. В рамках исследования сформирована база географических данных, содержащая разновременные демографические показатели. База данных в формате gpkg. включает также слои-основы: административные границы, крупнейшие города и столицы регионов, реки и озера. В качестве основы применялись данные OpenStreetMap.

В сформированной базе данных для каждого слоя с представленными показателями создано пять столбцов, соответствующих выбранному временному периоду. Подготовленные в Excel данные добавлены в атрибутивную таблицу. Возможности ГИС позволяют хранить, редактировать, дополнять и обновлять геоинформацию. Статистические данные на картах изображены методом картограмм и качественного фона. Для сопоставимости результатов разновременных карт и сравнительного анализа разработана и применена единая шкала легенды, которая является «сквозной» для исследуемого периода 2018–2022 гг.

Значения в процентах применялись для следующих карт: динамики численности населения, доли трудоспособного населения, доли населения старше трудоспособного возраста и доли населения младше трудоспособного возраста. Значения в промилле (на 1 тыс. человек) представлены на картах естественного прироста, общего коэффициента смертности. Для показателей общего миграционного прироста, миграционного прироста межрегионального и международного абсолютные значения рассчитывались на 10 тыс. человек. Для карт продолжительности жизни и суммарного коэффициента рождаемости использовались значения в годах и числе детей, рожденных одной женщиной фертильного возраста соответственно.

Интенсивность цвета на карте зависит от значения показателя – чем он выше, тем насыщеннее цветовая палитра. Для некоторых показателей отрицательные значения выполнены в «холодных» оттенках (синие, фиолетовые), а положительные – в «теплых» (красные, оранжевые).

Теоретические аспекты исследования

Статья развивает теоретическую концепцию «демографического благополучия», обоснованную авторами в ряде опубликованных ранее работ [1–5]. На микроуровне под демографическим благополучием следует понимать возможность реализации matrimониальных, репродуктивных, миграционных установок, которые приводят к удовлетворенности жизнью и достижению желаемого физического, психического, социально-экономического состояния личности и семьи. Демографическое благополучие на уровне страны или территории (региона, области), т. е. на макроуровне, можно трактовать как сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития страны (региона) на протяжении минимум пяти лет. Нами отмечается, что демографическая наука пока не применяет понятие «благополучие», хотя определенные признаки его имплементации из психологии и социологии присутствуют в отдельных публикациях. Например, подход Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), когда используется такая дефиниция здоровья, как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов». Понятие «благополучие» включает элементы, которые обеспечивают индивиду способность жить полноценной для него жизнью. В состоянии социального благополучия входят несколько составляющих, в том числе субъективная оценка физического, психического, духовного, социального благополучия. Восприятие личностью своего положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых она живет, а также в соответствии со своими целями, ожиданиями, стандартами и заботами ВОЗ характеризует как качество ее жизни [6].

Ранее нами была предложена методика оценки демографического благополучия регионов на основе идеи оценки пятилетних статистических рядов комплекса демографических показателей, отражающих ключевые количественные и качественные изменения в численности и демографической структуре населения изучаемых регионов. В настоящей статье данная методика применена в отношении этнонациональных регионов Российской Федерации, которые отличаются не только своеобразным этническим и религиозным составом населения, но и, как выяснилось, имеют, существенную дифференциацию по основным демографическим показателям.

Использование картографического метода для визуализации позволяет оценить

показатель в пространственном контексте. Прежде авторами уже были реализованы проекты с применением данного метода [7].

Результаты

Ключевые тренды демографической динамики в этнонациональных регионах Российской Федерации

Анализ статистических данных за пятилетний период (2018–2022 гг.) позволил выделить четыре группы российских регионов по динамике ключевых количественных демографических показателей: 1) с устойчивой положительной динамикой; 2) с преимущественно положительной динамикой; 3) с преимущественно отрицательной динамикой; 4) с устойчивой отрицательной динамикой. Анализ проводился по четырем основным количественным критериям (табл. 1).

Во-первых, *динамика численности населения*. Регионов, в которых отмечалась устойчивая положительная динамика в относительных показателях к предыдущему году, было только семь. К ним относились преимущественно кавказские республики с традиционно высокой рождаемостью (Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкария, Чечня), а также восточные регионы страны (Саха (Якутия), Тыва и Ханты-Мансийский автономный округ). В 2022 г. наибольшие значения фиксировались в Адыгее (+6,9%), Кабардино-Балкарии (+3,9%) и Татарстане (+2,8%). В пяти регионах наблюдалась переменная динамика, но преимущественно рост населения за пять лет: республиках Алтай, Ингушетия и Татарстан, Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах. Постоянная отрицательная динамика, то есть убыль численности населения, имела место в девяти наиболее проблемных регионах страны, расположенных на Севере (Коми и Карелия), в Поволжье (Башкортостан, Удмуртия и Чувашия), на Юге (Калмыкия, Крым, Северная Осетия-Алания) и Дальнем Востоке (Еврейская автономная область). Наибольшие отрицательные значения в 2022 г. регистрировались в Коми (-9,6%) и Карелии (-12,5%). Переменная динамика, но преимущественно убыль населения, происходила в шести регионах: Бурятии, Карачаево-Черкесии, Марий Эл, Мордовии, Хакасии, Чукотском автономном округе.

Во-вторых, *общий прирост населения*. Устойчивые положительные значения отмечались в трех северокавказских (Дагестане, Ингушетии, Чечне) и трех сибирских (Тыве, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах) регионах. Преимущественно положительный общий прирост наблюдался в двух регионах Кавказа (Адыгеи и Кабардино-Балкарии), трех регионах Сибири и Дальнего Востока (республиках Алтай и Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе), в Татарстане и Ненецком автономном округе. В Бурятии в 2018–2022 гг. положительное значение общего прироста фиксировалось лишь в 2019 г. В то же время тринадцать регионов демонстрировали исключительно отрицательные значения данного показателя. Среди них пять республик Поволжья (Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия и Чувашия), четыре южных региона (Крым, Калмыкия, Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесия), два региона Севера (Коми и Карелия) и два сибирских региона (Хакасия и Еврейская автономная область).

В-третьих, *естественный прирост населения*. К регионам с устойчивым положительным приростом относились десять регионов, расположенных преимущественно на Северном Кавказе (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Чечня) и в восточной части страны (Алтай, Ханты-Мансийский, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, Саха (Якутия), Тыва). Максимальные значения в 2022 г. реги-

стрировались в Чечне (+15,4%) и Ингушетии (+11,7%). Благодаря естественному приросту обеспечивалась позитивная динамика численности населения в большинстве этих этнонациональных регионов. К регионам с преимущественно положительным естественным приростом относились еще три субъекта: Бурятия, Карачаево-Черкесия, Чукотский автономный округ. Исключительно естественную убыль населения в течение исследуемых пяти лет имели одиннадцать регионов России: на Юге (Адыгея, Крым), на Севере (Карелия, Коми), в Сибири и на Дальнем Востоке (Еврейская автономная область, Хакасия), в Поволжье (Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия и Башкортостан). Наибольшая естественная убыль в последний год происходила в Карелии (-8,8%) и Мордовии (-8,6%). Преимущественно отрицательную динамику естественного движения населения имели три региона: Калмыкия, Северная Осетия-Алания, Татарстан.

В-четвертых, *миграционный прирост населения*. Устойчивый миграционный прирост в последнее пятилетие отмечался только в трех российских регионах, в том числе в Адыгее, Татарстане и Ингушетии. Причем, если в первых двух территориях миграция полностью перекрывала естественную убыль населения, то в Ингушетии – миграция наряду с естественным приростом увеличивала численность населения республики. Лидером по этому показателю в 2022 г. являлся Ханты-Мансийский автономный округ (+50,4 на 10 тыс. человек). Еще в пяти регионах страны миграция преимущественно была положительным фактором демографической динамики, в том числе на Алтае, в Крыму, Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах. Миграционный отток населения на протяжении последних лет постоянно наблюдался в следующих девяти субъектах: на Северном Кавказе (в Дагестане, Северной Осетии-Алании, Чечне), на Севере (в Коми), в Поволжье (в Калмыкии, Чувашии), в восточных регионах (в Еврейской автономной области, Тыве, Хакасии). В 2022 г. население больше всего покидало Еврейскую автономную область (-86,7 на 10 тыс. человек). Еще в десяти этнонациональных регионах имела место преимущественно отрицательная миграционная динамика: на Северном Кавказе (в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии), в Поволжье (в Башкортостане), в восточной части страны (в Бурятии, Саха (Якутии), Ямало-Ненецком автономном округе), на Севере (в Карелии) в Поволжье (в Марий Эл, Мордовии, Удмуртии).

Таблица 1

Типология этнонациональных регионов Российской Федерации по количественным показателям демографической динамики в 2018–2022 гг.

Table 1

Typology of ethnonational regions of the Russian Federation by quantitative indicators of demographic dynamics in 2018-2022

Типы регионов	Численность населения	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
Регионы с устойчивой положительной динамикой	7 регионов (Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкария, Саха (Якутия), Тыва, ХМАО, Чечня)	6 регионов (Дагестан, Ингушетия, Чечня, Тыва, ХМАО, ЯНАО)	10 регионов (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Чечня, Алтай, Ненецкий АО, ЯНАО, Саха (Якутия), ХМАО, Тыва)	3 региона (Адыгея, Ингушетия, Татарстан)

Типы регионов	Численность населения	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
Регионы с преимущественно положительной динамикой	5 регионов (Алтай, Ингушетия, Ненецкий АО, Татарстан, ЯНАО)	7 регионов (Адыгея, Кабардино-Балкария, Татарстан, Ненецкий АО, Алтай, Саха (Якутия), Чукотский АО)	3 региона (Бурятия, Карачаево-Черкесия, Чукотский АО)	5 регионов (Алтай, Крым, Ненецкий АО, ХМАО, Чукотский АО)
Регионы с преимущественно отрицательной динамикой	6 регионов (Бурятия, Карачаево-Черкесия, Марий Эл, Мордовия, Хакасия, Чукотский АО)	1 регион (Бурятия)	3 региона (Калмыкия, Северная Осетия-Алания, Татарстан)	10 регионов (Башкортостан, Бурятия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Карелия, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Удмуртия, ЯНАО)
Регионы с устойчивой отрицательной динамикой	9 регионов (Башкортостан, Еврейская АО, Калмыкия, Карелия, Коми, Крым, Северная Осетия-Алания, Удмуртия, Чувашия)	13 регионов (Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия, Крым, Калмыкия, Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесия, Коми, Карелия, Хакасия, Еврейская АО)	11 регионов (Адыгея, Крым, Карелия, Коми, Еврейская АО, Хакасия, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия, Башкортостан)	9 регионов (Дагестан, Еврейская АО, Калмыкия, Коми, Северная Осетия-Алания, Тыва, Хакасия, Чечня, Чувашия)

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Особенности качественных показателей воспроизводства населения и демографической структуры в этнонациональных регионах Российской Федерации

Кроме того, были проанализированы качественные показатели, а именно: суммарный коэффициент рождаемости, средняя ожидаемая продолжительность жизни, половозрастная структура населения в 2018–2022 гг. (табл. 2). Группировка регионов проводилась по аналогичным с количественными показателями типам.

Во-первых, по показателю суммарного коэффициента рождаемости ни один из регионов России за указанный период не имел устойчивой положительной динамики. Два южных региона (Ингушетия и Кабардино-Балкария) можно отнести к регионам с преимущественно положительной динамикой. Еще два региона (Мордовия и Алтай) характеризовала устойчивая отрицательная динамика показателя рождаемости на всем пятилетнем отрезке. Оставшиеся 22 субъекта можно причислить к регионам с преимущественно отрицательной динамикой по данному показателю. В 2022 г. максимальные значения суммарного коэффициента рождаемости были зафиксированы в Чечне (2,74) и Тыве (2,51) а минимальные – в Мордовии (1,03), Карачаево-Черкесии (1,3) и Адыгее (1,31).

Во-вторых, показатели средней ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) для всех регионов «просели» в 2020–2021 гг., что было следствием выросшей смертности в пандемию COVID-19. Ни один субъект Российской Федерации нельзя отнести к регионам с устойчивой положительной динамикой средней ОПЖ. Не было также в стране и регионов с устойчивой отрицательной динамикой. К субъектам с преимущественно положительной динамикой ожидаемой продолжительности жизни можно причислить семь южных регионов (Адыгею, Дагестан, Кабардино-Балкарию, Крым, Север-

ную Осетию-Аланию, Чечню), шесть регионов Поволжья (Башкортостан, Калмыкию, Мордовию, Татарстан, Удмуртию, Чувашию), четыре сибирских региона (Тыву и Саха (Якутию), Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа), Коми и Ненецкий автономный округ. Еще восемь субъектов характеризуются устойчивой отрицательной динамикой. Это в первую очередь менее развитые в социально-экономическом отношении регионы Сибири и Дальнего Востока (Алтай, Бурятия, Еврейская автономная область, Хакасия, Чукотский автономный округ), Ингушетия, Карелия и Марий Эл. Наибольшие значения по показателю средней ОПЖ имели Ингушетия (78,3 года) и Дагестан (78,22 года), а минимальное отмечалось на Чукотке – 66,2 года.

В-третьих, три показателя возрастной структуры населения.

Доля населения моложе трудоспособного возраста в исследуемом временном периоде росла в трех регионах Юга России (Адыгее, Крыму, Северной Осетии-Алании) и двух регионах Поволжья (Татарстане и Марий Эл). К регионам с преимущественно положительной динамикой данной группы населения относились три поволжских субъекта (Башкортостан, Удмуртия, Чувашия), два сибирских региона (Бурятия и Хакасия), Кабардино-Балкария и Карелия. Устойчивая отрицательная динамика доли населения моложе трудоспособного возраста была зафиксирована в Дагестане и Ингушетии. К третьей группе регионов с преимущественно отрицательной динамикой можно причислить тринадцать регионов. Это семь регионов Сибири и Дальнего Востока (Алтай, Еврейская автономная область, Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа, Тыва), три южных региона (Чечня, Калмыкия, Карачаево-Черкесия), Коми, Мордовия и Ненецкий автономный округ.

Характерной особенностью показателя доли населения старше трудоспособного возраста является то, что все российские регионы можно отнести к типу регионов с преимущественно положительной динамикой. При этом во всех субъектах Российской Федерации отрицательная динамика наблюдалась в 2020 и 2022 гг.

В рассматриваемый пятилетний период для всех регионов страны была характерна и положительная динамика доли населения трудоспособного возраста. Подавляющее большинство регионов (таковых 24) по показателю доли населения трудоспособного возраста принадлежат к типу с преимущественно отрицательной динамикой. Только три региона можно причислить ко второму типу с преимущественно положительной динамикой – Чечню, Алтай и Еврейскую автономную область. В 2022 г. в Тыве и Чечне фиксируются самые высокие значения доли населения моложе трудоспособного возраста – 34% и 32,5% соответственно. Наименьшая доля в Мордовии – 14,9%. Больше всего населения старше трудоспособного возраста насчитывалось в Мордовии (26,9%) и в Крыму (26,4%). Наименьшее количество – в Тыве (10,5%) и Чечне (10%). В 2022 г. доля населения трудящихся возрастов выше всего была в промышленно развитых Ямало-Ненецком (64,4%) и Чукотском автономных округах (64%).

Таблица 2

Типология этнонациональных регионов Российской Федерации по качественным показателям воспроизводства и демографической структуры населения в 2018–2022 гг.

Table 2

Typology of ethnonational regions of the Russian Federation by qualitative indicators of reproduction and demographic structure of the population in 2018–2022

Типы регионов	Суммарный коэффициент рождаемости	Ожидаемая продолжительность жизни	Доля населения младше трудоспособного возраста	Доля населения старше трудоспособного возраста	Доля населения трудоспособного возраста
Регионы с устойчивой положительной динамикой	-	-	5 регионов (Адыгея, Крым, Марий Эл, Северная Осетия-Алания, Татарстан)	-	-
Регионы с преимущественно положительной динамикой	3 региона (Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия)	19 регионов (Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Коми, Крым, Мордовия, Ненецкий АО, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Татарстан, Тыва, Удмуртия, ХМАО, Чувашия, ЯНАО, Чечня)	7 регионов (Башкортостан, Бурятия, Кабардино-Балкария, Карелия, Удмуртия, Хакасия, Чувашия)	27 регионов (Адыгея, Крым, Карелия, Мордовия, Татарстан, Башкортостан, Хакасия, Марий Эл, Еврейская АО, Северная Осетия-Алания, Чувашия, Калмыкия, Бурятия, Карачаево-Черкесия, Коми, Удмуртия, Саха (Якутия), Ненецкий АО, Кабардино-Балкария, Чукотский АО, Алтай, Тыва, ХМАО, ЯНАО, Чечня, Дагестан, Ингушетия)	3 региона (Чечня, Алтай, Еврейская АО)
Регионы с преимущественно отрицательной динамикой	22 региона (Адыгея, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Еврейская АО, Калмыкия, Карелия, Коми, Крым, Марий Эл, Ненецкий АО, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Татарстан, Тыва, Удмуртия, Хакасия, ХМАО, Чечня, Чувашия, Чукотский АО, ЯНАО)	8 регионов (Алтай, Бурятия, Еврейская АО, Ингушетия, Карелия, Марий Эл, Хакасия, Чукотский АО)	13 регионов (Алтай, Еврейская АО, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Коми, Мордовия, Ненецкий АО, Саха (Якутия), Тыва, ХМАО, Чечня, Чукотский АО, ЯНАО)	-	24 региона (Адыгея, Крым, Карелия, Мордовия, Татарстан, Башкортостан, Хакасия, Марий Эл, Северная Осетия-Алания, Чувашия, Калмыкия, Бурятия, Карачаево-Черкесия, Коми, Удмуртия, Саха (Якутия), Ненецкий АО, Кабардино-Балкария, Чукотский АО, Тыва, ХМАО, ЯНАО, Дагестан, Ингушетия)

Типы регионов	Суммарный коэффициент рождаемости	Ожидаемая продолжительность жизни	Доля населения младше трудоспособного возраста	Доля населения старше трудоспособного возраста	Доля населения трудоспособного возраста
Регионы с устойчивой отрицательной динамикой	2 региона (Мордовия, Алтай)	-	2 региона (Дагестан, Ингушетия)	-	-

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Суммарный показатель демографического благополучия

В рамках исследования был разработан суммарный показатель демографического благополучия регионов. Представленным ранее типам регионов были присвоены количественные значения: для регионов с устойчивой положительной динамикой – «1», для регионов с преимущественно положительной динамикой – «2», для регионов с преимущественно отрицательной динамикой – «3», для регионов с устойчивой отрицательной динамикой – «4». Таким образом, суммарное значение показателей демографического развития должно быть меньше именно в демографически благополучных субъектах и больше в демографически неблагополучных регионах.

К демографически благополучным регионам были отнесены регионы с суммарным коэффициентом от 8 до 16 (регионы со средним значением показателей около 2), к демографически неблагополучным – регионы с коэффициентом выше 24 (средние значения показателей выше 3), к промежуточным – с коэффициентом от 17 до 23.

По результатам расчетов демографически самым благополучным регионом РФ в 2018–2022 гг. стала Кабардино-Балкария, а наиболее неблагополучными – Еврейская автономная область и Республика Коми (табл. 3). Отметим, что в расчет суммарного коэффициента не принималась доля населения старше трудоспособного возраста, поскольку демографическое старение (рост показателя) является негативным процессом и «зеркально» зависит от доли трудоспособного населения и населения младше трудоспособного возраста.

Географическое распределение этнонациональных регионов России по степени демографического благополучия представлено на карте (рис. 1). Демографически благополучными можно назвать только три этнонациональных региона, которые на карте РФ выглядят как «острова относительного демографического благополучия», – Кабардино-Балкария, Ингушетия и Ханты-Мансийский автономный округ. Здесь, конечно, решены далеко не все проблемы демографического развития, но суммарно по предложенным нами значениям три этих субъекта на фоне остальных является наиболее благополучными.

К сожалению, количество неблагополучных в демографическом отношении этнонациональных регионов на порядок больше. К ним относятся 11 субъектов. Причем наиболее неблагополучными можно считать Еврейскую автономную область и Республику Коми, аккумулирующими множество демографических проблем. Также в группу демографически неблагополучных попали регионы Северного Кавказа (Северная Осетия-Алания, Калмыкия), Поволжья (Чувашия, Хакасия, Мордовия, Удмуртия, Башкортостан, Марий Эл), Севера (Карелия).

Таблица 3

Суммарный показатель демографического благополучия для этнонациональных регионов Российской Федерации в 2018–2022 гг.

Table 3

The total indicator of demographic well-being for the ethnonational regions of the Russian Federation in 2018–2022

Регионы	Численность населения	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	Суммарный коэффициент рождаемости	Ожидаемая продолжительность жизни	Доля населения младше трудоспособного возраста	Доля населения трудоспособного возраста	Суммарный коэффициент
Демографически благополучные регионы									
Кабардино-Балкария	1	2	1	3	1	2	2	3	15
Ингушетия	2	1	1	1	1	3	4	3	16
ХМАО	1	1	1	2	3	2	3	3	16
Промежуточные в демографическом отношении регионы									
Адыгья	1	2	4	1	3	2	1	3	17
Татарстан	2	2	3	1	3	2	1	3	17
Чечня	1	1	1	4	3	2	3	2	17
Ненецкий АО	2	2	1	2	3	2	3	3	18
Саха (Якутия)	1	2	1	3	3	2	3	3	18
Тыва	1	1	1	4	3	2	3	3	18
ЯНАО	2	1	1	3	3	2	3	3	18
Алтай	2	2	1	2	4	3	3	2	19
Дагестан	1	1	1	4	3	2	4	3	19
Карачаево-Черкесия	3	4	2	3	1	2	3	3	21
Чукотский АО	3	2	2	2	3	3	3	3	21
Бурятия	3	3	2	3	3	3	2	3	22
Крым	4	4	4	2	3	2	1	3	23
Демографические неблагополучные регионы									
Марий Эл	3	4	4	3	3	3	1	3	24
Северная Осетия-Алания	4	4	3	4	3	2	1	3	24
Башкортостан	4	4	4	3	3	2	2	3	25
Удмуртия	4	4	4	3	3	2	2	3	25
Калмыкия	4	4	3	4	3	2	3	3	26
Карелия	4	4	4	3	3	3	2	3	26
Мордовия	3	4	4	3	4	2	3	3	26
Хакасия	3	4	4	4	3	3	2	3	26
Чувашия	4	4	4	4	3	2	2	3	26
Еврейская АО	4	4	4	4	3	3	3	2	27
Коми	4	4	4	4	3	2	3	3	27

Источник: составлено авторами

Рис. 1. Суммарный показатель демографического благополучия этнонациональных регионов Российской Федерации в 2018–2022 гг.

Fig. 1. The total indicator of demographic well-being of the ethnonational regions of the Russian Federation in 2018–2022

Источник: составлено авторами

Промежуточная группа этнонациональных регионов в Российской Федерации оказалась самой многочисленной – 13, главным образом это регионы Юга России и Северного Кавказа (Адыгея, Чечня, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Республика Крым), Поволжья (Татарстан), Севера (Ненецкий автономный округ), Урала (Ямало-Ненецкий автономный округ), Сибири и Дальнего Востока (Алтай, Саха (Якутия), Тыва, Чукотский автономный округ, Бурятия).

Заключение

Предложенная методика оценки демографического благополучия позволила выявить дифференциацию этнонациональных регионов России по ключевым демографическим показателям. Оказалось, что в стране в современных условиях преобладают этнонациональные регионы с неблагоприятной демографической ситуацией, характеризующиеся депопуляцией, сокращением численности населения, миграционной и (или) естественной убылью населения. На решение проблем в этих регионах должны быть направлены основные усилия государства и региональных властей. Требуется программы усиления поддержки населения в данных субъектах РФ, поскольку демографические процессы могут осложнять социально-политическую ситуацию в этих территориях. Демографически благополучных регионов в стране немного, но они могут скорее характеризоваться как «относительно благополучные», поскольку в них также не решены отдельные демографические вопросы и отмечаются некото-

рые негативные тренды – миграционная и естественная убыль населения, неблагоприятная возрастная структура. Результаты исследования с новой силой поднимают вопрос необходимости усиления мер демографической политики в современных условиях для такой многонациональной страны как Российская Федерация.

Список литературы

1. Рязанцев, С. В. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки / С. В. Рязанцев, Т. Р. Мирязов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 5–19. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1). EDN [HNFXXKJ](https://www.edn.ru/HNFXXKJ).
2. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году : [монография] / С. В. Рязанцев [и др.] ; отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская ; ФНИСЦ РАН. Москва : Проспект, 2023. 448 с. ISBN 978-5-392-38629-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). EDN [GKFMMP](https://www.edn.ru/GKFMMP).
3. Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская [и др.] ; отв. ред. С. В. Рязанцев ; ФНИСЦ РАН. Москва : ИТД «Перспектива», 2022. 108 с. ISBN 978-5-88045-557-7. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-557-7](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7). EDN [YHMZPP](https://www.edn.ru/YHMZPP).
4. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.] ; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова ; ФНИСЦ РАН. Москва : ИТД «Перспектива», 2022. 220 с. ISBN 978-5-88045-556-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022). EDN [URJOYC](https://www.edn.ru/URJOYC).
5. Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности : монография / отв. ред. Т. К. Ростовская. Москва : Проспект, 2022. 264 с. ISBN 978-5-392-36915-7. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-36915-7.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-36915-7.2022). EDN [QWUTOR](https://www.edn.ru/QWUTOR).
6. Клиническая психология. Энциклопедический словарь / под общ. ред. Н. Д. Твороговой. 2-е изд. Москва : Практическая медицина, 2016. 608 с. ISBN: 978-5-98811-356-0.
7. Миграционный атлас Российской Федерации / С. В. Рязанцев, В. С. Белозеров, Н. А. Щитова [и др.] ; ФНИСЦ РАН. Москва : ИТД «Перспектива», 2022. 232 с. ISBN 978-5-905790-56-0. DOI [10.51285/978-5-905790-56-0](https://doi.org/10.51285/978-5-905790-56-0). EDN [MQSVLW](https://www.edn.ru/MQSVLW).

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ Author ID: [77673](https://elibrary.ru/77673); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID ID: [0000-0002-0401-2071](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); РИНЦ Author ID: [124770](https://elibrary.ru/124770); Web of Science Researcher ID: [C-1344-2018](https://orcid.org/C-1344-2018); Scopus Author ID: [8731444800](https://orcid.org/8731444800).

Мирязов Тимур Робертович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: miryazov.timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740); РИНЦ Author ID: [1025136](https://elibrary.ru/1025136); Web of Science Researcher ID: [AAV-1530-2021](https://orcid.org/AAV-1530-2021); Scopus Author ID: [57209221088](https://orcid.org/57209221088).

Рязанцев Никита Сергеевич, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); РИНЦ Author ID: [1032293](https://elibrary.ru/1032293); Web of Science Researcher ID: [GPD-3864-2022](https://orcid.org/GPD-3864-2022); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/57220204335).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков).

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; принята в печать 04.12.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC WELL-BEING OF THE ETHNONATIONAL REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Elena E. Pismennaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nikitar@list.ru

Timur R. Miryazov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

Nikita S. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

For citation: Ryazantsev, Sergey V. Demographic Well-Being of the Ethnonational Regions of the Russian Federation / S. V. Ryazantsev, E. E. Pismennaya, T. R. Miryazov, N. S. Ryazantsev. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 23–36. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.2](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.2).

Abstract. The article explores the concept of demographic well-being in the context of the study of 27 ethnonational regions of the Russian Federation in the period from 2018 to 2022. The paper proposes a methodology developed by the authors that combines the analysis of qualitative and quantitative indicators with cartographic visualization of intermediate and final results. This approach allows for a comprehensive analysis of demographic processes over a five-year period together with spatial data analytics. As a result, a summary indicator of demographic well-being is presented, which allows us to distinguish demographically prosperous, demographically disadvantaged and demographically intermediate regions. The key trends and features of demographic development in ethnonational regions at the present stage are considered. More than 55 cartographic works have been developed – series of maps for the period under review for 11 demographic indicators. The final typology is visualized on the map of the Russian Federation.

Keywords: demographic well-being, demographic security, demographic processes, ethnonational regions, population reproduction, demographic indicators, fertility, mortality, migration, demographic mapping

References

1. Ryazantsev, S. V. Demographic Well-Being: Theoretical Approaches to Definition and Assessment Methodology / S. V. Ryazantsev, T. R. Miryazov. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1, No. 4. Pp. 5–19. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1). (In Russ.).
2. Rossiyskoye obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh stanovleniya novogo mirovogo poryadka: demograficheskaya situatsiya v 2022 godu [Russian society and state in the conditions of the emergence of the new world order: demographic situation in 2022] : [monograph] / S. V. Ryazantsev [et al.] ; ex. ed. S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya ; FCTAS RAS. Moscow : Prospekt Publishing House, 2023. 448 p. ISBN 978-5-392-38629-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). (In Russ.).
3. Demograficheskoye blagopoluchiye Rossii. Natsional'nyy demograficheskiy doklad [Demographic well-being of Russia. National Demographic Report] / S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya [et al.] ; ex. ed. S. V. Ryazantsev ; FCTAS RAS. Moscow : Perspektiva Publishing House, 2022. 108 p. ISBN 978-5-88045-557-7. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-557-7](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7). (In Russ.).
4. Demograficheskoye samochuvstviye regionov Rossii. Natsional'nyy demograficheskiy doklad – 2022

[Demographic well-being of Russian regions. National Demographic Report – 2022] / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [et al.] ; ex. ed. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова ; FCTAS RAS. Moscow : Perspektiva Publishing House, 2022. 220 с. ISBN 978-5-88045-556-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022). (In Russ.).

5. *Demograficheskoye razvitiye Rossii v kontekste natsional'noy bezopasnosti [Demographic development of Russia in the context of national security]* : monograph / ex. ed. Т. К. Ростовская. Moscow : Prospekt Publishing House, 2022. 264 p. ISBN 978-5-392-36915-7. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-36915-7.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-36915-7.2022). (In Russ.).

6. *Klinicheskaya psikhologiya [Clinical psychology]*. Encyclopedic dictionary / ed. by Т. D. Tvorogova. 2nd edition. Moscow : Prakticheskaya Meditsina Publishing House, 2016. 608 p. ISBN: 978-5-98811-356-0. (In Russ.).

7. *Migratsionnyy atlas Rossiyskoy Federatsii [Migration Atlas of the Russian Federation]* / S. V. Ryazantsev, V. S. Belozero, N. A. Shchitova [et al.] ; FCTAS RAS. Moscow : Perspektiva Publishing House, 2022. 232 p. ISBN 978-5-905790-56-0. DOI [10.51285/978-5-905790-56-0](https://doi.org/10.51285/978-5-905790-56-0). (In Russ.).

Bio notes:

Sergey V. Ryazantsev, RAS Corresponding Member, Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI Author ID: [77673](https://www.rsci.ru/author/77673); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875).

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID ID: [0000-0002-0401-2071](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); RSCI Author ID: [124770](https://www.rsci.ru/author/124770); Web of Science Researcher ID: [C-1344-2018](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); Scopus Author ID: [8731444800](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071).

Timur R. Miryazov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740); RSCI Author ID: [1025136](https://www.rsci.ru/author/1025136); Web of Science Researcher ID: [AAY-1530-2021](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740); Scopus Author ID: [57209221088](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740).

Nikita S. Ryazantsev, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); RSCI Author ID: [1032293](https://www.rsci.ru/author/1032293); Web of Science Researcher ID: [GPD-3864-2022](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X).

Acknowledgements and financing:

The research was carried out within the framework of the Program of scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023-2025 (headed by Academician of the RAS, V. A. Tishkov).

Received on 05.10.2023; accepted for publication on 04.12.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.3)EDN [RLXMVR](https://edn.ras.ru/RLXMVR)

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ФАКТОРЫ, ДИНАМИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ

Безвербный В. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: vadim_ispr@mail.ru

Микрюков Н. Ю.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ecoro@mail.ru

Мирязов Т. Р.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

Лукашенко Е. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

Для цитирования: Безвербный, В. А. Естественное движение населения в российских регионах: факторы, динамика, перспективы / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов, Е. А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 37–58. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.3). EDN [RLXMVR](https://edn.ras.ru/RLXMVR).

Аннотация. В статье рассмотрена динамика естественного прироста и составляющих его компонентов (рождаемости, смертности, возрастной структуры населения) в регионах России. Целью научной работы стало выявление общих закономерностей и индивидуальных особенностей естественного прироста и его составляющих в регионах Российской Федерации. Информационной базой для исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики по регионам России. В работе применялись методы сравнительного и типологического анализа, факторный анализ, графический и картографический методы, метод районирования. На основании данных статистики построены графические и картографические модели, с помощью которых естественный прирост разбит на составляющие компоненты, установлена связь между ними, определена региональная специфика компонентов естественного прироста, выявлены типы территорий в зависимости от демографической динамики, сформулированы рекомендации по улучшению демографической ситуации для каждого из типов регионов. Исследование показало, что многие регионы Урала, Сибири, Дальнего Востока, приморского Юга России обладают высоким потенциалом рождаемости даже при пожилой возрастной структуре населения. В то же время большинство регионов, расположенных вблизи крупнейших городских агломераций, характеризуется худшей в стране рождаемостью, что говорит о необходимости пространственной деконцентрации. В заключении делается вывод о высокой актуальности проведения суверенной демографической политики, включающей в себя экономическую и жилищную составляющие, а также популяризацию в обществе образа многодетной семьи.

Ключевые слова: демографическая безопасность, суверенное демографическое развитие, демографическая ситуация, демографическая динамика, естественный прирост, рождаемость

Введение

В настоящее время вопросы национальной безопасности исключительно важ-

ны для суверенного развития государства. Особо актуальны вопросы экономической и технологической безопасности. Но наряду с ними необходимо ввести понятие безопасности демографической. Известные ученые-демографы уже использовали его в своих работах [1; 2], говоря о проблеме автаркичного развития страны. Как технологическая безопасность означает независимость от поставок импортных технологий, а экономическая – независимость от экспортных и импортных операций, так демографическая безопасность означает независимость от импорта иностранной рабочей силы, от потоков миграции. Безопасное, независимое демографическое развитие государства возможно лишь при наличии должного уровня воспроизводства населения особенно в условиях существенного демографического спада. Причем в реалиях протяженного российского пространства это воспроизводство должно носить расширенный характер, то есть должно приумножать население. Вопросы экономического развития, обеспечения военной безопасности также требуют существенного внутреннего демографического ресурса. Вместе с тем Россия не первый год сталкивается с проблемами нарастающей естественной убыли населения, что является прямым долгосрочным вызовом ее безопасности и суверенному развитию.

Для большинства российских регионов главным фактором, определяющим динамику численности населения, оказывается именно естественное, а не механическое движение населения. При этом в большинстве регионов наблюдается устойчивая естественная убыль населения. Данные факты актуализируют рассмотрение проблематики естественного движения населения.

Обзор научной литературы

Проблемы естественного прироста в регионах РФ и его составляющих исследовались во многих научных трудах ученых-демографов. Так, например, в публикации известного российского демографа В. Н. Архангельского «Региональные различия естественного движения населения в России» [3] представлены компоненты естественного прироста (рождаемость, смертность, возрастная структура) в региональном разрезе. Другие работы ученого так же подробно анализируют ситуацию с естественным приростом в отдельных регионах страны [4–6].

В мониторинге ученых Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС [7] замечено снижение суммарного коэффициента рождаемости с середины 2010-х гг. Среди причин сокращения рождаемости специалисты называли падение уровня доходов населения, а кроме того, ценностные ориентации вступившего в детородный возраст поколения рожденных в 1990-е гг. Выросшее зачастую в условиях бедности, в неполных и распавшихся семьях, воспитанное на основе уже новых глобальных ценностей, данное поколение, возможно, в значительно меньшей степени оказалось ориентированным на создание семей и деторождение, чем предыдущие. Этот факт подчеркивает важность изменения ценностей в российском обществе в сторону семейных.

В статье ученых ИСЭПН ФНИСЦ РАН «Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях современной России» [8], анализирующей естественный прирост в муниципальных образованиях регионов России, справедливо отмечается сокращение рождаемости в местах ее максимума, а также проблема перекрывающей рождаемость смертности во многих случаях. Сохраняется актуальность анализа демографической ситуации через суммарный коэффициент

рождаемости с тем, чтобы отделить фактор возрастной структуры населения от фактора рождаемости.

В коллективной работе ученых-исследователей ИДИ ФНИСЦ РАН «Региональная проекция рождаемости в России: дифференциация, динамика, факторы» [9] проведен анализ регионального распределения суммарного коэффициента рождаемости. Выявлены его большие значения на Востоке России: в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока. Сделан вывод о том, что в дальнейшем необходимо сопоставить рождаемость с другими факторами естественного прироста населения: его возрастной структурой, смертностью. В то же время необходимо выявить, в каких регионах первичным фактором оказывается возрастная структура населения, а в каких – рождаемость или сверхсмертность.

Наиболее значимой в демографии теорией является теория демографического перехода, по которой в настоящее время развиваются многие страны мира: постепенное сокращение рождаемости приводит к старению населения и снижению его численности. В результате произошедших в обществе изменений – длительного получения образования, переезда из личных домов в квартиры, концентрации финансов в крупнейших городах, распространения средств контрацепции, изменения системы ценностей – налицо снижение рождаемости в большинстве развитых государств. Однако есть страны, в которых, несмотря на высокий уровень жизни и высокий уровень образования, рождаемость не упала ниже простого воспроизводства и, более того, вновь начала расти. Примером страны с высоким и растущим уровнем рождаемости и при этом высоким уровнем жизни является Израиль, что во многом обусловлено религиозным фактором. Динамичный рост рождаемости при сравнительно среднем уровне жизни имел место в Казахстане. Благодаря религиозному фактору рост рождаемости до уровня простого воспроизводства населения с конца 2000-х гг. наблюдался в Грузии. Частичный рост рождаемости происходил и в РФ, когда вслед за ростом доходов населения до 2015 г. рождаемость также росла. Таким образом, даже при среднем или высоком уровне жизни населения в стране может наблюдаться рост рождаемости как по экономическим факторам, так и вследствие роста религиозности.

Демографическая наука, социология, гуманитарные науки в целом, по крайней мере, исходят из двух основных теоретических подходов к развитию общества. Первый подход – мир-системный, он был разработан в трудах западных ученых Ф. Броделя [10], И. Валлерстайна [11]. Его основной чертой является рассмотрение всего мира, всего общества как единой системы. К мир-системному подходу можно отнести такие формационные теории, как марксизм, формации Г. Гегеля. Хотя в XIX в. еще не существовало понятия «мир-системный подход», но рассмотрение классиками марксизма единых для всего человечества стадий исторических формаций, введение общемировых классов, единой стратификации общества свидетельствует именно о мир-системном подходе в их исследованиях.

Аналогично мир-системный подход проявил себя в демографической науке еще в XVIII веке – в работе Т. Мальтуса [12] речь идет об угрозе неконтролируемого роста численности населения мира. Можно также констатировать, что в рамках мир-системного подхода проходит деятельность Римского клуба, известного своими докладами, в том числе в области демографии. Наиболее известны доклады коллективов ученых с участием Д. Медоуза «Пределы роста» [13], «За пределами роста», «Пределы роста: 30 лет спустя» [14], в которых говорится об ограниченности ресурсов Земли и

необходимости их более рационального использования. При этом в качестве первоочередной практической меры авторы называют не более справедливое распределение экономических благ, а необходимость снижения рождаемости. Можно сказать, что доклады Д. Медоуза написаны в духе «неомальтузианства», поскольку ставят те же задачи сокращения численности населения, которые выдвигал в свое время Т. Мальтус. Мир-системный подход в гуманитарных науках, включая и демографию, созерцает мир, человечество как единую систему, заявляет, что исходит из его, человечества интересов. Следует признать, что демографические труды профессора С. П. Капицы [15] также написаны в духе мир-системной парадигмы, так как рассматривают демографическое развитие мира в целом.

Наряду с мир-системным подходом существует подход цивилизационный, рассматривающий мир разделенным на отдельные цивилизации. Наиболее известный классик цивилизационного подхода в России – Н. Я. Данилевский [16]. За рубежом признанным классиком цивилизационного подхода является А. Дж. Тойнби [17], который, проанализировав цивилизации с точки зрения их прогресса и регресса, все же пришел к выводу о формировании особой общей для всего человечества сверхцивилизации. На сегодняшний день допустимо считать, что с господством в науке синтетической теории эволюции утвердилась идея постепенного прогресса человечества. Вместе с тем ряд ученых, особенно в России, признавая очевидным технический прогресс, отвергли наличие духовного прогресса человеческого общества [18]. Ученые говорили о нелинейности духовного развития человечества и даже о некотором духовном упадке. К примеру, Н. Я. Данилевский опровергал такое явление прогресса в природе, как эволюция, считал его недоказанным [19]. Некоторые ученые-историки пытались рассматривать совместно формационный и цивилизационный подходы, понимая, однако, что они друг другу антагонистичны [20]. В духе цивилизационной парадигмы написаны труды историка и географа Л. Н. Гумилева [21], причем особое место среди этносов и цивилизаций он уделял России [22].

Действительно, российская цивилизация занимает особое место среди прочих. Именно русская цивилизация в 1814 г. пресекла попытки установления мировой гегемонии со стороны французской цивилизации, в 1945 г. – со стороны немецкой цивилизации. В эти исторические эпохи были разгромлены не только конкретные армии, но и целые теоретические концепты по покорению мира и его переустройству, разработанные философами Франции или Германии. Идея русской цивилизации, девиз которой «Москва – Третий Рим», выстраивает свое преемство от византийских императоров, а те в свою очередь – от римских кесарей [23]. Римский, Византийский, а впоследствии Российский Император именовался «удерживающим мир от зла» [24]. В таком смысле русская цивилизация выполняла роль «санитара мира», удерживающего его от пагубных идей, одновременно являясь своего рода островом спасения, «солью земли», сохраняющей мир от гниения и распада. Возможно, что роль России в будущем еще более великая и еще более «удерживающая» в противостоянии с «мировым злом» [25].

Таким образом, при применении мир-системного подхода происходит интеграция страны в процессы мирового развития, не оставляя возможностей для иного пути, взгляд на развитие общества становится космополитичным. В подходе же цивилизационном остается возможность признать хотя бы за одной только Россией право на особый путь развития. Глобальные теории, разработанные за рубежом, утверждают, что человечеству сознательно следует отказаться от высокой рождаемо-

сти для сохранения ресурсов Земли. Впрочем, такое решение означает отказ от демографической безопасности страны, от автаркичного цивилизационного развития, ее согласие на внешнее управление своими населением и ресурсами по правилам глобального мира. Очевидно, что в России назрела необходимость срочной разработки собственной модели демографического развития, ориентированной на опережающий рост рождаемости в своих суверенных целях, контроля над своим пространством и обеспечения территориальной целостности [26]. Для достижения этого российская демографическая наука может опираться на исследования известных отечественных ученых-классиков и практиков как прошлого, так и современности, оставивших труды с демографическими расчетами и прогнозами [27], давших исчерпывающий анализ происходивших социальных процессов [18] и нашедших способ исправить положение с самого локального уровня [28; 29].

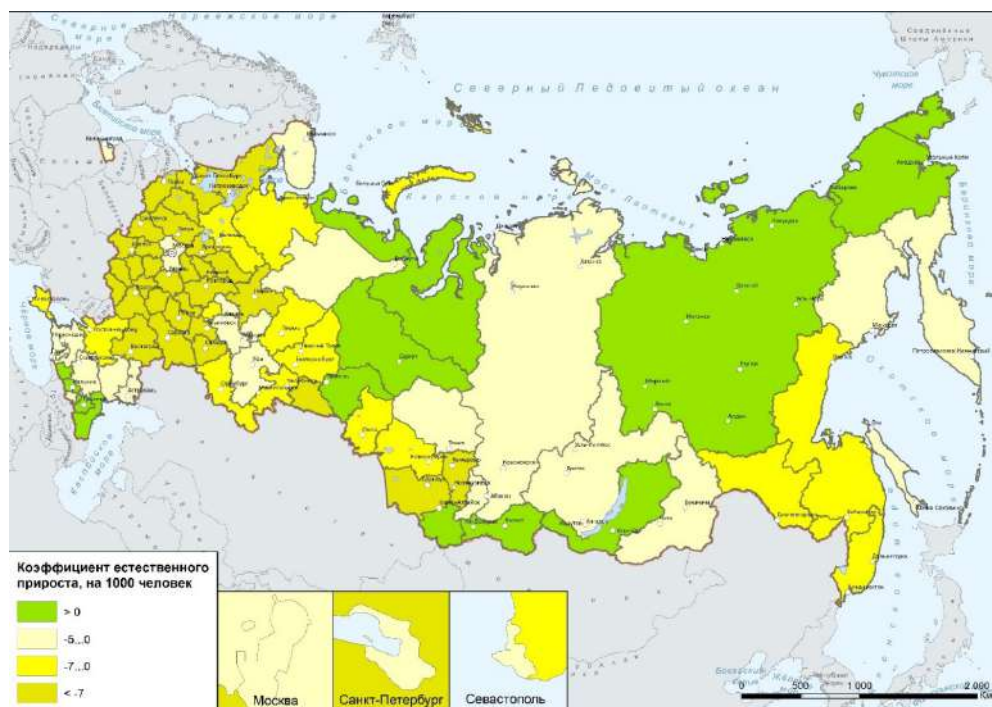
Материалы и методы

Для анализа естественного прироста в регионах РФ и его составляющих использовались сведения Федеральной службы государственной статистики (Росстата) 2020 г. Особые обстоятельства этого года способствовали увеличению смертности, снижению естественного прироста во всех российских регионах. Кризис, связанный с пандемией, коснулся всех без исключения регионов России, и порожденные им тенденции развиваются далее. Таким образом, данные за 2020 г. отражают картину, близкую к современной действительности. Для анализа длинных рядов по ряду показателей привлекались данные Росстата за период с 1990 г.

В работе применялись следующие методы: общенаучные (описательный, сравнительный и типологический анализ), математико-статистические (факторный анализ, сравнение со средним, графический), географические (картография, районирование). На основании статистики Росстата построены графические и картографические модели, с помощью которых естественный прирост разбит на составляющие компоненты, установлена связь между ними, определена региональная специфика компонентов естественного прироста, выявлены типы территорий по демографической динамике, приведены рекомендации по улучшению демографической ситуации для каждого из типов регионов.

Факторы естественного прироста в регионах России

Рассмотрим пространственное распределение показателя естественного прироста в регионах России (рис. 1). Естественным приростом характеризуются лишь несколько регионов (республики Северного Кавказа, Южной Сибири, Тюменская область с автономными округами, Ненецкий и Чукотский автономные округа, Республика Якутия). Для остальных регионов характерна различной степени естественная убыль. Самая интенсивная естественная убыль наблюдается в регионах Европейской России, тогда как в регионах Юга страны, республиках Приволжья, ряде регионов Сибири и Дальнего Востока убыль носит более сглаженный характер.

Рис. 1. Естественный прирост на 1000 жителей в регионах России в 2020 г.

Fig. 1. Natural growth per 1000 population in Russian regions in 2020

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Показатель естественного прироста на 1000 жителей является одним из основных параметров демографической статистики и используется не только в научных исследованиях, но и при оценке эффективности деятельности органов региональной и муниципальной власти, при оценке эффективности государственных программ. Разложим естественный прирост на его составляющие. На формирование показателя естественного прироста влияет возрастная структура населения: чем больше доля молодых возрастов и меньше доля пожилых, тем выше рождаемость на 1000 жителей. И наоборот, чем больше доля пожилых и меньше доля других возрастных групп населения, тем ниже показатели естественного прироста по причине смертности в пожилых возрастах.

На значения показателя естественного прироста также оказывает влияние уровень рождаемости в фертильных возрастах (суммарный коэффициент рождаемости) и сверхсмертность (смертность в трудоспособных возрастах и детская смертность). Уровень сверхсмертности, смертности в трудоспособных возрастах можно оценить через показатель ожидаемой продолжительности жизни, который составляется на основе повозрастных коэффициентов смертности. Пониженный уровень ожидаемой продолжительности жизни в регионе покажет наличие проблемы сверхсмертности. Представляет интерес подробное рассмотрение показателя естественного прироста по отдельным факторам его формирования (табл. 1). Суммарный коэффициент рождаемости в Сахалинской области опережает таковой в Республике Дагестан и Республике Ингушетия. Рождаемость в Забайкальском крае, Иркутской и Астраханской областях выше, чем в Кабардино-Балкарской Республике, а рождаемость в Свердлов-

ской и Курганской областях, Республике Крым – выше, чем в Карачаево-Черкесской Республике.

Таблица 1

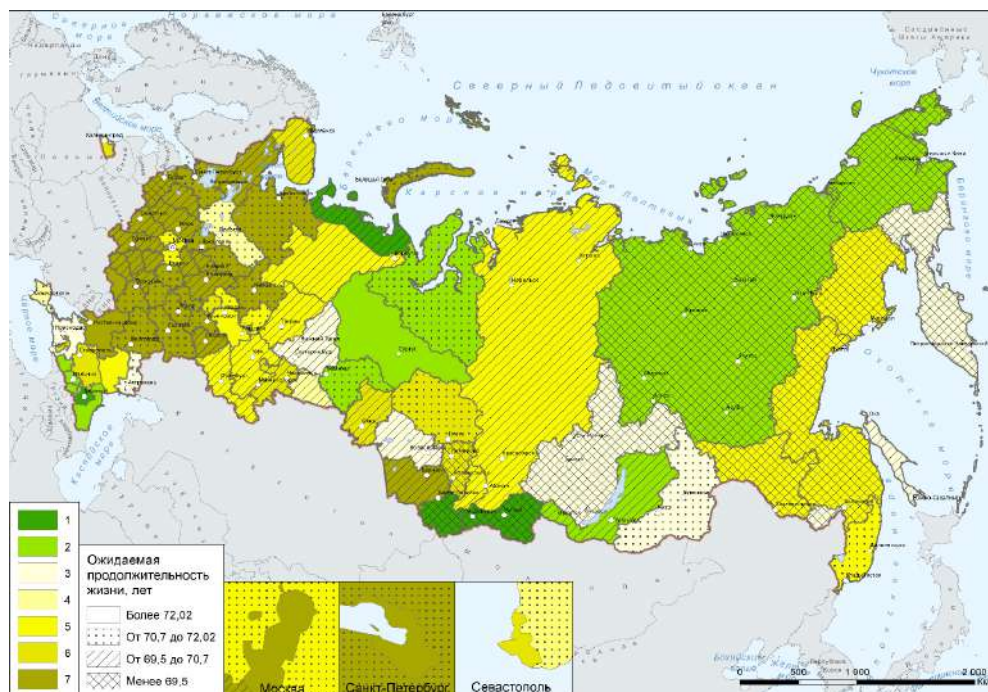
Компоненты естественного прироста

Table 1

Components of natural population growth

Компоненты естественного прироста	Показатели
Возрастная структура населения	Доля населения старше трудоспособного возраста (%)
	Доля населения в трудоспособном возрасте (%)
Рождаемость	Суммарный коэффициент рождаемости
Смертность	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)

Для более подробного изучения регионального распределения факторов естественного прироста рассмотрим карту (рис. 2). Существенным фактором, сдерживающим естественный прирост населения на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, становится сверхсмертность населения, низкая ожидаемая продолжительность жизни.

Рис. 2. Факторы естественного движения населения в регионах России в 2020 г.

Fig. 2. Factors of natural population movement in Russian regions in 2020

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Регионы на карте сгруппированы по цвету в семь групп – в зависимости от показателей доли населения старше трудоспособного возраста (%), суммарного коэффициента рождаемости. Штриховкой обозначены данные показателя ожидаемой

продолжительности жизни. Описание семи групп регионов в легенде карты представлено ниже:

1 – группа регионов, темно-зеленый цвет на карте. Таких регионов четыре: Республика Тыва, Чеченская Республика, Республика Алтай и Ненецкий автономный округ. Это регионы, естественный прирост в которых связан с расширенным воспроизводством населения. Демографические показатели: естественный прирост населения, суммарный коэффициент рождаемости больше простого воспроизводства населения (более двух).

2 – группа регионов, светло-зеленый цвет на карте. К ней относятся регионы традиционного естественного прироста: республики Северного Кавказа, Тюменская область с автономными округами, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ. Регионы, входящие в данную группу, отличаются естественным приростом населения, но их суммарные коэффициенты рождаемости в настоящее время находятся на уровне менее простого воспроизводства населения (менее двух). Это означает, что прирост в них происходит лишь за счет молодой возрастной структуры населения. При сохранении текущей рождаемости или при ее дальнейшем снижении в ближайшие годы начнется естественная убыль населения.

3 – группа регионов, бледный цвет на карте. Демографические показатели: естественная убыль населения, повышенная рождаемость (суммарный коэффициент рождаемости 1,6–2), средняя возрастная структура населения (доля населения старше трудоспособного возраста менее 26%). Граница по линии 26% установлена как очевидная точка перегиба на графике ранжирования регионов по показателю доли населения старше трудоспособного возраста. Таковых регионов шесть: на Дальнем Востоке и в Сибири – Сахалинская область, Камчатский край, Еврейская автономная область, Новосибирская область, на Юге России – Астраханская область и Краснодарский край. Это регионы высокого демографического потенциала, который характеризуется не только сравнительно молодой возрастной структурой, но и повышенной рождаемостью. При небольшом увеличении рождаемости данные регионы могут перейти к положительному естественному приросту населения.

4 – группа регионов, светло-желтый цвет на карте. Налицо естественная убыль населения, повышенная рождаемость (суммарный коэффициент рождаемости – 1,5–2), пожилая возрастная структура населения (доля населения старше трудоспособного возраста более 26%). Регионов данного редкого типа всего три: Вологодская и Курганская области, Республика Крым. Это наиболее интересная для анализа группа регионов. Довольно интенсивная естественная убыль в них объясняется, главным образом, высокой долей пожилого населения, тогда как рождаемость имеет повышенные значения.

5 – группа регионов, желтый цвет на карте. Для данной группы характерны естественная убыль населения, средняя рождаемость (суммарный коэффициент рождаемости – 1,5–1,6), средняя возрастная структура населения (доля населения старше трудоспособного возраста менее 26%). К ней относится большинство регионов Дальнего Востока, Урала, республик Приволжья, Республика Коми, Республика Калмыкия, Московская область. Существенной проблемой для регионов Дальнего Востока и Урала является низкая ожидаемая продолжительность жизни. Если сравнивать карты на рис. 1 и 2, можно увидеть, что рождаемость в этих регионах находится на повышенном относительно среднероссийского уровне или среднем. Существенная естественная убыль населения объясняется в первую очередь низкой ожидаемой

продолжительностью жизни. При минимизации явления сверхсмертности многие из перечисленных регионов могли бы показать положительный естественный прирост населения.

6 – группа регионов, темно-желтый цвет на карте. Характеристики данной группы: естественная убыль населения, низкая рождаемость (суммарный коэффициент рождаемости менее 1,5), средняя возрастная структура населения (доля населения старше трудоспособного возраста менее 26%). Таковыми являются многие регионы Западной Сибири – Кемеровская, Омская, Томская области, а кроме них Челябинская, Мурманская, Калининградская области, Ставропольский край, Республика Адыгея, г. Севастополь. Это регионы с худшими показателями рождаемости при не очень пожилой возрастной структуре. Уровень рождаемости в них явно недостаточен, притом, что население сравнительно молодое. В этих регионах необходима политика стимулирования рождаемости.

7 – группа регионов, коричневый цвет на карте. Налицо естественная убыль населения, низкая рождаемость (суммарный коэффициент рождаемости менее 1,5), пожилая возрастная структура населения (доля населения старше трудоспособного возраста более 26%). Это самая проблемная и наиболее многочисленная группа регионов. Постаревшее население в сочетании с самой низкой рождаемостью наблюдается почти во всех регионах Центральной России, в областях Поволжья, регионах Европейского Севера, на севере Юга России (Ростовской и Волгоградской областях). К этой же группе относятся центры крупнейших в стране агломераций – г. Москва, г. Санкт-Петербург с Ленинградской областью.

Вокруг Московской и Санкт-Петербургской агломераций сформировались обширные сомкнутые зоны наибольшей естественной убыли, для которых характерны низкая доля молодежи и низкий коэффициент рождаемости в фертильных возрастах (коричневый цвет на рис. 2). Как видно на карте, ареал наибольшей депопуляции простирается на 2 тыс. км с севера на юг и с запада на восток Европейской части страны, от Белого моря до Азовского, от западной границы РФ до Урала. Все регионы в данном обширном районе находятся в зоне суточной транспортной доступности от двух столиц – Москвы и Санкт-Петербурга, которые сами отличаются существенной естественной убылью населения, низкой рождаемостью и пожилой возрастной структурой населения. Причем именно Московская и Санкт-Петербургская агломерации являются основными центрами притяжения мигрирующего населения со всей России [30]. Можно сказать, что две крупнейшие столичные агломерации сформировали вокруг себя обширный район депопуляции.

Нечто подобное происходит и в регионах, примыкающих к условной «столице Сибири» – Новосибирской агломерации (рис. 2). Наибольшие демографические проблемы наблюдаются в окружающих Новосибирскую область Алтайском крае, Кемеровской, Омской и Томской областях.

Московская и Новосибирская агломерация формируют в самом ближайшем радиусе вокруг себя территорию средней рождаемости (Московская, Новосибирская области), но в более удаленных регионах наблюдаются самые глубокие демографические проблемы. В случае же с Санкт-Петербургской агломерацией ареала средней рождаемости нет даже в ближайшей Ленинградской области. Следовательно, три крупнейших в стране агломерации сформировали вокруг себя обширные районы депопуляции: низкой рождаемости и постаревшего населения.

Такое демографическое «выжигание» обширных территорий вокруг крупней-

ших агломераций происходит возможно потому, что качество жизни в столицах и регионах разительно отличается. Наблюдается примерно двух-трехкратный разрыв в доходах населения между Москвой и всеми остальными несырьевыми регионами России. Качество обслуживания в регионах также существенно ниже, чем в столице. Это заметно хотя бы по показателю ожидаемой продолжительности жизни. По-видимому, молодежь в регионах дневной транспортной доступности от Москвы связывает свое будущее с переездом в Московский столичный регион или находится в нем на заработках, откладывая рождение детей до достижения определенного качества жизни. Известно, что возраст вступления в брак и возраст рождения первого ребенка в России растут [31], а наиболее поздний возраст рождения первого ребенка среди всех российских регионов наблюдается именно в Москве и Санкт-Петербурге. Вероятно, сказывается слабая доступность жилья, общая дороговизна жизни в столицах.

Итак, ведущие центры притяжения межрегиональной миграции отличаются наиболее низкими показателями рождаемости и самым высоким возрастом рождения первого ребенка, что говорит о необходимости проведения целенаправленной политики деконцентрации [32], повышения уровня и качества жизни в регионах, приоритета индивидуального жилищного строительства в регионах над многоэтажным квартирным, улучшения качества социальной сферы в регионах. Сверхконцентрация финансов в столицах привела не только к центростремительному вектору миграции с периферии в столичные регионы, но и к устойчиво низкой рождаемости на обширных территориях вокруг агломераций крупнейших городов. Получается, что самый высокий потенциал рождаемости наблюдается в геостратегических приграничных территориях.

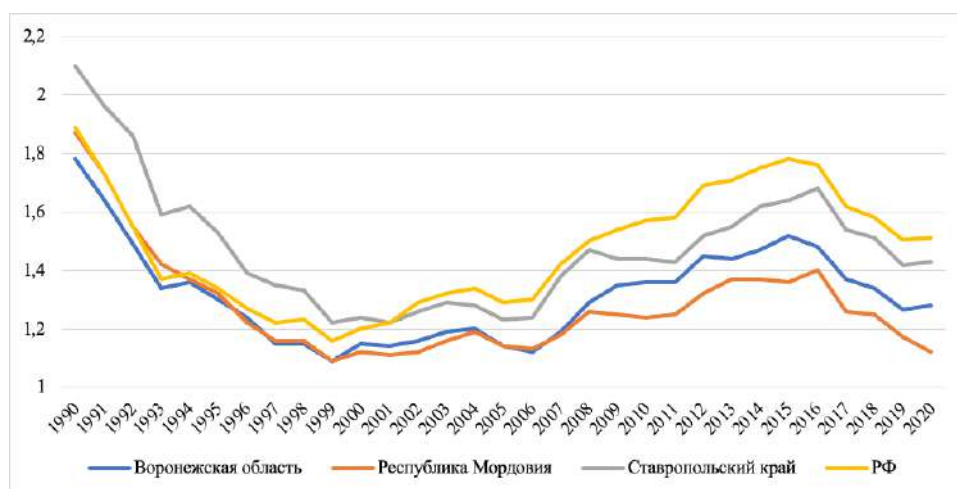
Из сказанного проистекает необходимость целенаправленной деконцентрации и даже деагломерирования системы расселения. Историческое исследование процесса образования крупнейших городских агломераций показало, что агломерирование – не естественный, а скорее противоестественный процесс, обусловленный сверхконцентрацией доходов в одном месте и внедрением высокопроизводительных технологий (технократии) в ущерб интересам населения [32]. Сверхконцентрация доходов приводит к сверхконцентрации населения в одном месте, что влечет за собой падение рождаемости в самой агломерации, но особенно сильное – в ближайших к агломерации регионах.

Динамика рождаемости в регионах России

Проанализируем динамику суммарного коэффициента рождаемости в регионах Российской Федерации. Общий тренд суммарного коэффициента рождаемости был следующий: коэффициент рождаемости в среднем по России в 1990 г. оказался чуть меньше уровня простого воспроизводства; после распада страны и падения уровня жизни в 1990-е гг. он резко снижался, достигнув минимума в 1999 г.; после этого наблюдался восстановительный поступательный рост с максимумом в 2015 г.; и затем новый период снижения (рис. 3). Большая часть регионов шла в общероссийском тренде, но некоторые из них имели индивидуальные особенности динамики.

Часть регионов испытала спад рождаемости практически без восстановительной положительной динамики, или она была очень слабой, не достигшей уровня 1990 г. Таковыми в первую очередь оказались регионы Центральной Черноземной полосы (Белгородская, Воронежская, Тамбовская области), Республика Мордовия, Ленинградская, Волгоградская области и Ставропольский край (рис. 3).

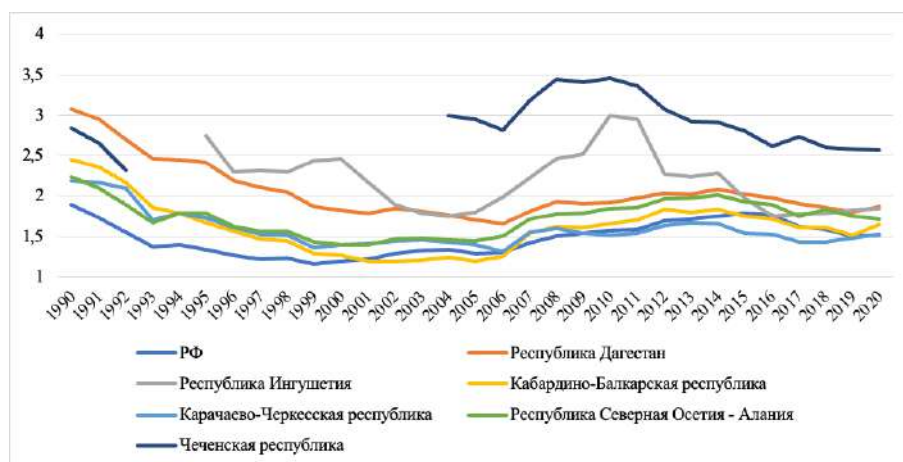

Рис. 3. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в некоторых регионах, не достигших среднероссийского уровня

Fig 3. Dynamics of the total fertility rate in some regions that are below the Russian average level

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Рис. 4. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в республиках Северного Кавказа

Fig. 4. Dynamics of the total fertility rate in the republics of the North Caucasus

Источник: составлено авторами по данным Росстата

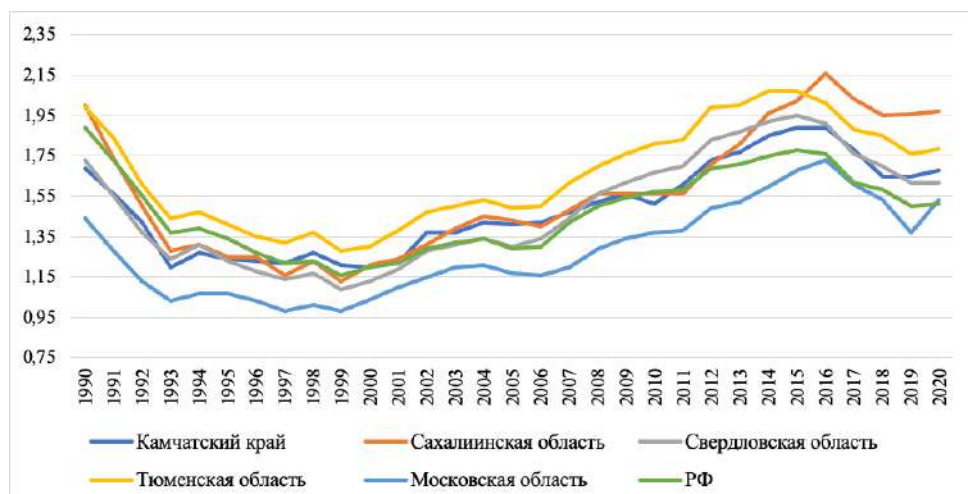
В то время как среднероссийский тренд рождаемости в период 2000–2015 гг. характеризовался восстановительной динамикой, в названных регионах восстановительная динамика была значительно более слабой и не достигла среднероссийского уровня. Показателен пример Ставропольского края, в котором рождаемость до 2001 г. была выше среднероссийской, но последующая восстановительная динамика оказалась ниже, чем в среднем по стране, и сейчас регион отстает по показателю рождаемости от среднероссийских значений. Особую тревогу вызывает тот факт, что

в Центрально-Черноземных регионах с благоприятным климатом, наиболее плодородными почвами, сравнительно высоким относительно среднероссийского уровнем жизни населения наблюдаются худшие в РФ показатели рождаемости (1,24 – в Белгородской области, 1,28 – в Воронежской области в 2020 г.). Причины столь низкой рождаемости в развитых регионах с благоприятным климатом необходимо выяснить в ходе дальнейших демографических, социологических исследований.

Своеобразна динамика рождаемости в республиках Северного Кавказа. Традиционно в них рождаемость выше среднероссийской, однако ее динамика имеет свою специфику (рис. 4).

Рождаемость в большинстве Северо-Кавказских республик снижалась в течение 1990-х гг. примерно до 2006 г., затем началась восстановительная динамика, но она достигла уровня 1990-х гг. только в Чеченской Республике (со значительным опережением) и в Республике Ингушетия в 2009–2011 гг. Приблизительно с 2015 г., как и в среднем по России, в республиках Северного Кавказа начался спад рождаемости; в Чеченской Республике и в Республике Ингушетия он начался с 2012 г. и был довольно значительным, особенно в Республике Ингушетия. Таким образом, все Северо-Кавказские республики за последние годы испытали значительный невосстановленный спад рождаемости. Сильный спад рождаемости, по всей видимости, объясняется теми же причинами, что и в большинстве российских регионов: урбанизацией, переездом населения из сел в города, из частных домов с приусадебными участками в многоквартирные дома. В настоящее время рождаемость в большинстве республик Северного Кавказа (кроме Чеченской Республики) остается выше среднероссийской, но ниже уровня простого воспроизводства населения.

В ряде регионов России восстановительная динамика оказалась выше среднероссийской и превысила собственный уровень 1990 г. (рис. 5, 6). В основном это регионы Дальнего Востока, Сибири и Урала.

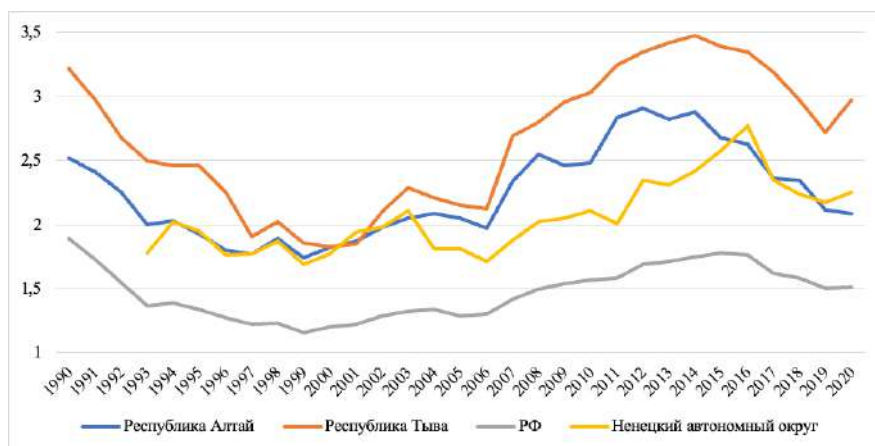

Рис. 5. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в регионах, опередивших среднероссийский уровень и собственный уровень 1990 г.

Fig. 5. Dynamics of the total fertility rate in regions that are ahead of the average Russian level and their own level in 1990

Источник: составлено авторами по данным Росстата

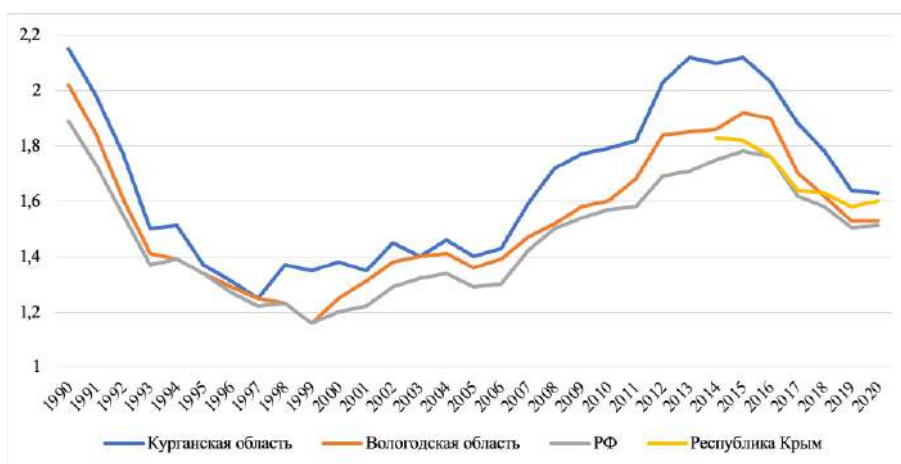
В Камчатском крае и Свердловской области в 1990 г. рождаемость была ниже среднероссийской, однако к середине 2000-х гг. окончательно опередила среднероссийский уровень. Наиболее позитивную динамику показали Сахалинская и Тюменская области (с автономными округами). Московская область в последние годы достигла среднероссийских значений и превысила собственный показатель рождаемости 1990 г. Отдельно следует рассмотреть динамику рождаемости в республиках Южной Сибири, являющихся лидерами рождаемости, и в Ненецком автономном округе (рис. 6).

Рис. 6. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в регионах-лидерах (Сибирь и Север Европейской России)

Fig. 6. Dynamics of the total fertility rate in the leading regions (Siberia and Northern European Russia)

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Рис. 7. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в регионах с пожилой возрастной структурой населения, но повышенной рождаемостью

Fig. 7. Dynamics of the total fertility rate in regions with an elderly age structure of the population, but an increased birth rate

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Так же, как и на рис. 6, заметна опережающая восстановительная динамика, затем наблюдается спад, который был особенно сильным без последующего восстановления в Республике Алтай. В данных регионах рождаемость примерно на уровне простого воспроизводства (Республика Алтай, Ненецкий автономный округ) или опережает его (Республика Тыва).

Проанализируем динамику рождаемости в регионах с пожилой возрастной структурой населения, но повышенной рождаемостью (рис. 7).

Курганская и Вологодская области действительно отличались повышенной рождаемостью. Рождаемость выше среднероссийского уровня почти на уровне простого воспроизводства наблюдалась в этих регионах еще в 1990 г. В 2000–2010 гг. произошло частичное восстановление уровня рождаемости. Опыт данных регионов чрезвычайно важен для демографического развития в современных условиях – он показывает, что при постаревшем населении и даже в условиях Севера возможно исправление демографических трендов.

Таким образом, динамика рождаемости в большинстве регионов РФ повторяла общероссийский тренд, вместе с тем некоторые регионы характеризовались собственными особенностями. Отстающими от среднероссийской динамики оказались регионы Центрально-Черноземной полосы и внутренние регионы Юга России (Воронежская, Белгородская, Тамбовская и Волгоградская области, Ставропольский край). Рождаемость республик Северного Кавказа испытала сильное падение, в большинстве из них она пока выше среднероссийской, но уже ниже простого воспроизводства населения. Часть регионов Дальнего Востока, Урала и Сибири характеризовалась динамичным восстановлением рождаемости выше среднероссийского уровня. Суммарный коэффициент рождаемости в Сахалинской области опережает таковой в Республике Дагестан и Республике Ингушетия. Рождаемость в Забайкальском крае, Иркутской и Астраханской областях выше, чем в Кабардино-Балкарской Республике, а рождаемость в Свердловской и Курганской областях, Республике Крым – выше, чем в Карачаево-Черкесской Республике. Уникальным является демографическое развитие Вологодской и Курганской областей, Республики Крым: при пожилой возрастной структуре эти регионы характеризуются повышенной рождаемостью.

Заключение и выводы

Главный формирующий население в регионах фактор в настоящее время – это естественный прирост или естественная убыль. Миграция сегодня влияет на формирование населения в регионах в меньшей степени и лишь для ограниченного числа регионов является основной демографической силой. Приходится констатировать, что доминирующий тренд как для страны в целом, так и для большинства ее регионов – естественная убыль населения и сокращение рождаемости, что представляет собой долгосрочный вызов для безопасности государства. Безопасное демографическое развитие диктует необходимость разработки такой демографической политики, в результате которой страна сможет развиваться за счет собственного демографического ресурса.

На данный момент лишь в 15 регионах Российской Федерации наблюдается естественный прирост населения. При этом только в четырех рождаемость находится на уровне выше простого воспроизводства населения. В остальных регионах прирост пока сохраняется лишь за счет молодой возрастной структуры населения. В Северо-Кавказских республиках отмечается существенное снижение рождаемости, в

большинстве из них она уже ниже уровня простого воспроизводства населения. Наоборот, в некоторых регионах Дальнего Востока, Сибири, Урала, Юга России рождаемость выше, но продолжается естественная убыль по причине пожилой возрастной структуры населения и низкой ожидаемой продолжительности жизни.

Наиболее существенная естественная убыль населения наблюдается в большинстве регионов Европейской России вследствие сочетания пожилой возрастной структуры населения и самой низкой рождаемости. Примечательно, что зоны наибольшего демографического провала сформировались вокруг крупнейших городских агломераций: Московской, Санкт-Петербургской, Новосибирской. Чуть более высокий уровень рождаемости может наблюдаться в самом регионе агломерации (Московская и Новосибирская области), но в соседних с ними регионах на значительно более протяженных территориях налицо наиболее провальная демографическая ситуация. Таким образом, рост крупнейших городских агломераций, центростремительные миграционные тенденции, сверхконцентрация доходов и населения в крупнейших городах приводят не только к миграционному обезлюдиванию окружающей протяженной территории, но и к самому сильному в стране падению рождаемости. Особое беспокойство и вопросы вызывает демографическая ситуация в плотноселенных регионах Центрально-Черноземной России со сравнительно благоприятным климатом, наличием крупных городов, развитой экономики (Белгородская и Воронежская области). При благополучных в сравнении с другими регионами социально-экономических, физико-географических данных рождаемость в них – одна из самых низких в стране.

Проведенное исследование показало, что удаленные, островные (Сахалинская область), полуостровные (Камчатский край, Республика Крым), приграничные, геостратегические (Забайкальский край, Астраханская область) регионы демонстрируют гораздо лучшую рождаемость, что говорит о наличии в них существенного демографического потенциала и необходимости расширения поддержки. Часть крупных регионов Дальнего Востока, Сибири и Урала опередили не только среднероссийский уровень рождаемости, но и собственные показатели рождаемости 1990 г. (Сахалинская, Тюменская и Свердловская области, Камчатский край).

Уникальная ситуация демографического развития сложилась в Вологодской и Курганской областях, Республике Крым, где при пожилой возрастной структуре наблюдается повышенная рождаемость. Вологодская и Курганская области еще в 1990 г. характеризовались повышенной рождаемостью и практически восстановили ее в 2010-е гг. Необходимо исследовать опыт данных регионов, транслировать его на другие российские регионы, оказывать им своевременную поддержку для недопущения снижения рождаемости.

Большинство регионов с высоким уровнем рождаемости характеризуется высоким уровнем аборт (кроме регионов Северного Кавказа), что говорит о важности экономической и социальной поддержки беременных женщин, предоставления им социальных гарантий, попечения о них, предоставления им жилья и материальных выплат. Следует снизить число абортов вплоть до полного их запрета на законодательном уровне, а также уменьшить употребление средств, препятствующих зачатию детей, популяризировать в обществе идеи многодетной семьи.

Таким образом, рекомендации по улучшению внутреннего демографического ресурса могут быть следующими. В отношении регионов, сохраняющих естественный прирост (республик Северного Кавказа, республик и автономных округов Си-

бири, Дальнего Востока и Европейского Севера России) необходимо недопущение продолжающегося снижения уровня рождаемости, обеспечение работой и достойной заработной платой как в сельском хозяйстве, так и в промышленности всех проживающих в регионе мужчин. Это позволит не только повысить рождаемость, но и удержать население от эмиграции из региона проживания.

В регионах Дальнего Востока, Сибири, Урала и Юга России требуется закрепление достигнутых успехов в повышении рождаемости, а также решение проблем сверхсмертности населения, повышения ожидаемой продолжительности жизни. Развитие здравоохранения, инвестиции в экологичное оборудование на предприятиях, масштабное поднятие уровня заработных плат, решение жилищных проблем позволят поднять рождаемость в сравнительно молодых, геостратегических регионах с пассионарным населением. В этих же регионах нужно наибольшее внимание уделять профилактике абортов, социальной поддержке беременных женщин.

Исправление демографической ситуации в Европейской России и в регионах Западной Сибири – вокруг Новосибирской области тесно связано с деконцентрацией крупнейших агломераций (Московской, Санкт-Петербургской, Новосибирской). Необходим запуск расселенческих тенденций в самих агломерациях [33]: ограничение этажности застройки, приоритет строительства индивидуального жилья с приусадебными участками над строительством многоквартирных домов. Также важно, чтобы более значительная часть прибыли от экономической деятельности оставалась в самих регионах, что повлечет повышение в них заработных плат до уровня столичных.

Требуется улучшение социальной инфраструктуры в регионах, возможно, разработка реформы межбюджетных отношений, при которой регионы и муниципальные образования будут больше заинтересованы в развитии экономики собственных территорий. Назрела потребность в запуске программы инвестиций в регионы Российской Федерации: поддержка существующих предприятий, каждое из которых в новых условиях станет значимым для экономики всей страны, открытие новых производств, создание артелей местных предпринимателей, заинтересованных в развитии своих регионов. Данные меры позволят деконцентрировать развитие экономики, сделать региональное развитие более сбалансированным, снизят уровень межрегионального неравенства, приведут к поступательному улучшению демографической ситуации. Не обойтись без изучения и использования опыта Вологодской и Курганской областей по повышению уровня рождаемости.

В широком смысле решение демографических проблем страны лежит в русле как социально-экономических, так и идеологических реформ. К экономическим мерам можно отнести такие, как: деконцентрация, более справедливое распределение прибыли в отношении регионов, инвестиции в них, сохранение и поддержка предприятий, создание артелей предпринимателей, заинтересованных в развитии своих регионов, повышение уровня заработных плат. В части жилищного строительства требуется общегосударственный приоритет строительства индивидуального жилья с приусадебными участками над строительством многоквартирных домов.

Важно рассматривать зачатого человека как отдельную полноправную личность. Как отмечается в статье В. Н. Архангельского [34], для изменения демографических трендов депопуляции необходимы не только изменения в условиях жизни семей, но и в формировании ценностных ориентаций. Для повышения рождаемости, безусловно, следует не проводить пропаганду средств контрацепции, часть из которых

является абортными, а повышать роль семьи в обществе среди молодежи.

Для безопасного демографического развития необходим переход к расширенному воспроизводству населения особенно среди государствообразующего народа России, демографическое развитие которого находится в наиболее глубоком кризисе. Эффективными инструментами для этого оказалось бы погашение ипотечных кредитов многодетным семьям на строительство или приобретение индивидуальных домов с участками с возможностью полного списания долга в случае рождения трех и более детей. Важны популяризация позитивного образа многодетной семьи в обществе, изменение общественного мнения в пользу многодетности. Реализация перечисленных мер позволит обеспечить демографическую безопасность Российского государства и будет способствовать его безопасному, независимому демографическому развитию.

Список литературы

1. Рыбаковский, Л. Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 49–60. EDN [NOUKIQ](#).
2. Зайончковская, Ж. А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России: Социология и этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 22–34. EDN [OFVSHF](#).
3. Архангельский, В. Н. Региональные различия естественного движения населения в России / В. Н. Архангельский, Ю. А. Потанина, Р. Р. Хасанова // Народонаселение. 2015. № 4 (70). С. 68–78. EDN [VKQTDQ](#).
4. Архангельский, В. Н. Региональные различия рождаемости на Дальнем Востоке / В. Н. Архангельский, Н. Г. Джанаева, В. В. Елизаров // Уровень жизни населения регионов России. 2017. Т. 13, № 2 (204). С. 41–50. EDN [YOYUAF](#).
5. Архангельский, В. Н. Динамика рождаемости на Северном Кавказе: играет ли роль материнский капитал? // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 1. С. 57–74. DOI [10.17323/727-0634-2019-17-1-57-74](#). EDN [VNYMIO](#).
6. Архангельский, В. Н. Рождаемость в регионах Северо-Западного федерального округа // Проблемы развития территории. 2016. № 5 (85). С. 38–56. EDN [WTCWGD](#).
7. Макаренцева, А. О. Рождаемость, смертность и миграция в первой половине 2019 г. (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) / А. О. Макаренцева, Н. В. Мкртчян // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26, № 9. С. 51–59. EDN [OOYCMU](#).
8. Симагин, Ю. А. Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях современной России / Ю. А. Симагин, В. В. Пациорковский, Д. Д. Муртузалиева // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 36–49. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-4-04](#). EDN [YVSQBV](#).
9. Микрюков, Н. Ю. Региональная проекция рождаемости в России: дифференциация, динамика, факторы / Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов, О. О. Смирнов // III Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 3–4 декабря 2021 г.) / Отв. ред. Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 62–66. ISBN 978-5-89697-373-7. DOI [10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.13](#). EDN [SIETOA](#).
10. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Ф. Бродель; пер. с фр. Л. Е. Куббея; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. 2-е изд. Москва: Весь мир, 2006. 655 с. ISBN 5-7777-0358-5. EDN [ORMKVX](#).
11. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: введение / И. Валлерстайн; пер. с англ. Н. Тюкиной. Москва: Территория будущего, 2006. 246 с. ISBN 5-91129-028-6.
12. Мальтус, Т. Р. Опыт закона о народонаселении. Москва: Наше завтра, 2022. 318 с. ISBN 978-5-907585-60-7. EDN [QOGBGV](#).
13. Медоуз, Д. Х. Пределы роста: Докл. по проекту рим. клуба «Слож. положения человечества»: [Пер. с англ.] / Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, Й. Рэндерс, В. В. Беренс; [Науч. ред. Д. Н. Кавтарадзе]. Москва: Изд-во МГУ, 1991. 205 с. ISBN 5-211-02014-6.
14. Медоуз, Д. Х. Пределы роста. 30 лет спустя / Д. Х. Медоуз, Й. Рэндерс, Д. Л. Медоуз; под ред. Н. П. Тарасовой; пер. с англ. Е. С. Оганесян. Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. 357 с.

ISBN 978-5-9963-1056-2. EDN [RBATQB](#).

15. *Капица, С. П.* Парадоксы роста : законы глобального развития человечества. 3-е изд. Москва : Альпина нон-фикшн, 2012. 200 с. ISBN 978-5-91671-130-1. EDN [QONEMZ](#).

16. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа. 2-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2017. 538 с. Серия : Антология мысли. ISBN 978-5-534-02740-2. EDN [VVVAAZ](#).

17. *Тойнби, А. Дж.* Постижение истории : избранное / А. Дж. Тойнби ; под ред. В. И. Уколовой, Д. Э. Харитоновича ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. Москва : Айрис-Пресс, 2008. 521 с. ISBN 978-5-8112-3232-1.

18. *Шафаревич, И. Р.* Русский народ в битве цивилизаций. Москва : Институт русской цивилизации, 2011. 932 с. ISBN 978-5-902725-62-6. EDN [QPOVBP](#).

19. *Данилевский, Н. Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. Москва : ФИБ, 2015. 975 с. ISBN 978-5-91862-025-0.

20. *Пьянков, И. В.* К вопросу о формационном и цивилизационном подходах // *Метаморфозы истории*. 2002. № 2. С. 7–20. EDN [QCKVRN](#).

21. *Гумилев, Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Санкт-Петербург : Азбука, 2019. 669 с. ISBN 978-5-389-15673-9.

22. *Гумилев, Л. Н.* От Руси до России : очерки этнической истории. Москва : Айрис-пресс, 2008. 317 с. ISBN 978-5-8112-3016-7. EDN [QPICVH](#).

23. *Боханов, А. Н.* Российская Империя. Образ и смысл. Москва : ФИБ, 2012. 589 с. ISBN 978-5-91862-012-0. EDN [QPXIFR](#).

24. *Иоанн Златоуст.* Полное собрание сочинений : [в 12 томах]. Москва : Эксмо, 2017.

25. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда : с жизнеописанием основателей ее: преп. Серафима и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой / сост. архим. Серафим (Чичагов). Нижний Новгород : Изд-во Братства св. Александра Невского, 2005. 724 с. ISBN 5-88213-064-6. EDN [QTIZOR](#).

26. *Жуков, В. И.* Суверенитет России: национальные интересы, демографические угрозы и вызовы // *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 2018. Т. 26, № 3. С. 335–346. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346](#). EDN [YSQSUH](#).

27. *Менделеев, Д. И.* К познанию России. Москва : Айрис-пресс, 2002. 576 с. ISBN 5-8112-0018-8.

28. *Тюрин, Г. В.* Как поднять нашу глубинку : локальная экономика в России и в мире / Г. В. Тюрин, В. Г. Тюрин. Санкт-Петербург : Живая провинция, 2018. 307 с. ISBN 978-5-6041434-0-7.

29. *Тюрин, Г.* Вольное дело Глеба Тюрин / Глеб Тюрин ; [беседовал] Илья Ступин // *Эксперт*. 2012. № 5. С. 46–50. ISSN 1812-1896.

30. *Безвербный, В. А.* Особенности межрегиональной миграции в Российской Федерации в 2017–2019 гг. / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков // *Научное обозрение : Серия 2. Гуманитарные науки*. 2021. № 6. С. 45–65. DOI [10.26653/2076-4685-2021-6-05](#). EDN [JNCGWP](#).

31. *Архангельский, В. Н.* Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация / В. Н. Архангельский, О. Н. Калачикова // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 5. С. 200–217. DOI [10.15838/esc.2020.5.71.12](#). EDN [GGMDHG](#).

32. *Безвербный, В. А.* Стратегии пространственного развития России: агломерации vs сбалансированное развитие / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов // *Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году : [монография] / С. В. Рязанцев [и др.] ; отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская ; ФНИСЦ РАН. Москва : Проспект, 2023. С. 295–312. ISBN 978-5-392-38629-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](#). EDN [GKFMP](#).*

33. *Безвербный, В. А.* Демографические тенденции в муниципальных образованиях Московской области и способы их корректировки (на примере г. Зарайска) / В. А. Безвербный, М. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов // *Человеческий капитал*. 2019. № 12 (132). С. 115–121. DOI [10.25629/HC.2019.12.10](#). EDN [GWDDZW](#).

34. *Архангельский, В. Н.* Детерминация репродуктивного поведения: методологические вопросы исследования и учет в демографической политике // *Парадигмы и модели демографического развития : сб. ст. XII Уральского демографического форума / ред. О. А. Козлова, Г. Е. Корнилов, Б. Ю. Берзин, Н. П. Неклюдова. Т. I. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2021. С. 179–195. ISBN 978-5-94646-652-3. DOI [10.17059/udf-2021-2-1](#). EDN [GJZJMJ](#).*

Сведения об авторах:

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник, Центр территориальных изменений и городского развития, Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3148-7072](https://orcid.org/0000-0002-3148-7072); РИНЦ Author ID: [539479](https://elibrary.ru/539479); Web of Science Researcher ID: [0-1050-2016](https://orcid.org/0-1050-2016); Scopus Author ID: [57210845020](https://orcid.org/57210845020).

Микрюков Николай Юрьевич, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ecoro@mail.ru.

Мирязов Тимур Робертович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740); РИНЦ Author ID: [1025136](https://elibrary.ru/1025136); Web of Science Researcher ID: [AAV-1530-2021](https://orcid.org/AAV-1530-2021); Scopus Author ID: [57209221088](https://orcid.org/57209221088).

Лукашенко Елена Адольфовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); РИНЦ Author ID: [1077766](https://elibrary.ru/1077766); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Статья поступила в редакцию 08.09.2023; принята в печать 07.11.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

NATURAL POPULATION CHANGE IN RUSSIAN REGIONS: FACTORS, DYNAMICS, PROSPECTS

Vadim A. Bezverbny

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vadim_ispr@mail.ru

Nikolay Yu. Mikryukov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ecoro@mail.ru

Timur R. Miryazov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

Elena A. Lukashenko

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

For citation: Bezverbny, Vadim A. Natural Population Change in Russian Regions: Factors, Dynamics, Prospects / V. A. Bezverbny, N. Yu. Mikryukov, T. R. Miryazov, E. A. Lukashenko. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 37–58. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.3).

Abstract. The article examines the dynamics of natural population change and its components (fertility, mortality, age structure) in the regions of Russia. The goal of the scientific work is to identify general patterns and individual characteristics of natural population change and its components in the regions of the Russian Federation. The information base for the study is data from the Federal State Statistics Service for the regions of Russia. The work uses methods of comparative and typological analysis, factor analysis, graphic and cartographic methods, and the zoning method. Based on statistical data, graphical and cartographic models have been constructed, which helped to divide natural population growth into its constituent components

and establish a connection between them. The authors identify types of territories depending on demographic dynamics and formulate recommendations for improving the demographic situation for each of them. The study showed that many regions of the Urals, Siberia, the Far East, and the coastal south of Russia have a high fertility potential even with an elderly age structure of the population. At the same time, most regions located near the largest urban agglomerations are characterized by the worst birth rate in the country, which indicates the need for spatial deconcentration. The conclusion states that the implementation of a sovereign demographic policy, which includes economic and housing components, as well as the popularization of the image of a large family in society is highly relevant.

Keywords: demographic security, sovereign demographic development, demographic situation, demographic dynamics, natural population growth, birth rate

References

1. Rybakovsky, L. L. Demographic Challenges: What Does Await Russia? *Sociological Studies*. 2012. No. 8. Pp. 49–60. (In Russ.).
2. Zayonchkovskaya, Zh. A. Vnutrennyaya migratsiya v Rossii i v SSSR v XX veke kak otrazheniye sotsial'noy modernizatsii [internal migration in Russia and the USSR in the 20th century as a reflection of social modernization]. *Universe of Russia: Sociology and Ethnology*. 1999. Vol. 8, No. 4. Pp. 22–34. (In Russ.).
3. Arkhangel'skiy, V. N. Regional'nyye razlichiya yestestvennogo dvizheniya naseleniya v Rossii [Regional differences in vital statistics in Russia] / V. N. Arkhangel'skiy, Yu. A. Potanina, R. R. Khasanova. *Narodonaselenie (Population)*. 2015. No. 4 (70). Pp. 68–78. (In Russ.).
4. Arkhangel'skiy, V. N. Regional'nyye razlichiya rozhdayemosti na Dal'nem Vostoke [Regional differences in fertility in the Far East] / V. N. Arkhangel'skiy, N. G. Dzhanayeva, V. V. Elizarov. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2017. Vol. 13, No. 2 (204). Pp. 41–50. (In Russ.).
5. Arkhangel'skiy, V. N. Fertility Dynamics in the North Caucasus: Do Maternity Subsidies Make a Difference? *Journal of Social Policy Studies*. 2019. Vol. 17, No. 1. Pp. 57–74. DOI [10.17323/727-0634-2019-17-1-57-74](https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-57-74). (In Russ.).
6. Arkhangel'skiy, V. N. Fertility in the Regions of the Northwestern Federal District. *Problems of Territory's Development*. 2016. No. 5 (85). Pp. 38–56. (In Russ.).
7. Makarentseva, A. O. Fertility, Mortality and Migration in H1 2019/ A. O. Makarentseva, N. V. Mkrtchyan. *Russian Economic Development*. 2019. Vol. 26, No. 9. Pp. 51–59. (In Russ.).
8. Simagin, Yu. A. Differentiation of Natural Population Growth in Russian Municipalities / Yu. A. Simagin, V. V. Patsiorkovskiy, D. D. Murtuzaliev. *Narodonaselenie (Population)*. 2018. Vol. 21, No. 4. Pp. 36–49. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-4-04](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-4-04). (In Russ.).
9. Mikryukov, N. Yu. Regional Projection of Birth Rate in Russia: Differentiation, Dynamics, Factors / N. Yu. Mikryukov, T. R. Miryazov, O. O. Smirnov. In: *3rd All-Russian Demographic Forum with International Participation : materials of the forum* (Moscow, December 3–4, 2021) / Ex. ed. T. K. Rostovskaya ; FCTAS RAS. Moscow : FCTAS RAS, 2021. Pp. 62–66. ISBN 978-5-89697-373-7. DOI [10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.13](https://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.13). (In Russ.).
10. Braudel, F. *Civilization and Capitalism, 15th–18th Century* / F. Braudel ; translated from French by L. E. Kubbel; introductory article and ed. by Yu. N. Afanasiev. 2nd ed. Moscow : Ves' Mir Publishing House, 2006. 655 p. ISBN 5-7777-0358-5. (In Russ.).
11. Wallerstein, I. *World-Systems Analysis: An Introduction* / I. Wallerstein ; translated from English by N. Tyukina. Moscow : Territoriya Budushchego Publishing House, 2006. 246 p. ISBN 5-91129-028-6. (In Russ.).
12. Malthus, T. R. *An Essay on the Principle of Population*. Moscow : Nashe Zavtra Publishing House, 2022. 318 p. ISBN 978-5-907585-60-7. (In Russ.).
13. Meadows, D. H. *The Limits to Growth : A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind* : [translated from English] / D. H. Meadows, D. L. Meadows, J. Randers, V. V. Behrens III ; [Sci. ed. D. N. Kavtaradze]. Moscow : MSU Publishing House, 1991. 205 p. ISBN 5-211-02014-6. (In Russ.).
14. Meadows, D. H. *Limits to Growth. The 30-Year Update* / D. H. Meadows, J. Randers, D. L. Meadows ; ed. by N. P. Tarasova ; translated from English by E. S. Oganessian. Moscow : BINOM. Laboratoria Znaniy, 2012. 357 p. ISBN 978-5-9963-1056-2. (In Russ.).
15. Kapitsa, S. P. *Paradoxes Of Growth : Laws Of Global Development Of Humanity*. 3rd ed. Moscow : Alpina Non-Fiction Publishing House, 2012. 200 p. ISBN 978-5-91671-130-1. (In Russ.).
16. Danilevsky, N. Ya. *Russia and Europe*. 2nd ed. Moscow : Yurait Publishing House, 2017. 538 p. Series : Anthology of Thought. ISBN 978-5-534-02740-2. (In Russ.).
17. Toynbee, A. J. *A Study of History : Selected Works* / A. J. Toynbee ; ed. by V. I. Ukolova,

- D. E. Kharitonovich ; translated from English by E. D. Zharkov. Moscow : Iris-Press Publishing House, 2008. 521 p. ISBN 978-5-8112-3232-1. (In Russ.).
18. Shafarevich, I. R. *Russkiy narod v bitve tsivilizatsiy [Russian people in the battle of civilizations]*. Moscow : Institute of Russian Civilization, 2011. 932 p. ISBN 978-5-902725-62-6. (In Russ.).
  19. Danilevsky, N. Ya. *Darwinism: Critical Research*. Moscow : FIV Publishing House, 2015. 975 p. ISBN 978-5-91862-025-0. (In Russ.).
  20. Pyankov, I. V. K voprosu o formatsionnom i tsivilizatsionnom podkhodakh [On the issue of formational and civilizational approaches]. *Metamorphoses of History*. 2002. № 2. Pp. 7–20. (In Russ.).
  21. Gumilev, L. N. *Ethnogenesis and the Biosphere*. St. Petersburg : Azbuka Publishing House, 2019. 669 p. ISBN 978-5-389-15673-9. (In Russ.).
  22. Gumilev, L. N. *From Rus to Russia : Essays on Ethnic History*. Moscow : Iris-Press Publishing House, 2008. 317 p. ISBN 978-5-8112-3016-7. (In Russ.).
  23. Bokhanov, A. N. *Rossiyskaya Imperiya. Obraz i smysl [Russian Empire. Image and meaning]*. Moscow : FIV Publishing House, 2012. 589 p. ISBN 978-5-91862-012-0. (In Russ.).
  24. John Chrysostom. *Full composition of writings* : [in 12 vols]. Moscow : Eksmo Publishing House, 2017. (In Russ.).
  25. *Letopis' Serafimo-Diveyevskogo monastyrya Nizhegorodskoy gubernii Ardatovskogo uyezda [Chronicle of the Seraphim-Diveevsky Monastery, Nizhny Novgorod province, Ardatov district]* / compiled by Archimandrite Seraphim (Chichagov). Nizhny Novgorod : Brotherhood of St. Alexander Nevsky Publishing House, 2005. 724 p. ISBN 5-88213-064-6. (In Russ.).
  26. Zhukov, V. I. Sovereignty of Russia: National Interests, Demographic Threats and Challenges. *RUDN Journal of Economics*. 2018. Vol. 26, No. 3. Pp. 335–346. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346). (In Russ.).
  27. Mendeleev, D. I. *K poznaniyu Rossii [To the cognition of Russia]*. Moscow : Iris-Press Publishing House, 2002. 576 p. ISBN 5-8112-0018-8. (In Russ.).
  28. Tyurin, G. V. Kak podnyat' nashu glubinku : lokal'naya ekonomika v Rossii i v mire [How to raise our outback: local economy in Russia and in the world] / G. V. Tyurin, V. G. Tyurin. St. Petersburg : Zhivaya Provintsiya Publishing House, 2018. 307 p. ISBN 978-5-6041434-0-7. (In Russ.).
  29. Tyurin, G. Vol'noye delo Gleba Tyurina [Free work of Gleb Tyurin] / Gleb Tyurin ; [interviewed by Ilya Stupin]. *Expert*. 2012. No. 5. Pp. 46–50. ISSN 1812-1896. (In Russ.).
  30. Bezverbny, V. A. Features Of Inter-Regional Migration In The Russian Federation In 2017–2019 / V. A. Bezverbny, N. Yu. Mikryukov. *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*. 2021. No. 6. Pp. 45–65. DOI [10.26653/2076-4685-2021-6-05](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2021-6-05). (In Russ.).
  31. Arkhangel'skii, V. N. Maternal Age at First Birth: Dynamics, Regional Differences, Determination / V. N. Arkhangel'skii, O. N. Kalachikova. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020. Vol. 13, No. 5. Pp. 200–217. DOI [10.15838/esc.2020.5.71.12](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.12). (In Russ.).
  32. Bezverbny, V. A. Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii: aglomeratsii vs sbalansirovannoye razvitiye [Strategies for spatial development of Russia: agglomerations vs balanced development] / V. A. Bezverbny, N. Yu. Mikryukov, T. R. Miryazov. In: *Rossiyskoye obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh stanovleniya novogo mirovogo poryadka: demograficheskaya situatsiya v 2022 godu [Russian society and state in the conditions of the emergence of a new world order: demographic situation in 2022]* : [monograph] / S. V. Ryazantsev [et al.] ; ex. ed. S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya ; FCTAS RAS. Moscow : Prospekt Publishing House, 2023. Pp. 295–312. ISBN 978-5-392-38629-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). (In Russ.).
  33. Bezverbny, V. A. Demographic Trends in Municipal Educations of the Moscow Region and Ways of Their Correction (by the Example of Zaraisk) / V. A. Bezverbny, N. Yu. Mikryukov, T. R. Miryazov. *Human Capital*. 2019. No. 12 (132). Pp. 115–121. DOI [10.25629/HC.2019.12.10](https://doi.org/10.25629/HC.2019.12.10). (In Russ.).
  34. Arkhangel'skiy, V. N. Reproductive Behaviour: Methodological Issues of Research and Accounting in Demographic Policy. In: *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya [Paradigms and models of demographic development]* : conference proceedings of the 7th Ural Demographic Forum / ed. O. A. Kozlova, G. E. Kornilov, B. Yu. Berzin, N. P. Neklyudova. Vol. 1. Ekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2021. Pp. 179–195. ISBN 978-5-94646-652-3. DOI [10.17059/udf-2021-2-1](https://doi.org/10.17059/udf-2021-2-1). (In Russ.).

Bio notes:

Vadim A. Bezverbny, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Leading Researcher, Centre for Territorial Change and Urban Development, Institute of Applied Economic Research, RANEPa, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3148-7072](https://orcid.org/0000-0002-3148-7072); RSCI Author ID: [539479](https://www.rsci.ru/author/539479); Web of Science Researcher ID: [0-1050-2016](https://orcid.org/0-1050-2016); Scopus Author ID: [57210845020](https://orcid.org/57210845020).

Nikolay Yu. Mikryukov, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ecoro@mail.ru.

Timur R. Miryazov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740); RSCI Author ID: [1025136](https://www.rsci.ru/author/1025136); Web of Science Researcher ID: [AAY-1530-2021](https://orcid.org/AAY-1530-2021); Scopus Author ID: [57209221088](https://orcid.org/57209221088).

Elena A. Lukashenko, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); RSCI Author ID: [1077766](https://www.rsci.ru/author/1077766); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Received on 08.09.2023; accepted for publication on 07.11.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.4)

EDN [PNNQUG](https://pnnqug.org)

ИНСТИТУТ МНОГОПОКОЛЕННОЙ СЕМЬИ КАК РЕЗЕРВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ростовская Т. К.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru*

Кучмаева О. В.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: kuchmaeva@yandex.ru*

Васильева Е. Н.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: vasilevaen@yandex.ru*

Для цитирования: Ростовская, Т. К. Институт многопоколенной семьи как резерв демографического развития России / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, Е. Н. Васильева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 59–77. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.4). EDN [PNNQUG](https://pnnqug.org).

Аннотация. Негативные демографические тенденции актуализировали поиск резервов демографического развития Российской Федерации. В работе представлено определение понятия «резерв демографического развития», освещается авторский подход к исследованию многопоколенной семьи как института, обладающего потенциальными и реальными резервами укрепления брачно-семейных отношений. Цель исследования – определение распространенности многопоколенных семей в России и характера взаимодействия поколений в семье в условиях нуклеаризации; роли солидарности поколений как резерва демографического развития страны. Выводы авторов построены на данных всероссийских переписей населения (1989, 2002, 2010 и 2020 гг.), а также результатах авторских выборочных исследований (международного социологического исследования «Семья и семейная политика: взгляд поколений»; всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов»; регионального социологического исследования «Жизнь многопоколенной семьи в условиях самоизоляции»; всероссийского социологического исследования «Студенческая семья России»). В результате анализа структуры домохозяйств на основе данных переписей населения выявлены такие тенденции, как увеличение доли населения, проживающего в одиночестве; сокращение количества семей, состоящих из нескольких брачных пар; уменьшение числа детей в семье наряду с увеличением доли многодетных семей в общей численности семей и др. По данным авторских социологических исследований установлено, что растет доля тех, кто считает, что молодые семьи (а также дети старше 18 лет) должны жить отдельно от родителей. Большая часть родителей оказывает помощь своим, уже создавшим семьи и проживающим отдельно, детям – помогает в воспитании внуков, в оплате жилья, покупает вещи, оказывает денежную помощь и пр. По мере взросления детей и выхода их родителей на пенсию ситуация меняется – взрослые дети начинают оказывать своим уже пожилым родителям помощь (уход во время болезни, помощь по хозяйству, денежная помощь и т. п.). Можно констатировать, что солидарность, как стабильные взаимоотношения и связь нескольких поколений семьи, является инструментом поддержки экономи-

ческого и социального благополучия российских семей, вне зависимости от типа проживания (отдельного – в одном или разных населенных пунктах, совместного).

Ключевые слова: институт семьи, многопоколенная семья, нуклеаризация, демографические резервы, домохозяйство, семейная группа

Введение

Важнейшей характеристикой трансформации института семьи в настоящее время становится изменение ее структуры в направлении нуклеаризации. Тенденцией, показательной для всех стран мира и наглядно проявляющейся в России, выступает сокращение числа многопоколенных, сложных семей, что оказывает влияние на различные аспекты функционирования института семьи.

В традиционном обществе, занимавшем длительный период человеческой цивилизации, именно бабушки и дедушки занимались воспитанием внуков и передавали им свой опыт, историю, ценности и установки, которые были созданы и накоплены предыдущими поколениями [1]. В значительной степени естественной средой для передачи памяти поколений, сохранения истории семьи, значимых ценностей и формирования основ воспитания является многопоколенная семья [2].

Однако проживание в составе сложных многопоколенных семей не является у россиян популярным. В общественном мнении устоялась тенденция считать, что новые семьи, должны жить отдельно от родительских семей. По данным опроса ВЦИОМ за 2023 г. второе место (на первом месте в 2023 и 2009 гг. любовь – 57% и 65% соответственно), как необходимое условие заключения брака, занимает «жилище для отдельного проживания от родителей» (35%), возможно, из-за роста доступности семейной ипотеки этот вариант называют заметно реже, чем по данным ВЦИОМ за 2009 и 2005 гг. (55% и 58% соответственно)¹. Проживание вне родительской семьи для молодоженов выступает одним из критериев самостоятельного принятия решений.

Доля семей, состоящих из нескольких брачных пар, сократилась в России с 3,4% в 1989 г. до 1,9% к 2020 г., доля семей, состоящих из брачной пары и других родственников, включая родителей супругов, – с 11,5% до 10,5%².

Целью работы выступает определение распространенности многопоколенных семей в России и характера взаимодействия поколений в семье в условиях нуклеаризации, роли солидарности поколений как резерва демографического развития страны.

Подходы к анализу структуры семей и взаимоотношению поколений

Существует много определений семьи. В статистической практике используется формулировка «семья – лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство». Данное определение длительное время применялось при проведении переписей в странах мира, и в настоящее время

¹ Идеальная семья – 2023 // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023> (дата обращения: 15.08.2023).

² Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть III – Семья, жилищные условия // История переписей населения в России : [сайт]. URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/kratkaya-sotsialno-demograficheskaya-kharakteristika-naseleniya-rsfsr-po-dannym-vsesoyuznoy-perepisi-naseleniya-1989-goda-chast-iii-semya-zhilishchnye/> (дата обращения: 15.08.2023); Итоги ВПН-2020. Том 8. Число и состав домохозяйств // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 15.08.2023).

фигурирует в российском законодательстве³. Сейчас в ходе переписей мировая статистическая практика использует термин «домохозяйство», а под семьей понимается совокупность тех членов домохозяйства, которые в определенной степени связаны отношениями, вытекающими из родства, усыновления или брака⁴.

Социологические определения семьи подчеркивают значимость психологического взаимодействия членов семьи, преемственность поколений, внутрисемейную солидарность и поддержку. Стоит остановиться на определении семьи, данном А. И. Антоновым и В. М. Медковым: «семья – это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества-родительства-родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [3].

Для демографической науки немаловажно, что большинство исследователей сходится во мнении, что необходимо учитывать наличие брачной пары как «ядра» семьи; исходя из этого, статистические классификации состава семей строятся в зависимости от добавления к «ядру» детей, родственников, родителей супругов [4; 5].

Процесс нуклеаризации семьи начался не сегодня. По мнению В. Гуда, еще при переходе от аграрного общества к индустриальному основой семьи становится супружеская пара. Общественные институты в значительной части начинают перехватывать у семьи ее функции. Изменение структуры семейного института означало и изменение его функций [6]. Нуклеаризация приводит к утрате семьей функции поддержания системы родства [7]. На всех этапах нуклеаризация означает стремление уменьшить число родственников, ради которых надо в чем-то ущемлять свои личные интересы [8]. Таким образом, нуклеаризация семьи выступает своеобразной стратегией защиты от рисков в условиях общества, поддерживающего личную инициативу и достижение успеха.

У. Огборн и М. Нимкофф также полагали, что поскольку многие функции семьи перешли к обществу (образование, производство продуктов питания и вещей), семейные структуры будут становиться все более дезорганизованными [9].

С начала XX столетия социальные институты все больше совмещают с семьей выполнение различных функций: образования, воспитания и социализации (системы образования, средства массовой информации), защиты и охраны (органы охраны порядка), функции обеспечения питанием, одеждой, досугом (сфера обслуживания), функции экономического благополучия, занятости и передачи социального статуса (индустриальный наемный труд) [10, с. 20], присмотр за больными и нетрудоспособными (социальная помощь, система здравоохранения. Не является прерогативой исключительно семьи и сексуальная функция).

Специфика семьи рассматривается Дж. М. Уайтом и Д. М. Кляйном на основе следующих основных критериев [11, с. 17–19]:

1. Семьи существуют более длительный период, чем другие социальные группы, семья и представления о ней сопровождают человека на протяжении всей его

³ Например, в Федеральном законе от 24.10.1997 г. №134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11590> (дата обращения: 15.08.2023).

⁴ Принципы и рекомендации в отношении переписей населения и жилого фонда. Третье пересмотренное издание. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2017. 335 с. // UNFPA EECA : [сайт]. URL: https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/principles_and_recommendations_for_population_and_housing_censuses_rev3_rus_v2.pdf (дата обращения: 15.08.2023).

жизни.

2. Семьи состоят из поколений. В семье нуждаются и дети, и взрослые, и пожилые люди. Значимым параметром функционирования семьи выступают эмоциональные связи членов семьи, психологическая поддержка.

3. Семьи включают как биологические отношения, так и отношения свойства (т. е. родственников на основе юридического или фактического брака).

4. Биологические отношения и отношения свойства связывают семьи с более широкой системой родства.

Еще в 70-е годы XX века российские исследователи дали такое определение семейной группе: это «группа семей, две или более, находящихся в прямом родстве или свойстве, проживающих раздельно или совместно, связанных общностью материальных интересов, морально-психологических или эмоциональных отношений, заинтересованностью во взаимной помощи, информации и общении» [5, с. 19]. Несмотря на раздельное проживание, многие семьи (родительская и взрослых детей) поддерживают тесные связи.

Т. И. Гурко, рассматривая подходы к определению семьи с социологической и психологической точек зрения, отмечает, что с субъективной точки зрения семья подразумевает тех людей, которых сам человек в нее включает, имея в виду, что это «моя семья» [12, с. 61; 13, с. 30]. Соответственно, значительная часть людей соотносит себя со своей «малой» семьей (супругом/ой, детьми) и с «большой» семьей, в которую входят отдельно проживающие родители, семьи его братьев, сестер.

Хотя социальные связи пожилых людей могут быть достаточно разнообразными (они определяются наличием супруга, детей, взаимоотношениями с взрослыми детьми, включенностью в жизнь местного сообщества, характером проведения досуга, дружескими связями и добровольческой деятельностью) [14], но ведущую роль все же играет взаимодействие с членами семьи.

Довольно много работ российских [15–19 и др.] и зарубежных [20–22 и др.] исследователей посвящено взаимоотношениям взрослых детей и их родителей. Межсемейные трансферты играют большую роль в поддержании экономического и социального благополучия российских семей, являются проявлением внутрисемейной и межпоколенческой солидарности.

Исследователи выделяют такие положительные характеристики жизнедеятельности многопоколенных семей, как:

- передача жизненного опыта от одного поколения к другому, расширение социальных ролей у подрастающего поколения, получение навыков в общении со старшим поколением, умение слышать и слушать, учитывать мнения друг друга;
- сохранение и укрепление семейных традиций и ценностей, истории семьи, ее генеалогии,
- реализация психологической поддержки всех членов семьи, вне зависимости от возраста, проявление любви, внимания и заботы в условиях локальных и масштабных социальных стрессов;
- распределение обязанностей и ответственности в семье – помощь по хозяйству, в воспитании детей, организации семейных дел и т. д.

Несмотря на положительные моменты, многопоколенные семьи сталкиваются в своей жизнедеятельности с трудностями и проблемами:

- различные взгляды на жизнь в семье и вне семьи, решение проблем и распределение семейных ролей у разных поколений часто становятся первоисточником

конфликтных ситуаций в многопоколенной семье;

- возникновение риска потери самостоятельности младшим поколением вследствие гиперопеки со стороны старших, отсутствие возможности приобретения детьми позитивного уникального опыта;

- конфликты между представителями различных поколений в силу различающихся воспитательных стратегий, по причине различий в системе ценностей и разных требований к детям, что нарушает процесс воспитания в семье и негативно сказывается на поведении подрастающего поколения [23].

Анализ исследований, проводимых демографами, социологами, психологами, экономистами показывает, что, хотя существуют различные подходы к определению понятия «семья» и ее структуры, значимым выступает наличие брачной пары, наличие (или отсутствие) представителей нескольких поколений, характера взаимодействия членов семьи (психологического, социального, экономического). Процесс нуклеаризации семьи, происходящий под воздействием масштабных цивилизационных трансформаций, формально приводит к сокращению числа многопоколенных семей, однако актуализирует исследование семейных групп, форм межпоколенной солидарности и поддержки.

Важной исследовательской задачей выступает оценка реальных масштабов этих явлений в контексте перспектив жизнедеятельности семьи и семейной политики.

Источники и методы

Методология анализа базировалась на совокупности функционального, институционального и сравнительного подходов к исследованию функционирования института семьи.

Процесс нуклеаризации семьи – элемент второго демографического перехода, затрагивающего процесс трансформации брака, семьи и рождаемости, что является следствием более общих изменений системы ценностей в направлении роста значимости индивидуальных ценностей, потребностей в самореализации личности в различных сферах жизнедеятельности за пределами семьи [24–27].

Институт многопоколенной семьи рассматривается в контексте резерва демографического развития. Под резервами демографического развития мы понимаем возможные размеры сокращения демографических потерь и увеличения численности населения в условиях улучшения социально-экономического развития страны. Таким образом, важно выявить и количественно оценить влияние факторов, которые могут способствовать как увеличению численности, так и улучшению структуры населения российских регионов.

Исследователи выделяют четыре основных компонента демографических резервов:

- резервы, которые могут быть сформированы за счет уменьшения уровня смертности от внешних причин;
- резервы, определяемые сокращением эмиграционного оттока населения;
- резервы, которые определяются укреплением брачно-семейных отношений;
- резервы, формируемые социальной инфраструктурой [28].

Углубление связи и поддержки между поколениями в составе семей и семейных групп можно отнести к имеющему большое значение демографическому резерву, способствующему укреплению брачно-семейных отношений, значимости поддержки поколений в реализации психологической, воспитательной, экономической

функций института семьи.

Выводы работы построены на данных переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 гг., масштабного репрезентативного обследования, проводимого Росстатом – Комплексного обследования условий жизни населения (КОУЖН) в 2020 г. (объем выборки составил 60 тыс. домохозяйств, проведено во всех регионах России)⁵ и ряда авторских социологических исследований, в частности:

- международного социологического исследования «Семья и семейная политика: взгляд поколений», 2019 г., объем выборки – 1 652 респондента, в т. ч. 647 человек поколения родителей, 569 представителей молодежи и 436 подростков, исследование проводилось на территории России, Белоруссии и Таджикистана;
- всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов», 2020 г., объем выборки – 5 616 респондентов от 18 до 50 лет;
- регионального социологического исследования «Жизнь многопоколенной семьи в условиях самоизоляции», 2020 г., г. Москва, объем выборки – 156 человек от 50 лет и старше;
- всероссийского социологического исследования «Студенческая семья России», 2022 г., объем выборки – 1 388 человек в возрасте 17–28 лет, получающих высшее профессиональное образование в 15 вузах в 12 регионах России.

Переписи населения о структуре семей

Данные переписей населения в Российской Федерации за период с 1989 г. и позже свидетельствуют о трансформации семьи в направлении нуклеаризации и сокращения доли многопоколенных семей. Средний размер семьи за это время сократился с 3,2 до 3,1 человек. На первый взгляд это незначительные трансформации, но за ними скрываются масштабные и весомые изменения в структуре семей.

Значительно увеличилась доля населения, проживающего в одиночестве (табл. 1). Если в 1989 г. на каждую тысячу россиян приходилось 69 одиноко проживающих граждан, то к 2020 г. их число выросло в 2,5 раза – до 189 человек. Одновременно с этим наблюдалось увеличение доли небольших семей (состоящих из двух человек) и уменьшение доли семей, состоящих из 3–5 человек.

Процесс нуклеаризации семей выражается и в изменении структуры семей по типам (табл. 2). Сокращается количество семей, состоящих из нескольких брачных пар. Если в 1989 г. на тысячу семей приходилось 34 семьи, состоящие из двух и более брачных пар, то к 2020 г. их число сократилось до 19. В 2020 г. на фоне предыдущих лет значимо уменьшилось и количество семей, состоящих из одной брачной пары и прочих родственников (со 115 до 110). На таком фоне происходит рост неполных и прочих типов семей (не имеющих в своем составе брачной пары). При этом увеличивается роль старшего поколения в оказании помощи в воспитании внуков своим взрослым детям – тем, кто воспитывает ребенка, проживая в семье без второго родителя. Доля семей, состоящих из матери/отца с детьми и одним из родителей матери/отца, выросла за рассматриваемый период с 2,0% до 7,1%.

⁵ Комплексное обследование условий жизни населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 15.08.2023).

Таблица 1

Структура населения, проживающего в частных домохозяйствах, по числу человек в домохозяйствах

Table 1

The structure of the population living in private households by the number of people in households

Перепись	На 1 000 человек, проживающих в частных домохозяйствах, приходится проживающих в частных домохозяйствах, состоящих						
	из двух и более человек	из них					из одного человека
		2	3	4	5	6 и более	
1989							
Все население	930	343	281	252	83	41	69
Городское население	932	331	296	261	76	34	68
Сельское население	929	372	236	228	99	65	71
2002							
Все население	918	355	306	218	74	47	82
Городское население	916	356	322	217	67	38	84
Сельское население	922	349	260	222	95	74	78
2010							
Все население	901	384	303	195	72	46	99
Городское население	896	392	317	192	64	35	104
Сельское население	913	361	260	205	96	78	87
2020							
Все население	811	428	269	182	74	47	189
Городское население	793	440	279	180	66	35	207
Сельское население	863	393	238	187	99	83	137

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁶

* *Примечание:* В 1989 г. учитывались три категории лиц: проживающие в семьях, одиноко и временно отдельно от семьи. В графе «проживающие в домохозяйствах из одного человека» учтены одиноко проживающие лица.

⁶ Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть III – Семья, жилищные условия // История переписей населения в России : [сайт]. URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/kratkaya-sotsialno-demograficheskaya-kharakteristika-naseleniya-rsfsr-po-dannym-vsesoyuznoy-perepisi-naseleniya-1989-goda-chast-iii-semya-zhilishchnye/> (дата обращения: 15.08.2023); Том 6. Число и состав домохозяйств // Всероссийская перепись населения 2002 г. : [сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18> (дата обращения: 15.08.2023); Всероссийская перепись населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.08.2023); Итоги ВПН-2020. Том 8. Число и состав домохозяйств // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domochozjajstv (дата обращения: 15.08.2023).

Таблица 2

Распределение семей по типам (на 1000 частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек)

Table 2

Distribution of families by type (per 1000 private households consisting of two or more people)

Перепись	Всего	в том числе состоящие					
		из одной брачной пары с детьми и без детей	из одной брачной пары с детьми и без детей, с одним из родителей супругов (или без него) и с другими родственниками	из двух и более брачных пар с детьми и без детей, с одним из родителей супругов (или без него) и с другими родственниками	из матери/отца с детьми	из матери/отца с детьми и одним из родителей матери/отца	прочие семьи
1989							
Все население	1 000	668	115	34	132	20	31
Городское население	1 000	653	116	36	141	23	31
Сельское население	1 000	714	110	26	106	13	31
2002							
Все население	1 000	549	136	33	153	64	66
Городское население	1 000	528	136	31	163	69	73
Сельское население	1 000	611	135	39	123	47	45
2010							
Все население	1 000	520	139	34	154	56	97
Городское население	1 000	508	132	31	162	59	108
Сельское население	1 000	560	158	43	132	45	62
2020							
Все население	1 000	487	105	19	182	71	136
Городское население	1 000	477	93	15	191	70	154
Сельское население	1 000	511	143	31	158	75	82

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁷

⁷ Краткая социально-демографическая характеристика населения РФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть III – Семья, жилищные условия // История переписей населения в России : [сайт]. URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/kratkaya-sotsialno-demograficheskaya-kharakteristika-naseleniya-rsfsr-po-dannym-vsesoyuznoy-perepisi-naseleniya-1989-goda-chast-iii-semya-zhilishchnye/> (дата обращения: 15.08.2023); Том 6. Число и состав домохозяйств // Всероссийская перепись населения 2002 г. : [сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18> (дата обращения: 15.08.2023); Всероссийская перепись населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.08.2023); Итоги ВПН-2020. Том 8. Число и состав домохозяйств // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domochozajstv (дата обращения: 15.08.2023).

Таблица 3

**Структура семей по числу детей, на 1000 частных домохозяйств,
состоящих из двух и более человек**

Table 3

**Structure of families by number of children, per 1000 private households consisting
of two or more people**

Перепись	Всего	Без детей	С детьми	в том числе		
				2	2	3 и более
1989						
Все население	1 000	416	584	508	394	98
Городское население	1 000	402	598	541	391	68
Сельское население	1 000	457	543	406	401	193
2002						
Все население	1 000	483	517	652	282	66
Городское население	1 000	489	511	700	258	42
Сельское население	1 000	463	537	522	347	131
2010						
Все население	1 000	559	441	655	275	70
Городское население	1 000	568	432	694	258	48
Сельское население	1 000	532	468	545	324	131
2020						
Все население	1 000	604	396	552	331	117
Городское население	1 000	612	388	583	327	90
Сельское население	1 000	578	422	466	342	192

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁸

Процесс нуклеаризации характеризуется и сокращением числа детей в семье (табл. 3), что также приводит к снижению числа поколений, проживающих совместно. В 2020 г. лишь в составе 39,6% были дети в возрасте до 18 лет. В 1989 г. таких семей было 58,4%. Снижение показателя наблюдалось непрерывно на протяжении 1989–2020 гг., достигнув минимума в 2020 г. Как и по другим характеристикам, тенденция нуклеаризации семьи в городских поселениях проявляется более ярко, чем в сельской местности.

Однако стоит обратить внимание на то, что среди семей с детьми за период 2010–2020 гг. сократилась доля семей с одним ребенком (с 65,5% до 55,2%) и увеличилась доля тех семей, где растут двое и более детей (для семей с двумя детьми

⁸ Краткая социально-демографическая характеристика населения РФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть III – Семья, жилищные условия // История переписей населения в России : [сайт]. URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/kratkaya-sotsialno-demograficheskaya-kharakteristika-naseleniya-rsfsr-po-dannym-vsesoyuznoy-perepisi-naseleniya-1989-goda-chast-iii-semya-zhilishchnye/> (дата обращения: 15.08.2023); Том 6. Число и состав домохозяйств // Всероссийская перепись населения 2002 г. : [сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18> (дата обращения: 15.08.2023); Всероссийская перепись населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.08.2023); Итоги ВПН-2020. Том 8. Число и состав домохозяйств // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domochozajstv (дата обращения: 15.08.2023).

показатели составили 27,5% и 33,1%, для семей с тремя и более детьми – 7,0% и 11,7% соответственно). Некоторое увеличение доли семей с тремя детьми и более наблюдалось и в 2010 г. по сравнению с 2002 г., но оно было гораздо менее значительным.

Наблюдаемая динамика может свидетельствовать о влиянии на структуру семей мер семейно-демографической политики – введение в период после 2007 г. т. н. «материнского капитала», меры повышения рождаемости и поддержки семей, принятой на федеральном уровне, и назначение, начиная с 2012 г., в регионах РФ регионального «материнского капитала» при рождении детей различной очередности. Увеличение среди семей с детьми семей, имеющих несколько детей, актуализирует взаимодействие поколений, помощь со стороны старшего поколения в воспитании детей.

Взаимодействие и взаимопомощь поколений

Несмотря на значительные изменения, происходящие в сфере трансформации российского института семьи, семейных ролей, модели социальной политики, весьма большое количество пожилых людей оказывает помощь своим взрослым детям. Масштабные исследования показывают⁹, что у основной массы пожилых людей есть дети (лишь 7,7% их не имеют). При этом в большинстве случаев (78,3%) взрослые дети проживают отдельно от своих родителей, в том числе у 49,9% дети проживают в том же населенном пункте, что и их пожилые родители. Только 0,9% взрослых пожилых россиян не поддерживают отношения со своими детьми, и 5,8% от них никакой помощи не получают.

В российских регионах распространена помощь пожилым родителям взрослыми детьми (см. табл. 4). Две трети детей, проживающих отдельно, помогают своим родителям в случае их болезни, более половины помогают по хозяйству, более 40% покупают продукты или вещи, около 40% помогают деньгами. Причем за несколько лет возросла доля взрослых детей, оказывающих своим родителям денежную помощь (на 2,6 п. п.), покупающих им продукты и вещи (на 5,9 п. п.).

Таблица 4

Оказание помощи пожилым людям их детьми, проживающими отдельно (% от числа ответивших)

Table 4

Assistance to elderly people by their children living separately (% of respondents)

Виды помощи	Доля (%)
Оказывают денежную помощь	39,5
Помогают по хозяйству	56,7
Покупают продукты, вещи	45,8
Ухаживают во время болезни	64,9
Оказывают другую помощь	58,8
Не оказывают помощь родителям из-за отсутствия материальной возможности	3,7
Не оказывают помощь родителям по состоянию здоровья	0,2

⁹ Комплексное обследование условий жизни населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 15.08.2023).

Виды помощи	Доля (%)
Не оказывают помощь родителям из-за нехватки времени	1,9
Не поддерживают отношений с родителями	0,9

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁰

Результаты всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов», проведенного в 2020 г., подтвердили выводы о взаимопомощи поколений в российских семьях и позволили оценить масштабы помощи родителей детям и детей родителям (табл. 5). Выборочная совокупность охватывала лиц в возрасте от 18 до 50 лет. Возраст респондентов оказал влияние на распространенность поддержки взрослыми детьми родителей. Родители советуются со своими детьми, получают от них помощь по хозяйству и уход в случае болезни, почти каждый пятый родитель, не перешагнувший 50-летний возрастной рубеж, получает от своих детей денежную поддержку и помощь продуктами.

Таблица 5

**Помощь совершеннолетних детей, проживающих отдельно, своим родителям
(% от числа ответивших)**

Table 5

Assistance of adult children living separately to their parents (% of respondents)

Виды помощи	Доля (%)
Оказывают денежную помощь	19,3
Покупают продукты	17,0
Покупают вещи	8,9
Ухаживают во время болезни	30,6
Оплачивают жилье	9,2
Помогают по хозяйству	45,9
Помогают советами	49,6
Оказывают иную помощь	12,7

Источник: составлено авторами по данным всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов», 2020 г.

Для достаточно «молодых» взрослых детей и их родителей складывается ситуация, когда родители, еще не вышедшие на пенсию и имеющие самостоятельные доходы, стремятся помогать своим детям на этапе становления их карьеры, создания семьи. Программа исследования «Демографическое самочувствие регионов» позволила сравнить мнение родителей и детей о потоках помощи (табл. 6). Поколение детей оценивает помощь родителей более масштабно. Исключение составляет «помощь в воспитании внуков», однако и здесь – 56,7% совершеннолетних детей и 68,9% их родителей дали ответ, что родители помогают в воспитании внуков. Потоки помощи родителей более значительные, родители прежде всего (особенно по мнению детей) оплачивают им жилье, ухаживают во время болезни, покупают вещи, помогают по хозяйству. Значительная часть детей может рассчитывать и на денежную помощь.

¹⁰ Комплексное обследование условий жизни населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 15.08.2023).

Таблица 6

**Помощь родителей совершеннолетним детям, проживающим отдельно
(% от числа ответивших)**

Table 6

Assistance of parents to adult children living separately (% of respondents)

Виды помощи	Мнение родителей	Мнение детей
Оказывают денежную помощь	33,8	70,3
Помогают в обеспечении продуктами	66,7	87,0
Покупают вещи	69,0	90,6
Помогают в воспитании (в т. ч. внуков)	68,9	56,7
Оплачивают жилье	79,7	95,2
Помогают по хозяйству	86,0	85,2
Помогают советами	33,3	56,7
Ухаживают во время болезни	84,2	92,4
В помощи нет необходимости	7,6	-
Не помогают	5,1	6,7

Источник: составлено авторами по данным всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов», 2020 г.

Итоги всероссийского социологического исследования «Студенческая семья России», проведенного в 2022 г., свидетельствуют о том, что в значительной степени студенческие семьи опираются на помощь родительской семьи.

Родители помогают 48,3% студенческих семей, оказывая материальную помощь, 24,0% покупают продукты, 30,9% оплачивают жилье. Без помощи родителей часть студенческих семей не справилась бы с текущими проблемами.

Взаимоотношения поколений: мнения и оценки

Для большей части россиян значимость хороших отношений между поколениями остается высокой. В частности, в ходе исследования «Семья и семейная политика: взгляд поколений» в 2019 г. анализу подлежали характеристики идеальной, счастливой с точки зрения респондентов семьи (рис. 1).

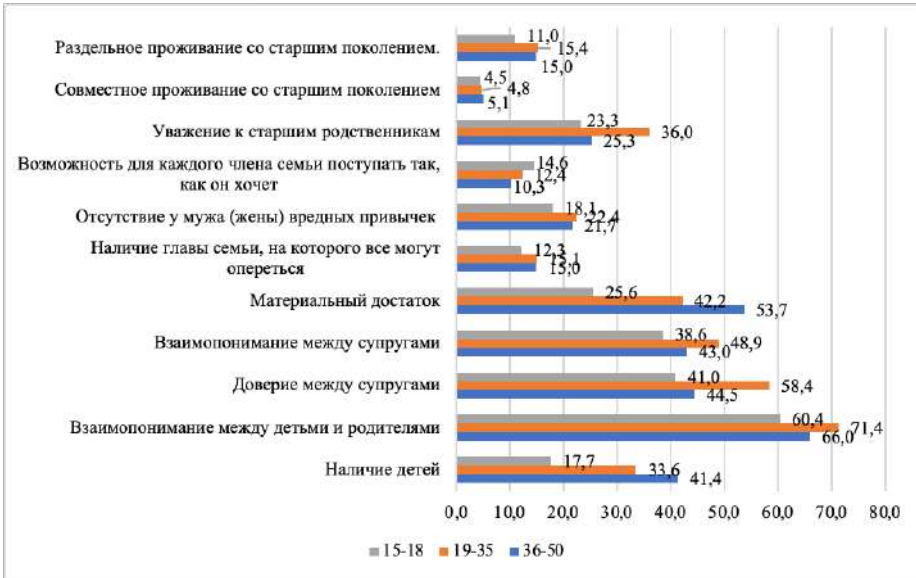
Среди характеристик счастливой семьи ведущее место занимают взаимопонимание между ее членами, ключевая роль на фоне других параметров принадлежит взаимопониманию между детьми и родителями (оно значимо для 60,4% подростков, для 71,7% лиц в возрасте 19–35 лет и для 66,0% в возрасте 36–50 лет). Рейтинг данной характеристики выше, чем у материального достатка.

От четверти до трети опрошенных разных возрастных групп считают, что счастливую семью отличает уважительное отношение к старшим родственникам, и больше всего таких респондентов среди лиц в возрасте 19–35 лет (36,0%).

Но при этом респонденты в большей степени полагают, что характеристикой счастливой семьи является возможность проживать отдельно от старшего поколения. Такого мнения придерживаются 11,0%, 15,4% и 15,0% опрошенных соответствующих возрастных групп в противовес респондентам, которые характеристикой счастливой семьи считают совместное проживание поколений (4,5%, 4,8% и 5,1%) – их в 2–3 раза меньше.

Схожие результаты были получены и в ходе других исследований, проведенных

авторами. Так, например, всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие регионов», проведенное в 2020 г., выявило, что 45,2% респондентов, имеющих идеал семейных взаимоотношений, подразумевают семью своих родителей.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что для вас входит в понятие счастливая семья?» (% от числа ответивших)

Fig. 1. Distribution of answers to the question “What is included in the concept of a happy family for you?” (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным международного социологического исследования «Семья и семейная политика: взгляд поколений», 2019 г.

Блок вопросов о счастливой семейной жизни содержал пункты о совместном и раздельном проживании со старшим поколением. Средний балл такого условия, как «совместное проживание со старшим поколением», составил 2,48, что намного ниже среднего балла параметра «раздельное проживание со старшим поколением» – 3,99 балла.

Российские студенты в ходе всероссийского социологического исследования «Студенческая семья России», проведенного в 2022 г., продемонстрировали, что важным условием жизни счастливой семьи считают наличие «уважительного отношения, заботы о старших членах семьи» – данный аспект по пятибалльной шкале они оценили на 4,43 балла.

При этом, так же как респонденты в ходе опроса 2019 г., студенты полагают, что для счастья семьи в большей степени важно «раздельное проживание со старшим поколением» – это условие они оценили на 4,08 балла по пятибалльной шкале, нежели «совместное проживание со старшим поколением» – оценка составила 2,09 балла.

В условиях социальных кризисов, к которым можно отнести пандемию COVID-19, усиливается роль солидарности поколений. Хотя система социальной защиты, здравоохранения и присмотра за детьми за последние столетие в значительной степени перехватила функции у института семьи, во время острых общественных потрясений

семья перестраивает свою деятельность гораздо быстрее других социальных институтов. Роль психологического фактора, любви и привязанности оказывается весьма значимой в изменении потоков материальной и нематериальной помощи от одних членов семьи к другим, от одной части семейной группы к другой.

В условиях самоизоляции возрастает значение многопоколенной семьи, которая «положительным образом может повлиять не только на поколение детей (мужей и жен) в отношении сохранения семьи, поддержания спокойного микроклимата в семье, нивелирования конфликтов, но и на поколение внуков, сохраняя преемственность, передавая традиционные ценности, что скажется на аксиологической картине мира в узком смысле, и на будущем личности в широком» [29].

В результате проведения исследования «Жизнь многопоколенной семьи в условиях самоизоляции», проведенного в 2020 г. в Москве, выяснилось, что хотя в своей обычной жизни 45% респондентов в возрасте старше 50 лет занимаются воспитанием внуков, еще 39% иногда уделяют данному вопросу некоторое внимание, в период самоизоляции в условиях пандемии COVID-19, 61% опрошенных стал больше уделять времени внукам [23].

Итоги исследования свидетельствуют о том, что 25% респондентов, проживающих отдельно от детей и внуков, считают, что их близкие негативно восприняли ситуацию невозможности полноценного общения с прародителями по причине самоизоляции. При этом у 62% участников опроса близкие отнеслись к ней нейтрально и лишь у 13% невозможность полноценного общения вызвала позитивные эмоции. Одновременно 84% опрошенных охарактеризовали взаимоотношения с детьми и внуками как теплые, 11% – скорее, как безразличные, и лишь 5% – как напряженные.

При оценке взаимоотношений в семьях в результате опроса выяснилось, что 73% респондентов расценили самоизоляцию хорошей возможностью улучшить отношения с детьми и внуками, 27% так не думали. В период самоизоляции у 84% опрошенных отношения с детьми и внуками не изменились, у 13% они стали лучше, а у 3% отношения ухудшились [23].

Выводы

Несмотря на процесс нуклеаризации семей, проявляющийся в том числе и в сокращении числа многопоколенных семей, роль взаимопомощи и поддержки поколений в разных сферах семейной жизни остается весьма значительной. Кроме того, оценивая трансформацию семейной структуры в России за последние 30 лет, необходимо отметить увеличение доли неполных семей, где один из родителей помогает своему взрослому ребенку (чаще дочери) в воспитании и уходе за детьми. Рост числа многодетных семей среди семей с детьми в период 2010–2020 гг. (о чем свидетельствуют данные переписей) как результат мер семейно-демографической политики, вероятно, будет способствовать расширению поддержки со стороны старшего поколения.

Опросы населения свидетельствуют о том, что для россиян значимы хорошие взаимоотношения со старшим поколением, взаимопонимание и поддержка. Между тем большая часть респондентов разных возрастных групп склоняется в сторону раздельного проживания поколений.

Поддержка поколений в семье, трансферты (материальные и временные) оказывают немаловажное влияние на благополучие семьи и являются существенным демографическим резервом развития. Хотя значительную роль в оказании помощи

современной семьи играет система социальной поддержки, в условиях социальных кризисов роль данного резерва увеличивается.

В рамках реализации стратегии семейно-демографической политики важным направлением выступает формирование среды для благополучной жизнедеятельности семейных групп, использования ресурсов многопоколенной семьи для решения семейных проблем.

Список литературы

1. *Яцемирская, Р. С.* Социальная геронтология : Учеб. пособие для студентов вузов. Москва : Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2003. 223 с. ISBN 5-691-00378-X.
2. *Пацюрковский, В. В.* Многопоколенная семья – основа демографического развития // Россия и современный мир. 2008. № 3. С. 194–209. EDN [KDYGNN](#).
3. *Антонов, А. И.* Социология семьи : Учеб. пособие для вузов по направлению и специальности «Социология» / А. И. Антонов, В. М. Медков. Москва : Изд-во Моск. ун-та : Изд-во Международ. ун-та бизнеса и упр. («Братья Карич»), 1996. 302 с. ISBN 5-211-03485-6. EDN [QOKJVI](#).
4. *Герасимова, И. А.* Структура семьи. Москва : Статистика, 1976. 168 с.
5. *Ружже, В. Л.* Структура и функции семейных групп / В. Л. Ружже, И. И. Елисеева, Т. С. Кадибур. Москва : Финансы и статистика, 1983. 160 с. EDN [VHKUGF](#).
6. *Good, W.* World Revolution and Family Patterns. New York : Free Press, 1963. 432 p. ISBN 9780029124604.
7. *Parsons, T.* Family, Socialization and Interaction Process / T. Parsons, R. Bales. Glencoe : Free Press, 1955. 422 p.
8. *Синельников, А. Б.* Трансформация семьи и развитие общества : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Социология». Москва : КДУ, 2008. 319 с. ISBN 978-5-98227-546-2.
9. *Ogburn, W. F.* Technology and Changing Family / W. F. Ogburn, M. F. Nimkoff. Cambridge : Riverside Press, 1955. 348 p. ISBN 9780837193113.
10. *Ростовская, Т. К.* Семья и демографические процессы в современной России / Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский, А. Е. Иванова, О. В. Кучмаева, В. Г. Семенова. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2021. 257 с. ISBN 978-5-907427-21-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021](#). EDN [IWUIIX](#).
11. *White, J. M.* Family Theories (3rd ed.) / J. M. White, D. M. Klein. Thousand Oaks : Sage Publications, 2008. 333 p. ISBN 978-1-4129-3748-1.
12. *Гурко, Т. А.* Брак и родительство в России. Москва : Институт социологии РАН, 2008. 325 с. ISBN 978-5-89697-139-9. EDN [PVCCDB](#).
13. *Гурко, Т. А.* Теоретические подходы к изучению семьи. Москва : Институт социологии РАН, 2016. 210 с. ISBN 978-5-89697-271-6. EDN [XHMRNR](#).
14. *Kuchtaeva, O. V.* Social Activity of Elderly Russians and Prospects of Implementation of the “Active Ageing” Policy // Population and Economics. 2018. Vol. 2, № 4. Pp. 47–84. DOI [10.3897/popecon.2.e36060](#). EDN [XVCNFS](#).
15. *Вовк, Е. А.* Старики в семье: особенности межпоколенческого взаимодействия // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). С. 102–108.
16. *Гладникова, Е. В.* Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры (SPERO). 2007. № 7. С. 125–148.
17. *Ибрагимов, Д. Х.* Сколько «стоит» российская бабушка? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. Москва : НИСП, 2007. С. 623–637.
18. *Миронова, А. А.* Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10 (366). С. 136–142. EDN [STFCOV](#).
19. *Прокофьева, Л. М.* Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России / Л. М. Прокофьева, А. А. Миронова // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 3. С. 69–86. EDN [WFENKL](#).

20. *Michielin, F.* Geographical Distances Between Adult Children and Their Parents in the Netherlands / F. Michielin, C. H. Mulder // Demographic Research. 2007. Vol. 17, № 22. Pp. 655–678. DOI [10.4054/DemRes.2007.17.22](https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.22).
21. *Roberts, R. E. L.* Intergenerational Solidarity in Families / R. E. L. Roberts, L. N. Richards, V. Bengtson // Marriage & Family Review. 1991. Vol. 16, № 1–2. Pp. 11–46. DOI [10.1300/j002v16n01_02](https://doi.org/10.1300/j002v16n01_02).
22. *Shelton, N.* Proximity of Adult Children to Their Parents in Great Britain / N. Shelton, E. Grundy // International Journal of Population Geography. 2000. Vol. 6, № 3. Pp. 181–195. DOI [10.1002/1099-1220\(200005/06\)6:3<181::AID-IJPG181>3.0.CO;2-U](https://doi.org/10.1002/1099-1220(200005/06)6:3<181::AID-IJPG181>3.0.CO;2-U).
23. *Ростовская, Т. К.* Роль многопоколенной московской семьи в условиях пандемии COVID-19: социологический анализ / Т. К. Ростовская, Д. П. Толмачев, Я. В. Шимановская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. № 4. С. 394–398. DOI [10.18500/1818-9601-2020-4-394-398](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-4-394-398). EDN [PYEAAAC](https://www.edn.ru/yueaac).
24. *Захаров, С. В.* Перспективы рождаемости в России. Второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 124–140.
25. *Ростовская, Т. К.* Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 527–545. DOI [10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545). EDN [MMCCWJT](https://www.edn.ru/mmccwjt).
26. *Lesthaeghe, R.* The Second Demographic Transition, 1986–2020: Sub-Replacement Fertility and Rising Cohabitation – a Global Update // Genus. 2020. Vol. 76, № 10. DOI [10.1186/s41118-020-00077-4](https://doi.org/10.1186/s41118-020-00077-4).
27. *Sobotka, T.* The Diverse Faces of the Second Demographic Transition in Europe // Demographic Research. 2008. Vol. 19, № 7. Pp. 171–224. DOI [10.4054/DemRes.2008.19.8](https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.8).
28. *Рязанцев, С. В.* Социальные резервы демографического развития России в современных условиях: определение, компоненты, факторы / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, А. С. Гришин // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 6. С. 33–46. EDN [XIFXEB](https://www.edn.ru/xifxeb).
29. *Ростовская, Т. К.* Влияние многопоколенной семьи на качество жизни россиян / Т. К. Ростовская, Н. А. Безвербная // Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни. Материалы общероссийской научно-практической конференции «I Римашевские чтения». Москва : Издательство ООО «Фабрика офсетной печати», 2018. С. 187–189. EDN [EVDNPP](https://www.edn.ru/evdnpp).

Сведения об авторах:

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); РИНЦ Author ID: [767943](https://elibrary.ru/767943); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://orcid.org/F-5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://orcid.org/57192987864).

Кучмаева Оксана Викторовна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kuchmaeva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-0386-857X](https://orcid.org/0000-0003-0386-857X); РИНЦ Author ID: [496666](https://elibrary.ru/496666); Web of Science Researcher ID: [L-9513-2015](https://orcid.org/L-9513-2015).

Васильева Екатерина Николаевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vasilevaen@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0460-5539](https://orcid.org/0000-0002-0460-5539); РИНЦ Author ID: [240731](https://elibrary.ru/240731); Web of Science Researcher ID: [K-6216-2013](https://orcid.org/K-6216-2013).

Статья поступила в редакцию 25.08.2023; принята в печать 26.10.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE INSTITUTE OF MULTI-GENERATIONAL FAMILY AS A RESERVE OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Oksana V. Kuchmaeva*Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia**E-mail: kuchmaeva@yandex.ru***Ekaterina N. Vasileva***Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia**E-mail: vasilevaen@yandex.ru*

For citation: Rostovskaya, Tamara K. *The Institute of Multi-Generational Family as a Reserve of Demographic Development in Russia* / T. K. Rostovskaya, O. V. Kuchmaeva, E. N. Vasileva. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 59–77. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.4).

Abstract. Negative demographic trends have actualized the search for Russia's demographic development reserves. The article defines the concept of "demographic development reserve" and highlights the authors' approach to studying multigenerational households as an institution providing potential reserves for marriage and family relations reinforcement. The purpose of the study is to identify the prevalence of multigenerational households in Russia, the nature of interaction between generations in families under the conditions of nuclearization and the role of generational solidarity as a demographic development reserve. The authors' conclusions are based on the data of All-Russian population censuses (1989, 2002, 2010 and 2020), as well as the results of author's sample studies (international sociological research "Family and Family Policy: A Generational Perspective", All-Russian sociological research "Demographic well-being of Russia. National demographic report", regional sociological research "The life of a multigenerational household in conditions of self-isolation", All-Russian sociological research "Student family of Russia"). As a result of the structure of households' analysis based on population census data were identified several trends. Firstly, increasing number of people living alone. Secondly, reduction in number of families consisting of several married couples. Thirdly, reduction in the number of children in the family along with an increase in the proportion of large families, etc. According to authors' sociological research the proportion of those who believe that young families (as well as children over 18 years old) should live separately from their parents is increasing. Most of parents help their children who have already created families and live separately. They help in raising grandchildren, paying for housing, buying things, providing financial assistance, etc. Children growing up and their parents to retiring change the situation. Adult children begin to provide assistance to their elderly parents (care during illness, household help, monetary assistance, etc.). It can be stated that solidarity (a stable relationship and the connection of several generations of a family) is an instrument for supporting the economic and social well-being of Russian families regardless of residence type (separately in one or different localities or jointly).

Keywords: family institute, multi-generational family, nuclearization, demographic reserves, household, family group

References

1. Yacemirskaya, R. S. *Socialnaya Gerontologiya [Social Gerontology]* : Textbook for University Students. Moscow : VLADOS Publishing House, 2003. 223 p. (In Russ.).
2. Patsiorkovsky, V. V. Multi-Generation Family as a Base for Demographic Growth. *Russia and the Contemporary World*. 2008. No 3. Pp. 194–209. (In Russ.).
3. Antonov, A. I. *Sotsiologiya sem'i [Sociology of the family]* : Textbook for Universities in the Specialty "Sociology" / A. I. Antonov, V. M. Medkov. Moscow : Moscow University Press ("Brat'ya Karich"), 1996. 302 p. (In Russ.).
4. Gerasimova, I. A. *Struktura sem'i [Family structure]*. Moscow : Statistika Publishing House, 1976. 168 p. (In Russ.).
5. Ruzhzhe, V. L. *Struktura i funktsii semeynykh grupp [Structure and functions of family groups]* / V. L. Ruzhzhe, I. I. Eliseeva, T. S. Kadibur. Moscow : Finansy i statistika Publishing House, 1983. 160 p. (In Russ.).
6. Good, W. *World Revolution and Family Patterns*. New York : Free Press, 1963. 432 p. ISBN 9780029124604.
7. Parsons, T. *Family, Socialization and Interaction Process* / T. Parsons, R. Bales. Glencoe : Free Press, 1955. 422 p.
8. Sinelnikov, A. B. *Transformatsiya sem'i i razvitiye obshchestva [Transformation of the family and the development of society]* : A Textbook for Students of Higher Educational Institutions in the Specialty "Sociology". Moscow : KDU Publishing House, 2008. 319 p. ISBN 978-5-98227-546-2. (In Russ.).
9. Ogburn, W. F. *Technology and Changing Family* / W. F. Ogburn, M. F. Nimkoff. Cambridge : Riverside Press, 1955. 348 p. ISBN 9780837193113.

10. Rostovskaya, T. K. *Family and Demographic Processes in Modern Russia* / T. K. Rostovskaya, V. N. Arkhangelskiy, A. E. Ivanova, O. V. Kuchmaeva, V. G. Semyonova. Moscow : Ekon-Inform Publishing House, 2021. 257 p. ISBN 978-5-907427-21-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021) (In Russ.).
11. White, J. M. *Family theories (3rd ed.)* / J. M. White, D. M. Klein. Thousand Oaks : Sage Publications, 2008. 333 p. ISBN 978-1-4129-3748-1.
12. Gurko, T. A. *Brak i roditel'stvo v Rossii [Marriage and parenthood in Russia]*. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2008. 325 p. ISBN 978-5-89697-139-9 (In Russ.).
13. Gurko, T. A. *Teoreticheskiye podkhody k izucheniyu sem'i [Theoretical approaches to the study of the family]*. Moscow : Institute of Sociology RAS, 2016. 210 p. ISBN 978-5-89697-271-6. (In Russ.).
14. Kuchmaeva, O. V. Social Activity of Elderly Russians and Prospects of Implementation of the "Active Ageing" Policy. *Population and Economics*. 2018. Vol. 2, No. 4. Pp. 47–84. DOI [10.3897/popecon.2.e36060](https://doi.org/10.3897/popecon.2.e36060).
15. Vovk, E. A. Stariki v sem'ye: osobennosti mezhpokolencheskogo vzaimodeystviya [Old people in the family: features of intergenerational interaction]. *Otechestvennyye zapiski [Domestic notes]*. 2005. No. 3 (24). Pp. 102–108. (In Russ.).
16. Gladnikova, E. V. Mezhpokolennyye transferty: napravleniye, uchastniki i faktory, ikh opredelyayushchiye [Intergenerational transfers: direction, participants and factors that determine them]. *Social'naya politika: ekspertiza, rekomendacii, obzory [Social policy: expertise, recommendations, reviews] (SPERO)*. 2007. No. 7. Pp. 125–148. (In Russ.).
17. Ibragimova, D. H. Skol'ko «stoit» rossiyskaya babushka? [How much does a Russian grandmother "cost"?] In : Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'ye i obshchestve [Parents and children, men and women in the family and society] Ed. by T. M. Maleva, O. V. Sinyavskaya. Moscow : National Institute of Social Policy, 2007. Pp. 623–637. (In Russ.).
18. Mironova, A. A. Intergenerational Solidarity of Relatives in Russia. *Sociological Research*. 2014. No. 10. Pp. 136–142. (In Russ.).
19. Prokofieva, L. M. The Role of Interfamily Exchange in the System of Material Support and Care for the Elderly in Modern Russia / L. M. Prokofieva, A. A. Mironova. *Demographic Review*. 2015. No. 3. Pp. 69–86. (In Russ.).
20. Michielin, F. Geographical Distances Between Adult Children and Their Parents in the Netherlands / F. Michielin, C. H. Mulder. *Demographic Research*. 2007. Vol. 17, No. 22. Pp. 655–678. DOI [10.4054/DemRes.2007.17.22](https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.22).
21. Roberts, R. E. L. Intergenerational Solidarity in Families / R. E. L. Roberts, L. N. Richards, V. Bengtson. *Marriage & Family Review*. 1991. Vol. 16, No. 1–2. Pp. 11–46. DOI [10.1300/j002v16n01_02](https://doi.org/10.1300/j002v16n01_02).
22. Shelton, N. Proximity of Adult Children to Their Parents in Great Britain / N. Shelton, E. Grundy. *International Journal of Population Geography*. 2000. Vol. 6, No. 3. Pp. 181–195. DOI [10.1002/1099-1220\(200005/06\)6:3<181::AID-IJPG181>3.0.CO;2-U](https://doi.org/10.1002/1099-1220(200005/06)6:3<181::AID-IJPG181>3.0.CO;2-U).
23. Rostovskaya, T. K. The Role of the Multi-Generational Moscow Family in the Context of the COVID-19 Pandemic: The Sociological Analysis / T. K. Rostovskaya, D. P. Tolmachev, Ya. V. Shimanovskaya. *Izvestia of Saratov university. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2020. No. 4. Pp. 394–398. DOI [10.18500/1818-9601-2020-20-4-394-398](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-394-398). (In Russ.).
24. Zakharov, S. V. Perspektivy rozhdayemosti v Rossii. Vtoroy demograficheskiy perekhod [Prospects of fertility in Russia. The second demographic transition]. *Otechestvennyye zapiski [Domestic notes]*. 2005. No. 3. P. 124–140. (In Russ.).
25. Rostovskaya, T. K. Transformation of the Desired Family Model in Different Generations: Results of the All-Russian Sociological Study / T. K. Rostovskaya, O. V. Kuchmaeva. *RUDN Journal of Sociology*. 2020. Vol. 20, No. 3. Pp. 527–545. DOI [10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545). (In Russ.).
26. Lesthaeghe, R. The Second Demographic Transition, 1986–2020: Sub-replacement Fertility and Rising Cohabitation – a Global Update. *Genus*. 2020. Vol. 76, No. 10. DOI [10.1186/s41118-020-00077-4](https://doi.org/10.1186/s41118-020-00077-4).
27. Sobotka, T. The Diverse Faces of the Second Demographic Transition in Europe. *Demographic Research*. 2008. Vol. 19, No. 7. Pp. 171–224. DOI [10.4054/DemRes.2008.19.8](https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.8).
28. Ryazantsev, S. V. Social Reserves of the Demographic Development of Russia in the Current Conditions: Definition, Components Factors / S. V. Ryazantsev, M. N. Khramova, A. S. Grishin. *Scientific Review. Series 2: Human Science*. 2016. No. 6. Pp. 33–46. (In Russ.).
29. Rostovskaya, T. K. Vliyaniye mnogopokolennoy sem'i na kachestvo zhizni rossiyan [The impact of a multi-generational family on the quality of life of Russians] / T. K. Rostovskaya, N. A. Bezverbnaya. In : *Sberezheniye naseleniya Rossii: zdorov'ye, zanyatost', uroven' i kachestvo zhizni [Saving the population*

of Russia: health, employment, level, and quality of life]. Materials of the All-Russian scientific and practical conference "I Rimashevskaya readings". Moscow : Offset Printing Factory Publishing House, 2018. Pp. 187–189. (In Russ.).

Bio notes:

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); RSCI Author ID: [767943](https://rsci.org/author/767943); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://www.researcherid.org/rid/F-5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://orcid.org/57192987864).

Oksana V. Kuchmaeva, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kuchmaeva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-0386-857X](https://orcid.org/0000-0003-0386-857X); RSCI Author ID: [496666](https://rsci.org/author/496666); Web of Science Researcher ID: [L-9513-2015](https://www.researcherid.org/rid/L-9513-2015).

Ekaterina N. Vasilieva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vasilevaen@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0460-5539](https://orcid.org/0000-0002-0460-5539); RSCI Author ID: [240731](https://rsci.org/author/240731); Web of Science Researcher ID: [K-6216-2013](https://www.researcherid.org/rid/K-6216-2013).

Received on 25.08.2023; accepted for publication on 26.10.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.5)

EDN [OFLPIM](https://oafpim.org/)

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Осадчая Г. И.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: osadchaya111@gmail.com

Юдина Т. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ioudinatn@mail.ru

Кочербаева А. А.

Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина, Бишкек, Киргизия

E-mail: ainura_koch@mail.ru

Для цитирования: Осадчая, Г. И. Репродуктивное поведение мигрантов из стран Центральной Азии в Московской агломерации / Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина, А. А. Кочербаева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 78–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.5). EDN [OFLPIM](https://oafpim.org/).

Аннотация. Большинство мигрантов прибывает в московскую агломерацию из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана. В условиях отсутствия статистических данных о вкладе иммигрантов в регистрируемую рождаемость авторы настоящей научной работы поставили перед собой цель, опираясь на результаты социологического исследования, проанализировать репродуктивное поведение мигрантов из этих стран. В статье дан анализ отечественной и зарубежной литературы по проблемам рождаемости мигрантов, обоснована недостаточность изученности репродуктивного поведения мигрантов из центральноазиатских государств, предложено рабочее определение категории «репродуктивное поведение мигрантов». Для разработки теоретико-методологических подходов и инструментария измерения репродуктивного поведения мигрантов из стран Центральной Азии использованы общеметодологические приемы, методы работы с документами, анализа статистики и опроса. В основе изучения репродуктивного поведения мигрантов лежат результаты анкетного опроса граждан Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана, проведенного в феврале – марте 2023 г. Опрос москвичей включен в программу исследования для сопоставительной оценки репродуктивного поведения мигрантов из стран Центральной Азии и жителей Москвы и Московской области. Репродуктивное поведение мигрантов рассматривается на основе особенностей брачного статуса, детности, установок репродуктивного поведения, системы жизненных ценностей и ценностных ориентаций, влияющих на репродуктивное поведение мигрантов. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при подготовке и реализации комплекса мер, направленных на демографическое благополучие столицы. Исследование не носит репрезентативного характера, поскольку отбор респондентов-мигрантов возможен лишь на основе неслучайной выборки с использованием метода целевого отбора по трем признакам: гражданство, место проживания и работы, возраст.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, репродуктивные установки, ценности, ценностные установки, мигранты, страны Центральной Азии

Введение

Хорошие условия для работы, бизнеса, учебы в Москве и Московской области

способствуют росту количества проживающих здесь иностранцев¹. Среди государств, откуда прибывает большинство мигрантов в московскую агломерацию, – страны Центральной Азии: Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан². Миграция в значительной степени определяет демографические характеристики населения региона, изменяет его половозрастную структуру, отражается на режиме воспроизводства. В Московской агломерации она не только возместила естественную убыль, но и обеспечила довольно значительный рост населения, внесла заметный вклад в рождения [1]. При этом вопрос о взаимосвязи рождаемости и миграции остается крайне мало изученным [2; 3].

Учитывая значимость оценки будущих изменений численности и этнического состава населения столичной агломерации, в статье поставлена цель, опираясь на результаты социологического исследования, проанализировать репродуктивное поведение мигрантов из центральноазиатских государств.

Научная новизна работы обусловлена особенностью социологического познания, которое проявляется в возможности рассматривать репродуктивное поведение мигрантов на основе непосредственных эмпирических данных, включающих ценностные ориентации личности, конкретную мотивацию поведения, потребности, нормы. В статье уточнено понятие «репродуктивное поведение» и проанализированы его основные особенности.

Результаты исследования могут быть использованы органами власти при подготовке и реализации комплекса мер, направленных на демографическое благополучие столичной агломерации.

Обзор научной литературы

В отечественной и зарубежной литературе исследуются самые разные аспекты социально-демографических процессов [4–9]. Сформировалось несколько подходов, объясняющих взаимосвязи миграции и рождаемости: адаптационный, социализации, разрыва, селективности и др. [10]. К. И. Казенин в своей статье справедливо отмечает, что «ни одна из гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости не является универсально верной [11, с. 68].

Исследователями накоплен весьма ценный опыт эмпирических исследований по данной теме. Влияние трудовой миграции на рождаемость и репродуктивное здо-

¹ Количество иностранцев, проживающих в Москве в 2023 году // Инструкции от профессионалов : [сайт]. URL: <https://biletworldskills.ru/kolichestvo-inostrantsev-prozhivayuschih-v-moskve-v-2023-godu> (дата обращения: 01.08.2023); Краткий статистический сборник «Москва в цифрах» // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области : [сайт]. URL: <https://77.rosstat.gov.ru/folder/65047> (дата обращения: 01.08.2023); Почему Подмоскovie удалось сохранить прирост населения, объяснили эксперты // Подмоскovie сегодня : [сайт]. URL: <https://mosregtoday.ru/news/soc/pochemu-podmoskov-yu-udalos-sohranit-prirost-naseleniya-ob-yasnili-eksperty/> (дата обращения: 01.08.2023).

² В РФ на заработки в 2022 году чаще всего приезжали граждане Узбекистана и Таджикистана // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17090753> (дата обращения: 01.08.2023); Стало известно, из каких стран прибыло в Россию больше всего трудовых мигрантов в 2022 году // Газета.Ru : [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/07/18975343.shtml> (дата обращения: 01.08.2023); В Россию за 2022 год приехало на треть больше мигрантов: какие страны в лидерах // Банки Сегодня : [сайт]. URL: <https://bankstoday.net/last-news/v-rossiyu-za-2022-god-priehalo-na-tret-bolshe-migrantov-kakie-strany-v-liderah> (дата обращения: 01.08.2023); Количество иностранцев, проживающих в Москве в 2023 году // Инструкции от профессионалов : [сайт]. URL: <https://biletworldskills.ru/kolichestvo-inostrantsev-prozhivayuschih-v-moskve-v-2023-godu> (дата обращения: 01.08.2023).

ровые на примере таджикских трудовых мигрантов в России [2] проанализировано С. В. Рязанцевым и М. М. Каримовым, на материале северного Кавказа – К. И. Казениным [12].

Ученые проанализировали факторы, влияющие на рождаемость среди трудовых мигрантов в РФ из Кыргызстана и Таджикистана [13], особенности трансформации семейно-брачного поведения трудовых мигрантов [14], гендерные особенности репродуктивного поведения молодого поколения в России, Казахстане и Кыргызстане [15], предложили научно-исследовательский подход к оценке влияния внешней миграции на процессы брачности и рождаемости в современной России [16]. Следует отметить исследование проблемы миграции и брака А. Снайдером [17] в котором он допустил влияние ненаблюдаемых общих факторов на оценки как миграции, так и брака, и И. Хайман, С. Гуруге, Р. Мейсон [18], выявивших влияния постмиграционных изменений на супружеские отношения.

Методология и методы исследования, источники информации

Опираясь на работы западных и российских социологов (М. Вебер, Т. Парсонс, В. А. Ядов, Н. Ф. Наумова, М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова, Т. И. Заславская и др.), мы под репродуктивным поведением мигрантов из стран Центральной Азии, проживающих в Московской агломерации, понимаем внешне наблюдаемую осознанную систему действий и поступков, в которых реализуется внутреннее побуждение приезжих, связанное с рождением или отказом от рождения детей любой очередности, в браке или вне брака. Полагаем, что репродуктивное поведение мигрантов обусловлено ценностными ориентациями индивидов, потребностями, принятыми нормами, детерминировано внешней средой и может быть измерено как субъективные мнения и предпочтения респондентов в этой сфере.

В исследовании для разработки теоретико-методологических подходов и инструментария измерения репродуктивного поведения мигрантов использованы общеметодологические методы и приемы, методы работы с документами (анализ статистики) и опроса.

В основе статьи – оценка результатов анкетирования, проведенного в феврале – марте 2023 г. Опрошены 970 человек (Казахстан – 201, Кыргызстан – 175, Россия – 204, Таджикистан – 199, Узбекистан – 191). Выбор респондентов осуществлялся по случайной выборке с использованием метода целевого отбора по трем признакам: гражданство (граждане Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана), место проживания и работы (Москва и Московская область), возраст (18–45 лет). Опрос москвичей включен в программу исследования для сопоставительного анализа репродуктивного поведения мигрантов из центральноазиатских стран и Москвы.

Во всех выборках в одинаковых пропорциях представлены возрастные когорты: 18–25, 26–35, 36–45 лет, доля мужчин и женщин соответствует примерной гендерной структуре мигрантов, с одной стороны, и москвичей и жителей Подмосковья, с другой стороны, что дает основания для сравнения данных о репродуктивном поведении населения принимающего общества и мигрантов из Центральной Азии.

Важно заметить, что среди респондентов – жителей Москвы и Московской области – с рождения в данном регионе проживают 55%, остальные прибыли сюда в основном из других областей, краев, республик России, то есть являются внутренними мигрантами.

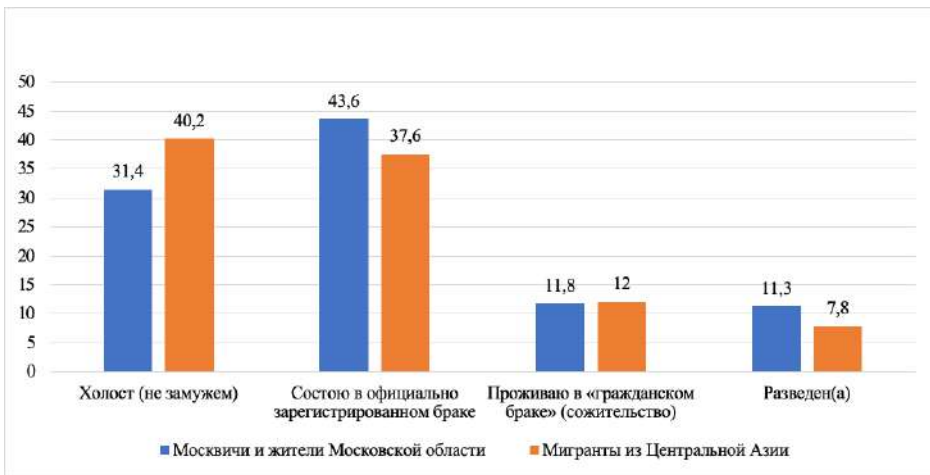
Результаты

Брачный статус, детность и установки репродуктивного поведения

Репродуктивное поведение проявляется как осознанное, мотивированное действие респондентов, возникающее для удовлетворения потребности в детях: во вступлении в брак для достижения этой цели, рождении и заботе о детях, репродуктивных установках.

По данным нашего исследования, в официально зарегистрированном браке состоят 38% мигрантов, холосты (не замужем) – 40%. Необходимо добавить, что среди опрошенных особой разницы по брачному статусу по странам Центральной Азии нет. Доля москвичей и жителей Подмосковья среди женатых или замужних выше – 44%, а холостых ниже – 32% (рис. 1). В группе мужчин-мигрантов больше холостых, нежели в группе незамужних мигранток (мужчины – 44%, женщины – 35%). Это подтверждает гипотезу о том, что женщины чаще мигрируют с мужьями. К 36–45 годам в официально зарегистрированном браке в обеих группах респондентов-граждан стран Центральной Азии и граждан России состоит 61% от опрошенных.

Жизнь в столичной агломерации отражается на социальных практиках репродуктивного и семейно-брачного поведения мигрантов. Возможно, этому способствует развитие в Московском мегаполисе различных типов партнерских сожительств и лояльные отношения к жизни без регистрации, внебрачным рождениям, оторванность мигрантов от семьи. По ответам респондентов в изучаемых возрастных когортах равная доля от числа опрошенных москвичей и жителей Подмосковья (12%), мигрантов (12%) проживает в «гражданском браке» (сожительство). Среди мигрантов больше доля респондентов активного репродуктивного возраста 26–35 лет (15%), а среди жителей Московской агломерации – 18–25 лет (23%).

Рис. 1. Брачный статус респондентов (% от числа опрошенных)

Fig. 1. Marital status of respondents (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса

Возможно, результаты опроса не в полной мере отражают положение дел на брачном рынке столичного региона. Ряд исследователей семейно-брачного поведения трудовых мигрантов отмечает рост двоебрачия [14]. В качестве главных причин вступления в брак в России женатых трудовых мигрантов называются: желание по-

лучить регистрацию по месту жительства, бытовые удобства, эмоциональные и сексуальные отношения. Специалисты считают, что в России в последнее время получил развитие теневой бизнес по содействию в заключении браков с целью получения паспорта РФ³.

Факты вступления в новые отношения (сожительства или создания еще одной семьи в России) при наличии семьи в стране исхода подтверждают и наши исследования. Пятой части опрошенных приходилось самим сталкиваться с такими случаями, еще около половины слышали об этом. Считается, что двоебрачие, сожительство снижают возможности рождения детей. Между тем, не исключено, что репродуктивные намерения мигранта могут реализоваться и в новой российской семье.

Репродуктивное поведение респондентов характеризуется реальным количеством детей, о которых они заботятся. Четверть мигрантов и жителей столичного региона имеет одного ребенка, еще пятая часть – двух детей. Трех и более детей чаще имеют мигранты (мигранты – 15%, москвичи и жители Подмоскovie – 4%) (табл. 1). Приезжие из всех стран заботятся примерно о равном количестве детей. Т. е. мы можем говорить о реальном преобладании в возрастных группах от 18 до 45 лет среди участников опроса малодетного типа семей. Отметим, что женщины-мигрантки по сравнению с мужчинами реже оставляют детей на родине.

Таблица 1

Количество детей, о которых заботятся респонденты (% от числа опрошенных)

Table 1

Number of children cared for by respondents (% of respondents)

Количество детей	Мигранты			Москвичи и жители Подмоскovie
	Всего	В России	В стране исхода	
Один ребенок	24,0	16,2	8,6	24,0
Двое детей	22,6	14,2	8,4	21,1
Трое детей	9,1	5,4	3,7	3,4
Больше, чем трое детей	5,9	2,9	3,0	1,0

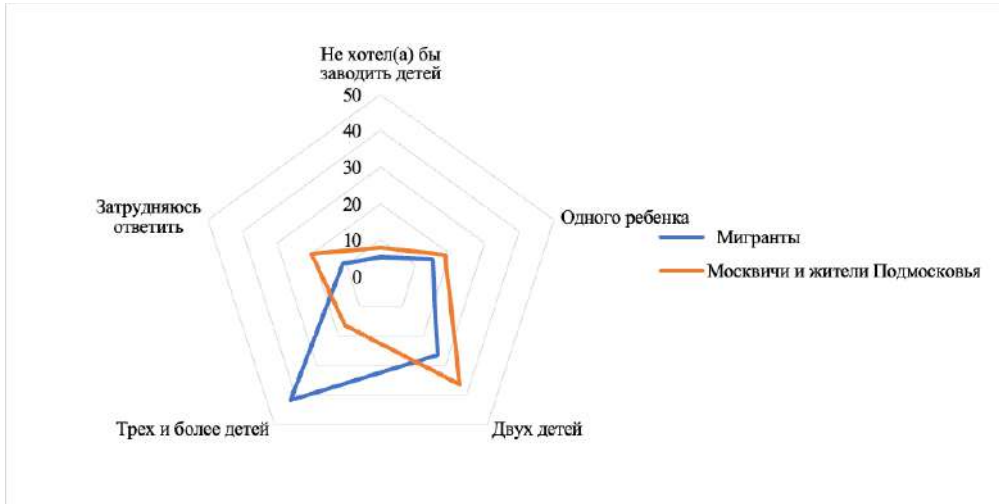
Источник: составлено авторами по данным социологического опроса

Следует подчеркнуть различия возрастной модели рождения первого ребенка у мигрантов и жителей Московской агломерации. Так, в возрастной группе мигрантов 18–25 лет 14% опрошенных уже имеют детей, среди жителей Московского региона – 8%. Это создает лучшие возможности для будущих рождений. Если первый ребенок появляется, когда родителям по 20–22 года, вероятность того, что семья станет многодетной, в разы выше, чем когда «старт» родительства начинается в 30–35 лет, как происходит в столичном регионе.

Для измерения репродуктивных установок, которые формируются под воздействием множества различных факторов, в нашем исследовании мы использовали формулу «количество детей в течение жизни в идеальной ситуации», что позволило понять, каков уровень предпочтений мигрантов по сравнению с москвичами и жителями Московской области.

³ Ульмасов, Р. Влияние внешней миграции на брачность и разводимость мигрантов // Российский совет по международным делам : [сайт]. 25.04.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/vliyanie-vneshney-migratsii-na-brachnost-i-razvodimost-migrantov/> (дата обращения: 20.08.2023)

Как показал опрос, среди респондентов есть те, кто не хотел бы иметь детей. На малодетный тип семьи (1–2 ребенка) ориентированы 42% мигрантов и 55% жителей Московской агломерации. А на многодетный по российским меркам (3 и более детей) – 42% мигрантов и 17% жителей столичного региона, то есть в 2,5 раза больше. (рис. 2) Стоит признать гендерные различия репродуктивных установок мигрантов на многодетность. Мужчины чаще декларировали желание иметь трех и более детей (мигранты 45%, мигрантки – 37%). Среди опрошенных достаточно большое количество затруднившихся ответить (11% мигрантов и 20% жителей столичного региона).

Рис. 2. Количество детей в идеальной жизненной ситуации для респондентов (% от числа опрошенных)

Fig. 2. The number of children in an ideal life situation for respondents (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса

Таким образом, мы можем констатировать, что у мигрантов из республик Центральной Азии сохраняется более высокий потенциал репродуктивного поведения. Однако целесообразно учитывать и то обстоятельство, что вероятность реализации идеальных репродуктивных установок, как правило, не достигается.

Система жизненных ценностей, ценностные ориентации мигрантов из Центральной Азии

Понимание сути репродуктивного поведения мигрантов невозможно без уяснения системы ценностей как фундаментальных норм общества и ценностных ориентаций опрошенных, являющихся результатом интериоризации этих норм и индивидуального жизненного опытом человека [19–21].

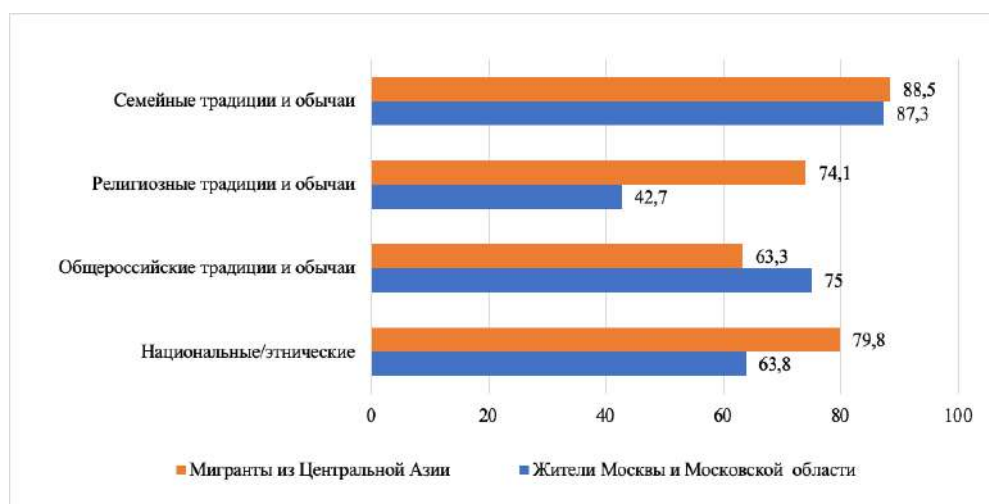
В нашем исследовании мы измеряем ценностные ориентации респондентов как субъективный образ представлений о вариантах репродуктивного поведения, системе семейных отношений, основанных на общественных идеалах.

По данным опроса, мигранты в 1,3 раза чаще согласны с утверждением о том, что создание своей семьи является главной жизненной целью и достижением. Та же тенденция отмечается и в ответах о терминальных ценностях. На вопрос «Что из перечисленного ниже наиболее важно для Вас лично?» в рейтинге у мигрантов первое

место занимает ответ «Крепкая семья, хорошие дети», у москвичей и жителей Подмосковья – это 2–4 ранг.

Позицию «Быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать» чуть чаще отмечали мигранты из Кыргызстана. «Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты» – жители московской агломерации, а из мигрантов – казахстанцы. Карьеру, власть – казахстанцы. Стремление к Богу, следование его заповедям – мигранты из Кыргызстана и Узбекистана. Уважение со стороны окружающих москвичи и жители Подмосковья выбрали в 3,8 раза меньше, нежели мигранты.

Особенности терминальных ценностей респондентов объясняет значимость для мигрантов национальных (этнических) традиций и обычаев, особенно религиозных (рис. 3).

Рис. 3. Значимость традиций и обычаев: очень важны/ скорее важны (% от числа опрошенных по группам)

Fig. 3. Importance of traditions and customs: very important/ rather important (% of respondents by groups)

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса

Духовно-нравственные ориентиры репродуктивного поведения определяют разделяемые респондентами семейные ценности, обуславливающие целенаправленный процесс создания идеальной семьи. Большинство респондентов важным для создания и функционирования своей семьи считает такие абсолютные ценности, как взаимная любовь, взаимное уважение. Мигранты более высоко ценят верность брачному партнеру. Для москвичей и жителей Подмосковья более важна взаимная поддержка, взаимное удовлетворение сексуальной жизнью супругов. (табл. 2)

Таблица 2

**Оценка респондентами важности семейных ценностей (множественный вопрос)
(% от числа опрошенных)**

Table 2

**Respondents' assessment of the importance of family values (multiple question)
(% of respondents)**

Ранг	Москвичи и жители Подмосковья	Ранг	Мигранты
1-3	Взаимная любовь (52,0%) Взаимная поддержка супругов (50,5%) Взаимное уважение (49,0%)	1-2	Взаимная любовь (53,5%) Взаимное уважение (52,9%)
		3	Сохранение верности партнеру (41,5%)
4-6	Взаимное удовлетворение сексуальной жизнью супругов (31,9%) Сохранение верности партнеру (31,9%) Согласие супругов по всем ключевым вопросам (29,9%)	4-6	Взаимная поддержка супругов (36,7%) Согласие супругов по всем ключевым вопросам (29,6%) Наличие семейных традиций (23,4%)

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса

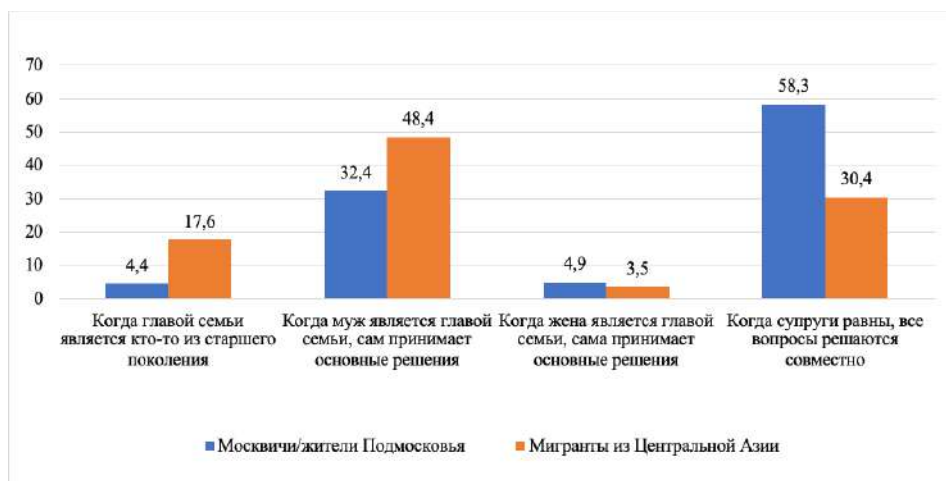
Одной из важнейших семейных ценностей является уважение индивидуальности каждого члена семьи, недопустимость насилия одного супруга над другим для подчинения собственным интересам и потребностям, установления власти и контроля над членами своей семьи. Внутрисемейное насилие оказывает серьезное влияние на внутреннее побуждение человека, связанное с рождением или отказом от рождения детей, может привести к разводам [22]. Насилие в семье – сложное социальное явление, всегда имеющее латентный характер и значительные последствия для пострадавших членов семьи. Поэтому в опросе мы уточнили отношение респондентов к данному явлению, задав им вопрос о возможном введении наказания.

Уголовное наказание за это деяние поддержало бы большинство опрошенных жителей Московского мегаполиса (78%) и на 16% меньше мигрантов (61%). Безусловную поддержку введения уголовного наказания за внутрисемейное (домашнее) насилие преимущественно высказывали женщины (москвички и жительницы Подмосковья – 88%, мигрантки – 72%, москвичи и жители Подмосковья – 78%, мигранты – 54%). Это может косвенно свидетельствовать о том, что женщины чаще испытывают на себе давление со стороны членов семьи. Вместе с тем следует признать, что респонденты не всегда четко определяют границы насильственных действий по отношению к членам семьи, чаще речь идет о физическом насилии.

Исследование фиксирует различия в представлениях участников опроса о должной семейной иерархии, обозначая те изменения, которые происходят при трансформации традиционной семьи. Как показывает опрос, мигранты скорее придерживаются традиционной системы, тесно связанной с порядком, определяющим авторитет, власть в семье и степень влияния одного члена семьи на других. Они чаще ориентированы на патриархальную модель, которая представляет собой властную систему, во главе которой стоит отец, полагают, что глава семьи – муж, или главой семьи должен быть кто-то из представителей старшего поколения. При этом матриархальная модель семьи практически не имеет поддержки. Москвичи демонстрируют большую симметрию моделей мужского и женского семейного поведения, когда члены семьи могут замещать друг друга при выполнении семейных обязанностей. 6

из 10 опрошенных полагают, что супруги равны, все вопросы должны решаться совместно. Пожалуй, мы можем говорить о сохранении в представлениях большинства респондентов-мигрантов авторитарной системы властных отношений в семье, а москвичей и жителей Подмоскovie – демократической (рис. 4).

Рис. 4. Мнение респондентов о наиболее приемлемой форме взаимоотношений внутри семьи (% от числа опрошенных)

Fig. 4. Opinion of respondents on the most acceptable form of relationships within the family (% of respondents)

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса

Мужчины чаще поддерживают форму взаимоотношений внутри семьи, когда муж является главой семьи, сам принимает основные решения. Женщины – когда супруги равны, все вопросы решаются совместно. Это наиболее приемлемая форма взаимоотношений внутри семьи в возрастной группе 36–45-летних мигрантов, а в возрасте 18–25 и жители Московского региона, и мигранты разделяют мнение о равенстве супругов. То есть молодые респонденты чаще демонстрируют приверженность демократическому, эгалитарному типу распределения власти в семье.

Влияние распределения власти в семье на репродуктивное поведение человека изучено не в полной мере, но все же считается, что традиционная система иерархии отношений чаще приводит к многодетности. Так, по мнению Т. Л. Крюковой, лидерство и даже порой доминирование одного из супругов является необходимым условием устойчивости семьи [23].

Выводы

В последние годы возрастает интерес к изучению субъективных факторов репродуктивного поведения мигрантов. Свои позиции все больше утверждает социологический контекст исследования этой проблемы. Как показал проведенный нами опрос, в Московскую агломерацию приезжают мигранты в разном брачном статусе. 4 из десяти состоят в официально зарегистрированном браке, еще 4 из десяти холосты (не замужем), 8% разведены, 2% вдовы, 12% мигрантов проживает в «гражданском браке» (сожительство). В московский регион 36% приехали в одиночку, а 23% в составе семьи или семейной группы. Наши исследования фиксируют факты вступления ми-

грантов в новые отношения (сожительство или создание еще одной семьи в России) при наличии семьи в стране исхода. Пятой части опрошенных приходилось самим сталкиваться с такими случаями. Не исключено, что репродуктивные намерения мигранта могут реализоваться в новой семье (официальной или неофициальной) в России.

По состоянию на время опроса у мигрантов так же, как у жителей столичного региона, в возрастных группах от 18 до 45 лет преобладает малодетный тип семьи. Но трех и более детей в три раза чаще имеют мигранты. Возрастные модели рождения первого ребенка у граждан изучаемых стран Центральной Азии характеризуются более ранними рождениями детей, что создает большую вероятность рождения следующих детей по сравнению с традиционным стартом родительства в 30–35 лет в Московской агломерации.

Анализ репродуктивных установок по формуле «количество детей в течение жизни в идеальной ситуации» показал, что у мигрантов из центральноазиатских республик сохраняется более высокий потенциал репродуктивного поведения. На малодетный тип семьи (1–2 ребенка) ориентированы 42% мигрантов и 55% жителей Московского региона. А на многодетный по российским меркам (3 и более детей) – 42% мигрантов и 17% жителей столичной агломерации, то есть в 2,5 раза больше. Среди опрошенных достаточно большое количество тех, кто, видимо, не задумывался над таким вопросом.

Мигранты чаще по сравнению с населением принимающего общества своей главной жизненной целью (достижением) считают создание собственной семьи. У москвичей и жителей Подмосковья на первом месте – «Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты».

Особенности терминальных ценностей опрошенных мигрантов объясняются значимостью для них национальных (этнических) традиций и обычаев, особенно религиозных.

Большинством участников опроса разделяются абсолютные семейные ценности: взаимная любовь, взаимное уважение. Мигранты выше ценят верность партнеру. Для москвичей и жителей Подмосковья более важна взаимная поддержка супругов, взаимное удовлетворение сексуальной жизнью супругов. Чем старше респонденты, тем выше они ценят согласие супругов по всем ключевым вопросам, сохранение верности партнеру.

В исследовании уточнено отношение респондентов к внутрисемейному насилию как фактору, оказывающему серьезное влияние на внутреннее побуждение человека, связанное с рождением или отказом от рождения детей. Введение уголовного наказания за это деяние поддержало большинство опрошенных москвичей и жителей Подмосковья (78%) и меньшее число мигрантов (61%). Чаще безусловную поддержку введению уголовного наказания за внутрисемейное (домашнее) насилие высказывали женщины, что может косвенно свидетельствовать о том, что они чаще испытывают на себе давление со стороны других членов семьи.

Опрос фиксирует различия в представлениях респондентов о должной семейной иерархии. Мигранты скорее придерживаются традиционной системы, тесно связанной с порядком, определяющим авторитет, власть и степень влияния одного члена семьи на других. Они зачастую следуют патриархальной модели семьи. Матриархальная модель практически поддержки не имеет. Жители Московского региона демонстрируют большую симметрию моделей мужского и женского семейного по-

ведения: когда члены семьи могут замещать друг друга при выполнении семейных обязанностей. 6 из 10 опрошенных полагают, что супруги равны, все вопросы должны решаться совместно. Видимо, мы можем говорить о сохранении в представлениях большинства – мигрантов-участников опроса авторитарной системы властных отношений в семье, а у москвичей и жителей Подмосковья – демократической. Молодые респонденты (жители московской агломерации – 67%, мигранты – 42%) демонстрируют демократический, эгалитарный тип распределения власти в семье. Эксперты полагают, что фактором стабильности семьи является традиционная система иерархии отношений.

Полученные нами результаты в определенной степени способствуют расширению теоретического знания о репродуктивном поведении мигрантов, дополняют опыт предыдущих исследований, наполняют теорию социологии миграции новой и актуальной информацией о поведении мигрантов из Центральной Азии в столичной агломерации. Итоги опроса могут быть использованы органами власти при подготовке и реализации комплекса мер, направленных на демографическое благополучие столицы.

Список литературы

1. Доронина, К. А. Миграция как источник роста населения столичных мегаполисов России в период между переписями 1989 и 2010 гг. // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 131–141. EDN [QMQQJA](#).
2. Рязанцев, С. В. Влияние трудовой миграции на рождаемость и репродуктивное здоровье (на примере таджикских трудовых мигрантов в России) / С. В. Рязанцев, М. М. Каримов // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2013. С. 40–51. EDN [QZGGNN](#).
3. Вишневский, А. Г. Что знает и чего не знает российская демографическая статистика / А. Г. Вишневский, С. В. Захаров // Вопросы статистики. 2010. № 2. С. 7–17. EDN [LLXIYL](#).
4. Мамедов, И. Б. Роль миграционных процессов в демографическом развитии в европейских странах // Ученые записки Крымского федерального университета имени И. В. Вернадского. География. Геология. 2020. Т. 6 (72), № 2. С. 93–105. EDN [KGCAII](#).
5. Мусин, У. Р. Миграция и демографическая ситуация в регионе // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 12–2 (82). С. 175–178. DOI [10.24412/2411-0450-2021-12-2-175-178](#). EDN [AAUXUX](#).
6. Bel-Air, F. De. Demography, Migration, and Labour Market in Qatar. Migration Policy Centre, GLMM, Explanatory note № 8/2014. 18 p.
7. Смутчак, З. В. Влияние миграционных процессов на демографическое развитие Украины / З. В. Смутчак, О. Ю. Сытник // Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук. 2017. № 1–2. С. 192–200. DOI [10.20534/AJH-17-1.2-192-200](#). EDN [YMQXAT](#).
8. Sordilla, Sh. P. The Effects of Migration to the Demography of Mindanao (1903–2018). Mindanao State University – Maguindanao, 2018. 12 p.
9. Yeung, W.-J. J. Migration and Marriage in Asian Contexts / W.-J. J. Yeung, Zh. Mu // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. Vol. 14, № 46. Pp. 2863–2879. DOI [10.1080/1369183X.2019.1585005](#).
10. Yavçan, B. Influence of Long-Term Demographic Trends on Migration Dynamics. MAGYC Project Working Paper. 2021. 46 p.
11. Казенин, К. И. Рождаемость в семьях мигрантов: данные, гипотезы, модели (обзор зарубежных исследований) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 4. С. 6–79. EDN [VVEPLV](#).
12. Казенин, К. И. Влияние миграции на рождаемость: сопоставление имеющихся гипотез на материале северного Кавказа // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 1. С. 48–59. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-1-04](#). EDN [XQCXJJ](#).
13. Казенин, К. И. Рождаемость среди иностранных трудовых мигрантов в России и влияющие на нее факторы (анализ данных опроса) / К. И. Казенин, В. А. Козлов, Е. С. Митрофанова, Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 100–111. EDN [VUUMZO](#).
14. Барсукова, Т. И. Трансформация семейнобрачного поведения трудовых мигрантов /

Т. И. Барсукова, Л. А. Часовская // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 1–4. EDN [WGHUMR](#).

15. *Сигарева, Е. П.* Гендерные особенности репродуктивного поведения молодого поколения в России, Казахстане и Киргизии // Международный демографический форум : материалы заседания / отв. ред. Н. В. Яковенко. Воронеж : Цифровая полиграфия, 2020. С. 463–467. ISBN 978-5-907283-37-4. EDN [XOLDTL](#).

16. *Сигарева, Е. П.* Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России / Е. П. Сигарева, С. Ю. Сивоплясова // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 68–91. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6](#). EDN [MSHYXI](#).

17. *Snyder, A.* Migration and Marriage: Modeling the Joint Process // Demographic Research. 2014. № 30. Pp. 1339–1366. DOI [10.4054/DemRes.2014.30.47](#).

18. *Hyman, I.* The Impact of Migration on Marital Relationships: A Study of Ethiopian Immigrants in Toronto / I. Hyman, S. Guruge, R. Mason // Journal of Comparative Family Studies. 2018. Vol. 39, № 2. Pp. 149–163. DOI [10.3138/jcfs.39.2.149](#).

19. *Лалин, Н. Г.* Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–21.

20. *Weber, M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen : J. C. B. Mohr, 1988. 624 p. ISBN 978-3-8252-1492-0.

21. *Леонтьев, Д. А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–25.

22. *Бадонов, А. М.* Насилие в семье как фактор повышения уровня разводов современных семей // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2014. № 4 (57). С. 10–13. EDN [SPEAGV](#).

23. *Крюкова, Т. Л.* Лидерство и социальная власть как факторы групповой динамики семьи // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17, № 4. С. 193–198. EDN [OYDBHF](#).

Сведения об авторах:

Осадчая Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: osadchaya111@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-2597-9724](#); РИНЦ Author ID: [118648](#); Web of Science Researcher ID: [G-2163-2017](#); Scopus Author ID: [35737719800](#).

Юдина Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ioudinatn@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5325-0730](#); РИНЦ Author ID: [690209](#); Web of Science Researcher ID: [S-6912-2016](#); Scopus Author ID: [55962445600](#).

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, директор Международного аналитического клуба «Иссык-Куль – Большая Евразия»; профессор кафедры менеджмента, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина, Бишкек, Киргизия.

Контактная информация: e-mail: ainura_koch@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-4205-8940](#); РИНЦ Author ID: [207179](#); Web of Science Researcher ID: [AAD-1263-2019](#); Scopus Author ID: [57202029218](#).

Статья поступила в редакцию 23.08.2023; принята в печать 23.10.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE MOSCOW AGGLOMERATION

Galina I. Osadchaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: osadchaya111@gmail.com

Tatyana N. Yudina

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ioudinatn@mail.ru

Ainura A. Kocherbaeva

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Eltsin, Bishkek, Kyrgyzstan

E-mail: ainura_koch@mail.ru

For citation: Osadchaya, Galina I. Reproductive Behavior of Migrants from Central Asian Countries in the Moscow Agglomeration / G. I. Osadchaya, T. N. Yudina, A. A. Kocherbaeva. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 78–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.5).

Abstract. Most migrants arrive in the Moscow agglomeration from Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, and Kazakhstan. In the absence of statistical data on the contribution of immigrants to the registered birth rate, the authors of this scientific work set themselves the goal, based on the results of sociological research, to analyze the reproductive behavior of migrants from these countries. The article provides an analysis of domestic and foreign literature on the problems of migrant fertility, substantiates the lack of knowledge of the reproductive behavior of migrants from Central Asian states, and proposes a working definition of the category “reproductive behavior of migrants.” To develop theoretical and methodological approaches and tools for measuring the reproductive behavior of migrants from Central Asian countries, general methodological techniques, methods of working with documents, analyzing statistics and surveys were used. The study of the reproductive behavior of migrants is based on the results of a questionnaire survey of citizens of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan, Uzbekistan, conducted in February - March 2023. The survey of Muscovites is included in the research program for a comparative assessment of the reproductive behavior of migrants from Central Asian countries and residents of Moscow and the Moscow region. areas. The reproductive behavior of migrants is considered on the basis of the characteristics of their marital status, children, attitudes towards reproductive behavior, the system of life values and value orientations that influence the reproductive behavior of migrants. The results of the study can be used by authorities in preparing and implementing a set of measures aimed at the demographic well-being of the capital. The study is not representative in nature, since the selection of migrant respondents is possible only on the basis of a non-random sample using a targeted selection method based on three criteria: citizenship, place of residence and work, age.

Keywords: reproductive behavior, reproductive attitudes, values, value attitudes, migrants, Central Asian countries

References

1. Doronina, K. A. Migration as a Source of Population Growth in the Capital Megalopolises of Russia in the Period between 1989 and 2010 Censuses. *Problems of Forecasting*. 2019. No. 1. Pp. 131–141. (In Russ.).
2. Ryasantsev, S. V. The Influence of Labour Migration upon Birth Rate and Reproductive Health (on the Material Related to Labour Sojourners in Russia) / S. V. Ryasantsev, M. M. Karimov. *Bulletin of TSU LBP*. 2013. Pp. 40–51. (In Russ.).
3. Vishnevskiy, A. G. What Know and Doesn't Know Russian Demographic Statistics / A. G. Vishnevskiy, S. V. Zakharov. *Bulletin of Statistics*. 2010. No. 2. Pp. 7–17. (In Russ.).
4. Mammadov, I. B. Role of Migration Processes in Demographic Development in the European Countries. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2020. Vol. 6 (72), No. 2. Pp. 93–105. (In Russ.).
5. Musin, U. R. Migration and the Demographic Situation in the Region. *Economy and Business: Theory and Practice*. 2021. No. 12–2 (82). Pp. 175–178. DOI [10.24412/2411-0450-2021-12-2-175-178](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-12-2-175-178). (In Russ.).
6. Bel-Air, F. De. *Demography, Migration, and Labour Market in Qatar*. Migration Policy Centre, GLMM, Explanatory note № 8/2014. 18 p.
7. Smutchak, Z. V. The Influence of Migratory Processes on Demographic Development of Ukraine / Z. V. Smutchak, O. Yu. Sytnyk. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2017. No. 1–2. Pp. 192–200. DOI [10.20534/AJH-17-1.2-192-200](https://doi.org/10.20534/AJH-17-1.2-192-200). (In Russ.).
8. Sordilla, Sh. P. *The Effects of Migration to the Demography of Mindanao (1903–2018)*. Mindanao State University – Maguindanao, 2018. 12 p.
9. Yeung, W.-J. J. Migration and Marriage in Asian Contexts / W.-J. J. Yeung, Zh. Mu. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020. Vol. 14, № 46. Pp. 2863–2879. DOI [10.1080/1369183X.2019.1585005](https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1585005).
10. Yavçan, B. *Influence of Long-Term Demographic Trends on Migration Dynamics*. MAGYC Project Working Paper. 2021. 46 p.
11. Kazenin, K. I. Fertility in the Families of Migrants: Data, Hypotheses, and Models (Foreign

Literature Review). *Demographic Review*. 2017. Vol. 4, No. 4. Pp. 6–79. (In Russ.).

12. Kazenin, K. I. Impact of Migration on Fertility: Key Hypotheses Facing Evidence from North Caucasus. *Population*. 2018. Vol. 21, No. 1. Pp. 48–59. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-1-04](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-1-04). (In Russ.).
13. Kazenin, K. I. The Birth Rate among Foreign Labor Migrants in Russia and the Factors Affecting It (Analysis of Survey Data) / K. I. Kazenin, V. A. Kozlov, E. S. Mitrofanova, E. A. Varshaver, A. L. Rocheva. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2019. No. 1. Pp. 100–111. (In Russ.).
14. Barsukova, T. I. Transformation of Family and Marriage-Related Behaviour of Migrant Workers / T. I. Barsukova, L. A. Chasovskaya. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2016. No. 7. Pp. 1–4. (In Russ.).
15. Sigareva, E. P. Gendernyye osobennosti reproduktivnogo povedeniya molodogo pokoleniya v Rossii, Kazakhstane i Kirgizii [Gender characteristics of reproductive behavior of the younger generation in Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan]. In: *Mezhdunarodnyy demograficheskiy forum [International Demographic Forum] : materials of the meeting / ex. ed. by N. V. Yakovanko. Voronezh : Tsifrovaya poligrafiya*, 2020. Pp. 463–467. ISBN 978-5-907283-37-4. (In Russ.).
16. Sigareva, E. P. The Impact of External Migration on Marriage and Fertility in Modern Russia / E. P. Sigareva, S. Yu. Sivoplyasova. *Research Result. Sociology and Management*. 2022. Vol. 8, No. 1. Pp. 68–91. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6). (In Russ.).
17. Snyder, A. Migration and Marriage: Modeling the Joint Process. *Demographic Research*. 2014. No. 30. Pp. 1339–1366. DOI [10.4054/DemRes.2014.30.47](https://doi.org/10.4054/DemRes.2014.30.47).
18. Hyman, I. The Impact of Migration on Marital Relationships: A Study of Ethiopian Immigrants in Toronto / I. Hyman, S. Guruge, R. Mason. *Journal of Comparative Family Studies*. 2018. Vol. 39, No. 2. Pp. 149–163. DOI [10.3138/jcfs.39.2.149](https://doi.org/10.3138/jcfs.39.2.149).
19. Lapin, N. G. Modernizatsiya bazovykh tsennostey rossiyan [Modernization of the basic values of Russians]. *Sociological Studies*. 1996. No. 5. Pp. 3–21. (In Russ.).
20. Weber, M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen : J. C. B. Mohr, 1988. 624 p. ISBN 978-3-8252-1492-0.
21. Leontyev, D. A. Tsennostnyye predstavleniya v individual'nom i gruppovom soznanii: vidy, determinanty i izmeneniya vo vremeni [Value concepts in individual and group consciousness: types, determinants and changes over time]. *Psikhologicheskoye Obozreniye*. 1998. No. 1. Pp. 13–25. (In Russ.).
22. Badonov, A. M. Violence in the Family as a Factor of Divorce Level Rising of the Contemporary Families. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*. 2014. No. 4 (57). Pp. 10–13. (In Russ.).
23. Kryukova, T. L. Leadership and Social Power as Family Group Dynamics Factors. *Vestnik of Kostroma State University*. 2011. Vol. 17, No. 4. Pp. 193–198. (In Russ.).

Bio notes:

Galina I. Osadchaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: osadchaya111@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-2597-9724](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); RSCI Author ID: [118648](https://www.rsci.org/author/118648); Web of Science Researcher ID: [G-2163-2017](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); Scopus Author ID: [35737719800](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724).

Tatyana N. Yudina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ioudinatn@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5325-0730](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730); RSCI Author ID: [690209](https://www.rsci.org/author/690209); Web of Science Researcher ID: [S-6912-2016](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730); Scopus Author ID: [55962445600](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730).

Ainura A. Kocherbaeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Director, International Analytical Club “Issyk-Kul – Greater Eurasia”; Professor, Department of Management, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan.

Contact information: e-mail: ainura_koch@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-4205-8940](https://orcid.org/0000-0003-4205-8940); RSCI Author ID: [207179](https://www.rsci.org/author/207179); Web of Science Researcher ID: [AAD-1263-2019](https://orcid.org/0000-0003-4205-8940); Scopus Author ID: [57202029218](https://orcid.org/0000-0003-4205-8940).

Received on 23.08.2023; accepted for publication on 23.10.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЗДОРОВЬЕ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СМЕРТНОСТЬ

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.6)

EDN [PZYBQE](https://edn.pzybqe.ru)

РЕЗЕРВЫ СОКРАЩЕНИЯ СМЕРТНОСТИ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ВОЗРАСТНЫХ И НОЗОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Иванова А. Е.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ivanova-home@yandex.ru

Сабгайда Т. П.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: tsabgaida@mail.ru

Семенова В. Г.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: vika-home@yandex.ru

Для цитирования: *Иванова, А. Е. Резервы сокращения смертности в России в контексте ее возрастных и нозологических особенностей / А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 92–125. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.6). EDN [PZYBQE](https://edn.pzybqe.ru).*

Аннотация. Недостижимость в объявленные сроки роста продолжительности жизни российского населения до 78 лет из-за эпидемиологического (пандемия COVID-19) и последовавшего за ним геополитического кризиса актуализировала задачу поиска резервов снижения смертности и концентрации усилий на приоритетных направлениях. На основе данных официальной статистики проанализирована динамика смертности основных (15-летних, с выделением возраста до 1 года) возрастных групп населения от ведущих причин смерти, обуславливающих 3/4 смертности в мужской и 2/3 – в женской популяции в каждой возрастной группе, за период 2000–2021 гг. Рассчитывались стандартизованные коэффициенты смертности (европейский стандарт возрастной структуры). Смертность, обусловленная алкоголем и наркотиками, оценивалась совокупно, с учетом внешних причин (отравления психоактивными веществами случайные и с неопределенными намерениями) и психосоматических патологий. При анализе смертности от болезней системы кровообращения выделены острые и хронические формы патологий, поскольку они определяются различными факторами риска. Резервы роста продолжительности жизни имеются во всех возрастах за счет снижения смертности от социально обусловленных и предотвратимых причин, но главной группой риска является наиболее значимая в демографическом и экономическом отношении возрастная группа 30–44-летних, смертность в которой за счет потерь, обусловленных алкоголизмом и его последствиями, ВИЧ/СПИД, повреждениями с неопределенными намерениями и неточно обозначенными состояниями, свидетельствует об устойчивой маргинализации. В свою очередь, это еще раз подчеркивает то, что без выхода политики по снижению смертности за пределы здравоохранения ее эффективность будет недостаточна. Необходимым условием разработки результативных мер политики является достоверность и качество информации. Между тем общей проблемой учета смертности населения России независимо от возраста

остаётся проблема качества диагностики, о чем свидетельствует аномально высокий уровень потерь от размытых, неопределённых и неустановленных причин. Полученные результаты могут быть использованы для корректировки целей, приоритетов и системы мер в национальных проектах, ориентированных на рост продолжительности жизни. Направления будущих исследований связаны с анализом дифференциации смертности от основных причин в зависимости от социального статуса умерших.

Ключевые слова: смертность, причины смерти, возрастной профиль смертности, пандемия, резервы сокращения смертности, качество данных о смертности, маргинализация смертности

Введение

Формулирование Президентом Российской Федерации в 2018 г. целей развития страны и ряда национальных проектов как стратегий их реализации актуализировало дискуссию о выполнимости поставленных задач [1–7]. Скепсис экспертного сообщества был обусловлен в том числе отсутствием анализа предыдущих программ как с точки зрения достижения ключевых индикаторов, так и результативности мер. Это не позволяло оценить обоснованность вновь заявленных целей, а также достаточность тех мер, которые были предусмотрены в национальных проектах.

Вместе с тем совокупность национальных проектов, которая должна привести к достижению национальных целей, пожалуй, впервые была выстроена как межсекторальная комплексная система, учитывающая их мультифакторную детерминацию. Наиболее четко это проявилось в отношении демографических целей, а именно: достижения продолжительности жизни российского населения в 78 лет к 2024 г. Меры в области борьбы с бедностью, повышения уровня и качества жизни населения, оздоровления образа жизни и развития здравоохранения, охраны окружающей среды – весь этот комплекс воздействий, сведенных в соответствующие национальные проекты, отражал основные детерминанты, влияющие на продолжительность жизни населения¹. Такой подход позволял надеяться на то, что реализация стратегии позволит достичь поставленную цель.

Но значительные эпидемиологические и геополитические вызовы принципиально изменили условия реализации национальных проектов и заставили усомниться в достижении заявленных целей в обозначенные сроки. Однако это не снимает с повестки дня вопросы, соответствует ли система мер, предусмотренная в национальных проектах, реальным приоритетным проблемам, на которые должны быть направлены усилия по снижению смертности, и должны ли быть скорректированы данные меры в новых условиях в соответствии с имеющимися резервами сокращения потерь в отдельных возрастах и от ведущих причин смерти.

Методология исследования

На основе данных официальной статистики в настоящей статье проанализирована динамика смертности разных возрастных групп населения от ведущих причин смерти за период 2000–2021 гг. Несмотря на то, что данные за 2022 г. уже доступны, они не были включены в анализ, поскольку показатели за этот год рассчитываются с учетом итогов переписи населения 2021 г., т. е. непоставимы с динамикой за предыдущий период.

Рассчитывались стандартизованные коэффициенты смертности (европейский стандарт возрастной структуры²). Рассматривались следующие возрастные группы:

¹ Social Determinants of Health // World Health Organization : [site]. URL: https://www.who.int/health-topics/social-determinants-of-health#tab=tab_1 (accessed on 21.09.2023).

² Демографический ежегодник России 2021 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm (дата обращения: 21.09.2023).

дети до года, дети в возрасте 1–14 лет, группа молодежи 15–29 лет, группы лиц среднего возраста 30–44 и 45–59 лет, старшие возрастные группы 60–74 года и 75 лет и старше. Для каждой возрастной группы определялись шесть ведущих классов причин смерти в 2000 и 2021 гг. и рассматривалась динамика смертности. Подробный анализ нозологического профиля базировался на ведущих причинах смерти, обуславливающих 3/4 смертности в мужской популяции и 2/3 смертности в женской популяции в каждой возрастной группе.

К сожалению, корректный учет потерь в контексте факторов риска стал возможен только начиная с 2011 г. – после пересмотра и расширения Росстатом краткой номенклатуры причин смерти. Смертность, обусловленная алкоголем и наркотиками, будет оцениваться совокупно, т. е. с учетом и внешних причин (отравления психоактивными веществами случайные и с неопределенными намерениями) и психосоматических патологий [8; 9]. При анализе смертности от ишемической болезни сердца (ИБС) (I20–I25) и цереброваскулярных болезней (I60–I69) будут выделены острые и хронические формы патологий. В число острых форм ИБС (I21–I24) будут включены инфаркты и их последствия (I21–I23), а также иные формы острой ИБС (I24). Потери от хронической ИБС (I20, I25) будут оцениваться отдельно. В число острых форм цереброваскулярных болезней (ЦВБ) будут включены внутримозговые кровоизлияния (I60–I62) и другие инсульты (I63–I64). Остальные ЦВБ будут отнесены к хроническим (I65–I69).

Результаты

Дети первого года жизни

С 2000 по 2021 гг. младенческая смертность снизилась в 3,4 раза и среди мальчиков, и среди девочек. На протяжении рассматриваемого периода наблюдался рост показателя в 2012 г. в связи с переходом на новые правила регистрации живорождений и в 2021 г. на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции. В 2021 г. уровень смертности мальчиков был на 48,5%, а у девочек на 31,8% больше, чем прогнозировавшийся на основе тенденций 2013–2019 гг.

Среди младенцев первого года жизни в анализируемом временном периоде ведущей причиной смерти (почти половина всех случаев), конечно же, были болезни перинатального периода. Вклад этой причины в смертность младенцев мужского пола в 2021 г. составил более половины, у девочек он приблизился к половине.

Второй по значимости причиной (более 1/5 смертности младенцев) и в 2000, и в 2021 г. являлись врожденные аномалии и пороки развития. Смертность от таких причин в рассматриваемый период снизилась в 3,8 раза среди мальчиков и в 3,7 раза среди девочек. Динамика смертности от названных причин и болезней перинатального периода оказала определяющее влияние на тенденции смертности младенцев от всех причин в первой четверти текущего столетия.

На третьем месте в структуре причин смерти в 2000 г. находились болезни органов дыхания, которые в 2021 г. заняли лишь пятое ранговое место, поскольку уровень смертности от них снизился в наибольшей степени. После 2012 г. темпы снижения смертности замедлились, но в период пандемии COVID-19 данный показатель заметно вырос среди мальчиков.

Четвертое место в структуре причин смерти детей первого года жизни в 2000 г. занимали инфекционные и паразитарные болезни, переместившиеся в 2021 г. на шестое место. Закономерности динамики смертности от этих причин сходны с закономерностями для болезней органов дыхания. Однако, в отличие от болезней органов

дыхания, в период пандемии смертность от инфекционных и паразитарных болезней выросла среди девочек, уменьшившись среди мальчиков.

Таблица 1

Показатели динамики смертности мальчиков (М) и девочек (Ж) первого года жизни от всех причин, болезней перинатального периода (I), врожденных аномалий развития (II), болезней органов дыхания (III), инфекционных и паразитарных болезней (IV), внешних причин (V), симптомов, признаков и отклонений от нормы (VI)

Table 1

Indicators of the dynamics of mortality of boys (M) and girls (F) in the first year of life from all causes, diseases of the perinatal period (I), congenital anomalies (II), respiratory diseases (III), infectious and parasitic diseases (IV), external causes death (V), symptoms, signs and abnormalities (VI)

Показатели	Годы	Пол	Причины смерти						
			Все	I	II	III	IV	V	VI
Доля причин смерти (%)	2000	М	100	45,6	22,3	10,6	6,2	6,1	4,5
		Ж	100	42,1	24,2	11,0	5,8	6,7	5,2
	2021	М	100	51,5	20,0	5,4	3,7	5,9	5,4
		Ж	100	49,1	22,1	5,2	4,0	6,0	4,8
Средний темп изменения смертности (%)	2000-2011	М	-6,3	-5,7	-5,6	-11,1	-10,5	-6,5	-4,3
		Ж	-6,1	-5,4	-5,7	-10,1	-9,5	-5,8	-4,1
	2012-2019	М	-8,7	-9,6	-9,1	-9,1	-6,4	-6,7	-7,5
		Ж	-8,2	-9,4	-7,9	-6,9	-7,3	-6,1	-4,7
	2019-2021	М	0,7	0,0	0,7	12,5	-5,8	3,2	3,5
		Ж	-4,4	-5,4	-5,1	-0,3	2,7	-0,1	-9,8
Снижение (раз)	2000-2021	М	3,4	3,0	3,8	6,6	5,7	3,5	2,8
		Ж	3,4	2,9	3,7	7,2	4,9	3,8	3,6

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата

Внешние причины смерти находились в 2000 г. на пятом месте, но к 2021 г. вышли уже на третье место в структуре причин смерти младенцев, хотя их вклад в смертность изменился мало (около 6% и у мальчиков, и у девочек).

К 2021 г. увеличился вклад симптомов, признаков и неточно обозначенных состояний в смертность детей первого года жизни. Они переместились на четвертое с шестого места, которое занимали в начале века. При переходе на новые правила учета живорождений темпы снижения такой смертности увеличились.

Переходя к анализу подробного нозологического профиля младенческой смертности (см. Приложение, табл. 1–2), следует отметить, что единственная патология, смертность от которой стабильно росла в период исследования, включая «доковидный» период, это – бактериальный сепсис новорожденного (P36), потери от которого увеличились на 58,1% у мальчиков и на 28,2% у девочек, причем 27% и 24,3%-й рост показателей в 2011–2019 гг. усугубился ростом соответственно на 24,5% и 3,1% во время пандемии. Негативные сдвиги в период пандемии отмечены и в мужской, и женской популяции для врожденной пневмонии (P23), смертность от которой в 2019–2021 гг. выросла соответственно на 7,9% и 13,9%, а также для других респираторных состоя-

ний у новорожденных (P24–P28), показатели которых выросли на 9,7% и 14,7% соответственно. У мальчиков ситуация усугубилась ростом младенческой смертности в 2019–2021 гг. от пневмонии не врожденной, а приобретенной, относящейся к болезням органов дыхания (J12–J16), почти на 60%.

Особо подчеркнем, что единственной внешней причиной младенческой смертности, вошедшей в число ведущих в период исследования, оказались случайные механические удушения (W75–W84). Несмотря на устрашающее название, причиной младенческой смертности под таким диагнозом оказалось неправильное положение ребенка во время срыгивания, вследствие чего дыхательные пути закрываются рвотными массами. Небезынтересно, что потери в период пандемии от данной причины выросли только у мальчиков (3,7%-й рост против 8,6%-го снижения у девочек).

Подобная ситуация сложилась и для такого достаточно непрозрачного диагноза, как внезапная смерть грудного ребенка (R95), потери от которой среди мальчиков в 2019–2021 гг. выросли на 4,8% против 7,4%-го снижения у девочек. Заметим, что эта причина у детей первого года жизни относится к классу «симптомов, признаков и неточно обозначенных состояний», тогда как во всех остальных возрастах потери от этого класса формируются за счет диагноза «причина смерти не установлена» (R99), который будет рассмотрен особо.

Дети в возрасте 1–14 лет

Уровень смертности детей данного возраста равномерно снижался до 2020 г. среди мальчиков и до 2019 г. среди девочек. Смертность мальчиков несколько увеличилась в 2021 г., а смертность девочек росла и в 2020, и 2021 г. (табл. 2).

Ведущей причиной смерти детей в возрасте 1–14 лет на протяжении всего анализируемого периода оказались внешние причины (более 40%). Смертность от них снижалась несколько более быстрыми темпами, чем смертность от всех причин, и в период пандемии темпы снижения тоже увеличились.

Врожденные аномалии и пороки развития стали второй по значимости причиной смертности детей в 2000 г., а в 2021 г. переместились на четвертое место. Смертность девочек от таких причин в период пандемии снижалась ускоряющимися темпами, тогда как смертность мальчиков, напротив, возросла.

Темпы снижения смертности детей в возрасте 1–14 лет от болезней органов дыхания были наибольшими в допандемический период, что определило их перемещение с третьего рангового места в 2000 г. до пятого в 2021 г., несмотря на некоторый рост в период пандемии.

Болезни нервной системы в 2000 г. находились на четвертом месте, но к 2021 г. вышли уже на второе место. Степень снижения уровня смертности детей от болезней нервной системы с 2000 по 2021 гг. – наименьшая среди всех классов причин смерти. Рост вклада в смертность детей в возрасте 1–14 лет наблюдался также для новообразований, переместившихся с пятого на третье ранговое место.

В период пандемии существенно выросли темпы снижения смертности детей от инфекционных и паразитарных заболеваний. В итоге их вклад в смертность уменьшился. Эти причины переместились с шестого на восьмое ранговое место. Зафиксируем, что шестое место в структуре смертности детей с ними делит класс «симптомы, признаки и отклонения от нормы», вклад которого в смертность вырос с 3,8% до 4,5%.

Для оценки нозологического спектра были выделены 20 ведущих причин смерти, потери от которых обусловили 3/4 детской смертности (см. Приложение, табл. 3–4).

Таблица 2

Показатели динамики смертности мальчиков (М) и девочек (Ж) в возрасте 1–14 лет от всех причин, внешних причин (I), врожденных аномалий развития (II), болезней органов дыхания (III), болезней нервной системы (IV), новообразований (V), инфекционных и паразитарных болезней (VI)

Table 2

Indicators of the dynamics of mortality of boys (M) and girls (F) aged 1–14 years from all causes, external causes of death (I), congenital anomalies (II), respiratory diseases (III), diseases of the nervous system (IV), neoplasms (V), infectious and parasitic diseases (VI)

Показатели	Годы	Пол	Причины смерти						
			Все	I	II	III	IV	V	VI
Доля причин смерти (%)	2000	М	100	52,4	9,2	8,6	8,0	7,8	4,6
		Ж	100	41,3	11,4	12,2	8,8	10,2	5,4
	2021	М	100	42,7	7,1	5,2	14,6	12,7	3,0
		Ж	100	40,9	8,4	4,9	14,3	12,8	3,9
Средний темп изменения смертности (%)	2000–2019	М	-5,1	-5,6	-5,4	-7,9	-2,1	-3,3	-3,7
		Ж	-4,7	-4,9	-5,4	-8,3	-1,7	-3,3	-3,8
	2019–2021	М	-8,0	-9,5	14,7	-11,5	-2,3	-3,1	-24,4
		Ж	-5,5	-5,7	-10,4	1,4	-6,6	0,1	-20,2
Снижение (раз)	2000–2021	М	2,8	3,4	3,6	4,6	1,5	1,7	4,3
		Ж	2,5	2,5	3,4	6,1	1,5	2,0	3,3

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата

Выше уже отмечалась ведущая роль внешних причин в детской смертности. При этом потери от внешних причин в значительной мере формировались за счет размытых, конкретно не обозначенных состояний, среди которых лидировали повреждения с неопределенными намерениями³. Существенный вклад к тому же внесли «прочие несчастные случаи» и «прочие случайные отравления», токсический агент при которых зачастую остается неизвестным. Группа конкретно указанных внешних причин в течение всего периода исследования формировалась за счет транспортных происшествий, случайных утоплений, случайных падений, случайных механических удушений, воздействия дыма, огня и пламени, самоубийств.

Обратим внимание на то, что смертность мальчиков от подобных причин в период исследования снизилась вдвое (за исключением случайных удушений, смертность от которых снизилась на треть), при этом пандемия негативно сказалась только на смертности от пожаров. Так, потери от воздействия дыма, огня и пламени в 2019–2021 гг. выросли на 40%. Следует отметить также стагнацию показателей от

³ Отмечая особую значимость повреждений с неопределенными намерениями, напомним, что, согласно МКБ-10, этот блок включает случаи, когда доступной информации недостаточно, чтобы медицинские и юридические эксперты смогли сделать вывод о том, является ли данный инцидент несчастным случаем, самоповреждением или насилием с целью убийства или нанесения повреждений. В эту же группу были включены потери от неточно обозначенных состояний: к сожалению, в 2000-е гг. в России смертность детей от неточно обозначенных состояний в подавляющем большинстве определяется рубрикой R99 (причина смерти не установлена), при этом показано, что данный класс вместе с блоком повреждений с неопределенными намерениями представляет собой своеобразные сообщающиеся сосуды, позволяющие проводить статистические манипуляции, особенно если речь идет о социально значимых, мониторируемых причинах.

случайных утоплений и падений. К сожалению, негативный эффект пандемии среди девочек оказался гораздо более ощутимым. На фоне двукратного роста смертности от последствий пожаров, роста потерь на 2/3 от суицидов и случайных падений, на четверть – от случайных удушений, стагнация смертности от утоплений оказалась лучшим результатом среди внешних причин в период пандемии.

Переходя к детской смертности от соматических патологий, укажем на то, что потери от нее формируются в первую очередь за счет «прочих нарушений нервной системы» и детского церебрального паралича, пневмоний, злокачественных новообразований различных частей нервной системы и лейкемии, врожденных аномалий сердца и иных врожденных пороков развития нервной системы, «прочих болезней сердца» и эндокринной системы. Определяют потери такого спектра, безусловно, пневмония и нарушения нервной системы, которыми в течение всего исследуемого периода обуславливалось не менее трети потерь от соматических патологий.

Если в случае с внешними причинами рост вклада поврежденных с неопределенными намерениями однозначно указывает на такое негативное обстоятельство, как ухудшение диагностики и, как следует, качества данных в целом, то обилие «прочих» среди соматических патологий требует специального исследования, особенно если речь идет о таких эндогенных заболеваниях, как болезни нервной системы.

Завершая анализ нозологического профиля детской смертности, признаем, что в 2021 г. COVID-19, с вкладом 1,5% у мальчиков и 2,5% у девочек, вошел в число ведущих причин смерти, заняв соответственно 20-е и 15-е место.

Молодежь в возрасте 15–29 лет

В этой возрастной группе уже наблюдается влияние социально-экономических факторов на динамику смертности, но по сравнению со взрослым населением с некоторой задержкой. Рост смертности подростков и молодежи продолжился в текущем веке, и показатель достиг максимума в 2005 г., после чего снижался вплоть до 2019 г. В период пандемии смертность вновь выросла. В связи с этим для анализа динамики смертности данной возрастной группы было выделено четыре временных периода (табл. 3).

Доля внешних причин, вносящих наибольший вклад в смертность, с 2000 по 2021 г. среди лиц обоего пола уменьшилась, как и доля неопределенных причин. Вклад болезни системы кровообращения, новообразований и болезней органов дыхания у обоих полов увеличился. Только в отношении инфекционных болезней заметны гендерные различия: доля обусловленной ими смертности уменьшилась среди юношей и увеличилась среди девушек.

Основные потери в группе подростков и молодежи определяются 15 ведущими причинами. Особо отметим, что если у детей спектр ведущих причин смерти (как внешних, так и соматических) характеризовался высокой стабильностью и во времени, и в гендерном аспектах, то среди молодежи это можно отнести только к внешним причинам первого ряда, которые оказывались в числе лидирующих и в мужской, и в женской популяции в течение всего периода исследования. Обозначим их: транспортные происшествия, самоубийства и убийства, случайные падения, «прочие случайные отравления», потери, обусловленные алкоголем и наркотиками, повреждения с неопределенными намерениями и неточно обозначенные состояния (см. Приложение, табл. 5–6).

Из соматических и инфекционных патологий, актуальных в течение всего рас-

сматриваемого периода и в мужской, и в женской популяции следует выделить пневмонию, ВИЧ/СПИД и прочие болезни сердца.

Таблица 3

Показатели динамики смертности мужчин (М) и женщин (Ж) возрастной группы 15–29 лет от всех причин, внешних причин (I), болезней системы кровообращения (II), симптомов, признаков и отклонений от нормы (III), инфекционных и паразитарных болезней (IV), новообразований (V), болезней органов дыхания (VI)

Table 3

Indicators of the dynamics of mortality of men (M) and women (W) of the age group 15–29 years from all causes, external causes of death (I), diseases of the circulatory system (II), symptoms, signs and abnormalities (III), infectious and parasitic diseases (IV), neoplasms (V), respiratory diseases (VI)

Показатели	Годы	Причины смерти							
		Пол	Все	I	II	III	IV	V	VI
Доля причин смерти (%)	2000	М	100	73,8	6,5	5,9	4,2	2,4	2,2
		Ж	100	58,8	7,3	4,9	4,4	8,3	3,3
	2021	М	100	63,1	9,0	5,2	2,9	3,9	2,4
		Ж	100	40,6	9,0	3,5	6,7	8,5	3,6
Средний темп изменения смертности (%)	2000–2002	М	-6,4	-5,4	-9,6	-12,4	-7,2	-1,9	-10,2
		Ж	-1,6	-0,3	-2,5	-2,7	-1,0	-1,7	-2,4
	2002–2005	М	1,8	-0,7	13,2	10,1	7,3	-1,5	10,2
		Ж	2,1	-1,5	10,4	6,5	15,3	0,4	8,3
	2005–2019	М	-7,2	-7,5	-6,4	-7,6	-7,2	-3,4	-9,6
		Ж	-5,4	-6,7	-4,6	-6,7	-1,3	-3,6	-5,8
	2019–2021	М	2,9	0,0	2,4	3,4	-18,0	1,0	20,8
		Ж	6,8	1,8	0,6	-0,7	-17,3	-2,9	18,6
Снижение (раз)	2000–2021	М	2,9	3,4	2,1	3,3	4,2	1,8	2,8
		Ж	1,9	2,7	1,5	2,7	1,2	1,8	1,7

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата

Тенденции смертности от ведущих причин в 2011–2021 гг. оказались по большей части позитивными, но в ряде случаев были замедлены пандемией. Однако в 2019–2021 гг. следует отметить рост потерь молодых мужчин от неточно обозначенных состояний, прочих случайных отравлений, несчастных случаев и случайных падений. Особо нужно выделить пневмонии, смертность от которых выросла почти двукратно. В женской популяции итоги 2011–2021 гг. тоже свидетельствуют об улучшении ситуации, в первую очередь, за счет убийств (3,5-кратное снижение), самоубийств (снижение в 2,5 раза) и алкогольной смертности (2,8-кратное снижение). Вместе тем важно подчеркнуть, что рост смертности от ведущих причин среди молодых женщин в период пандемии был скорее исключением. Необходимо назвать почти 30%-е увеличение смертности от прочих случайных отравлений и 70%-е – от пневмонии.

Особо следует выделить социально обусловленную и социально значимую причину, смертность от которой в период исследования принципиально выросла и у мужчин, и у женщин. Это наркомания и ее последствия, потери от которых увели-

чилились на 67,2% у молодых мужчин и на 28,6% у их ровесниц. Причем взрывной рост смертности пришелся на 2019–2021 гг.: в период пандемии новой коронавирусной инфекции показатели выросли в 2,2 и 2,6 раза соответственно.

Сравнивая нозологический профиль смертности молодых мужчин и женщин, можно заметить, что у мужчин в течение всего периода исследования первые пять мест занимали внешние причины и причины, обусловленные поведенческими факторами риска (алкоголизм, наркомания и их последствия), у женщин среди первой пятерки уже в 2011 г. оказался ВИЧ/СПИД, в 2021 г. занявший четвертое место, что стало совершенно закономерным в период пандемии.

Несмотря на постулат о том, что риски смерти от COVID-19 среди молодежи минимальны, все же уточним, что в 2021 г. новая инфекция вошла в число ведущих причин смерти. Более того, если у мужчин она занимала шестое, то у женщин – третье место, обусловив 4,1% и 10% общей смертности российской молодежи.

Лица в возрасте 30–44 лет

Динамика смертности лиц среднего трудоспособного возраста напоминает динамику смертности всего населения: до 2005 г. рост смертности, затем вплоть до 2019 г. ее снижение, на следующем этапе до 2021 г. снова рост. В структуре причин смерти для лиц обоих полов вклад внешних причин и новообразований с начала века уменьшился, но увеличился вклад инфекционных и паразитарных болезней, болезней органов пищеварения (табл. 4). Вклад болезней системы кровообращения и неопределенных причин смерти несколько вырос у мужчин и уменьшился у женщин.

Анализ нозологического профиля смертности свидетельствует о том, что спектр ведущих внешних причин, как и в более молодых возрастах, характеризуется высокой стабильностью, что же касается соматических патологий, то 30–44-летние оказались первой возрастной группой, в которой были выявлены явные гендерные различия (см. Приложение, табл. 7–8).

Если оставить в стороне конъюнктурную деформацию структуры смертности вследствие пандемии COVID-19 в 2021 г., то можно заметить, что картина смертности российского населения в возрасте 30–44 лет выглядит несколько маргинально. Достаточно указать на то, что в мужской популяции в период исследования лидирующие места устойчиво занимали потери вследствие алкоголизма и его последствий, повреждения с неопределенными намерениями или ВИЧ/СПИД, который оттеснил на четвертое место неточно обозначенные состояния. В женской популяции в лидерах в течение 2011–2021 гг. находились алкоголизм и его последствия, уступив в 2021 г. только COVID-19. В 2019–2021 гг. первое-второе места занял ВИЧ/СПИД, четвертое – другие циррозы печени, шестое – повреждения с неопределенными намерениями. Причем следует указать на то, что в последние годы на четвертом месте вполне обоснованно находятся онкологические заболевания женских половых органов.

Полученные результаты свидетельствуют о возрастании в течение 2011–2021 гг. роли потерь, обусловленных поведенческими факторами риска прежде всего у мужчин. После того, как в числе ведущих оказались наркомания и ее последствия, значимость данных причин у мужчин выросла с 10,8% до 14,7%. У женщин потери от наркомании и ее последствий не позволяют войти этой причине в число лидирующих, вследствие чего значимость смертности, обусловленной поведенческими факторами риска, снизилась у них с 10,6% до 8,1%, на фоне значительного сокращения (с 20% до 12,1%) вклада внешних причин. Безусловно, специфической чертой смертности жен-

щин 30–44 лет, принципиально отличающей ее от смертности их ровесников-мужчин, является заметная онкологическая компонента, которая с 12,3% в 2011–2019 гг. увеличилась до 13,6% в 2021 г., а в разгар пандемии новой коронавирусной инфекции наоборот снизилась до 10,4%.

Таблица 4

Показатели динамики смертности мужчин (М) и женщин (Ж) возрастной группы 30–44 лет от всех причин, внешних причин (I), болезней системы кровообращения (II), инфекционных и паразитарных болезней (III), симптомов, признаков и отклонений от нормы (IV), новообразований (V), болезней органов пищеварения (VI)

Table 4

Indicators of the dynamics of mortality of men (M) and women (W) of the age group 30–44 years from all causes, external causes of death (I), diseases of the circulatory system (II), infectious and parasitic diseases (III), symptoms, signs and abnormalities (IV), neoplasms (V), diseases of the digestive system (VI)

Показатели	Годы	Пол	Причины смерти						
			Все	I	II	III	IV	V	VI
Доля причин смерти (%)	2000	М	100	50,4	21,1	6,4	5,1	4,8	4,5
		Ж	100	35,6	20,1	3,9	3,9	19,1	5,7
	2021	М	100	32,7	21,7	9,0	5,2	4,6	10,4
		Ж	100	15,6	17,4	11,1	2,6	15,0	13,5
Средний темп изменения смертности (%)	2000–2005	М	2,8	0,2	5,2	2,6	7,6	-2,5	12,7
		Ж	4,5	1,7	7,3	10,4	8,2	-0,9	19,8
	2005–2019	М	-4,5	-6,1	-5,0	0,4	-4,6	-1,6	-1,9
		Ж	-3,0	-6,5	-4,2	5,0	-4,6	-1,1	-1,4
	2019–2021	М	5,7	2,1	4,7	-1,7	2,7	-4,8	5,5
		Ж	9,1	-0,1	4,7	-7,3	-2,0	-3,5	7,9
Снижение (раз)	2000–2021	М	1,5	2,3	1,5	1,1	1,5	1,6	0,7
		Ж	1,0	2,4	1,2	0,4	1,5	1,3	0,4

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата

Лица в возрасте 45–59 лет

В динамике смертности лиц старшего трудоспособного возраста пик смертности в текущем столетии наблюдался в 2003 г., после чего смертность снижалась вплоть до 2019 г., затем росла до 2021 г. Среди причин смерти данной возрастной группы на первое место выходят болезни системы кровообращения, потеснив лидерство внешних причин, характерное для более молодых возрастов (кроме новорожденных детей). Наибольший прирост смертности в период до 2003 г. отмечался для неточно обозначенных состояний у мужчин и для болезней органов пищеварения у женщин (табл. 5).

В период пандемии продолжилось снижение смертности лиц в возрасте 45–59 лет от новообразований, сократилась смертность и от болезней нервной системы, а среди мужчин – от инфекционных и паразитарных болезней.

За весь анализируемый период в наибольшей степени смертность лиц старшего трудоспособного возраста снизилась от внешних причин. При этом смертность от

ряда классов болезней увеличилась. Так, смертность мужчин и женщин выросла от болезней нервной (в 1,5 раза у лиц обоих полов) и эндокринной (в 1,7 раза у мужчин и в 1,3 раза у женщин) систем, болезней органов пищеварения (в 1,3 и 1,5 раза соответственно). Кроме того, несколько (в 1,3 раза) выросла смертность женщин от инфекционных и паразитарных болезней.

Таблица 5

Показатели динамики смертности мужчин (М) и женщин (Ж) возрастной группы 45–59 лет от всех причин, болезней системы кровообращения (I), внешних причин (II), новообразований (III), болезней органов дыхания (IV), болезней органов пищеварения (V), симптомов, признаков и отклонений от нормы (VI)

Table 5

Indicators of the dynamics of mortality of men (M) and women (W) of the age group 45–59 years from all causes, diseases of the circulatory system (I), external causes of death (II), neoplasms (III), respiratory diseases (IV), organ diseases digestion (V), symptoms, signs and abnormalities (VI)

Показатели	Годы	Пол	Причины смерти						
			Все	I	II	III	IV	V	VI
Доля причин смерти (%)	2000	М	100	39,8	24,0	15,5	6,2	4,4	3,7
		Ж	100	40,0	16,6	24,9	3,5	5,7	2,4
	2021	М	100	35,0	14,0	13,3	4,8	8,6	4,3
		Ж	100	24,7	6,8	20,4	4,6	10,1	2,1
Средний темп изменения смертности (%)	2000–2003	М	3,2	4,2	3,5	-3,6	3,5	8,6	11,5
		Ж	3,3	3,7	3,3	-1,0	6,4	14,9	10,1
	2003–2019	М	-4,2	-4,5	-6,4	-2,4	-6,4	-0,7	-3,7
		Ж	-3,5	-5,1	-6,8	-1,6	-5,1	-0,8	-3,3
	2019–2021	М	10,0	4,2	0,4	-3,3	18,9	7,4	7,2
		Ж	18,3	5,7	0,0	-2,8	62,2	8,9	4,3
Снижение (раз)	2000–2021	М	1,5	1,7	2,6	1,8	2,0	0,8	1,3
		Ж	1,2	1,9	2,8	1,4	0,9	0,7	1,4

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата

Характеризуя подробный нозологический профиль смертности населения в возрасте 45–59 лет в 2011–2021 г., нужно отметить, во-первых, резкие различия по сравнению с более молодыми группами. Число внешних причин среди ведущих нозологий сократилось, и ранги их заметно снизились (шестое место у неточно обозначенных состояний, седьмое-девятое – у повреждений с неопределенными намерениями), суициды – одиннадцатое-тринадцатое место, транспортные происшествия – четырнадцатое место. Во-вторых, изменения совокупной алкогольной смертности у 45–59-летних носили позитивный характер. Даже в период пандемии сколько-нибудь ощутимого ухудшения ситуации не наблюдалось: рост на 1,5% у мужчин и снижение на 0,3% у женщин. Таким образом, потери вследствие алкоголизма и его последствий снизились в 2011–2021 гг. более, чем на четверть, и у мужчин, и у женщин. Вместе с тем потери, ассоциированные с алкоголем, несмотря на последовательное снижение вклада и ранга, продолжают в настоящее время играть существенную роль, занимая третье место у мужчин и шестое – у женщин.

45–59-летние – первая возрастная группа, в которой на первое место и у мужчин, и у женщин выходят болезни системы кровообращения. Причем у тех и у других в 2011–2019 гг. лидером были хронические формы ИБС. Внесем ясность: если у мужчин пандемия сказалась скорее на острых, нежели хронических формах ИБС (рост в 2019–2021 г. на 11,1% против 6%), то у женщин сложилась обратная ситуация (7,9% против 17,6%).

И, наконец, сравнивая ситуацию в мужской и женской популяции, следует уточнить, что доля COVID-19 в смертности населения старших трудоспособных возрастов у женщин оказалась принципиально выше, чем у мужчин (в 2021 г. 22,8% против 12,4%). Мало того, риски онкологических патологий у женщин стабильно выше, чем у мужчин (совокупный вклад ведущих онкологических заболеваний в 2011 г. составил 22,8% против 11,2%, а в 2021 г. – 15,9% против 8,9%).

Лица в возрасте 60–74 лет

Первый пик смертности пожилых в текущем столетии наблюдался еще в 2002 г., что отличало эту возрастную группу от остальных. Наибольшими темпами до первого пика мужская смертность росла от болезней нервной системы, а женская – от неточно обозначенных состояний. А далее наибольшими темпами смертность снижалась от внешних причин и росла от болезней нервной системы. Во второй пик, который пришелся на 2021 г., уровень смертности, обусловленный пандемией новой коронавирусной инфекции, достиг уровня 2008 г. у мужчин и 2005 г. – у женщин.

В структуре смертности в данной возрастной группе на второе место переместились новообразования, а внешние причины сдвинулись на третье. Болезни нервной системы за период 2000–2021 г. переместились с десятого на шестое место, потеснив неточно обозначенные состояния с шестого на седьмое место. Если в более молодых возрастах мужская смертность сократилась в большей степени, нежели женская, то среди пожилых снижение произошло в равной степени (табл. 6).

Обсуждая нозологический профиль ведущих патологий 60–74-летнего населения в 2011–2021 гг. (см. Приложение, табл. 11–12), следует указать на его высокую устойчивость. Даже пандемия только внесла новое заболевание – COVID-19 – в нозологический спектр, но мало изменила его общую конфигурацию. Так, и у мужчин, и у женщин ведущие позиции занимали хронические формы ИБС, за которыми следовали острые формы ЦВБ (инсульты), далее – злокачественные новообразования органов пищеварения и хронические формы ЦВБ, которым у мужчин предшествовали злокачественные новообразования органов дыхания.

Отметим, что пандемия лишь снизила ранги таких патологий, т. к. COVID-19 оказался на втором месте у мужчин и на первом у женщин. Также она ввела в число ведущих патологий пневмонию, которой было обусловлено соответственно 3,4% и 3,7% потерь в 2021 г., (седьмое место у мужчин и шестое – у женщин).

Вместе с тем в 2010-е гг. произошло возрастание доли сахарного диабета. В 2011 г. такая причина смерти у мужчин вообще не входила в 15 ведущих, а у женщин занимала четырнадцатое место. Однако в 2019 г. сахарный диабет уже вошел в данный список у мужчин, у женщин он занял пятое место (5,1%). Уточним, что к 2021 г. у женщин значимость диабета снизились пропорционально (седьмое место), что объяснялось возникновением новой патологии и актуализацией пневмонии в связи с пандемией.

При этом конкретные внешние причины, начиная с 2011 г., ни разу не входили в число ведущих. Можно только отметить снижение вклада неточно обозначенных

состояний (до 2,3% и 1,7% в 2021 г.) и стабильное сокращение доли потерь, обусловленных алкоголем, которые составили в 2021 г. 1,9% у мужчин и 0,9% у женщин.

Таблица 6

Показатели динамики смертности мужчин (М) и женщин (Ж) возрастной группы 60–74 лет от всех причин, болезней системы кровообращения (I), новообразований (II), внешних причин (III), болезней органов дыхания (IV), болезней органов пищеварения (V), болезни нервной системы (VI)

Table 6

Indicators of the dynamics of mortality of men (M) and women (W) of the age group 60–74 years from all causes, diseases of the circulatory system (I), neoplasms (II), external causes of death (III), respiratory diseases (IV), organ diseases digestion (V), diseases of the nervous system (VI)

Показатели	Годы	Пол	Причины смерти						
			Все	I	II	III	IV	V	VI
Доля причин смерти (%)	2000	М	100	57,8	19,9	7,5	7,2	2,9	0,3
		Ж	100	65,5	18,8	4,6	3,0	3,2	0,3
	2021	М	100	40,1	17,5	4,4	6,0	4,2	2,9
		Ж	100	33,4	15,8	2,0	4,9	4,4	2,9
Средний темп изменения смертности (%)	2000–2002	М	2,9	3,7	-1,3	8,8	-2,7	5,1	14,0
		Ж	1,7	2,2	-1,3	6,9	-4,4	6,0	9,4
	2002–2019	М	-2,8	-3,9	-1,1	-4,9	-4,3	0,3	11,7
		Ж	-3,1	-5,1	-0,8	-5,6	-4,0	0,3	12,3
	2019–2021	М	14,9	-2,1	-3,5	-0,4	30,4	3,9	4,9
		Ж	26,2	-1,2	-2,9	-0,6	100,5	5,5	6,8
Снижение (раз)	2000–2021	М	1,2	4,8	1,3	2,0	1,4	0,8	0,1
		Ж	1,0	7,4	1,2	2,4	0,6	0,8	0,1

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата

Лица в возрасте 75 лет и старше

В старшей возрастной группе, как и в большинстве остальных, первый пик смертности с начала века наблюдался в 2003 г., второй – в 2021 г. На населении самых старших возрастов в полной мере сказалась пандемия COVID-19 (табл. 7).

Динамика смертности лиц старшего возраста преимущественно обуславливалась ведущей причиной – болезнями системы кровообращения (с наибольшими средними темпами снижения с 2003 по 2019 гг.) и третьим по значимости классом причин – «симптомы, признаки и отклонения от нормы...», куда входит причина «старость», устанавливаемая как первоначальная, начиная с возраста 80 лет (уровень смертности от этих причин с 2000 по 2020 гг. изменился мало). Смертность лиц старшей возрастной группы от болезней органов дыхания с начала века вплоть до пандемии уверенно снижалась, однако новая коронавирусная инфекция переломила положительную тенденцию. В 2021 г. уровень смертности мужчин был близок к уровню 2000 г., тогда как уровень женской смертности превышал уровень 2000 г. и был близок к уровню 1994 г.

Таблица 7

Показатели динамики смертности мужчин (М) и женщин (Ж) возрастной группы 75 лет и старше от всех причин, болезней системы кровообращения (I), новообразований (II), симптомов, признаков и отклонений от нормы (III), болезней органов дыхания (IV), болезни нервной системы (V), болезни органов пищеварения (VI)

Table 7

Indicators of the dynamics of mortality of men (M) and women (W) of the age group 75 years and older from all causes, diseases of the circulatory system (I), neoplasms (II), symptoms, signs and abnormalities (III), respiratory diseases (IV), diseases of the nervous system (V), diseases of the digestive system (VI)

Показатели	Годы	Пол	Причины смерти						
			Все	I	II	III	IV	V	VI
Доля причин смерти (%)	2000	М	100	71,6	10,2	7,4	5,6	0,1	1,5
		Ж	100	77,7	6,4	9,9	2,3	0,1	1,3
	2021	М	100	42,2	9,7	7,1	5,9	6,6	2,2
		Ж	100	45,5	6,3	9,8	3,4	8,5	2,4
Средний темп изменения смертности (%)	2000–2003	М	0,8	1,3	0,6	0,1	-4,3	12,4	1,0
		Ж	0,7	1,1	-0,8	0,1	-4,6	10,6	-0,2
	2003–2019	М	-2,4	-4,3	-0,4	-0,5	-2,1	27,7	1,6
		Ж	-2,3	-4,3	0,2	-0,2	-2,4	30,7	3,4
	2019–2021	М	15,7	2,9	-4,6	4,2	27,6	9,5	-0,6
		Ж	16,2	4,5	-3,8	3,0	60,5	13,5	1,1
Снижение (раз)	2000–2021	М	1,1	1,8	1,1	1,1	1,0	0,02	0,8
		Ж	1,1	1,8	1,1	1,1	0,7	0,02	0,6

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата

На протяжении всего периода исследования рос уровень смертности лиц данной возрастной группы от болезней нервной системы, который увеличился с 2000 по 2021 гг. в 50,6 раз у мужчин и в 63,6 раза у женщин. Если во всех возрастных группах мужская смертность ранее превышала женскую, то в 2021 г. уровень смертности женщин в возрасте 75 лет и старше стал выше, чем у мужчин.

Максимальные потери среди населения 75 лет и старше (см. Приложение, табл. 13–14) были обусловлены хроническими формами ИБС, второе место занимали хронические формы ЦВБ. Только в 2021 г., в период пандемии, хронические формы ЦВБ отошли на третье место, пропустив вперед COVID-19, которым было обусловлено 20,6% смертности у мужчин и 18% у женщин. Особо подчеркнем, что вклад острых форм ЦВБ (инсульты) в 2011–2021 гг. снизился с 10,2% до 4,8% у мужчин и с 11,9% до 5,6% у женщин, вследствие чего ранг такой патологии сместился с третьего до шестого места в мужской и женской популяциях.

Необходимо отметить и сокращение значимости онкологических заболеваний: в частности, доля злокачественных новообразований органов пищеварения в рассматриваемый период времени снизилась с 5,1% и 3,9% до 3,7% и 2,9% соответственно.

Вместе с тем «старость» как причина смерти устойчиво закрепились в числе ведущих, занимая у мужчин пятое место. При этом ее вклад в 2021 г. оказался выше, чем от инсультов и злокачественных новообразований органов пищеварения. У женщин

она не опускалась ниже четвертого места, и за период исследования ее доля выросла с 8,2% до 8,9%.

Нельзя не указать на появление в списке лидирующих причин «прочих нарушений нервной системы». В 2021 г. они занимали соответственно четвертое и пятое место с вкладом 6,1% и 8%. У женщин в 2019–2021 гг. среди лидирующих (правда, в конце списка, на восьмом и десятом месте) оказались также «другие психозы» (F00–F09, F20–F29), доля которых составила 1,6% и 1,1% соответственно.

В качестве реальных, а не курьезных сдвигов следует обратить внимание на то, что в последние годы у женщин в числе лидирующих причин оказался сахарный диабет, вклад которого в 2019–2021 гг. составил 2,8% и 2,2% соответственно.

Таким образом, можно констатировать, что основной фактор в старческих возрастах – сердечно-сосудистые патологии, которыми даже в период COVID-19 было обусловлено не менее 40% общей смертности. На втором месте находятся онкологические заболевания, причем их позиции заметно снизились уже в допандемийный период. Так, в 2019 г. в число ведущих не вошли онкологические заболевания органов дыхания, мужских половых органов и молочной железы, актуальные в 2011 г. В то же самое время одним из ведущих остается такой малоинформативный диагноз как «старость».

Обсуждение

При анализе картины российской смертности постсоветского периода постоянно возникает проблема качества диагностики, что выражается в аномально высоких уровнях смертности от повреждений с неопределенными намерениями, симптомов, признаков и неточно обозначенных состояний. Заметим: если смертность от повреждений с неопределенными намерениями, особенно после исключения алкогольных и наркотических отравлений, с высокой степенью вероятности формируется за счет латентной суицидальной компоненты [10], то неточно обозначенные состояния – это своеобразный «черный ящик» [11]. Так, потери населения от 1 года до 80 лет практически полностью определяются диагнозом «причина смерти не установлена» (R99), до года – к такой причине добавляется «внезапная смерть грудного ребенка» (R95), а после 80 лет – «старость» (R54). Причем ВОЗ относит все эти причины смерти к неустановленным. Ряд исследований позволяют оценивать повреждения с неопределенными намерениями как резервуар минимизации смертности от социально обусловленных и социально значимых причин путем перевода их в латентную форму, неточно обозначенные состояния – как способ минимизации потерь не только от сердечно-сосудистых [12], но и от внешних причин в целом [13].

Еще один аспект, который не может не вызвать вопросов: абсолютно во всех половозрастных группах российского населения – от грудных младенцев до глубоких стариков – в число ведущих причин смерти к 2019 г. вошли «прочие нарушения нервной системы», куда входят патологии самой разнообразной этиологии, от хорей и спинальной мышечной атрофии, включая ряд мозговых синдромов при цереброваскулярных болезнях, а также завершая доброкачественной внутричерепной гипертензией (G10–G12, G14, G23–G25, G31.0,1,8,9, G36, G37, G43–G45, G47, G50–G61, G62.0,2-9, G63–G71, G72.0,2–9, G81–G91, G93–G98). Судя по динамике смертности, широкие возможности данной рубрики оценили в период активного снижения сердечно-сосудистой смертности: в 2013–2016 гг. потери российского населения от прочих нарушений нервной системы выросли пятикратно. В таком контексте показателен факт

вхождения в число лидеров других психозов (F00–F09, F20–F29) у населения старческих возрастов: резкий рост смертности от данных патологий наблюдался в этот же период и был обусловлен сосудистой деменцией (F01), т. е. переводом в латентную форму части потерь от инсультов.

Таким образом, самое неожиданное «обновление» перечня ведущих причин, куда системно вошли прочие нарушения нервной системы, является следствием не возникновения новых реальных проблем здоровья, а статистических манипуляций с целью снижения сердечно-сосудистой смертности, оказавшейся в центре внимания общества [14]. Иными словами, эта проблема принципиально ничем не отличается от вопроса о неточно обозначенных состояниях и повреждениях с неопределенными намерениями. В то же время уменьшение смертности от болезней системы кровообращения не означает снижения напряженности данной проблемы в обществе: среди молодежи и лиц среднего возраста темпы снижения смертности от них наименьшие. Происходит омоложение возраста людей, у которых выявляются сердечно-сосудистые заболевания [15].

Еще одним проявлением качества и достоверности данных о смертности является проблема верификации уровня и причин младенческой смертности. По мнению авторитетных специалистов, большие колебания темпов изменения смертности детей первого года жизни в начале века являются отражением недостоверности статистических данных, искусственного занижения уровня младенческой и неонатальной смертности в России [16]. Уменьшение вариаций темпов роста такой смертности в последние годы свидетельствует о повышении достоверности данных о смертности новорожденных, поскольку трехкратное снижение смертности детей первого года жизни от симптомов, признаков и неточно обозначенных состояний за 22 года сложно объяснить столь резким уменьшением частоты смерти от внезапной смерти младенцев. Тем более, что динамика смертности младенцев от болезней органов дыхания, инфекционных и паразитарных болезней свидетельствует об улучшении эпидемической ситуации в стране, в то время как все больше подтверждений получает инфекционная гипотеза в этиологии синдрома внезапной детской смерти [17]. С начала века смертность младенцев сократилась сильнее, чем всех прочих возрастных групп. В итоге, как отмечают специалисты, российский показатель младенческой смертности приблизился к его значению в наиболее крупных по населению странах Европейского региона [18]. Снижение младенческой смертности внесло существенный вклад в увеличение продолжительности жизни населения России с 2005 по 2016 г. [19].

В целом, обсуждая достижения в снижении детской смертности, нельзя не отметить сокращение потерь, связанных с пороками развития, которые вносят существенный вклад в смертность детей до 15-летнего возраста. Уменьшение этого вклада к 2021 г. связано с развитием сети сосудистых центров и существенным ростом операций по коррекции врожденных пороков сердца [20]. В более старших возрастных группах вклад данной причины в смертность небольшой.

Если постепенный контроль над врожденными аномалиями и смертностью от них зависит от здравоохранения и развития новых медицинских технологий, то отмеченное выше снижение потерь от болезней органов дыхания в значительной мере определяется поведенческими стереотипами. Болезни органов дыхания находятся на третьем месте в структуре смертности детей до 15-летнего возраста. Затем, после приобретения большинством детей иммунитета к разнообразному спектру вирусов, вызывающих грипп и острые респираторные заболевания, вклад причин такого клас-

са в смертность детей и молодежи резко уменьшается. По достижении поколением 45-летнего возраста и в дальнейшем болезни органов дыхания прочно занимают в структуре смертности четвертое место. При этом респираторная смертность снижается во всех возрастных группах, хотя темпы ее снижения с возрастом замедляются. Одной из причин уменьшения респираторной смертности являются постепенное сокращение числа курящих. Такая позитивная тенденция затронула все возрастные группы, но в разной степени, в наибольшей степени – молодежь [15]. Единственной когортой, в которой было отмечено некоторое увеличение удельного веса курящих после 2006 г., оказалась когорта, объединяющая женщин в возрасте 60 лет и старше.

Поведенческие факторы повлияли на изменение роли и возрастного профиля инфекционных болезней. Здесь проявляется смена ведущих инфекционных агентов, поражающих российское население: снизилась значимость туберкулеза, и выросла значимость гемоконтактных инфекций (ВИЧ, вирусные гепатиты), инфекций, передающихся половым путем. Потери от детских инфекций существенно снизились. Будущее включение вируса SARS-CoV-2 в класс инфекций модифицирует динамику инфекционной смертности разных возрастных групп населения в различной степени. В то же время возникает вопрос: подобное усиление роли инфекционных заболеваний в модели смертности отражает следующий (влияние глобализации) или очередной обратный эпидпереход?

Среди населения 30 лет и старше в число ведущих причин смерти входят болезни органов пищеварения, при котором наблюдался рост смертности от этих причин, тогда как в более молодом возрасте такая смертность снижалась. На фоне роста смертности от болезней органов пищеварения происходил рост смертности лиц 30 лет и старше от болезней эндокринной системы и болезней кожи, а кроме того, рост смертности пенсионеров от болезней мочеполовой и костно-мышечной систем, что позволяет предположить негативное влияние на здоровье населения алиментарного фактора (рациона и режима питания, качества продуктов питания и питьевой воды).

В основном смертность всех возрастных групп как минимум с 2003 г. снижалась достаточно высокими темпами. Но при этом, несмотря на улучшение социально-экономической ситуации и условий жизни населения в первой декаде нынешнего столетия, ситуация с заболеваемостью в 2010 г. по сравнению с 2000 г. принципиально не изменилась. [21]. Возможно, снижение смертности объясняется позитивными сдвигами в самосохранительном поведении населения, связанными с более частым обращением за медицинской помощью в случае болезни вместо традиционного самолечения.

Выводы

Завершая анализ возрастных и нозологических особенностей смертности в России с позиций оценки вероятных резервов сокращения потерь, следует обратить внимание на ряд обстоятельств.

Во-первых, кластер ведущих причин смерти в каждой возрастной группе характеризуется высокой стабильностью, и даже в условиях пандемии никаких принципиальных изменений в нозологическом профиле отмечено не было. Наблюдался сдвиг позиций ведущих причин на одно-два места, обусловленных появлением новой патологии, но не принципиальными изменениями самого спектра. Это является своеобразным индикатором быстрой нормализации ситуации после выхода из пандемии новой коронавирусной инфекции. Данные за 2022 г. также свидетельствуют о прео-

долеии флуктуации, имевшей место в 2020–2021 гг., и возвращении показателей на предкризисные позитивные тренды⁴.

Во-вторых, нозологический профиль ведущих причин смерти характеризуется четким возрастным вектором. Значимость внешних причин постепенно нарастает и достигает максимума среди 15–29-летних, а затем на первые места выходят соматические патологии.

В-третьих, основной группой риска в нашей стране являются 30–44-летние, нозологический спектр смертности которых в последнее десятилетие стабильно формируется в первую очередь за счет потерь, обусловленных алкоголизмом и его последствиями, ВИЧ/СПИД, повреждениями с неопределенными намерениями и неточно обозначенными состояниями. Подобная картина свидетельствует об устойчивой маргинализации смертности в данных возрастах.

В-четвертых, общей проблемой учета смертности российского населения, независимо от возраста, является качество диагностики, о чем свидетельствует аномально высокий уровень и вклад потерь от размытых причин. А именно: повреждения с неопределенными намерениями и неточно обозначенные состояния у лиц до 75 лет; старость и смерть от неустановленных причин у населения старших возрастов.

В-пятых, пандемия COVID-19 привела к резкому росту смертности в 2020–2021 гг. Если в детских, подростковых и молодых возрастах такой всплеск не смог нивелировать позитивные сдвиги предыдущего периода, то в старших возрастах достижения оказались в значительной мере исчерпаны ростом смертности в пандемию. Несмотря на мнение клиницистов о минимальных рисках смертности от COVID-19 у детей и молодежи, в 2021 г. новая инфекция вошла в число ведущих патологий у всех без исключения основных половозрастных групп старше 1 года с нарастанием позиций COVID-19 по мере увеличения возраста.

В-шестых, резервы роста продолжительности жизни в России связаны с решением накопленных задач предыдущих этапов эпидемиологического развития страны. Они характеризуются, с одной стороны, преждевременной смертностью от хронических неинфекционных заболеваний (прежде всего, болезней системы кровообращения и новообразований), с другой – сверхсмертностью от внешних причин из-за не самоохранительного поведения (прежде всего, мужского населения) и не полностью преодоленных последствий маргинализации населения в результате социально-экономического кризиса 1990-х гг. (проявляющихся в специфических причинах смерти наиболее активного населения трудоспособного возраста).

Список литературы

1. Маршова, Т. Н. Риски реализации национальных проектов (на примере национального проекта «Культура») / Т. Н. Маршова, Н. В. Моисеенко // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2021. № 4 (30). С. 20–39. DOI [10.25688/2312-6647.2021.30.4.2](https://doi.org/10.25688/2312-6647.2021.30.4.2). EDN [MZQWPJ](https://www.edn.ru/mzqwpj).
2. Кравцова, М. В. Роль национальных проектов в решении социально-экономических задач государства (на примере национального проекта «Здравоохранение») // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 2 (170). С. 8–13. DOI [10.34773/EU.2023.2.2](https://doi.org/10.34773/EU.2023.2.2). EDN [JYBRVS](https://www.edn.ru/jybrvs).
3. Кондратьева, П. В. Национальные проекты России: содержание, состав, оценка реализации (национальный проект «Демография») / П. В. Кондратьева, Е. Л. Черненко // Современный специалист-профессионал: теория и практика : материалы 15-й международной научной конференции / под общ. ред. В. А. Ивановой, П. А. Косенковой. Москва, 2023. С. 248–250.
4. Кузнецова, О. П. Реализация национальных проектов в сфере образования: анализ, про-

⁴ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.09.2023).

блемы, основные направления трансформации механизма реализации национальных проектов / О. П. Кузнецова, О. В. Мордкович, И. Ю. Кулеева // Роль национальных проектов в экономическом развитии Омской области : сб. науч. трудов Межвуз. науч.-практ. конф. (Омск, 17 июня 2021 г.) / под ред. О. П. Кузнецовой [и др.]. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2021. С. 58–66. ISBN 978-5-8149-3396-6. EDN [UXWQKU](#).

5. Стародубов, В. И. Оценка обоснованности выбора приоритетных направлений в области биомедицины в национальном проекте «Наука» / В. И. Стародубов, Ф. А. Кураков, Н. Г. Куракова, Л. А. Цветкова, Ю. В. Полякова // Хирургия. Журнал имени Н. И. Пирогова. 2019. № 6. С. 119–124. DOI [10.17116/hirurgia2019061119](#). EDN [GUXTMW](#).

6. Обзор реализации национальных проектов в Российской Федерации: целеполагание и достижение : научно-аналитическое издание / В. И. Добросоцкий, Р. Н. Шпакова, Г. Н. Войникова [и др.]. Москва : Издательство МАГИСТР, 2022. 272 с. ISBN 978-5-9776-0538-0. EDN [TSJUCU](#).

7. Битерман, О. Э. Понятие, значение и перспективы реализации приоритетных национальных проектов для российской государственности // Теория государства и права. 2023. № 3 (32). С. 57–80. DOI [10.25839/MATGIP_2023_3_55](#).

8. Семенова, В. Г. Смертность населения России от причин алкогольной этиологии в 2000-е годы / В. Г. Семенова, Т. П. Сабгайда, А. Ю. Михайлов, В. Г. Запороженко, Г. Н. Евдокушкина, Н. С. Гаврилова // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 1 (59). 3 с. DOI [10.21045/2071-5021-2018-59-1-3](#). EDN [YTCUSN](#).

9. Семенова, В. Г. Потери трудоспособного населения Москвы, обусловленные наркотиками: официальные уровни и реальные масштабы / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, Г. Н. Евдокушкина, Н. А. Тарасов // Здоровье мегаполиса. 2020. Т. 1, № 2. С. 38–52. DOI [10.47619/2713-2617_zm.2020.v1i2;38-52](#). EDN [EFEEUW](#).

10. Семенова, В. Г. Эволюция потерь трудоспособного населения Москвы от повреждений с неопределенными намерениями в 2000-е годы / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, А. В. Зубко, Г. Н. Евдокушкина, Н. С. Гаврилова, В. Г. Запороженко // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № S2. С. 1075–1080. DOI [10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1075-1080](#). EDN [LZQKIU](#).

11. Иванова, А. Е. Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России / А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова, В. Г. Запороженко, Е. В. Землянова, С. Ю. Никитина // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 4 (32). 36 с. EDN [RBTQQZ](#).

12. Бойцов, С. А. Динамика сердечно-сосудистой смертности среди мужчин и женщин в субъектах Российской Федерации (2002–2011 гг.) / С. А. Бойцов, И. В. Самородская // Кардиология. 2014. Т. 54, № 4. С. 4–9. DOI [10.18565/cardio.2014.4.4-9](#). EDN [SHLTQD](#).

13. Семенова, В. Г. Потери российской молодежи от внешних причин и факторы, их определяющие / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, Г. Н. Евдокушкина, В. Г. Запороженко // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. Т. 65, № 6. 35 с. DOI [10.21045/2071-5021-2019-65-6-4](#). EDN [HFIUGE](#).

14. Сабгайда, Т. П. Связь снижения сердечно-сосудистой смертности 2013–2015 годов с изменением смертности от других причин / Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 5 (57). 16 с. DOI [10.21045/2071-5021-2017-57-5-2](#). EDN [ZSVYFL](#).

15. Козырева, П. М. Здоровье населения России: динамика и возрастные особенности (1994–2011 гг.) / П. М. Козырева, А. Э. Низамова, А. И. Смирнов // Вестник института социологии. 2013. № 6. С. 8–47. EDN [QAPDXR](#).

16. Суханова, Л. П. Младенческая смертность в России с позиций достоверности ее регистрации / Л. П. Суханова, Н. Н. Бушмелева, З. Х. Сорокина // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. № 6 (28). 31 с. EDN [PUQYTP](#).

17. Мальцев, С. В. Современный взгляд на причины и профилактику синдрома внезапной смерти младенцев / С. В. Мальцев, Г. Ш. Мансурова // Практическая медицина. 2022. Т. 20, № 5. С. 22–28. DOI [10.32000/2072-1757-2022-5-22-28](#). EDN [LCZTIM](#).

18. Баранов, А. А. Смертность детского населения в России: состояние, проблемы и задачи профилактики / А. А. Баранов, В. Ю. Альбицкий, Л. С. Намазова-Баранова // Вопросы современной педиатрии. 2020. Т. 19, № 2. С. 96–106. DOI [10.15690/vsp.v19i2.2102](#). EDN [BEDBIG](#).

19. Будилова, Е. В. Динамика популяционного здоровья населения России в 2005–2016 гг. / Е. В. Будилова, М. Б. Лагутин, Л. А. Мигранова // Народонаселение. 2018. № 2. С. 99–109.

DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-2-08](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-08). EDN [XWETLN](https://www.edn.org/XWETLN).

20. Зубко, А. В. Смертность детей от врожденных пороков сердца и доступность хирургической помощи / А. В. Зубко, Т. П. Сабгайда // Здоровоохранение Российской Федерации. 2019. Т. 63, № 6. С. 300–307. DOI [10.18821/0044-197X-2019-63-5-300-307](https://doi.org/10.18821/0044-197X-2019-63-5-300-307). EDN [RJNTNZ](https://www.edn.org/RJNTNZ).

21. Кузьмич, О. С. Состояние здоровья населения России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2012. № 2. С. 170–211. EDN [VXXHLL](https://www.edn.org/VXXHLL).

Сведения об авторах:

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ivanova-home@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0258-3479](https://orcid.org/0000-0002-0258-3479); РИНЦ Author ID: [71275](https://elibrary.ru/71275); Web of Science Researcher ID: [R-7551-2016](https://orcid.org/R-7551-2016); Scopus Author ID: [24329092500](https://orcid.org/24329092500).

Сабгайда Тамара Павловна, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tsabgaida@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-5670-6315](https://orcid.org/0000-0002-5670-6315); РИНЦ Author ID: [4249](https://elibrary.ru/4249); Web of Science Researcher ID: [R-9626-2016](https://orcid.org/R-9626-2016); Scopus Author ID: [6603936011](https://orcid.org/6603936011).

Семенова Виктория Георгиевна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vika-home@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-2794-1009](https://orcid.org/0000-0002-2794-1009); РИНЦ Author ID: [76028](https://elibrary.ru/76028); Web of Science Researcher ID: [AAH-1211-2020](https://orcid.org/AAH-1211-2020); Scopus Author ID: [6507196116](https://orcid.org/6507196116).

Статья поступила в редакцию 22.09.2023; принята в печать 24.11.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Приложение / Appendix

Таблица 1

Младенческая смертность мальчиков от ведущих причин в 2011–2019 гг. (на 100 000 родившихся живыми, %)

Table 1

Infant mortality of boys from leading causes in 2011–2019 (per 100,000 live births, %)

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	855,5	100,0	516,1	100,0	522,6	100,0
остальные перинатальные состояния (P29, P35, P37, P39, P75-P96, P05-P08)	125,7	14,7	81,3	15,8	75,7	14,5
врожденные аномалии развития сердца (Q20-Q24)	77,5	9,1	34,3	6,6	33	6,3
дыхательное расстройство новорожденного (дистресс) (P22)	66,8	7,8	36,7	7,1	33,7	6,4
геморрагические нарушения у плода и новорожденного (P50-P54)	51	6,0	48,7	9,4	47,5	9,1
врожденная пневмония (P23)	49,6	5,8	25,4	4,9	27,4	5,2
внутриутробная гипоксия и асфиксия в родах (P20-P21)	40,7	4,8	18,4	3,6	15,6	3,0
пневмония (J12-J18)	35,9	4,2	13,5	2,6	21,3	4,1
другие респираторные состояния (P24-P28)	34,3	4,0	18,6	3,6	20,4	3,9
синдром внезапной смерти младенца (R95)	31,6	3,7	18,8	3,6	19,7	3,8
бактериальный сепсис новорожденного (P36)	27	3,2	34,3	6,6	42,7	8,2
случайное удушье (W75-W84)	26,8	3,1	13,4	2,6	13,9	2,7
другие врожденные аномалии развития системы кровообращения (Q25-Q28)	21,6	2,5	13,1	2,5	13,6	2,6
врожденные аномалии развития органов пищеварения (Q35-Q45)	20,4	2,4	8,5	1,6	-	-
родовая травма (P10-P15)	16,9	2,0	-	-	-	-
прочие нарушения нервной системы (G10-G12, G14, G23-G25, G31.0,1,8,9, G36, G37, G43-G45, G47, G50-G61, G62.0,2-9, G63-G71, G72.0,2-9, G81-G91, G93-G98)	15	1,8	14,8	2,9	14,9	2,9
другие болезни, вызываемые вирусами (A81, A87-A89, B00-B04, B06-B09, B25-B34)	-	-	8,3	1,6	8	1,5
повреждения с неопределенными намерениями, исключая отравления алкоголем и наркотиками (Y10-Y11, Y13-Y14, Y16-Y34)	-	-	-	-	8,1	1,5

Таблица 2

Младенческая смертность девочек от ведущих причин в 2011–2019 гг. (на 100 000 родившихся живыми, %)

Table 2

Infant mortality of girls from leading causes in 2011–2019. (per 100,000 live births, %)

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	667,2	100,0	434,7	100,0	396,1	100,0
остальные перинатальные состояния (P29, P35, P37, P39, P75-P96, P05-P08)	96,1	14,4	63,8	14,7	58,1	14,7
врожденные аномалии развития сердца (Q20-Q24)	61,6	9,2	32,5	7,5	29,4	7,4
дыхательное расстройство новорожденного (дистресс) (P22)	46,7	7,0	31,9	7,3	22,2	5,6
врожденная пневмония (P23)	36,5	5,5	21,6	5,0	24,6	6,2
пневмония (J12-J18)	30,4	4,6	14,4	3,3	13,8	3,5

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
геморрагические нарушения у плода и новорожденного (P50-P54)	29,4	4,4	38,4	8,8	28,7	7,2
внутриутробная гипоксия и асфиксия в родах (P20-P21).	28,6	4,3	15,6	3,6	14	3,5
синдром внезапной смерти младенца (R95)	28,4	4,3	14,8	3,4	13,7	3,5
другие респираторные состояния (P24-P28)	27,9	4,2	15	3,5	17,2	4,3
случайное удушье (W75-W84)	23,1	3,5	13,9	3,2	12,7	3,2
бактериальный сепсис новорожденного (P36)	20,6	3,1	25,6	5,9	26,4	6,7
врожденные аномалии развития органов пищеварения (Q35-Q45)	14,2	2,1	6,3	1,4	-	-
причина не установлена (R96-R99)	13,5	2,0	8,9	2,0	-	-
другие врожденные аномалии развития системы кровообращения (Q25-Q28)	13,2	2,0	11,8	2,7	11,2	2,8
прочие нарушения нервной системы (G10-G12, G14, G23-G25, G31.0,1,8,9, G36, G37, G43-G45, G47, G50- G61, G62.0,2-9, G63- G71, G72.0,2-9, G81-G91, G93-G98)	-	1,6	9,9	2,3	9,5	2,4
синдром Дауна (Q90-Q99)	-	-	-	-	5,7	1,4
другие болезни, вызываемые вирусами (A81, A87-A89, B00-B04, B06-B09, B25-B34)	-	-	-	-	5,2	1,3

Таблица 3

Детская смертность мальчиков 1–14 лет от ведущих причин в 2011–2019 гг.
(стандартизованный коэффициент на 100 000, %)

Table 3

Child mortality of boys 1–14 years old from leading causes in 2011–2019
(standardized coefficient per 100,000, %)

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	41,5	100,0	26,2	100,0	26,7	100,0
транспортные происшествия (V01-V99)	4,8	11,6	2,3	8,8	2,2	8,2
случайные утопления (W65-W74)	4,3	10,4	2,1	8,0	2,1	7,9
повреждения с неопределенными намерениями, исключая отравления алкоголем и наркотиками (Y10-Y11, Y13-Y14, Y16-Y34)	3	7,2	2,8	10,7	2,7	10,1
прочие случайные отравления (X46-X49)	2,1	5,1	1	3,8	0,8	3,0
неточно обозначенные состояния (R99)	2	4,8	1,1	4,2	0,8	3,0
пневмония (J12-J18)	1,7	4,1	0,8	3,1	1	3,7
прочие нарушения нервной системы (G10-G12, G14, G23-G25, G31.0,1,8,9, G36, G37, G43-G45, G47, G50- G61, G62.0,2-9, G63-G71, G72.0,2-9, G81-G91, G93-G98)	1,5	3,6	2,1	8,0	2	7,5
воздействие дыма, огня и пламени (X00-X09)	1,5	3,6	0,5	1,9	0,7	2,6
лейкемия (C91-C95)	1,4	3,4	0,8	3,1	1	3,7
церебральный паралич (G80)	1,3	3,1	1,4	5,3	1,4	5,2
прочие несчастные случаи (W20-W31, W35-W64, X10-X30, X32-X39, X50-X57, Y35, Y85-Y87.1, Y88-Y89.1, W85-W99)	1,3	3,1	0,6	2,3	-	-
злокачественные новообразования мозговых оболочек, головного мозга, спинного мозга, черепно-мозговых нервов и других частей нервной системы (C70-C72)	1,2	2,9	0,9	3,4	1	3,7
врожденные аномалии развития сердца (Q20-Q24)	1,1	2,7	0,4	1,5	0,5	1,9
случайные падения (W00-W19)	1,1	2,7	0,6	2,3	0,6	2,2
самоубийства (X60-X84)	1	2,4	0,5	1,9	0,4	1,5

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
случайное удушение (W75-W84)	0,9	2,2	0,7	2,7	0,6	2,2
spina bifida (Q03, Q05)	0,8	1,9	0,4	1,5	-	-
другие врожденные аномалии развития нервной системы (Q00-Q02, Q04, Q06-Q07)	0,7	1,7	-	-	0,4	1,5
другие болезни эндокринной системы (E00-E07, E15-E16, E20-E35, E50-E90)	0,5	1,2	-	-	-	-
злокачественные новообразования мезотелиальных и мягких тканей (C45-C49)	-	-	0,5	1,9	0,4	1,5
прочие болезни сердца (I30-I41, I42.0-5, 7, 8, I43-I45, I46.0,9, I47- I49, I50.0,1, I51.0-4, I51.6-9)	-	-	0,4	1,5	0,4	1,5
COVID-19	-	-	-	-	0,4	1,5

Таблица 4

Детская смертность девочек 1–14 лет от ведущих причин в 2011–2019 гг. (стандартизованный коэффициент на 100 000, %)

Table 4

Child mortality of girls 1–14 years old from leading causes in 2011–2019 (standardized coefficient per 100,000, %)

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	29,8	100,0	18,1	100,0	20,3	100,0
транспортные происшествия (V01-V99)	3,5	11,7	1,7	9,4	1,9	9,4
случайные утопления (W65-W74)	1,9	6,4	0,9	5,0	0,9	4,4
повреждения с неопределенными намерениями, исключая отравления алкоголем и наркотиками (Y10-Y11, Y13-Y14, Y16-Y34)	1,8	6,0	1,4	7,7	2,2	10,8
пневмония (J12-J18)	1,7	5,7	0,8	4,4	0,6	3,0
прочие нарушения нервной системы (G10-G12, G14, G23-G25, G31.0,1,8,9, G36, G37, G43-G45, G47, G50- G61, G62.0,2-9, G63-G71, G72.0,2-9, G81-G91, G93-G98)	1,3	4,4	1,5	8,3	1,6	7,9
злокачественные новообразования мозговых оболочек, головного мозга, спинного мозга, черепно-мозговых нервов и других частей нервной системы (C70-C72)	1,2	4,0	0,9	5,0	0,8	3,9
церебральный паралич (G80)	1,1	3,7	0,8	4,4	1	4,9
врожденные аномалии развития сердца (Q20-Q24)	1,1	3,7	0,5	2,8	0,5	2,5
неточно обозначенные состояния (R99)	1,1	3,7	0,7	3,9	0,9	4,4
воздействие дыма, огня и пламени (X00-X09)	1,1	3,7	0,3	1,7	0,6	3,0
прочие случайные отравления (X46-X49)	1,1	3,7	0,6	3,3	0,4	2,0
лейкемия (C91-C95)	0,9	3,0	0,7	3,9	0,9	4,4
самоубийства (X60-X84)	0,7	2,3	0,3	1,7	0,5	2,5
spina bifida (Q03, Q05)	0,6	2,0	0,3	1,7	-	-
другие врожденные аномалии развития нервной системы (Q00-Q02, Q04, Q06-Q07)	0,6	2,0	0,3	1,7	0,3	1,5
случайные падения (W00-W19)	0,6	2,0	0,3	1,7	0,5	2,5
убийства (X85-Y09)	0,6	2,0	-	-	-	-

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
прочие несчастные случаи (W20-W31, W35-W64, X10-X30, X32-X39, X50-X57, Y35, Y85-Y87.1, Y88-Y89.1, W85-W99)	0,6	2,0	-	-	0,3	1,5
менингококковая инфекция (A39)	0,5	1,7	-	-	-	-
случайное удушение (W75-W84)	0,5	1,7	0,4	2,2	0,5	2,5
другие болезни эндокринной системы (E00-E07, E15-E16, E20-E35, E50-E90)	-	-	0,3	1,7	0,3	1,5
злокачественные новообразования мезотелиальных и мягких тканей (C45-C49)	-	-	0,3	1,7	0,3	1,5
прочие болезни сердца (I30-I41, I42.0-5, 7, 8, I43-I45, I46.0,9, I47- I49, I50.0,1, I51.0-4, I51.6-9)	-	-	0,3	1,7	0,2	1,0
COVID-19	-	-	-	-	0,5	2,5

Таблица 5

**Смертность 15–29-летних мужчин от ведущих причин в 2011–2021 гг.
(стандартизованный коэффициент на 100 000, %)**

Table 5

**Mortality of 15–29-year-old men from leading causes in 2011–2021
(standardized coefficient per 100,000, %)**

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	253,9	100,0	139,6	100,0	147,7	100,0
транспортные происшествия (V01-V99)	41,8	16,5	23,4	16,8	21,6	14,6
самоубийства (X60-X84)	39,7	15,6	17,8	12,8	15,1	10,2
повреждения с неопределенными намерениями, исключая отравления алкоголем и наркотиками (Y10-Y11, Y13-Y14, Y16-Y34)	26,8	10,6	24,3	17,4	23,6	16,0
неточно обозначенные состояния (R99)	14,9	5,9	7,5	5,4	7,7	5,2
убийства (X85-Y09)	14,5	5,7	4,6	3,3	3,1	2,1
потери, обусловленные алкоголем (F10, G31.2, G62.1, G72.1, I42.6, K70, K29.2, K86.0, Q86.0, X45, Y15)	10,6	4,2	4,2	3,0	3,7	2,5
случайные утопления (W65-W74)	9	3,5	4	2,9	4,9	3,3
туберкулез (A15-A19)	7,2	2,8	-	-	-	-
потери, обусловленные наркотиками (F11-F14, F16, F19, X42, Y12)	6,7	2,6	5	3,6	11,2	7,6
пневмония (J12-J18)	6,6	2,6	-	-	2,8	1,9
прочие случайные отравления (X46-X49)	6,6	2,6	2,6	1,9	3	2,0
ВИЧ/СПИД (B20-B24)	6,3	2,5	4,4	3,2	2,8	1,9
случайные падения (W00-W19)	4,7	1,9	2,7	1,9	3	2,0
прочие несчастные случаи (W20-W31, W35-W64, X10-X30, X32-X39, X50-X57, Y35, Y85-Y87.1, Y88-Y89.1, W85-W99)	4,5	1,8	2,3	1,6	2,5	1,7
острые формы ИБС (I21-I24)	3,5	1,4	1,8	1,3	-	-
прочие болезни сердца (I30-I41, I42.0-5, 7, 8, I43-I45, I46.0,9, I47- I49, I50.0,1, I51.0-4, I51.6-9)	-	-	3,6	2,6	4,2	2,8
прочие нарушения нервной системы (G10-G12, G14, G23-G25, G31.0,1,8,9, G36, G37, G43-G45, G47, G50- G61, G62.0,2-9, G63-G71, G72.0,2-9, G81-G91, G93-G98)	-	-	2,1	1,5	2,3	1,6
COVID-19	-	-	-	-	6,1	4,1

Таблица 6

**Смертность 15–29-летних женщин от ведущих причин в 2011–2021 гг.
(стандартизованный коэффициент на 100 000, %)**

Table 6

**Mortality of 15–29-year-old women from leading causes in 2011–2021
(standardized coefficient per 100,000, %)**

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	83,1	100,0	50,8	100,0	57,9	100,0
транспортные происшествия (V01-V99)	12,2	14,7	6,9	13,6	6,7	11,6
самоубийства (X60-X84)	7,4	8,9	3,3	6,5	3	5,2
повреждения с неопределенными намерениями, исключая отравления алкоголем и наркотиками (Y10-Y11, Y13-Y14, Y16-Y34)	6,3	7,6	6,5	12,8	6,4	11,1
неточно обозначенные состояния (R99)	4,5	5,4	2,1	4,1	2	3,5
ВИЧ/СПИД (B20-B24)	4,1	4,9	4,5	8,9	3,1	5,4
убийства (X85-Y09)	3,8	4,6	1,2	2,4	1,1	1,9
потери, обусловленные алкоголем (F10, G31.2, G62.1, G72.1, I42.6, K70, K29.2, K86.0, Q86.0, X45, Y15)	3,4	4,1	1,3	2,6	1,2	2,1
туберкулез (A15-A19)	3,2	3,9	-	-	-	-
пневмония (J12-J18)	3,2	3,9	1	2,0	1,7	2,9
прочие случайные отравления (X46-X49)	2,2	2,6	-	-	0,9	1,6
прочие болезни сердца (I30-I41, I42.0-5, 7, 8, I43-I45, I46.0,9, I47- I49, I50.0,1, I51.0-4, I51.6-9)	1,7	2,0	1,6	3,1	1,6	2,8
случайные утопления (W65-W74)	1,5	1,8	-	-	-	-
другие циррозы печени (K74)	1,4	1,7	-	-	-	-
потери, обусловленные наркотиками (F11-F14, F16, F19, X42, Y12)	1,4	1,7	0,7	1,4	1,8	3,1
злокачественные новообразования женских половых органов (C53-C58)	1,3	1,6	0,9	1,8	-	-
прочие нарушения нервной системы (G10-G12, G14, G23-G25, G31.0,1,8,9, G36, G37, G43-G45, G47, G50- G61, G62.0,2-9, G63-G71, G72.0,2-9, G81-G91, G93-G98)	-	-	1,1	2,2	1,3	2,2
случайные падения (W00-W19)	-	-	1	2,0	1	1,7
церебральный паралич (G80)	-	-	0,9	1,8	1,2	2,1
злокачественные новообразования органов пищеварения (C15-C26)	-	-	0,8	1,6	-	-
COVID-19	-	-	-	-	5,8	10,0

Таблица 7

**Смертность 30–44-летних мужчин от ведущих причин в 2011–2021 гг.
(стандартизованный коэффициент на 100 000, %)**

Table 7

**Mortality of 30–44-year-old men from leading causes in 2011–2021
(standardized coefficient per 100,000, %)**

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	771	100,0	564,9	100,0	630,7	100,0
потери, обусловленные алкоголем (F10, G31.2, G62.1, G72.1, I42.6, K70, K29.2, K86.0, Q86.0, X45, Y15)	83,1	10,8	57,8	10,2	60	9,5

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
повреждения с неопределенными намерениями, исключая отравления алкоголем и наркотиками (Y10-Y11, Y13-Y14, Y16-Y34)	55,5	7,2	53	9,4	54,7	8,7
неточно обозначенные состояния (R99)	50,2	6,5	32	5,7	33,1	5,2
самоубийства (X60-X84)	48,8	6,3	28	5,0	24,4	3,9
транспортные происшествия (V01-V99)	42,6	5,5	25,4	4,5	24	3,8
туберкулез (A15-A19)	40,3	5,2	-	-	-	-
пневмония (J12-J18)	36,4	4,7	15,2	2,7	20,9	3,3
хронические формы ИБС (I20, I25)	34,1	4,4	20,7	3,7	21,4	3,4
убийства (X85-Y09)	32,4	4,2	13,3	2,4	-	-
острые формы ИБС (I21-I24)	30,5	4,0	16,9	3,0	18,4	2,9
другие циррозы печени (K74)	28,4	3,7	25,6	4,5	29,3	4,6
ВИЧ/СПИД (B20-B24)	26,7	3,5	55,5	9,8	43,1	6,8
острые формы ЦВБ (I60-I64)	22,9	3,0	18,3	3,2	19,9	3,2
кардиомиопатия неуточненная (I42.9)	22,1	2,9	12,3	2,2	12,3	2,0
прочие болезни сердца (I30-I41, I42.0-.5, 7, 8, I43-I45, I46.0,9, I47- I49, I50.0,1, I51.0-.4, I51.6-.9)	17,8	2,3	25,9	4,6	31,3	5,0
потери, обусловленные наркотиками (F11-F14, F16, F19, X42, Y12)	-	-	17,4	3,1	32,8	5,2
острый панкреатит (K85, K86.1-9)	-	-	-	-	11,9	1,9
COVID-19	-	-	-	-	47,2	7,5

Таблица 8

**Смертность 30–44-летних женщин от ведущих причин в 2011–2021 гг.
(стандартизованный коэффициент на 100 000, %)**

Table 8

**Mortality of 30–44-year-old women from leading causes in 2011–2021
(standardized coefficient per 100,000, %)**

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	241,5	100,0	197,9	100,0	235,6	100,0
потери, обусловленные алкоголем (F10, G31.2, G62.1, G72.1, I42.6, K70, K29.2, K86.0, Q86.0, X45, Y15)	25,5	10,6	18,3	9,2	19	8,1
злокачественные новообразования женских половых органов (C53-C58)	13,1	5,4	11,9	6,0	10,4	4,4
другие циррозы печени (K74)	12,7	5,3	13,2	6,7	15,9	6,7
неточно обозначенные состояния (R99)	11,7	4,8	6,6	3,3	6,2	2,6
повреждения с неопределенными намерениями, исключая отравления алкоголем и наркотиками (Y10-Y11, Y13-Y14, Y16-Y34)	11	4,6	9,6	4,9	10,1	4,3
пневмония (J12-J18)	10,8	4,5	4,7	2,4	8,6	3,7
транспортные происшествия (V01-V99)	10,5	4,3	6,2	3,1	5,7	2,4
туберкулез (A15-A19)	10,1	4,2				

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
острые формы ЦВБ (I60-I64)	9,5	3,9	7,5	3,8	8,3	3,5
злокачественные новообразования молочной железы (C50)	8,4	3,5	8	4,0	7,3	3,1
ВИЧ/СПИД (B20-B24)	8,1	3,4	25	12,6	21,6	9,2
злокачественные новообразования органов пищеварения (C15-C26)	8,1	3,4	7	3,5	6,7	2,8
убийства (X85-Y09)	8	3,3	-	-	-	-
самоубийства (X60-X84)	7,2	3,0	3,8	1,9	-	-
острые формы ИБС (I21-I24)	7,1	2,9	4	2,0	4,5	1,9
прочие болезни сердца (I30-I41, I42.0-5, 7, 8, I43-I45, I46.0,9, I47- I49, I50.0,1, I51.0-4, I51.6-9)	-	-	8	4,0	9,2	3,9
кардиомиопатия неуточненная (I42.9)	-	-	3,7	1,9	3,8	1,6
хронические формы ИБС (I20, I25)	-	-	-	-	3,9	1,7
COVID-19	-	-	-	-	31,1	13,2

Таблица 9

Смертность 45–59-летних мужчин от ведущих причин в 2011–2021 гг.
 (стандартизованный коэффициент на 100 000, %)

Table 9

Mortality of 45–59-year-old men from leading causes in 2011–2021
 (standardized coefficient per 100,000, %)

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	1777,2	100,0	1350,3	100,0	1632,3	100,0
хронические формы ИБС (I20, I25)	306,7	17,3	218,7	16,2	231,8	14,2
потери, обусловленные алкоголем (F10, G31.2, G62.1, G72.1, I42.6, K70, K29.2, K86.0, Q86.0, X45, Y15)	148,5	8,4	108,8	8,1	110,4	6,8
острые формы ЦВБ (I60-I64)	118,3	6,7	85,9	6,4	91,7	5,6
острые формы ИБС (I21-I24)	107,8	6,1	53,9	4,0	59,9	3,7
злокачественные новообразования органов дыхания (C30-C39)	99,8	5,6	68,6	5,1	61,3	3,8
злокачественные новообразования органов пищеварения (C15-C26)	98,6	5,5	84,5	6,3	83,6	5,1
неточно обозначенные состояния (R99)	73,4	4,1	63	4,7	72,2	4,4
пневмония (J12-J18)	70,2	4,0	33,5	2,5	55,4	3,4
повреждения с неопределенными намерениями, исключая отравления алкоголем и наркотиками (Y10-Y11, Y13-Y14, Y16-Y34)	65,5	3,7	61,3	4,5	65	4,0
другие циррозы печени (K74)	49,9	2,8	49,6	3,7	62,2	3,8
самоубийства (X60-X84)	47,5	2,7	26,2	1,9	24	1,5
туберкулез (A15-A19)	45,5	2,6	-	-	-	-
прочие болезни сердца (I30-I41, I42.0-5, 7, 8, I43-I45, I46.0,9, I47- I49, I50.0,1, I51.0-4, I51.6-9)	36,1	2,0	56,3	4,2	66,1	4,0
транспортные происшествия (V01-V99)	35,2	2,0	23,6	1,7	22,5	1,4

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
кардиомиопатия неуточненная (I42.9)	31,5	1,8	18,5	1,4	-	-
ВИЧ/СПИД (B20-B24)	-	-	21,9	1,6	22,3	1,4
COVID-19	-	-	-	-	201,7	12,4

Таблица 10

Смертность 45–59-летних женщин от ведущих причин в 2011–2021 гг.
(стандартизованный коэффициент на 100 000, %)

Table 10

Mortality of 45–59-year-old women from leading causes in 2011–2021
(standardized coefficient per 100,000, %)

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	589,2	100,0	482,1	100,0	675	100,0
хронические формы ИБС (I20, I25)	66,1	11,2	46	9,5	54,1	8,0
острые формы ЦВБ (I60-I64)	51,1	8,7	33,7	7,0	35	5,2
злокачественные новообразования органов пищеварения (C15-C26)	45,9	7,8	37,9	7,9	37,2	5,5
потери, обусловленные алкоголем (F10, G31.2, G62.1, G72.1, I42.6, K70, K29.2, K86.0, Q86.0, X45, Y15)	44,4	7,5	33	6,8	32,9	4,9
злокачественные новообразования молочной железы (C50)	40,8	6,9	31,1	6,5	27,5	4,1
злокачественные новообразования женских половых органов (C53-C58)	36,7	6,2	33,1	6,9	32,2	4,8
другие циррозы печени (K74)	30,1	5,1	28,4	5,9	35,5	5,3
острые формы ИБС (I21-I24)	24,3	4,1	12,6	2,6	13,6	2,0
неточно обозначенные состояния (R99)	15,3	2,6	12,9	2,7	14	2,1
пневмония (J12-J18)	13,6	2,3	7,5	1,6	24,8	3,7
повреждения с неопределенными намерениями, исключая отравления алкоголем и наркотиками (Y10-Y11, Y13-Y14, Y16-Y34)	11,9	2,0	11,4	2,4	11,9	1,8
прочие болезни сердца (I30-I41, I42.0-5, 7, 8, I43-I45, I46.0,9, I47- I49, I50.0,1, I51.0-4, I51.6-9)	11,1	1,9	18,2	3,8	21,7	3,2
злокачественные новообразования органов дыхания (C30-C39)	11,1	1,9	10,6	2,2	10,3	1,5
кардиомиопатия неуточненная (I42.9)	10,8	1,8	-	-	-	-
транспортные происшествия (V01-V99)	10	1,7	-	-	-	-
сахарный диабет (E10-E14)	-	-	9,3	1,9	11,3	1,7
ВИЧ/СПИД (B20-B24)	-	-	9,1	1,9	-	-
COVID-19	-	-	-	-	153,8	22,8

Таблица 11

**Смертность 60–74-летних мужчин от ведущих причин в 2011–2021 гг.
(стандартизованный коэффициент на 100 000, %)**

Table 11

**Mortality from leading causes in 60–74-year-old men, 2011–2021
(standardized coefficient per 100,000, %)**

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	4585,6	100,0	3793,7	100,0	5001,2	100,0
хронические формы ИБС (I20, I25)	1303,4	28,4	964,9	25,4	1080,9	21,6
острые формы ЦВБ (I60-I64)	461,7	10,1	298,8	7,9	307,9	6,2
злокачественные новообразования органов пищеварения (C15-C26)	375,4	8,2	335,7	8,8	327,7	6,6
злокачественные новообразования органов дыхания (C30-C39)	335,2	7,3	300	7,9	270,9	5,4
хронические формы ЦВБ (I65-I69)	252,3	5,5	189,6	5,0	207,7	4,2
острые формы ИБС (I21-I24)	183,8	4,0	88,1	2,3	97,2	1,9
бронхит (J40)	132,3	2,9	109,2	2,9	109,3	2,2
другие хронические обструктивные заболевания легких (J42, J41, J44)	125	2,7	105,9	2,8	106,5	2,1
потери, обусловленные алкоголем (F10, G31.2, G62.1, G72.1, I42.6, K70, K29.2, K86.0, Q86.0, X45, Y15)	121,4	2,6	100,1	2,6	95,7	1,9
пневмония (J12-J18)	95,2	2,1	-	-	169,5	3,4
неточно обозначенные состояния (R99)	91,5	2,0	89,9	2,4	113,1	2,3
злокачественные новообразования мужских половых органов (C60-C63)	77	1,7	76,2	2,0	-	-
другие циррозы печени (K74)	72	1,6	63,5	1,7	-	-
прочие болезни сердца (I30-I41, I42.0-5, 7, 8, I43-I45, I46.0,9, I47- I49, I50.0,1, I51.0-4, I51.6-9)	71,9	1,6	94	2,5	105,5	2,1
злокачественные новообразования мочевых путей (C64-C68)	70,8	1,5	-	-	-	-
прочие нарушения нервной системы (G10-G12, G14, G23-G25, G31.0,1,8,9, G36, G37, G43-G45, G47, G50- G61, G62.0,2-9, G63- G71, G72.0,2-9, G81-G91, G93-G98)	-	-	107,7	2,8	120,6	2,4
сахарный диабет (E10-E14)	-	-	73,2	1,9	74,9	1,5
COVID-19	-	-	-	-	939,6	18,8

Таблица 12

**Смертность 60–74-летних женщин от ведущих причин в 2011–2021 гг.
(стандартизованный коэффициент на 100 000, %)**

Table 12

**Mortality of 60–74-year-old women from leading causes in 2011–2021
(standardized coefficient per 100,000, %)**

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%

Все причины	1882,1	100,0	1517,5	100,0	2417,7	100,0
хронические формы ИБС (I20, I25)	523	27,8	345,1	22,7	417,9	17,3
острые формы ЦВБ (I60-I64)	250,9	13,3	135,1	8,9	139,9	5,8
злокачественные новообразования органов пищеварения (C15-C26)	168,9	9,0	146,9	9,7	142,7	5,9
хронические формы ЦВБ (I65-I69)	121,5	6,5	84,3	5,6	97	4,0
злокачественные новообразования молочной железы (C50)	77,8	4,1	63,7	4,2	59,1	2,4
злокачественные новообразования женских половых органов (C53-C58)	70,8	3,8	65,8	4,3	62,4	2,6
острые формы ИБС (I21-I24)	60,4	3,2	24,3	1,6	27,5	1,1
гипертоническая болезнь (I10-I15)	38,1	2,0	17	1,1		
другие циррозы печени (K74)	36,7	1,9	34,2	2,3	38	1,6
злокачественные новообразования органов дыхания (C30-C39)	32,8	1,7	34,4	2,3	32,2	1,3
потери, обусловленные алкоголем (F10, G31.2, G62.1, G72.1, I42.6, K70, K29.2, K86.0, Q86.0, X45, Y15)	31,2	1,7	22,5	1,5	-	-
прочие болезни сердца (I30-I41, I42.0-5, 7, 8, I43-I45, I46.0,9, I47- I49, I50.0,1, I51.0-4, I51.6-9)	30,3	1,6	36,4	2,4	42,5	1,8
неточно обозначенные состояния (R99)	27,5	1,5	25,2	1,7	30,2	1,2
сахарный диабет (E10-E14)	23,1	1,2	77,7	5,1	83,6	3,5
бронхит (J40)	21,1	1,1	-	-	-	-
прочие нарушения нервной системы (G10-G12, G14, G23-G25, G31.0,1,8,9, G36, G37, G43-G45, G47, G50- G61, G62.0,2-9, G63- G71, G72.0,2-9, G81-G91, G93-G98)	-	-	50,8	3,3	59,1	2,4
пневмония (J12-J18)	-	-	-	-	89,7	3,7
COVID-19	-	-	-	-	707,8	29,3

Таблица 13

**Смертность мужчин 75 лет и старше от ведущих причин в 2011–2021 гг.
(стандартизованный коэффициент на 100 000, %)**

Table 13

**Mortality of men 75 years and older from leading causes in 2011–2021
(standardized coefficient per 100,000, %)**

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	12337,8	100,0	10374,9	100,0	13838,7	100,0
хронические формы ИБС (I20, I25)	4381,1	35,5	2983,2	28,8	3269	23,6
хронические формы ЦВБ (I65-I69)	1488,6	12,1	1120,4	10,8	1174,5	8,5
острые формы ЦВБ (I60-I64)	1260,9	10,2	717	6,9	668,4	4,8
старость (R54)	713,8	5,8	804,8	7,8	817,7	5,9
злокачественные новообразования органов пищеварения (C15-C26)	630,7	5,1	574,3	5,5	517,3	3,7
бронхит (J40)	401,8	3,3	350,9	3,4	348,3	2,5
другие хронические обструктивные заболевания легких (J42, J41, J44)	387,1	3,1	342,2	3,3	339,8	2,5

злокачественные новообразования органов дыхания (С30-С39)	371,5	3,0	306,8	3,0	-	-
острые формы ИБС (I21-I24)	325,8	2,6	-	-	-	-
злокачественные новообразования мужских половых органов (С60-С63)	217,9	1,8	249,6	2,4	-	-
прочие нарушения нервной системы (G10-G12, G14, G23-G25, G31.0,1,8,9, G36, G37, G43-G45, G47, G50- G61, G62.0,2-9, G63- G71, G72.0,2-9, G81-G91, G93-G98)	-	-	711,2	6,9	850,8	6,1
пневмония (J12-J18)	-	-	-	-	427,8	3,1
COVID-19	-	-	-	-	2847,1	20,6

Таблица 14

**Смертность женщин 75 лет и старше от ведущих причин в 2011–2021 гг.
(стандартизованный коэффициент на 100 000, %)**

Table 14

**Mortality of women 75 years and older from leading causes in 2011–2021
(standardized coefficient per 100,000, %)**

Причины смерти	2011		2019		2021	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
Все причины	9259,6	100,0	8185,5	100,0	11043,8	100,0
хронические формы ИБС (I20, I25)	3400,5	36,7	2336,8	28,5	2661	24,1
хронические формы ЦВБ (I65-I69)	1411,8	15,2	1044,9	12,8	1155,9	10,5
острые формы ЦВБ (I60-I64)	1104,6	11,9	642,6	7,9	617,9	5,6
старость (R54)	754,8	8,2	965,3	11,8	987,2	8,9
злокачественные новообразования органов пищеварения (С15-С26)	359	3,9	345,5	4,2	316,4	2,9
острые формы ИБС (I21-I24)	220,3	2,4	-	-	-	-
гипертоническая болезнь (I10-I15)	166,8	1,8	96,1	1,2	-	-
прочие болезни сердца (I30-I41, I42.0-.5, 7, 8, I43-I45, I46.0,9, I47- I49, I50.0,1, I51.0-.4, I51.6-.9)	138,1	1,5	121,6	1,5	-	-
злокачественные новообразования молочной железы (С50)	98,2	1,1	-	-	-	-
бронхит (J40)	94,4	1,0	-	-	-	-
прочие нарушения нервной системы (G10-G12, G14, G23-G25, G31.0,1,8,9, G36, G37, G43-G45, G47, G50- G61, G62.0,2-9, G63- G71, G72.0,2-9, G81-G91, G93-G98)	-	687,6	8,4	887,5	8,0	-
сахарный диабет (E10-E14)	-	229,7	2,8	240,5	2,2	-
другие психозы (F00-F09, F20-F29)	-	126,9	1,6	126	1,1	-
пневмония (J12-J18)	-	-	-	258,8	2,3	-
COVID-19	-	-	-	1989,7	18,0	-

RESERVES FOR REDUCING MORTALITY IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF ITS AGE AND NOSOLOGICAL CHARACTERISTICS

Alla E. Ivanova

Institute of Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: ivanova-home@yandex.ru

Tamara P. Sabgayda

Institute of Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: tsabgaida@mail.ru

Viktoriya G. Semyonova

Institute of Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: vika-home@yandex.ru

For citation: Ivanova, Alla E. Reserves for Reducing Mortality in Russia in the Context of Its Age and Nosological Characteristics / A. E. Ivanova, T. P. Sabgayda, V. G. Semyonova. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 92–125. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.6).

Abstract. The unattainability of increasing the life expectancy of the Russian population to 78 years within the announced time frame due to the epidemiological (COVID-19 pandemic) and subsequent geopolitical crisis has actualized the task of finding reserves for reducing mortality and concentrating efforts on priority areas. Based on official statistics, we analyzed the dynamics of mortality in the main (15-year, with age up to 1 year) age groups of the population from leading causes of death (causing 3/4 of mortality in the male population and 2/3 in the female population in each age group) for period 2000–2021. We calculated standardized mortality rates (European age structure standard). Mortality caused by alcohol and drugs was assessed collectively, taking into account external causes (poisoning with psychoactive substances, accidental and with uncertain intentions) and psychosomatic pathologies. When analyzing mortality from diseases of the circulatory system we distinguish acute and chronic forms of pathologies, since they are determined by various risk factors. There are reserves for increasing life expectancy at all ages due to a decrease in mortality from socially determined and preventable causes, but the main risk group is the most demographically and economically significant age stratum of 30–44-year-olds, the mortality rate in which (due to losses due to alcoholism and its consequences, HIV/AIDS, injuries of uncertain intent and ill-defined conditions) indicate persistent marginalization. In turn, this once again emphasizes that without the policy to reduce mortality going beyond healthcare, its effectiveness will be extremely low. A necessary condition for developing effective policies is the reliability and quality of information. Meanwhile, the general problem of accounting for the mortality of the Russian population, regardless of age, is the problem of diagnostic quality, as evidenced by the abnormally high level and contribution of losses from vague, uncertain and unidentified causes. The scope of application of the results obtained is their use to adjust the goals, priorities and system of measures in national projects aimed at increasing life expectancy. Directions for future research are related to the analysis of differentiation of mortality from the main causes from the social status of the deceased.

Keywords: mortality, causes of death, age profile of mortality, pandemic, reserves for reducing mortality, quality of mortality data, marginalization of mortality

References

1. Marshova, T. N. Risks of Implementation of National Projects (Using the Example of the National Project “Culture”) / T. N. Marshova, N. V. Moiseenko. *MCU Journal of Economic Studies*. 2021. No. 4 (30). Pp. 20–39. DOI [10.25688/2312-6647.2021.30.4.2](https://doi.org/10.25688/2312-6647.2021.30.4.2). (In Russ.).
2. Kravtsova, M. V. The Role of National Projects in Solving Socio-Economic Problems of the State (On the Example of the National Project “Healthcare”). *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*. 2023. No. 2 (170). Pp. 8–13. DOI [10.34773/EU.2023.2.2](https://doi.org/10.34773/EU.2023.2.2). (In Russ.).
3. Kondratieva, P. V. Natsional'nyye proyekty Rossii: sodержaniye, sostav, otsenka realizatsii (natsional'nyy proyekt «Demografiya») [National projects of Russia: content, composition, assessment of implementation (national project “Demography”)] / P. V. Kondratieva, E. L. Chernenko. In: *Sovremennyy spetsialist-professional: teoriya i praktika [Modern professional specialist: theory and practice]*: materials of the

15th international scientific conference / ex. ed. by V. A. Ivanova, P. A. Kosenkova. Moscow, 2023. Pp. 248–250. (In Russ.).

4. Kuznetsova, O. P. Realizatsiya natsional'nykh proyektov v sfere obrazovaniya: analiz, problemy, osnovnyye napravleniya transformatsii mekhanizma realizatsii natsional'nykh proyektov [Implementation of national projects in the field of education: analysis, problems, main directions of transformation of the mechanism for implementing national projects] / O. P. Kuznetsova, O. V. Mordkovich, I. Yu. Kuleeva. In: *Rol' natsional'nykh proyektov v ekonomicheskoy razvitiy Omskoy oblasti [The role of national projects in the economic development of the Omsk Region]* : proceedings of the Interuniversity scientific and practical conference (Omsk, June 17, 2021) / ed. by O. P. Kuznetsova [et al.]. Omsk : OmSTU Publishing House, 2021. Pp. 58–66. ISBN 978-5-8149-3396-6. (In Russ.).

5. Starodubov, V. I. Evaluating Justification of Choice for Priority Directions in the Field of Biomedicine in the National Project “Science” / V. I. Starodubov, F. A. Kurakov, N. G. Kurakova, L. A. Tsvetkova, Yu. V. Polyakova. *Pirogov Russian Journal of Surgery*. 2019. No. 6. Pp. 119–124. DOI [10.17116/hirurgia2019061119](https://doi.org/10.17116/hirurgia2019061119). (In Russ.).

6. *Obzor realizatsii natsional'nykh proyektov v Rossiyskoy Federatsii: tsepolaganiye i dostizheniye [Review of the implementation of national projects in the Russian Federation: goal setting and achievement]* : scientific and analytical publication / V. I. Dobrosotsky, R. N. Shpakova, G. N. Voinikova [et al.]. Moscow : MAGISTR Publishing House, 2022. 272 p. ISBN 978-5-9776-0538-0. (In Russ.).

7. Biterman, O. E. The Concept, Meaning and Prospects for the Implementation of Priority National Projects for Russian Statehood. *Theory of State and Law*. 2023. No. 3 (32). Pp. 57–80. DOI [10.25839/MATGIP_2023_3_55](https://doi.org/10.25839/MATGIP_2023_3_55). (In Russ.).

8. Semenova, V. G. Mortality of the Russian Population from Alcohol-Related Causes in the 2000s / V. G. Semenova, T. P. Sabgayda, A. Yu. Mikhaylov, V. G. Zaporozhchenko, G. N. Evdukushkina, N. S. Gavrilova. *Social Aspects of Population Health*. 2018. No. 1 (59). 3 p. DOI [10.21045/2071-5021-2018-59-1-3](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2018-59-1-3). (In Russ.).

9. Semenova, V. G. Drug-Related Losses of the Working-Age Population of Moscow: Official Levels and Real Scale / V. G. Semenova, A. E. Ivanova, T. P. Sabgaida, G. N. Evdokushina, N. A. Tarasov. *City Healthcare Journal*. 2020. Vol. 1, No. 2. Pp. 38–52. DOI [10.47619/2713-2617.zm.2020.v1i2:38-52](https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2020.v1i2:38-52). (In Russ.).

10. Semyonova, V. G. Evolution of Loss Due to Event of Undetermined Intent Among the Moscow Working-Age Population in the 2000s / V. G. Semyonova, A. E. Ivanova, T. P. Sabgayda, A. V. Zubko, G. N. Evdokushkina, N. S. Gavrilova, V. G. Zaporozhchenko. 2020. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. Vol. 28, No. S2. Pp. 1075–1080. DOI [10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1075-1080](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1075-1080). (In Russ.).

11. Ivanova, A. E. Factors Distorting Death Causes Structure in Working Population in Russia / A. E. Ivanova, T. P. Sabgayda, V. G. Semenova, V. G. Zaporozhchenko, E. V. Zemlyanova, S. Yu. Nikitina. *Social Aspects of Population Health*. 2013. No. 4 (32). 36 p. (In Russ.).

12. Boytsov, S. A. Dynamics of Cardiovascular Mortality Among Men and Women in Subjects of Russian Federation (2002 to 2011) / S. A. Boytsov, I. V. Samorodskaya. *Kardiologiya*. 2014. Vol. 54, No. 4. Pp. 4–9. DOI [10.18565/cardio.2014.4.4-9](https://doi.org/10.18565/cardio.2014.4.4-9). (In Russ.).

13. Semenova, V. G. Loss due to External Causes Among the Russian Youth and Its Determining Factors / V. G. Semenova, A. E. Ivanova, T. P. Sabgayda, G. N. Evdukushkina, V. G. Zaporozhchenko. *Social Aspects of Population Health*. 2019. Vol. 65, No. 6. 35 p. DOI [10.21045/2071-5021-2019-65-6-4](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2019-65-6-4). (In Russ.).

14. Sabgayda, T. P. Relationship between Decline in Cardiovascular Mortality in 2013–2015 and Change in Mortality from Other Causes / T. P. Sabgayda, V. G. Semenova. *Social Aspects of Population Health*. 2017. No. 5 (57). 16 p. DOI [10.21045/2071-5021-2017-57-5-2](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2017-57-5-2). (In Russ.).

15. Kozyreva, P. M. Health of the Russian Population: Changing Patterns and Age-Related Factors (1993–2011) / P. M. Kozyreva, A. E. Nizamova, A. I. Smirnov. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2013. No. 6. Pp. 8–47. (In Russ.).

16. Sukhanova, L. P. Infantile Mortality in Russia: The Issue of Verified Registration / L. P. Sukhanova, N. N. Bushmelyova, Z. Kh. Sorokina. *Social Aspects of Population Health*. 2012. No. 6 (28). 31 p. (In Russ.).

17. Maltsev, S. V. Modern View on the Causes and Prophylaxis of Sudden Infant Death Syndrome / S. V. Maltsev, G. Sh. Mansurova. *Practical Medicine*. 2022. Vol. 20, No. 5. Pp. 22–28. DOI [10.32000/2072-1757-2022-5-22-28](https://doi.org/10.32000/2072-1757-2022-5-22-28). (In Russ.).

18. Baranov, A. A. Child Mortality in Russia: Situation, Challenges and Prevention Aims / A. A. Baranov, V. Yu. Albitskiy, L. S. Namazova-Baranova. *Current Pediatrics*. 2020. Vol. 19, No. 2. Pp. 96–106. DOI [10.15690/vsp.v19i2.2102](https://doi.org/10.15690/vsp.v19i2.2102). (In Russ.).

19. Budilova, E. V. Dynamics of Population Health in Russia in 2005–2016 / E. V. Budilova, M. B. Lagutin, L. A. Migranova. *Population*. 2018. No. 2. Pp. 99–109. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-2-08](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-08). (In Russ.).

20. Zubko, A. V. Child Mortality from Congenital Heart Diseases as a Reflex of Surgical Treatment Availability / A. V. Zubko, T. P. Sabgayda. *Health Care of the Russian Federation*. 2019. Vol. 63, No. 6. Pp. 300–307. DOI [10.18821/0044-197X-2019-63-5-300-307](https://doi.org/10.18821/0044-197X-2019-63-5-300-307). (In Russ.).

21. Kuzmich, O. S. Sostoyaniye zdorov'ya naseleniya Rossii [State of health of the population of Russia]. *Russian Longitudinal Monitoring Survey – HSE*. 2012. No. 2. Pp. 170–211. (In Russ.).

Bio notes:

Alla E. Ivanova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ivanova-home@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0258-3479](https://orcid.org/0000-0002-0258-3479); RSCI Author ID: [71275](https://www.rsci.ru/author/71275); Web of Science Researcher ID: [R-7551-2016](https://www.webofscience.com/author/7551-2016); Scopus Author ID: [24329092500](https://orcid.org/24329092500).

Tamara P. Sabgayda, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tsabgaida@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-5670-6315](https://orcid.org/0000-0002-5670-6315); RSCI Author ID: [4249](https://www.rsci.ru/author/4249); Web of Science Researcher ID: [R-9626-2016](https://www.webofscience.com/author/9626-2016); Scopus Author ID: [6603936011](https://orcid.org/6603936011).

Victoria G. Semyonova, Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vika-home@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-2794-1009](https://orcid.org/0000-0002-2794-1009); RSCI Author ID: [76028](https://www.rsci.ru/author/76028); Web of Science Researcher ID: [AAH-1211-2020](https://www.webofscience.com/author/AAH-1211-2020); Scopus Author ID: [6507196116](https://orcid.org/6507196116).

Received on 22.09.2023; accepted for publication on 24.11.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.7](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.7)

EDN [MFHDVC](https://www.edn.ru/MFHDVC)

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПОСТКОВИДНОГО СИНДРОМА НА САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ

Храмова М. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Смирнов А. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: sofetel@mail.ru

Рязанцев Н. С.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ryzantsev080700@ya.ru

Для цитирования: Храмова, М. Н. Оценка влияния постковидного синдрома на самочувствие жителей Москвы / М. Н. Храмова, А. В. Смирнов, Н. С. Рязанцев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 126–136. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.7](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.7). EDN [MFHDVC](https://www.edn.ru/MFHDVC).

Аннотация. Одной из проблем, с которой столкнулось мировое сообщество после пандемии коронавирусной инфекции, стал так называемый постковидный синдром (или «лонгковид»). В настоящей работе мы изучаем влияние различных субъективных проявлений постковидного синдрома на самочувствие и некоторые аспекты занятости населения Москвы. Исследование базируется на данных социологического онлайн-опроса, проведенного в январе 2023 г. в социальной сети «ВКонтакте». Для анализа было отобрано 674 анкеты. В целом мы можем говорить о репрезентативности выборки, хотя безусловно, стоит иметь в виду смещение выборки, обусловленное особенностями социально-демографического профиля пользовательской аудитории «ВКонтакте». Отбирались респонденты, которые на момент заболевания коронавирусной инфекцией работали в Москве. Обработка анкет проводилась с использованием пакета SPSS. Анализ данных онлайн опроса позволил сделать следующие выводы. Около 14% респондентов указали на отсутствие постковидного синдрома. Остальные в той или иной степени столкнулись с различными его проявлениями (предполагался мультивариантный выбор). Так, около 67% указали на слабость и возросшую утомляемость. У 65% респондентов наблюдалось нарушение обоняния; головная боль, снижение внимания, нарушения сна. В 44% случаев респонденты фиксировали долго непроходящий кашель и одышку. Объективно, для более чем половины респондентов (53%) симптомы прошли в течение 3-х месяцев, поэтому с медицинской точки зрения можно говорить об отсутствии у них постковидного синдрома. Однако были и те, кто отмечал более долгосрочные негативные эффекты здоровью. Так, у 14,7 % последствия были выражены до шести месяцев, у 14,4% до года и у 17,9 % более одного года. Нами была также выявлена статистически значимая взаимосвязь между длительностью присутствия симптомов и возрастом респондента. Москвичи старшего возраста в большей степени подвержены длительному постковидному синдрому. Лишь немногим больше 3% респондентов указали на то, что в результате болезни и последующего ухудшения самочувствия им пришлось сменить место работы, либо уволиться. Мы делаем вывод о том, что постковидный синдром является действительно значимым феноменом, повлиявшим на самочувствие москвичей в кратко- и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, постковидный синдром, население Москвы, здоровье населения, негативные последствия пандемии, онлайн опрос

Введение

Пандемия COVID-19 оказала значимое негативное влияние на все сферы общественной жизни, а также на демографическое развитие стран и регионов мира. В настоящее время мы уже можем на основе статистических данных за 2020–2022 гг. оценить избыточную смертность, обусловленную COVID-19. Также следствием пандемии стало снижение такого показателя как ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Жесткие ограничения мобильности, практически тотальное закрытие государственных границ в первые месяцы пандемии снизили масштабы международной миграции.

После начала массовой вакцинации населения ситуация с распространением COVID-19 постепенно стабилизировалась, число случаев тяжелого течения заболевания заметно снизилось. Наконец, в начале мая 2023 г. глава Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Т. А. Гебрейесус объявил об официальном окончании пандемии коронавирусной инфекции. Эта пандемия, по оценке специалистов ВОЗ, основанной на анализе страновых данных, унесла жизни более 20 млн человек по всему миру, став самым серьезным испытанием системы социальных отношений в новейшей истории. Тем не менее, окончание пандемии вовсе не означает, что число случаев заболевания свелось к нулю. По-прежнему в разных странах, в том числе и в России, фиксируется довольно значительное количество заболевших, а общество столкнулось с еще одним важным последствием пандемии – постковидным синдромом. Постковидный синдром, или «лонг-ковид», проявляющийся в разных формах у перенесших заболевание, стал новым вызовом, который еще недостаточно полно изучен как в медицине, так и в общественных науках.

Постковидный синдром (или «long-COVID», «post-COVID-19-syndrome») определяется как симптомокомплекс, развившийся во время или после заболевания, вызванного новой коронавирусной инфекцией и продолжающийся более 12 недель, не являющийся следствием альтернативного диагноза» [1, с. 431]. В нашей работе мы будем опираться на это определение. Согласно этому определению, постковидный синдром оказывает пролонгированное воздействие на организм человека и может проявляться целой совокупностью симптомов. Обратимся еще к нескольким международным определениям постковидного синдрома.

ВОЗ дает следующее определение постковидного синдрома: «...как продолжение или развитие новых симптомов через три месяца после первоначальной инфекции SARS-CoV-2, причем эти симптомы длятся не менее двух месяцев». При этом ВОЗ определяет не менее 200 симптомов. Специалисты ВОЗ полагают, что среди перенесших заболевание от 10 до 20% могут испытывать постковидный синдром.

Национальная служба здравоохранения Великобритании учитывает постковидный синдром тогда, когда симптомы наблюдаются более 12 недель. Центр по контролю и профилактике заболеваний США (CDC) «лонгковид» определяет как признаки, симптомы и состояния, которые продолжаются или развиваются после начальной инфекции SARS-CoV-2 через четыре недели или более. Отмечается, что данное состояние может длиться недели, месяцы и даже годы. Сложность лечения постковидного синдрома заключается в том, что люди, испытывающие проблемы со здоровьем, имеют широкий спектр симптомов, которые похожи на симптомы других заболеваний. При этом анализы и клинические исследования могут быть в норме. В июле 2021 г. было признано, что «лонгковид» даже может привести к инвалидности, если он существенно ограничивает один или более основных видов жизнедеятельности.

На сегодняшний день причины, вызывающие данный синдром, остаются до конца не ясны.

Постковидный синдром и постковидное состояние были внесены в Международную классификацию болезней 10-го пересмотра, под кодом U09.9 как «состояние после COVID-19 неуточненное». Данный код нельзя использовать, если вирус коронавируса еще присутствует в организме.

Фернандес-де-ла-Пенья с соавторами предлагают следующую классификацию пост-COVID симптомов: симптомы, которые потенциально связаны с инфекцией (до 4–5 недель), острые пост-COVID симптомы (от 5 недель до 3 месяцев), длительные пост-COVID симптомы (от 3 до 6 месяцев) и стойкие пост-COVID симптомы (от 6 месяцев и более). Но, как отмечают сами авторы, сложностью представленной классификации является определение точек отсчета [2].

Наиболее часто встречающимися симптомами у людей, имеющих постковидный синдром, являются усталость, сохраняющийся кашель, одышка, трудности с концентрацией внимания, головная боль, депрессия и чувство тревоги [3]. Китайские исследователи, изучавшие пациентов старших возрастов (средний возраст 57 лет), в течение 6 месяцев после их выписки из больницы, отмечали усталость в 63% случаев, проблемы со сном у 23%, а тревогу и депрессию у 23% пациентов, каждый пятый жаловался на выпадение волос [4]. К более редким симптомам относятся когнитивные нарушения, боли в груди и суставах, проблемы с желудочно-кишечным трактом (ЖКТ) и сердцем [5]. Другие исследователи отмечают, что только один из трех пациентов вернулись к прежней работе без каких-либо ограничений. Большинству пациентов требовалась физиотерапия для восстановления организма [6]. Поэтому на сегодняшний день в большинстве стран мира медицинские учреждения предлагают услуги по лечению постковидного синдрома.

В исследовании Морроу и др. отмечается, что постковидный синдром также проявляется и у детей. Для них в целом характерны те же симптомы, что и для взрослых: наиболее частыми симптомами были повышенная утомляемость, головные боли, трудности с выполнением домашних заданий и головокружение [7].

Британские ученые оценили, что с начала пандемии 7% населения переболели или продолжают страдать постковидным синдромом. Около 80 тыс. человек уволилось с работы из-за постковидных осложнений [8].

Пандемия, таким образом, оказала не только прямое воздействие на здоровье населения, но и косвенное, пролонгированное во времени, через постковидный синдром, внося существенные коррективы в качество жизни, затронув сферы образования, занятости, рынка труда. Причем трансформации, произошедшие на рынке труда, оказались устойчивыми: удаленная работа и гибкий рабочий график остались и после снятия основных ковидных ограничений.

В России в настоящее время существует довольно много полноценных обзоров, посвященных медицинским аспектам проявления постковидного синдрома (см., напр., обзор в работе [9]). Однако в нашей работе мы обратимся к еще одной стороне «лонг-ковида»: субъективному восприятию этого синдрома отдельными индивидами. Наше исследование мы сконцентрировали на жителях Москвы как крупнейшего российского мегаполиса, где фиксировалось значительное количество заболевших в абсолютном выражении. При этом качество медицинских услуг и их доступность – выше среднероссийских показателей.

Материалы и методы

Согласно данным, представленным на сайте Роспотребнадзора, по состоянию на 05.05.2023, дату официального окончания пандемии новой коронавирусной инфекции, в Российской Федерации было зафиксировано в общей сложности 22 846 342 случая заболевания COVID-19 в 85 субъектах. Из этого количества 3 508 570 заболевших пришлось на Москву, полностью излечившихся 3 320 949 человек, а число умерших по Москве составило 48 725 человек.

В официальной статистике Росстата сведения о числе умерших вследствие коронавирусной инфекции публикуются с 2021 г. в статистических бюллетенях «Естественное движение населения Российской Федерации». Так, в 2021 г. в Москве от новой коронавирусной инфекции COVID-19 скончались 47 144 человека (372,8 в расчете на 100 тыс. населения), а в 2022 г. – 15 736 человек (120,5 на 100 тыс. населения). Стоит отметить, что Москва по сравнению со среднероссийскими значениями показывала в течение обоих лет более высокую смертность (в 2021 г. – 319,1 на 100 тыс. населения, в 2022 г. – 94,9 на 100 тыс. населения). Среди основных причин смертности COVID-19 в 2021 г. вышел на второе место после болезней системы кровообращения, а в 2022 г. – на третье после болезней системы кровообращения и новообразований. Это свидетельствует о существенных изменениях в структуре смертности населения российских регионов, произошедших за период пандемии коронавирусной инфекции. Стоит заметить, что статистика Роспотребнадзора по числу умерших от COVID-19 отличается от статистики Росстата в меньшую сторону.

К моменту официального окончания пандемии Роспотребнадзор по Москве указывает на более, чем 3,3 млн полностью излечившихся от болезни. Однако выше мы отмечали, что уже доказанным фактом является существование постковидного синдрома, поэтому говорить о «полном излечении» для всех, преодолевших вирусную инфекцию было бы преждевременным. К сожалению, полной статистической картины постковидного синдрома в настоящее время нет. Источником данных для изучения этого феномена могут быть либо клинические исследования по отдельным группам пациентов, переболевших ковидом, либо данные социологических опросов, в которых респонденты могли бы указать свои субъективные ощущения после перенесенного заболевания. Мы обратились к социологическому онлайн опросу.

Наше исследование базируется на данных социологического онлайн опроса, проведенного с 18 по 22 января 2023 г. в социальной сети «ВКонтакте». Опрос проводился среди жителей г. Москвы, проживающих и имеющих постоянную занятость в Москве на момент заболевания коронавирусной инфекцией, чей возраст находится в интервале от 18 до 69 лет. Доля женщин составила 53 %, мужчин – 47 %. В целом половозрастной профиль респондентов позволяет говорить о репрезентативности выборки, хотя безусловно, в интернет-опросах наблюдается смещение выборки. В нашем случае смещение выборки может быть обусловлено особенностями пользовательской аудитории «ВКонтакте». Мы понимаем, что люди в старших возрастах, 70 и более лет, являются не столь активными пользователями социальных сетей, а потому следует с осторожностью относиться к обобщению выводов в части зависимости проявлений постковидного синдрома от возраста респондента.

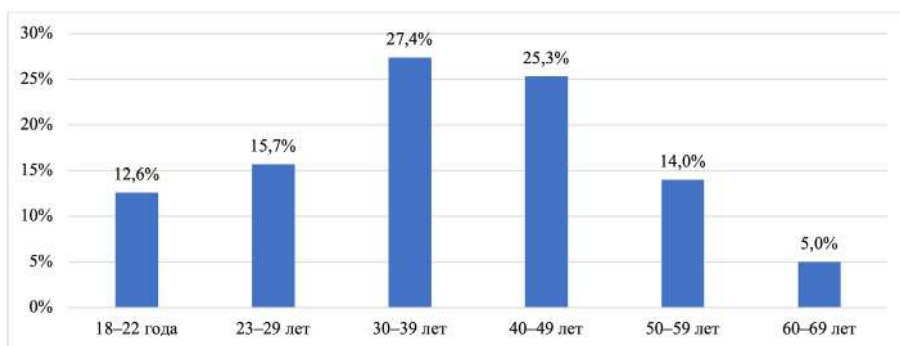
Для проведения анализа были отобраны 674 анкеты. Анкета опроса содержала 12 вопросов, позволяющих дать описание социально-демографического портрета респондентов (пол, возраст, уровень образования, состояние в браке); исследовать наличие субъективных симптомов постковидного синдрома, длительности данных

симптомов после перенесенной коронавирусной инфекции и влияния постковидного синдрома на качество жизни и работу (наличие официального диагноза COVID-19, сведения о вакцинации, сведения о симптомах постковидного синдрома и их длительности, сведения о занятости респондентов, оценка их общего самочувствия). Большинство вопросов подразумевали только один вариант ответа, однако на вопрос о проявлении тех или иных симптомов постковидного синдрома респонденты могли дать мультивариантный ответ.

Обработка анкет проводилась с использованием пакета SPSS, обладающего широким спектром возможностей для проведения статистического анализа данных. Достоверность полученных результатов подтверждалась данными соответствующих статистических тестов [10].

Результаты опроса и обсуждение

Выше мы уже отметили, что в опросе приняли участие граждане Российской Федерации, имеющие постоянную занятость и проживающие на территории г. Москвы. Возрастной профиль респондентов представлен на рис. 1.

Рис. 1. Возрастное распределение жителей Москвы – участников онлайн опроса
Fig. 1. Age distribution of Moscow residents – participants of the online survey

Наиболее активное участие в опросе приняли жители Москвы в возрастах от 30 до 49 лет. На их долю пришлось 52,7% опрошенных, на долю респондентов младше 30 лет – 28,3% опрошенных, а на группу в возрасте 50 лет и старше 19% респондентов. Среди опрошенных 30% не состояли в браке на момент проведения опроса, 52% состоят в браке, 14% разведены, а 4% являются вдовами. Около 47% имеют высшее образование, 20% заявили о неполном высшем образовании, 27% имеют среднее общее образование, а 6% – образование 9 классов и ниже.

В опросе приняли участие респонденты, которые перенесли коронавирусную инфекцию. Данный факт был подтвержден диагностическими тестами (в лаборатории, либо самотестирование в домашних условиях).

На вопрос «Вакцинировались ли Вы от коронавирусной инфекции» 67% ответили утвердительно. Это значение в целом коррелирует с данными сайта «стопкоронавирус.рф». Так, по состоянию на 12 августа 2022 г. полную вакцинацию в Москве прошли около 7,2 млн человек, что составляет 55% от населения города.

Лишь около 14% респондентов отметили, что после болезни у них нет никаких проявлений постковидного синдрома. Остальные указали на присутствие хотя бы

одного из симптомов. На этот вопрос респонденты могли дать более одного ответа. В таблице 1 представлены результаты распределения ответов респондентов относительно частоты встречающихся симптомов постковидного синдрома. Перечень симптомов был нами сформирован на основе анализа работ [4; 5; 9].

Таблица 1

Перечень симптомов, сохранившихся у респондентов после перенесенной коронавирусной инфекции

Table 1

List of symptoms that respondents retained after coronavirus infection

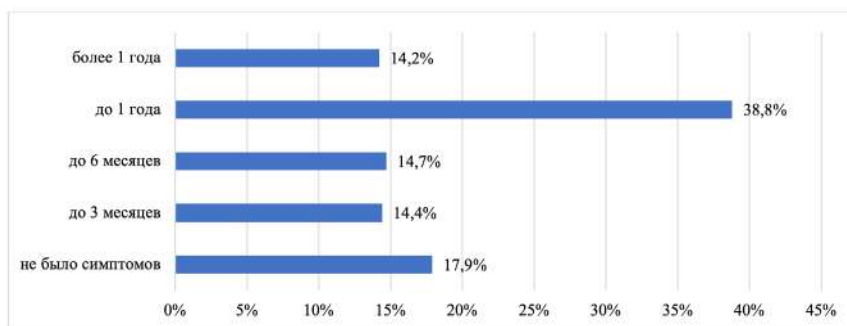
Симптом	Доля респондентов, указавших на наличие данного симптома (%)
Слабость; утомляемость	67
Нарушение обоняния; головная боль; снижение внимания и памяти; нарушение сна	65
Кашель; одышка	44
Тяжесть и боль в грудной клетке; неконтролируемость артериального давления	16
Алопеция	13
Тошнота; диарея; боль в животе	8
Боль в суставах; артрит	7

Примечание: данный вопрос допускал возможность мультивариантного выбора

Значительная доля респондентов (67%) отметила проявление общих симптомов – слабость и утомляемость после перенесенной болезни; 65% заявили о тех или иных когнитивных расстройствах, в числе которых снижение концентрации внимания, ухудшение памяти, отмечались также головная боль и нарушение сна. Для 44% респондентов наблюдались нарушения со стороны органов дыхания (кашель и одышка).

Распределение ответов респондентов о продолжительности проявления тех или иных симптомов постковидного синдрома представлено на рис. 2.

Если воспользоваться определением постковидного синдрома, приведенным в работе [1], то мы можем заключить, что постковидный синдром проявился только у 47% наших респондентов (следуя определению, длительность соответствующих симптомов должна быть более 12 недель, т. е. трех месяцев). Для 53% респондентов постковидный синдром отсутствовал. Среди тех, для кого данный феномен имел место, у 14,7% он наблюдался до 6 месяцев, у 14,4% до года и у 17,9% – более года. В эти группы вошли респонденты, зачастую указывавшие на когнитивные расстройства, перепады артериального давления, боли в суставах. Также среди наиболее долго не проходящих симптомов (год или более) респонденты называли слабость и утомляемость. Мы можем сделать вывод о том, что по всей видимости, коронавирусная инфекция оказала негативное и пролонгированное воздействие на иммунитет человека, вследствие чего организму требуется более длительное время на восстановление при сохранении стандартных нагрузок.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «В течение какого времени у Вас присутствовали симптомы после перенесенной коронавирусной инфекции?»

Fig. 2. Distribution of respondents' answers to the question "How long did you have symptoms after the COVID-19 infection?"

В результате исследования нами была выявлена статистически значимая взаимосвязь между длительностью присутствия симптомов в организме и возрастом респондента. Так, для респондентов, вошедших в старшие возрастные группы, длительность указанных ими симптомов была выше. Этот факт подтверждается нулевым значением *p-value* в соответствующем тесте. Вероятно, наличие этой взаимосвязи может быть обусловлено тем, что люди в более старших возрастах уже имеют определенный «багаж» хронических заболеваний, а потому последствия новой коронавирусной инфекции для них имеют более выраженный эффект. Косвенно это также подтверждается и статистикой смертности. Люди в пожилых возрастах, имевшие хронические заболевания, подвержены большим рискам смерти как непосредственно вследствие COVID-19, так и вследствие обострения хронических заболеваний.

Несмотря на наличие постковидного синдрома, в нашем опросе подавляющая часть респондентов не отметили изменений в их занятости. Так, на вопрос «Как повлияли сохранившиеся симптомы после перенесенной коронавирусной инфекции на вашу трудовую деятельность?» было получено следующее распределение: 95,6 % респондентов указали на отсутствие такого влияния. Лишь 3,1 % отметили, что пришлось поменять место работы, так как они больше не смогли работать на прежнем месте из-за появившихся симптомов после перенесенной болезни. Еще 1,3% респондентов прекратили трудовую деятельность из-за возникших проблем со здоровьем.

Интересное распределение было получено нами в ответах на вопрос «Как Вы считаете, Ваше здоровье полностью восстановилось после перенесенной коронавирусной инфекции?». Здесь 60,5% респондентов отметили, что чувствуют себя в целом также, как и до заболевания, а 39,5% дали ответ, что стали чувствовать себя хуже после перенесенной коронавирусной инфекции. Сравнивая ответы на вопрос о длительности симптомов постковидного синдрома, мы можем сделать вывод о том, что фактически постковидный синдром наиболее выражен для тех респондентов, которые указали на ухудшение состояния здоровья. Для остальных респондентов негативные эффекты носили краткосрочный характер. Тем не менее, учитывая тот факт, что группа респондентов, где симптомы сохранялись более трех месяцев, весьма значительна, можно констатировать, что постковидный синдром действительно является значимым феноменом, оказавшим воздействие на здоровье и качество жизни населения

хотя бы в краткосрочной перспективе. Третий вариант ответа – «стал(а) чувствовать себя лучше после перенесенной болезни» не выбрал ни один из участников опроса.

Заключение

С каждым днем увеличивается число людей, которые не могут избавиться от последствий вируса SARS-CoV-2 спустя недели, месяцы и даже более года после перенесенного заболевания. На сегодняшний день причины, вызывающие «лонгковид», и его устойчивые проявления до конца не изучены с медицинской точки зрения. Сложность лечения постковидного синдрома заключается в большом разнообразии симптомов, при этом анализы и клинические исследования могут быть в пределах нормы. Но субъективно физическое и психологическое состояние человека после перенесенного заболевания еще долго может отличаться от обычного. В таких ситуациях одним из способов дополнительного изучения постковидного синдрома является проведение социологических опросов.

Наш опрос на примере жителей Москвы показал, что для 47% респондентов проявления постковидного синдрома были достаточно длительными и продолжались свыше трех месяцев. Чаще всего респонденты указывали на долго непроходящую утомляемость и слабость, некоторые когнитивные расстройства (например, связанные со снижением концентрации внимания и ухудшением памяти). Для респондентов старших возрастов вероятность длительного сохранения симптомов постковидного синдрома была более высокой.

Москва среди других российских городов выделяется по уровню социально-экономического развития, а также, безусловно, по уровню развития медицины и доступа к медицинской помощи, в том числе высокотехнологичной. Тем не менее, длительному постковидному синдрому все же оказалось подвержено довольно большое количество опрошенных. В других регионах РФ ситуация с проявлениями постковидного синдрома может отличаться от московской. Это может находиться в прямой зависимости от уровня и доступности медицинской помощи. Однако, для подтверждения или опровержения такой гипотезы необходимы аналогичные исследования в других регионах страны. Мы полагаем, что для снижения негативных проявлений постковидного синдрома необходимы мероприятия по реабилитации тех, кто перенес коронавирусную инфекцию и обратился в медицинские учреждения с симптомами, указывающими на постковидный синдром (физиотерапевтические процедуры, лечебная гимнастика, и т.п.). Для работающего населения также важным в своевременном выявлении постковидного синдрома является обязательное прохождение диспансеризации.

Список литературы

1. Асфандиярова, Н. С. Постковидный синдром // Клиническая медицина. 2021. Т. 99, № 7–8. С. 429–435. DOI [10.30629/0023-2149-2021-99-7-8-429-435](https://doi.org/10.30629/0023-2149-2021-99-7-8-429-435). EDN [HLFFQI](https://www.edn.ru/HLFFQI).
2. Fernández-de-las-Peñas, C. Defining Post-COVID Symptoms (Post-Acute COVID, Long COVID, Persistent Post-COVID): An Integrative Classification / C. Fernández-de-las-Peñas, D. Palacios-Ceña, V. Gómez-Mayordomo [et al.] // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18, № 5. Article № 2621. DOI [10.3390/ijerph18052621](https://doi.org/10.3390/ijerph18052621).
3. Raveendran, A. V. Long COVID: An overview / A. V. Raveendran, R. Jayadevan, S. Sashidharan // Diabetes & Metabolic Syndrome. 2021. Vol. 15, № 3. Pp. 869–875. DOI [10.1016/j.dsx.2021.04.007](https://doi.org/10.1016/j.dsx.2021.04.007).
4. Huang, C. 6-Month Consequences of COVID-19 in Patients Discharged from Hospital: A Cohort Study / C. Huang, L. Huang, Y. Wang [et al.] // Lancet. 2021. Vol. 397, № 10270. Pp. 220–232. DOI [10.1016/S0140-6736\(20\)32656-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)32656-8).

5. *Shin, J. Y.* Long COVID or Post-COVID-19 Syndrome: Putative Pathophysiology, Risk Factors, and Treatments // Infectious Diseases. 2021. Vol. 53, № 10. Pp. 737–754. DOI [10.1080/23744235.2021.1924397](https://doi.org/10.1080/23744235.2021.1924397).
6. *Vanichkachorn, G.* Post-COVID-19 Syndrome (Long Haul Syndrome): Description of a Multidisciplinary Clinic at Mayo Clinic and Characteristics of the Initial Patient Cohort / G. Vanichkachorn, R. Newcomb, C. T. Cowl [et al.] // Mayo Clinic Proceedings. 2021. Vol. 96, № 7. Pp. 1782–1791. DOI [10.1016/j.mayocp.2021.04.024](https://doi.org/10.1016/j.mayocp.2021.04.024).
7. *Morrow, A. K.* Postacute/Long COVID in Pediatrics: Development of a Multidisciplinary Rehabilitation Clinic and Preliminary Case Series / A. K. Morrow, R. Ng, G. Vargas [et al.] // American Journal of Physical Medicine & Rehabilitation. 2021. Vol. 100, № 12. Pp. 1140–1147. DOI [10.1097/PHM.0000000000001896](https://doi.org/10.1097/PHM.0000000000001896).
8. *Reuschke, D.* The Impact of Long COVID on the UK Workforce / D. Reuschke, D. Houston // Applied Economics Letters. 2022. Vol. 30, № 18. Pp. 2510–2514. DOI [10.1080/13504851.2022.2098239](https://doi.org/10.1080/13504851.2022.2098239).
9. *Амиров, Н. Б.* Постковидный синдром: мультисистемные «дефициты» / Н. Б. Амиров, Э. И. Давлетшина, А. Г. Васильева, Р. Г. Фатыхов // Вестник современной клинической медицины. 2021. Т. 14, № 6. С. 94–104. DOI [10.20969/VSKM.2021.14\(6\).94-104](https://doi.org/10.20969/VSKM.2021.14(6).94-104). EDN [FFNLUS](https://www.edn.net/FFNLUS).
10. *Wooldridge, J. M.* Introductory Econometrics: A Modern Approach. 6th ed. Mason : Cengage Learning, 2016. 912 p. ISBN 130527010X.

Сведения об авторах:

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); РИНЦ Author ID: [126144](https://elibrary.ru/126144); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Смирнов Алексей Викторович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); РИНЦ Author ID: [1068065](https://elibrary.ru/1068065); Web of Science Researcher ID: [ABE-5329-2021](https://orcid.org/ABE-5329-2021); Scopus Author ID: [57219713206](https://orcid.org/57219713206).

Рязанцев Никита Сергеевич, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); РИНЦ Author ID: [1032293](https://elibrary.ru/1032293); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/57220204335).

Статья поступила в редакцию 13.10.2023; принята в печать 11.12.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ASSESSING THE IMPACT OF POST-COVID SYNDROME ON MOSCOW RESIDENTS' HEALTH

Marina N. Khramova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Alexey V. Smirnov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: sofetel@mail.ru

Nikita S. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

For citation: Khramova, Marina N. Assessing the Impact of Post-Covid Syndrome on Moscow Residents' Health / M. N. Khramova, A. V. Smirnov, N. S. Ryazantsev. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. P. 126–136. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.7](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.7).

Abstract. One of the problems faced by the global community after the coronavirus pandemic was the so-called post-COVID syndrome (or “long-COVID”). In this work, we study the influence of various subjective manifestations of post-COVID syndrome on the well-being and some aspects of employment of the Moscow population. The study is based on data from an online sociological survey conducted in January 2023 on the VKontakte social network. 674 questionnaires were selected for analysis. In general, we can talk about the representativeness of the sample, although it is certainly worth keeping in mind the sampling bias due to the characteristics of the socio-demographic profile of the VKontakte user audience. Respondents were selected who were working in Moscow at the time of contracting coronavirus infection. The questionnaires were processed using the SPSS package. Analysis of the online survey data allowed us to draw the following conclusions. About 14% of respondents indicated the absence of post-Covid syndrome. The rest, to one degree or another, encountered various manifestations of it (multi-choice was assumed). Thus, about 67% indicated weakness and increased fatigue. 65% of respondents had impaired sense of smell; headache, decreased attention, sleep disturbances. In 44% of cases, respondents reported a long-lasting cough and shortness of breath. Objectively, for more than half of the respondents (53%), the symptoms disappeared within 3 months, so from a medical point of view we can say that they did not have post-Covid syndrome. However, there were also those who noted longer-term negative health effects. Thus, in 14.7% the consequences were pronounced up to 6 months, in 14.4% up to a year and in 17.9% more than 1 year. We also identified a statistically significant relationship between the duration of symptoms and the age of the respondent. Older Moscow residents are more susceptible to long-term post-Covid syndrome. Only a little more than 3% of respondents indicated that as a result of illness and subsequent deterioration in health, they had to change jobs or quit. We conclude that post-Covid syndrome is a truly significant phenomenon that has affected the well-being of Muscovites in the short and medium term.

Keywords: coronavirus pandemic COVID-19, post-Covid syndrome, Moscow population, public health, negative consequences of the pandemic, online survey

References

1. Asfandiyarova, N. S. Post-COVID-19 Syndrome. *Clinical Medicine (Russian Journal)*. 2021. Vol. 99, No. 7–8. Pp. 429–435. DOI [10.30629/0023-2149-2021-99-7-8-429-435](https://doi.org/10.30629/0023-2149-2021-99-7-8-429-435). (In Russ.).
2. Fernández-de-las-Peñas, C. Defining Post-COVID Symptoms (Post-Acute COVID, Long COVID, Persistent Post-COVID): An Integrative Classification / C. Fernández-de-las-Peñas, D. Palacios-Ceña, V. Gómez-Mayordomo [et al.]. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18, No. 5. Article No. 2621. DOI [10.3390/ijerph18052621](https://doi.org/10.3390/ijerph18052621).
3. Raveendran, A. V. Long COVID: An overview / A. V. Raveendran, R. Jayadevan, S. Sashidharan. *Diabetes & Metabolic Syndrome*. 2021. Vol. 15, No. 3. Pp. 869–875. DOI [10.1016/j.dsx.2021.04.007](https://doi.org/10.1016/j.dsx.2021.04.007).
4. Huang, C. 6-Month Consequences of COVID-19 in Patients Discharged from Hospital: A Cohort Study / C. Huang, L. Huang, Y. Wang [et al.]. *Lancet*. 2021. Vol. 397, No. 10270. Pp. 220–232. DOI [10.1016/S0140-6736\(20\)32656-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)32656-8).
5. Shin, J. Y. Long COVID or Post-COVID-19 Syndrome: Putative Pathophysiology, Risk Factors, and Treatments. *Infectious Diseases*. 2021. Vol. 53, No. 10. Pp. 737–754. DOI [10.1080/23744235.2021.1924397](https://doi.org/10.1080/23744235.2021.1924397).
6. Vanichkachorn, G. Post-COVID-19 Syndrome (Long Haul Syndrome): Description of a Multidisciplinary Clinic at Mayo Clinic and Characteristics of the Initial Patient Cohort / G. Vanichkachorn, R. Newcomb, C. T. Cowl [et al.]. *Mayo Clinic Proceedings*. 2021. Vol. 96, No. 7. Pp. 1782–1791. DOI [10.1016/j.mayocp.2021.04.024](https://doi.org/10.1016/j.mayocp.2021.04.024).
7. Morrow, A. K. Postacute/Long COVID in Pediatrics: Development of a Multidisciplinary Rehabilitation Clinic and Preliminary Case Series / A. K. Morrow, R. Ng, G. Vargas [et al.]. *American Journal of Physical Medicine & Rehabilitation*. 2021. Vol. 100, No. 12. Pp. 1140–1147. DOI [10.1097/PHM.0000000000001896](https://doi.org/10.1097/PHM.0000000000001896).
8. Reuschke, D. The Impact of Long COVID on the UK Workforce / D. Reuschke, D. Houston. *Applied Economics Letters*. 2022. Vol. 30, No. 18. Pp. 2510–2514. DOI [10.1080/13504851.2022.2098239](https://doi.org/10.1080/13504851.2022.2098239).
9. Amirov, N. B. Postcovid Syndrome: Multisystem “Deficits” / N. B. Amirov, E. I. Davletshina, A. G. Vasilieva, R. G. Fatykhov. *Bulletin of Contemporary Clinical Medicine*. 2021. Vol. 14, No. 6. Pp. 94–104. DOI [10.20969/VSKM.2021.14\(6\).94-104](https://doi.org/10.20969/VSKM.2021.14(6).94-104). (In Russ.).
10. Wooldridge, J. M. *Introductory Econometrics: A Modern Approach*. 6th ed. Mason : Cengage Learning, 2016. 912 p. ISBN 130527010X.

Bio notes:

Marina N. Khramova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); RSCI Author ID: [126144](https://elibrary.ru/126144); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Alexey V. Smirnov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); RSCI Author ID: [1068065](https://elibrary.ru/1068065); Web of Science Researcher ID: [ABE-5329-2021](https://orcid.org/ABE-5329-2021); Scopus Author ID: [57219713206](https://orcid.org/57219713206).

Nikita S. Ryazantsev, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); RSCI Author ID: [1032293](https://elibrary.ru/1032293); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/57220204335).

Received on 13.10.2023; accepted for publication on 11.12.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.8)

EDN [JGSKJI](https://edn.jgskji.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кашепов А. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: avkash@list.ru

Для цитирования: Кашепов, А. В. Трансформация структуры занятости населения в регионах Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 137-152. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.8). EDN [JGSKJI](https://edn.jgskji.ru).

Аннотация. Предметом работы является региональное развитие субъектов Российской Федерации, темой – классификация и типология регионов как метод анализа, прогнозирования и разработки мер государственного регулирования экономики, целью – классификация регионов по показателям экономической эффективности и характеристикам структуры занятости в экономике. Теоретической базой для статьи служит отечественная литература по пространственному анализу и типологии регионов, авторская методика индекса качества структурных сдвигов (ИКС), практической основой – способы анализа статистических рядов, формирования таблиц, диаграмм и картограмм в программе Excel, статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Произведена классификация субъектов РФ по показателю валового регионального продукта (ВРП) на одного занятого в экономике, который интерпретируется как уровень производительности труда (эффективности производства). Предложено описание результатов классификации, в том числе краткие характеристики структуры занятости регионов, типичных для каждой из выделенных групп. Полученные результаты могут применяться в научной работе, а также для преподавания курсов географии населения, региональной экономики, экономики труда в высших учебных заведениях. В перспективе исследовательская программа по социально-экономической типологии регионов может быть продолжена как метод мониторинга ситуации и база для разработки рекомендаций по государственному регулированию хозяйства. Конечной целью такого регулирования должно стать выравнивание условий экономической деятельности и социального развития населения по территории страны.

Ключевые слова: регионы, классификация, типология, уровень экономического развития, структура занятости населения

Введение

Под типологией регионов подразумевается их деление на группы, которое опирается на содержательное единство объектов (элементов) внутри группы и их дистанцирование (отличие) от содержания (контента) прочих групп. Иначе говоря, регионы, включенные в определенную группу, могут быть связаны друг с другом территориально (иметь общие границы), или они могут быть связаны экономическими отношениями, или могут не быть связаны, но иметь сходство в траекториях социально-экономического, демографического развития. В экономической географии территориальное расположение (географическое положение) регионов относительно природных зон, морей, столиц, транспортных путей, наличие у них общих границ – все имеет значение. В региональной экономике и социологии экономико-географическое положение (ЭГП) отходит на второй план, но для выделения регионов в группу (тип) могут иметь значение экономические и миграционные связи между

ними, хотя, может быть, достаточно и сходства факторов, структур и основных трендов их развития. Во многих работах ученые классифицируют субъекты Российской Федерации по сходству или различию уровней, факторов, ресурсов и направлений развития, структурным статистическим показателям. Целью типологии регионов, как правило, является анализ факторов, детерминирующих наблюдаемые в статистическом поле различия между ними – с целью предоставления федеральным органам исполнительной власти и органам власти субъектов РФ инструментов для мониторинга, прогнозирования и регулирования экономики, дифференцированного в соответствии с пространственными различиями.

Обзор научной литературы

Литература по пространственному и региональному анализу, в том числе по типологии регионов, чрезвычайно велика. Ввиду чего назовем лишь некоторые отечественные работы данного направления. В рамках экономической географии отметим опубликованную в 1963 г. книгу С. А. Ковалева, в которой была представлена типология краев, областей, республик СССР по характеру расселения населения (сетей населенных пунктов) [1]. В социологии такой классической по своему значению базой для современных исследований явились публикации ученых новосибирской научной школы под руководством Т. И. Заславской. Обобщением проведенных ими исследований по социально-экономической типологии сельской местности регионов СССР стала книга «Социально-демографическое развитие села» [2]. В демографии укажем книгу Г. М. Федорова «Геодемографическая типология» [3]. В 1990-е гг. выходили работы по типологии региональных рынков труда автора данной статьи [4] и социально-экономической типологии регионов Н. В. Зубаревич [5; 6]. В. Н. Бобков и А. А. Разумов классифицировали регионы по уровню жизни [7]. Большое число работ по социально-экономико-географической типологии регионов было написано В. Л. Бабуриным и его соавторами. Из недавних работ отметим, в частности, классификацию регионов по факторам распространения COVID-19 С. П. Земцова и В. Л. Бабурина [8]. У автора настоящей статьи также вышла публикация по факторам распространения избыточной смертности от коронавируса в регионах РФ [9]. Классификация регионов России по демографическим показателям постоянно находится в сфере внимания ученых Института демографических исследований ФНИСЦ РАН [10].

Относительно терминологии данной статьи необходимо указать на то, что классификация – это более простое исследование, которое может быть произведено, например, по одному статистическому показателю. Типология, как правило, – более сложное, комплексное исследование, цель которого состоит в нахождении связей, системных взаимодействий, приближении к познанию сущности, содержания, направления развития того или иного региона, или их группы, которое производится на базе десятков или сотен статистических показателей, индикаторов, рейтингов, оценок. Начиная с указанного выше исследования под руководством Т. И. Заславской, работы по типологии регионов в большинстве случаев выполняются с использованием математических методов. Некоторые современные исследователи применяют для этого искусственный интеллект.

На данном этапе нашей работы поставлена задача разработки классификации регионов РФ по основным характеристикам структуры занятости населения. Обзор литературы по анализу структуры занятости населения ранее был опубликован в статье А. В. Кашепова [11].

Методология и методы исследования, источники информации

Доли сферы услуг, инновационных отраслей, науки и образования, цифровой индустрии и т. д. в экономике являются одновременно и индикаторами уровня развития экономики, и драйверами такого развития. Характеристики структурных изменений в занятости можно эффективно оценить по разработанной автором настоящей статьи методике ИКС – индекса качества структурных сдвигов. После первой публикации данной методики в 1999 г. мы неоднократно воспроизводили формулу и результаты расчетов за различные периоды в своих статьях [11]. В соответствии с этой методикой отрасли экономики (виды экономической деятельности) экспертным путем условно делятся на «прогрессивные», «нейтральные» и «регрессивные». Затем производится расчет индекса по формуле:

$$I_s = \frac{\sum (L_T^P - L_{T-1}^P) - \sum (L_T^R - L_{T-1}^R)}{\sum |L_T - L_{T-1}|},$$

где I_s – индекс качества сдвигов (ИКС) в отраслевой структуре занятости (спроса на труд);

$(L_T^P - L_{T-1}^P)$ – разность числа занятых в прогрессивной отрасли в текущем и ретроспективном периодах;

$(L_T^R - L_{T-1}^R)$ – разность числа занятых в регрессивной отрасли в текущем и ретроспективном периодах;

$|L_T - L_{T-1}|$ – абсолютная величина разности числа занятых в каждой из отраслей экономики (включая прогрессивные, нейтральные и регрессивные) в текущем и ретроспективном периодах.

Согласно представленной формуле, сумма приростов числа занятых в условно «регрессивных» отраслях промышленности вычтена из суммы приростов числа занятых в отраслях, отнесенных к категории условно «прогрессивных». Изменения в «нейтральных» отраслях экономики в числителе дроби не учитываются. В знаменателе представлена сумма модулей (абсолютные величины) притока или оттока занятых по всем отраслям экономики. Таким образом, при определении в числителе знака (+) или (-) диагностируется качество происходящих изменений, а деление на знаменатель позволяет определять долю баланса прогрессивных и регрессивных изменений в абсолютной величине всех притоков и оттоков занятых по отраслям экономики, которые произошли в течение рассматриваемого периода. Отнесение в методике ИКС отраслей аграрного и индустриального секторов хозяйства к «регрессивным» не означает их «ненужности» для народного хозяйства, напротив, добыча полезных ископаемых и сельское хозяйство для экономики жизненно необходимы. Именно они обеспечивают выживание общества в кризисные периоды.

При расчете индекса ИКС и для целей классификации регионов в настоящей работе были использованы данные о численности занятого населения по отраслям из серий сборников Росстата «Труд и занятость в России»¹, «Регионы России»², итоги вы-

¹ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

² Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.08.2023).

борочных обследований рабочей силы³.

Результаты и обсуждение

Структура занятости населения в РФ

Индексы ИКС, рассчитанные по видам экономической деятельности (ВЭД) в соответствии с номенклатурой отраслей ОКВЭД-2 за 2017–2021 гг., показаны на рис. 1. В результате восстановления нормальных структурных процессов после «санкционной» рецессии 2014–2015 гг., в 2017 г. наблюдалась позитивная перестройка отраслевого состава занятого населения, однако впоследствии индексы пошли вниз и с началом пандемии COVID-19 ушли в отрицательную зону. В 2020 г. из видов деятельности, входящих в список ОКВЭД-2, интенсивно сокращалась численность занятых в обрабатывающей промышленности, строительстве, финансовой и страховой деятельности, продолжалось сокращение в некоторых категориях социальных услуг, которые начали проседать еще до пандемии.

Рис. 1. Индекс качества отраслевых структурных сдвигов в занятости населения РФ в 2016–2021 гг.

Fig. 1. Quality index of sectoral structural changes in employment of the population of the Russian Federation in 2016–2021

Источник: составлено автором по данным Росстата⁴

Наибольшее сокращение среди всех отраслей испытала условно нейтральная торговля – почти на 0,5 млн человек. В 2020 г. снизилась занятость в сельском хозяйстве, добывающих отраслях промышленности и прочих отраслях, условно отнесенных к категории «регрессивных». Но поскольку сокращение было значительно

³ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf (дата обращения: 01.08.2023); Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.08.2023); Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.08.2023).

меньшим, чем спад в прогрессивных отраслях, индекс ИКС в 2020 г. был отрицательным. В общем, можно сказать, что в первый ковидный год на фоне локдауна Россия пережила резкий, но кратковременный спад экономики, увеличение безработицы и структурный регресс занятости.

В 2021 г. экономика РФ восстановительным ростом наверстывала потери первого ковидного года. Увеличилась численность занятых в обрабатывающей промышленности, строительстве, на транспорте и связи, и вообще во всех условно прогрессивных ВЭД, кроме финансов, науки и образования. Потери занятости в двух последних отраслях, конечно, не были позитивным явлением, но другие прогрессивные отрасли за 2021 г. набрали несколько сотен тысяч новых работников. Одновременно немного просело сельское хозяйство. В результате всех этих изменений ИКС ВЭД в 2021 г. стал рекордным за весь период расчетов данного семейства индексов после 1991 г. и составил 0,634 (рис. 1).

Отраслевая и секторальная структура занятости в субъектах Российской Федерации

Основные структурные характеристики занятости по видам экономической деятельности (отраслям) коррелируют с показателями производства валового регионального продукта (ВРП) на душу населения (уровень экономического развития) и на одного занятого в экономике (производительность труда). Далее мы рассматриваем в качестве основного показателя для классификации регионов ВРП на одного занятого в экономике в год, расчеты сделаны по данным за 2020 г. В табл. 1 показаны численность и доля занятых по ВЭД в РФ и федеральным округам. Аграрный сектор экономики в целом по стране концентрирует 6,3% занятого населения, но в некоторых федеральных округах его доля значительно больше – в Северо-Кавказском ФО она составляет 16,9%, в Южном – 10,1%. Аграрно-промышленные федеральные округа имеют пониженный уровень годового производства ВРП на одного занятого – 643,0 тыс. рублей в СКФО и 915,5 тыс. рублей в ЮФО. Добыча полезных ископаемых, имеющая большое значение для экономики страны, в показателях занятости выглядит скромно – 1,6. Доля добывающих отраслей повышена в Уральском ФО, где расположена основная добыча энергоносителей для российского экспорта. Здесь в этих видах экономической деятельности заняты 6,2% работающего населения, в Дальневосточном ФО – 3,9%, в Сибирском – 2,8%. УрФО лидирует по производительности труда – 1 889,9 тыс. руб. на одного занятого, в ДВФО данный показатель составляет 1 550,4 тыс. рублей. Если сельское хозяйство и добывающую промышленность мы отнесем к «первичному» сектору, его доля составит около 8% занятости страны. С точки зрения возможной интерпретации различий между федеральными округами и субъектами РФ по производительности труда необходимо подчеркнуть, что на высших строках рейтинга находятся не те регионы, которые «лучше работают», а те, которые имеют выигрышную структуру производства, больше экспортноориентированных предприятий. Это, в свою очередь, определяется не качеством населения и рабочей силы, а размещением инвестиционно привлекательных месторождений природных ресурсов, особенно энергоносителей.

Основу «вторичного» сектора составляет обрабатывающая промышленность. Раньше в России она доминировала, но в последние десятилетия уступила лидерство торговле. Тем не менее в ВЭД «Обрабатывающие производства» в целом по стране заняты 14,1% работников. Лидером по данному показателю является Приволжский ФО – 17,7%, имеющий несколько пониженную величину производительности труда

(1 042,3 тыс. руб.). Также высок уровень занятости в обрабатывающей промышленности в Уральском (15,9%), Северо-Западном (15,3%), Центральном (14,3%) федеральных округах. К «вторичному» сектору относятся в том числе энергетика («обеспечение электрической энергией, газом...» – 2,2% занятого населения), «водоснабжение...» (1,0%) и «строительство» (9,2%). В общей сложности отрасли вторичного сектора в РФ занимают 26,5% занятого населения.

Строительство, как одна из ведущих отраслей вторичного сектора в целом по РФ, концентрирует 9,2% занятых. В прежние исторические периоды, когда интенсивно развивались промышленность и транспорт в восточной части страны, отрасль была мощно представлена в регионах УрФО, СФО и ДВФО. В настоящее время, когда значительная часть строительства – это производство коммерческого жилья, по занятости в данной отрасли лидируют Северо-Кавказский (10,4%) и Центральный (10,0%) федеральные округа.

Следующие по порядку отрасли, которые в табл. 1 и 2 занимают позиции, начиная с «торговли...», относятся к «третичному» сектору (сфере услуг в широком понимании). В совокупности они составляют 46,4 млн человек, то есть 65,5% занятого населения. Непосредственно торговля, ставшая в последние годы основной отраслью экономики, концентрирует 13,2 млн человек или 18,7% функционирующей рабочей силы. Наиболее «торговыми» являются Южный федеральный округ с 21,3% и Центральный федеральный округ с 20,0%.

Транспорт и хранение товаров сосредоточивают 5,6 млн занятых и 8,0% в целом по России. В прежние периоды транспорт, как и строительство, был наиболее развит в восточной части страны, сейчас географические различия в значительной степени нивелировались, но лидерство среди федеральных округов в 2021 г. сохраняли имеющие крупные портовые комплексы ДВФО (9,8%) и СЗФО (9,2%).

В сфере образования занятость по РФ составила 5,3 млн человек или 7,5%. Лидировали по занятости более «молодые» в демографическом смысле регионы, имеющие высокую долю населения школьного и студенческого возраста. Доля занятых в образовании в СКФО была равна 9,9%, а в СФО – 9,0%. Занятость в здравоохранении составила 4,4 млн человек или 6,3%. Наивысший уровень занятости в этой отрасли наблюдался в Сибирском федеральном округе (7,3%) и в Дальневосточном федеральном округе (7,1%), которые в принципе имеют мелкодисперсную систему расселения, что вынуждает увеличивать количество учреждений первичного звена здравоохранения.

В целях классификации субъектов Российской Федерации по параметрам структуры занятости населения мы приняли в качестве базового показателя ВРП на одного занятого, исходя из того, что производительность труда имеет корреляционную связь с качеством структурных сдвигов. В более экономически развитых регионах, как правило, в структуре занятости выше доля третичного сектора (сферы услуг). Статистический ряд показателей ВРП на одного занятого в экономике расположен в последних столбцах табл. 1 и 2.

В целях классификации регионов по уровню производительности труда и структуре занятости мы использовали автоматическое разбиение совокупности на кварталы, которые были интерпретированы как «группы регионов», каждая из которых имеет существенные отличия от других.

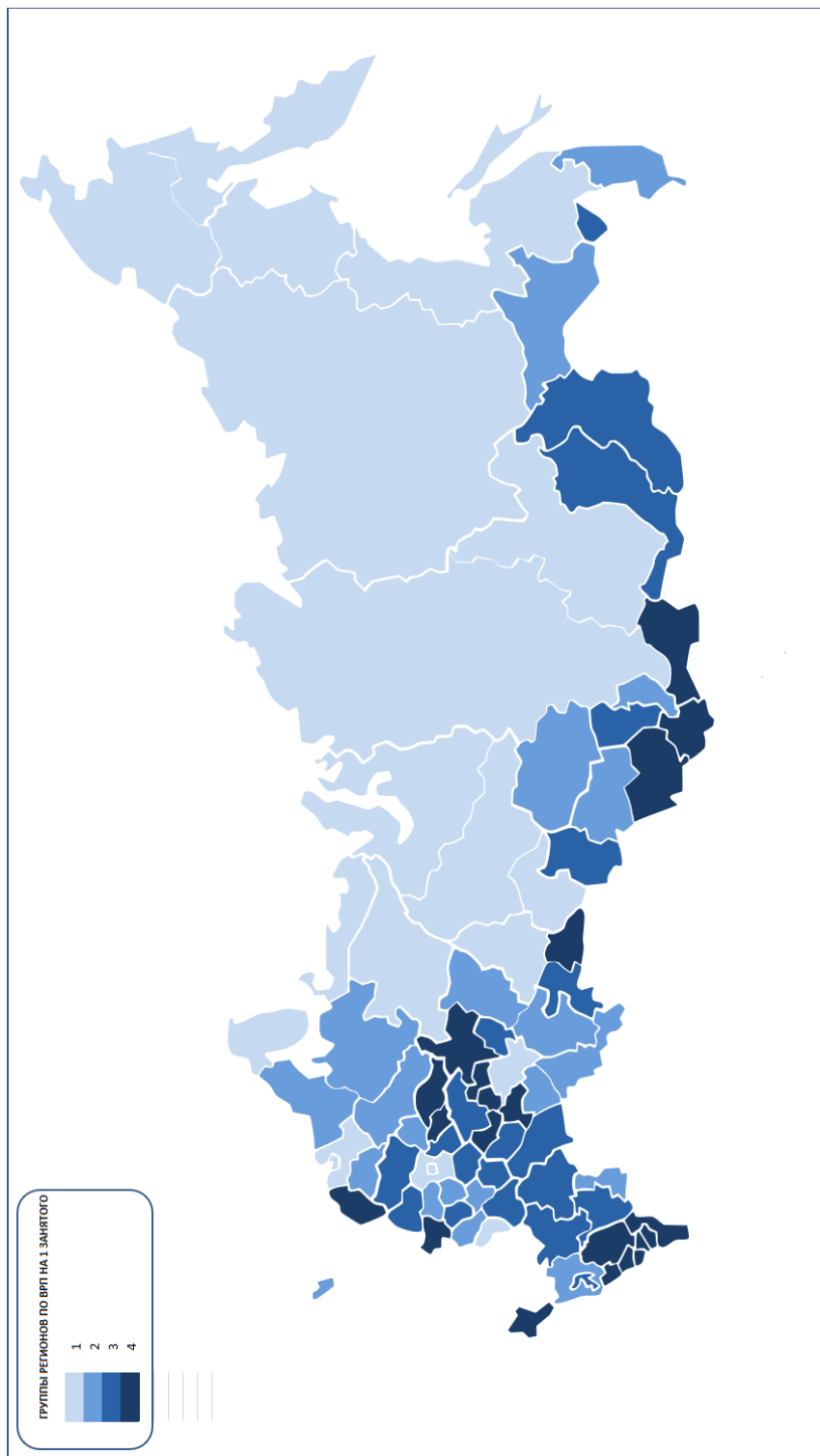
Весь статистический ряд субъектов РФ характеризуется средней величиной ВРП на одного занятого в год – 1 348,8 тыс. руб., медиана составляет 996,4 тыс. руб. Произведенные группировки регионов показаны в табл. 2 и на рис. 2.

Таблица 1
Производительность труда и структура занятости по видам экономической деятельности в федеральных округах РФ, 2021 г.
Table 1
Labor productivity and employment structure by type of economic activity in the federal districts of the Russian Federation, 2021

Территория	Единица измерения	С/х, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, ликвидация загрязнений	Строительство	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Транспортировка и хранение	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	Деятельность в области информации и связи	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Образование	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Другие виды деятельности	ВРП на одного занятого тыс. руб., 2020 г.
РФ	тыс. чел.	4 490,6	1 158,8	9 974,4	1 583,0	708,8	6 496,3	13 236,3	5 636,9	1 821,9	1 556,1	1 899,5	5 320,7	4 448,7	12 486,0	1 348,8
	%	6,3	1,6	14,1	2,2	1,0	9,2	18,7	8,0	2,6	2,2	2,7	7,5	6,3	17,6	-
ЦФО	тыс. чел.	863,1	82,4	2 980,5	389,7	197,8	2 081,8	4 174,5	1 652,0	516,3	619,3	646,4	1 293,5	1 117,4	4 291,6	1 619,8
	%	4,1	0,4	14,3	1,9	0,9	10,0	20,0	7,9	2,5	3,0	3,1	6,2	5,3	20,4	-
СЗФО	тыс. чел.	248,6	71,0	1 080,0	163,1	71,0	636,3	1 237,4	651,6	205,3	171,6	227,2	541,5	445,0	1 292,4	1 530,6
	%	3,5	1,0	15,3	2,3	1,0	9,0	17,6	9,2	2,9	2,5	3,2	7,7	6,3	18,5	-
ЮФО	тыс. чел.	761,1	47,3	857,1	140,3	101,6	650,3	1 613,6	599,3	264,7	120,4	178,8	547,2	520,9	1 161,0	915,5
	%	10,1	0,6	11,3	1,9	1,3	8,6	21,3	7,9	3,5	1,6	2,4	7,2	6,9	15,4	-
СКФО	тыс. чел.	647,8	15,7	360,8	60,8	33,9	399,7	676,9	247,9	101,7	44,1	54,2	380,7	268,9	548,8	643,0
	%	16,9	0,4	9,4	1,6	0,9	10,4	17,6	6,5	2,6	1,1	1,4	9,9	7,0	14,3	-
ПФО	тыс. чел.	940,6	186,0	2 376,3	307,0	138,4	1 181,4	2 397,4	968,8	317,5	263,7	334,8	1 034,0	865,1	2 125,8	1 042,3
	%	7,0	1,4	17,7	2,3	2,0	8,8	17,8	7,2	2,4	2,0	2,5	7,7	6,4	15,8	-
УФО	тыс. чел.	229,6	388,5	1 001,9	166,5	59,8	596,9	1 068,2	501,7	151,2	117,3	164,2	478,0	388,4	998,7	1 889,9
	%	3,6	6,2	15,9	2,6	0,9	9,5	16,9	7,9	2,4	1,9	2,6	7,6	6,2	15,8	-
СФО	тыс. чел.	540,6	215,2	997,9	202,6	70,7	592,3	1 388,1	629,9	173,5	148,6	200,0	700,2	563,4	1 341,8	1 192,1
	%	7,0	2,8	12,9	2,6	0,9	7,6	17,9	8,1	2,2	1,9	2,6	9,0	7,3	17,2	-
ДФО	тыс. чел.	259,2	152,6	319,8	153,1	35,5	357,7	680,2	385,8	91,8	65,0	94,0	345,5	279,5	725,9	1 550,4
	%	6,6	3,9	8,1	3,9	0,9	9,1	17,2	9,8	2,3	1,6	2,4	8,8	7,1	18,3	-

Источник: составлено автором на основе данных Росстата⁵

⁵ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf (дата обращения: 01.08.2023); Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.08.2023); Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.08.2023).

Рис. 2. Классификация субъектов РФ по ВРП на одного занятого в экономике в 2021 г.
Fig. 2. Classification of subjects of the Russian Federation by GRP per person employed in the economy in 2021
Источник: составлено автором

Таблица 2
Классификация субъектов РФ по производительности труда и численности занятого населения по отраслям, 2021 г.

Table 2
Classification of regions of the Russian Federation by labor productivity and number of employed population by industry, 2021

Территория / единица измерения	Среднегодовая численность занятых по ВЭД в 2021 г.							Строительство	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотран- спортных средств и мотоциклов
	Всего	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией, газом и паром, конди- ционирование воздуха	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, ликвидация загрязнений	Строительство		
Российская Федерация									
тыс. чел.	70 818,0	4 490,6	1 158,8	9 974,4	1 583,0	708,8	6 496,3	13 236,3	
%	100,0	6,3	1,6	14,1	2,2	1,0	9,2	18,7	
1 группа: Белгородская обл., Московская обл., г. Москва, Респ. Коми, Ненецкий АО, Ленинградская обл., Мурманская обл., г. Санкт-Петербург, Респ. Татарстан, Свердловская обл., Ханты-Мансийский АО-Югра, Ямало-Ненецкий АО, Тюменская обл. (без Ханты-Мансийского АО-Югра и Ямало-Ненецкого АО), Красноярский край, Иркутская обл., Респ. Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край, Магаданская обл., Сахалинская обл., Чукотский АО									
Итого 1 группа	тыс. чел.	28 053,2	824,3	685,9	3509,5	586,9	2471	2 972,2	5283,6
21 регион	%	100,0	2,9	2,4	12,5	2,1	0,9	10,6	18,8
2 группа: Калужская обл., Курская обл., Липецкая обл., Тульская обл., Ярославская обл., Респ. Карелия, Архангельская обл. без Ненецкого АО, Вологодская обл., Калининградская обл., Новгородская обл., Краснодарский край, Астраханская обл., Респ. Башкортостан, Пермский край, Оренбургская обл., Самарская обл., Респ. Хакасия, Новосибирская обл., Томская обл., Приморский край, Амурская обл.									
Итого 2 группа	тыс. чел.	16 728,3	1 160,1	222,0	2 521,8	397,9	182,3	1 398,0	3 120,1
21 регион	%	100,0	6,9	1,3	15,1	2,4	1,1	8,4	18,7
3 группа: Владимирская обл., Воронежская обл., Орловская обл., Рязанская обл., Смоленская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Респ. Адыгея, Респ. Калмыкия, Волгоградская обл., Ростовская обл., Удмуртская Респ., Нижегородская обл., Пензенская обл., Саратовская обл., Челябинская обл., Челябинская обл., Кемеровская обл., Омская обл., Респ. Бурятия, Забайкальский край, Еврейская авт. обл.									
Итого 3 группа	тыс. чел.	15 904,1	1 270,4	211,8	2 565,4	383,3	175,7	1 261,7	3 014,1
21 регион	%	100,0	8,0	1,3	16,1	2,4	1,1	7,9	19,0
4 группа: Брянская обл., Ивановская обл., Костромская обл., Псковская обл., Респ. Крым, г. Севастополь, Респ. Дагестан, Респ. Ингушетия, Кабардино-Балкарская Респ., Карачаево-Черкесская Респ., Северная Осетия-Алания, Чеченская Респ., Ставропольский край, Респ. Марий Эл, Респ. Мордовия, Чувашская Респ., Кировская обл., Ульяновская обл., Курганская обл., Респ. Алтай, Респ. Тыва, Алтайский край									
Итого 4 группа	тыс. чел.	10 133,4	1 236,1	39,1	1 377,6	214,8	103,6	864,2	1 818,3
22 региона	%	100,0	12,2	0,4	13,6	2,1	1,0	8,5	17,9

Таблица 2 (продолжение)
 Table 2 (extension)

Территория / единица измерения	Среднегодовая численность занятых по ВЭД в 2021 г.							Другие виды деятельности
	Транспортировка и хранение	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	Деятельность в области информации и связи	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Образование	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Другие виды деятельности	
Российская Федерация								
тыс. чел.	5 636,9	1 821,9	1 556,1	1 899,5	5 320,7	4 448,7	12 486,0	
%	8,0	2,6	2,2	2,7	7,5	6,3	17,6	
1 группа: Белгородская обл., Московская обл., г. Москва, Респ. Коми, Ненецкий АО, Ленинградская обл., г. Мурманск, Респ. Татарстан, Свердловская обл., Ханты-Мансийский АО-Югра, Ямало-Ненецкий АО, Тюменская обл. (без Ханты-Мансийского АО-Югра и Ямало-Ненецкого АО), Красноярский край, Иркутская обл., Респ. Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край, Магаданская обл., Сахалинская обл., Чукотский АО								
Итого 1 группа	тыс. чел.	2 395,1	725,0	801,1	883,2	1 902,2	1 537,9	5 699,2
21 регион	%	8,5	2,6	2,9	3,1	6,8	5,5	20,3
2 группа: Калужская обл., Курская обл., Липецкая обл., Тульская обл., Ярославская обл., Респ. Карелия, Архангельская обл., без Ненецкого АО, Вологодская обл., Калининградская обл., Новгородская обл., Краснодарский край, Астраханская обл., Респ. Башкортостан, Пермский край, Оренбургская обл., Самарская обл., Респ. Хакасия, Новосибирская обл., Томская обл., Приморский край, Амурская обл.								
Итого 2 группа	тыс. чел.	1 379,3	480,2	318,8	419,8	1 251,2	1 109,7	2 767,1
21 регион	%	8,2	2,9	1,9	2,5	7,5	6,6	16,5
3 группа: Владимирская обл., Воронежская обл., Орловская обл., Рязанская обл., Смоленская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Респ. Адыгея, Респ. Калининградская обл., Ростовская обл., Удмуртская Респ., Нижегородская обл., Пензенская обл., Саратовская обл., Челябинская обл., Омская обл., Респ. Бурятия, Забайкальский край, Еврейская авт. обл.								
Итого 3 группа	тыс. чел.	1 198,9	354,8	285,0	390,6	1 245,2	1 055,7	2 491,5
21 регион	%	7,5	2,2	1,8	2,5	7,8	6,6	15,7
4 группа: Брянская обл., Ивановская обл., Костромская обл., Респ. Псковская обл., Респ. Крым, г. Севастополь, Респ. Дагестан, Респ. Ингушетия, Кабардино-Балкарская Респ., Карачаево-Черкесская Респ., Респ. Северная Осетия-Алания, Чеченская Респ., Ставропольский край, Респ. Марий Эл, Респ. Мордовия, Чувашская Респ., Кировская обл., Ульяновская обл., Курганская обл., Респ. Алтай, Респ. Тыва, Алтайский край								
Итого 4 группа	тыс. чел.	663,6	262,2	151,2	206,1	922,2	746,0	1 528,4
22 региона	%	6,5	2,6	1,5	2,0	9,1	7,4	15,1

Источники: составлено автором на основе данных Росстата⁶

⁶ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf (дата обращения: 01.08.2023); Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.08.2023); Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.08.2023).

В первый квартиль входит 21 регион с наиболее высоким подушевым ВРП. Производительность труда регионов квартиля находится выше уровня 1 285,2 тыс. руб. Суммарно в этих регионах сконцентрировано самое большое количество – 28,1 млн. человек функционирующей в стране рабочей силы, что равно 39,6% от ее общего объема. Общая структура занятости в пределах данного квартиля отличается высокой долей промышленности и сферы услуг, однако здесь наблюдается существенная внутренняя дифференциация структурных показателей между экспортно-ориентированными добывающими регионами, с одной стороны, и постиндустриальными столичными регионами – с другой.

В целом по данному квартилю сельское хозяйство составляет 2,9% против 6,3% по России, добывающая промышленность – 2,4% против 1,6%, обрабатывающая промышленность – 12,5% против 14,1%, торговля – 18,8% против 18,7% совокупной численности занятых.

Как видно на карте (рис. 2), значительную часть территории первой группы образуют регионы севера Европейской части РФ, Сибири и Дальнего Востока, в структуре занятости которых преобладают добыча и транспортировка ресурсов, ориентированных на экспорт, а также отрасли обслуживающей их инфраструктуры. Многие отрасли сферы услуг, например, связанные с рекреацией и туризмом, и отрасли сельского хозяйства, к примеру, растениеводство, здесь не развиваются ввиду жестких природно-климатических условий.

Наука и образование имеют ограниченное развитие, в основном с ориентацией на школьное образование, разработку и обслуживание технологий добывающей промышленности. Здравоохранение нацелено на оказание минимального набора медицинских услуг для молодых и здоровых работников добывающих предприятий, так как доля пенсионеров в населении здесь невелика.

Лидером группы по ВРП на одного занятого в экономике и типичным представителем «северной» фракции регионов является Ненецкий АО с рекордным показателем производительности 7 383,9 тыс. рублей на человека в год и небольшой численностью занятых – 30,1 тыс. человек. В структуре занятости округа доля работников добывающей промышленности равна 23,5% (против 1,6% в РФ), а составившая в нынешнее время «лицо» экономики России торговля – 5,4% (против 18,7%). Доля социально значимых отраслей сферы услуг здесь следующая: образование 10,0% (против 7,5% в РФ) и здравоохранение – 5,9% (против 6,3%). В числе регионов данной группы присутствуют Ямало-Ненецкий АО с производительностью 6 635,2 тыс. рублей на одного работающего в год, Сахалинская область (3 640,9 тыс. руб.) и ряд других субъектов, имеющих «северную» структуру занятости.

Основную массу занятого населения первой группы концентрируют демографические и экономические гиганты: Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Ленинградская область, которые суммарно располагают 16 061,2 тыс. человек, или 22,7% всей функционирующей в стране рабочей силы и в значительной степени определяют ее структурные характеристики. Это постиндустриальные регионы, в которых самая высокая в России доля сферы услуг. В столице лидирующие позиции в отраслевой структуре занимает торговля, доля которой равна 21,1%, что довольно близко к среднему показателю по РФ (18,7%). Здесь значительно ниже среднего показатели обрабатывающей промышленности – 9,0% против 14,1% в РФ, но большие объемы транспортного и жилищного строительства, на фоне постоянного миграционного притока населения, что определяет повышенную долю строительной отрасли (12,6%

против 9,2%). В Москве сосредоточены наука и высшее образование, высокотехнологичное здравоохранение, однако это не находит отражения в наших таблицах. А вот доминирование IT-отрасли статистически заметно – в «информации и связи» в столичном мегаполисе заняты 4,6% работающих против 2,2% в РФ. В категории, которую Росстат определяет, как «другие виды деятельности», в Москве занято больше людей, чем в любом другом российском регионе – 27,7%.

Во вторую группу входит 21 индустриальный регион с повышенными по сравнению с медианой показателями ВРП на душу населения (от 996,4 до 1 285,2 тыс. рублей на занятого), в основном из числа расположенных в пределах главной полосы расселения России (рис. 2). Характерными особенностями данной группы регионов являются повышенная доля сельского хозяйства – 7,1% против 6,3 в среднем по РФ, средняя доля обрабатывающей промышленности (15,5% против 14,1%), повышенные доли торговли (19,2% против 18,7%) и гостиничного сектора (2,9% против 2,6%). Здесь также немного повышены уровни занятости в образовании (7,7% против 7,5%) и здравоохранении (6,8% против 6,3%).

Лидером группы по численности функционирующей рабочей силы является Краснодарский край (2 703,2 тыс. человек), который сочетает в структуре экономики аграрно-промышленную и курортно-рекреационную компоненты. В этом регионе в сельском хозяйстве занято больше людей, чем в среднем по стране – 8,3% против 6,3%, обрабатывающая промышленность, которая в значительной степени нацелена на переработку сельскохозяйственных продуктов, составляет 10,3% против среднероссийских 14,1%. Торговля в регионе занимает 21,6% работающего населения, против 18,7% в РФ. Гостиницы и общественное питание концентрируют 4,5% занятости против 2,6% в целом по России.

Третий квартал субъектов РФ насчитывает 21 регион с пониженным по сравнению с медианой уровнем ВРП на занятого: общая численность работающих составляет 15 904,1 тыс. человек. В структуре занятости здесь, как и везде, доминирует торговля – 19,0% против 18,7% в России, но большую роль играет и обрабатывающая промышленность, в которой задействован 16,1% против 14,1%. Здесь выше средних российских уровней занятость в образовании (7,8% против 7,5%) и здравоохранении (6,6% против 6,3%).

Демографическим лидером группы является Ростовская область с численностью работающего населения 1 984,9 тыс. человек. На втором месте с численностью 1 637,9 располагается достаточно типичная с точки зрения структуры экономики Нижегородская область. В этой области высокий уровень занятости в обрабатывающей промышленности, включая высокотехнологичные производства, – 19,5% против 14,1% в стране, вместе с тем развита и торговля – 20,2% против 18,7%. Остальные отрасли экономики обеспечены рабочей силой примерно на среднем российском уровне. Достаточно типичными представителями этой группы выступают такие крупные промышленные и высокотехнологичные, а также научные и университетские центры, как Воронежская, Волгоградская, Саратовская и Челябинская области.

В четвертую группу входят 22 субъекта РФ, в которых уровень ВРП на одного занятого существенно ниже среднего и варьирует в диапазоне от 399,1 тыс. руб. до 827,2 тыс. рублей. Здесь в основном представлены аграрные и аграрно-индустриальные регионы юга Европейской части России, а также некоторые области, которые еще в советское время относились к экономически депрессивным (хотя подобные термины тогда не употреблялись) в Нечерноземной зоне страны. В среднем для данной группы

характерна самая высокая занятость в сельском хозяйстве – 13,2% против 6,3% в РФ, повышенная занятость в торговле – 19,4% против 18,7%, в сфере образования – 9,9% против 7,5% и здравоохранения – 8,8% против 6,3%.

Самый крупный по количеству занятого населения регион данного квартиля – Ставропольский край, в котором численность работающих составляет 1 270,9 тыс. человек. В крае отмечается выраженная специализация на сельском хозяйстве: доля занятых в этом ВЭД составляет 14,0% против 6,3% в среднем по РФ. Промышленность и строительство имеют здесь уровень занятости ниже среднего, зато в значительной степени представлена торговля – доля занятости в отрасли 21,7% против 18,7% по стране. Немного выше среднего здесь доля занятых в здравоохранении (7,1% против 6,3%), в гостиничном бизнесе и общественном питании.

Относительно менее развитым регионом, с точки зрения официальных данных Росстата, является такая преимущественно аграрная республика, как Ингушетия, замыкающая рейтинг субъектов Российской Федерации по производительности труда с показателем 399,1 тыс. рублей на одного занятого в год, а всего занятых в регионе насчитывается 184,1 тыс. человек. Структура использования рабочей силы в республике характеризуется высокой долей сельского хозяйства – 17,1% против 6,3% в РФ и средним уровнем обрабатывающей промышленности – 14,2% против 14,1%, что больше, чем во многих других аграрно-промышленных регионах юга страны. Торговля, строительство, транспорт в республике представлены средне или на уровне ниже среднего, однако сильно выделяется образование. В сфере образования здесь заняты 11,3% работающего населения (против 7,5% в РФ), что может быть связано, в числе прочих факторов, с высокой рождаемостью и демографической «молодостью» населения республики.

Заключение и выводы

С теоретической точки зрения в статье на современном российском материале подтверждена взаимосвязь между уровнями занятости в обрабатывающей промышленности и третичном секторе (сфере услуг) и удельной производительностью труда. Дальнейшая разработка тематики пространственного развития РФ в условиях современного режима воспроизводства населения и мобильности трудовых ресурсов будет включать расширение числа используемых статистических показателей и индексов, отражающих состояние народонаселения, трудовых ресурсов, труда, занятости, безработицы и миграции с последующим выходом на создание комплексной типологии регионов и подготовку рекомендаций по демографической и социальной политике, привязанных к каждому из выделенных типов. Деление субъектов РФ на четыре квартиля по уровню производительности труда и особенностям структуры – лишь начальная ступень нашей исследовательской программы.

Полученные в ходе реализации данного исследования результаты могут применяться в научной работе, в преподавании курсов географии населения, региональной экономики, экономики труда в высших учебных заведениях. При продолжении исследования на основе социально-экономической и демографической типологии субъектов РФ могут быть выработаны рекомендации по совершенствованию государственной региональной политики. Вероятнее всего, они должны быть направлены на актуализацию задачи, которая ставилась десятилетия назад, но так и не была решена – имеется в виду выравнивание уровней экономического развития регионов РФ и создание в них более сходных, нежели сейчас, условий такого развития. Речь не

идет об искусственном торможении развития столичных и, тем более, в добывающих сырье «северных» регионах. Вопрос не в том, чтобы население и экономика регионов России стали единообразными, а в том, чтобы сделать условия их развития более равными и справедливыми. Аграрно-промышленные субъекты Российской Федерации должны «подтягиваться» до более высоких уровней социального развития путем приоритетного государственного инвестирования, ценовых преференций, наращивания инфраструктуры. В целях выравнивания социально-экономических условий развития российских территорий следует совершенствовать практику приоритетного размещения государственных заказов на предприятиях менее развитых регионов, предоставлять субсидии не приоритетным, но полезным для национальной экономики отраслям, совершенствовать существующую систему региональных надбавок (районных коэффициентов) к заработной плате работникам государственного сектора.

Список литературы

1. Ковалев, С. А. Сельское расселение. Москва : Издательство Московского университета, 1963. 371 с. EDN [WWKUAZ](#).
2. Беленькая, И. И. Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ / И. И. Беленькая, С. М. Бородкин, Т. И. Заславская и др.; под ред. Т. И. Заславской, И. Б. Мучника. Москва : Статистика, 1980. 343 с.
3. Федоров, Г. М. Геодемографическая типология / Под ред. Н. Т. Агафонова. Ленинград : Издательство ЛГУ, 1985. 152 с. EDN [XVTNCB](#).
4. Кашепов, А. В. Рынок труда в России: проблемы формирования и регулирования / А. В. Кашепов, В. В. Трубин, С. С. Утинова ; под ред. К. И. Миккульского. Москва : Издательство «Наука», 1995. 95 с. ISBN 5-02-013027-3. EDN [YNNVUT](#).
5. Зубаревич, Н. В. Региональная дифференциация основных показателей социального развития // География. 1988. № 33. С. 3–5.
6. Зубаревич, Н. В. Индекс развития человеческого потенциала регионов России // География. 1998. № 37. С. 3.
7. Бобков, В. Н. Уровень жизни населения России и ее регионов / В. Н. Бобков, А. А. Разумов // Вестник Евроазиатского транспортного союза. 1994. № 7.
8. Земцов, С. П. COVID-19: пространственная динамика и факторы распространения по регионам России / С. П. Земцов, В. Л. Бабурин // Известия РАН. Серия географическая. 2020. Т. 84, № 4. С. 485–505. DOI [10.31857/S2587556620040159](#). EDN [AYWGPU](#).
9. Кашепов, А. В. Избыточная смертность населения во время пандемии COVID-19 в регионах России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 9–3. С. 352–360. DOI [10.17513/vaael.2481](#). EDN [HLFFXH](#).
10. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2021 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 138 с. ISBN 978-5-89697-369-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021](#). EDN [BGLITQ](#).
11. Кашепов, А. В. Структура занятости в экономике по видам деятельности и основным профессиональным группам // Социально-трудовые исследования. 2020. № 1 (38). С. 19–30. DOI [10.34022/2658-3712-2020-38-1-19-30](#). EDN [CEYTXK](#).

Сведения об авторе:

Кашепов Алексей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: avkash@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-1348-0093](#); РИНЦ Author ID: [340500](#).

Статья поступила в редакцию 07.08.2023; принята в печать 09.10.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

TRANSFORMATION OF THE EMPLOYMENT STRUCTURE OF THE POPULATION IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexey V. Kashepov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: avkash@list.ru

For citation: Kashepov, Alexey V. Transformation of the Employment Structure of the Population in the Regions of the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 137–152. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.8).

Abstract. The subject of the work is the regional development of the subjects of the Russian Federation; the topic is the classification and typology of regions as a method of analysis, forecasting and development of measures of state regulation of the economy; the purpose is the classification of regions by indicators of economic efficiency and characteristics of the structure of employment in the economy. The theoretical basis for the article is the domestic literature on spatial analysis and typology of regions, the author's methodology of the quality index of structural shifts – ICS, the practical basis is the methods of analyzing statistical series, forming tables, diagrams and cartograms in Excel, statistical data of the Federal State Statistics Service (Rosstat). The classification of the subjects of the Russian Federation according to the indicator of gross regional product (GRP) per 1 employed in the economy, which is interpreted as the level of labor productivity (production efficiency). A description of the classification results is proposed, including brief characteristics of the employment structure of regions typical for each of the selected groups. The results obtained can be used in scientific work, as well as for teaching courses in population geography, regional economics, labor economics in higher educational institutions. In the future, the research program on the socio-economic typology of regions can be continued as a method of monitoring the situation and a basis for developing recommendations on state regulation of the economy. The goal of such regulation should be to equalize the conditions of economic activity and social development of the population across the country.

Keywords: regions, classification, typology, level of economic development, employment structure

References

1. Kovalev, S. A. *Sel'skoe rasselenie [Rural settlement]*. Moscow : Moscow University Publishing House, 1963. 371 p. (In Russ.).
2. Belen'kaya, I. I. *Social'no-demograficheskoe razvitie sela: Regionalny analiz [Socio-demographic development of the village: Regional analysis]* / I. I. Belen'kaya, S. M. Borodkin, T. I. Zaslavskaya et al. ; ed. by T. I. Zaslavskaya, I. B. Muchnik. Moscow : Statistika Publishing House, 1980. 343 p. (In Russ.).
3. Fedorov, G. M. *Geodemographic Typology* / ed. by N. T. Agafonov. Leningrad : Leningrad State University Publ., 1985. 152 p. (In Russ.).
4. Kashepov, A. V. *Rynok truda v Rossii: problemy formirovaniya i regulirovaniya [Labor market in Russia: problems of formation and regulation]* / A. V. Kashepov, V. V. Trubin, S. S. Utinova. Ed. by K. I. Mikul'skiy. Moscow : Nauka Publishing House, 1995. 95 p. ISBN 5-02-013027-3. (In Russ.).
5. Zubarevich, N. V. Regional'naya differenciatsiya osnovnykh pokazatelej social'nogo razvitiya [Regional differentiation of main indicators of social development]. *Geografiya [Geography]*. 1998. No. 33. Pp. 3–5. (In Russ.).
6. Zubarevich, N. V. Indeks razvitiya chelovecheskogo potentsiala regionov Rossii [Human development index of Russian regions]. *Geografiya [Geography]*. 1998. No. 37. P. 3. (In Russ.).
7. Bobkov, V. N. Uroven' zhizni naseleniya Rossii i ee regionov [Standard of living of the population of Russia and its regions] / V. N. Bobkov, A. A. Razumov. *Vestnik Evroaziatskogo transportnogo soyuza [Bulletin of the Euro-Asian Transport Union]*. 1994. No. 7. (In Russ.).
8. Zemtcov, S. P. COVID-19: Spatial Dynamics and Diffusion Factors Across Russian Regions / S. P. Zemtcov, V. L. Baburin. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 2020. Vol. 84, No. 4. Pp. 485–505. DOI [10.31857/S2587556620040159](https://doi.org/10.31857/S2587556620040159). (In Russ.).
9. Kashepov A.V. Excess Mortality of the Population During the COVID-19 Pandemic in the Regions of Russia. *Vestnik Altaiskoj akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]*. 2022. No. 9–3. Pp. 352–360. DOI [10.17513/vaael.2481](https://doi.org/10.17513/vaael.2481). (In Russ.).

10. *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Nacional'nyj demograficheskij doklad 2021 [Demographic health of Russian regions. National Demographic Report 2021]*. Т. К. Rostovskaya, А. А. Shabunova [et al.]; Ed. by Т. К. Rostovskaya, А. А. Shabunova. Moscow : FCTAS RAS Publ., 2021. 138 p. ISBN 978-5-89697-369-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021). (In Russ.).

11. Kашepов, А. В. Employment Structure in the Economy by Types of Activity and Basic Professional Groups: Analysis and Forecast. *Social & Labour Research*. 2020. No. 1 (38). Pp. 19–30. DOI [10.34022/2658-3712-2020-38-1-19-30](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-38-1-19-30). (In Russ.).

Bio note:

Alexey V. Kashenov, Doctor of Economical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Контактная информация: e-mail: avkash@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-1348-0093](https://orcid.org/0000-0003-1348-0093); RSCI Author ID: [340500](https://rsci.org/340500).

Received on 07.08.2023; accepted for publication on 09.10.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.9](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.9)EDN [ССКНQU](https://www.edn.ru/ССКНQU)

РЫНОК ТРУДА, МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ В РОССИИ

Воробьева О. Д.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: 89166130069@mail.ru

Топилин А. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: topilnav@mail.ru

Хроленко Т. С.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: tatkhrolenko96@yandex.ru

Ниорадзе Г. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nioradzersuh@gmail.com

Для цитирования: Воробьева, О. Д. Рынок труда, миграционные процессы, социальное государство в условиях демографического старения в России / О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, Т. С. Хроленко, Г. В. Ниорадзе // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 153–164. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.9](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.9). EDN [ССКНQU](https://www.edn.ru/ССКНQU).

Аннотация. Статья содержит результаты, проведенного ее авторами исследования последствий демографического старения населения с применением социологических методов. Предметом изучения выступают эффекты, которое старение населения оказывает на национальный и международный рынок труда, перспективы социального государства в связи с ростом доли пожилого населения, направления и варианты развития миграционных процессов с участием лиц пожилого возраста. Цель исследования заключается в ответе на вопрос о том, какую почву имеют под собой алармистские настроения, вызванные угрозами быстрого роста доли пожилых людей в общей численности населения. В своей работе авторы исходят из предположения, что беспокойство, которое испытывает мировое научное сообщество в связи с демографическим старением, несколько преувеличено, и существует множество шансов оценивать этот процесс как время возможностей и широких перспектив. Исследование выполнено с использованием ранее разработанных и опубликованных методологических подходов в изучении эффектов демографического старения. Методом проведения исследования стал онлайн-опрос экспертов академического сообщества, в ходе которого было получено 18 ответов. Их анализ позволил подтвердить выдвинутую гипотезу и предложить ряд аргументов, способных снизить степень тревожности за те или иные последствия, которые несет в себе демографическое старение. Данное исследование является важной ступенью для дальнейшего изучения такого многогранного, сложного, актуального и подвижного процесса, как демографическое старение. Одним из направлений такого анализа станет расширение выборочной совокупности исследования до политических деятелей как силы, способной управлять ожиданиями от демографического старения.

Ключевые слова: демографическое старение, миграция пожилого населения, демографическая нагрузка, рынок труда, социальное государство, экспертный опрос

Введение

Данная статья представляет собой продолжение публикации по результатам исследования социально-экономических последствий демографического старения населения [1], в которой освещались особенности применения экспертного опроса в изучении эффектов старения населения на социально-экономические и политические сферы современного общества. Процесс демографического старения, распространяющийся на все страны и регионы мира по мере социально-экономического развития и увеличения продолжительности жизни населения, наряду с сокращением числа родившихся и снижением рождаемости, продолжает все больше и больше беспокоить общество, политических деятелей, ставит под угрозу возможности и перспективы социального и экономического развития. Однако мнения о степени угрозы демографического старения или о новой социально-экономической реальности, к которой необходимо и возможно адаптироваться обществу, существенно расходятся. Нет единогласия и среди специалистов-демографов, экономистов, социологов, политологов, медиков и представителей других отраслей знаний. Вместе с тем последствия процесса демографического старения уже возможно рассматривать не только с теоретических позиций, но и анализируя и усваивая опыт государств, столкнувшихся с подобными вызовами на протяжении нескольких последних десятилетий. В статье сделана попытка рассмотреть, оценить и учесть мнения специалистов-экспертов относительно перспектив социально-экономического развития в условиях демографического старения населения, опираясь на разработанные методологические подходы в исследованиях эффектов демографического старения населения.

Обзор литературы

Оценка мнений экспертов по проблемам старения и его взаимосвязи с другими социально-экономическими процессами представлена в ряде статей, где применялся библиометрический анализ научных публикаций по данной тематике. В одной из них исследовалась база статей Scopus за период с 2001 по 2021 г. По итогам изучения почти четырех тысяч источников, в число которых вошли научные и обзорные статьи, книги, тезисы и т. д., были сделаны соответствующие выводы. Итак, наблюдается устойчивый рост публикаций по тематике демографического старения, при этом сокращается количество цитирований, что обусловлено временным фактором (из-за своей новизны свежие статьи реже цитируются) и экстенсивным ростом научного знания по этим проблемам и открытием более узких аспектов старения (например, взаимосвязь старения и миграции) внутри общей тематики. Контент-анализ ключевых слов показал, что наиболее часто используются следующие: “humans”, “ageing”, “aged”, “male”, “female”, “middle-aged adult”, “aged”, “80 and beyond”, “major clinical study”, “extremely elderly”, “risk factor”, and “age”. Однако в целом преобладают публикации медико-геронтологического характера (что видно и по ключевым словам). В то же время, по мнению авторов, налицо недостаток социальных исследований. Кроме того, обращает на себя внимание разделение исследований по возрастному (“80 and beyond”) и гендерному признакам (“male”, “female”). В свою очередь отметим, что методология данного анализа имеет недостаток, поскольку смешиваются разные дисциплины с совершенно разными взглядами: если предмет исследования экономики и социологии в контексте старения относительно схож, то медико-геронтологические исследования фокусируются на совершенно иных аспектах (здоровье, организм и пр.). В такой связи можно как разграничить эти области научного знания и

сосредоточить анализ на одной из них, так и применить междисциплинарный подход, благодаря которому возможно рассмотреть различные аспекты одного и того же процесса или явления и сделать наиболее важные выводы [2].

Еще одно исследование предлагает более узкий подход, сосредоточиваясь на «здоровом старении» (“healthy ageing”) и «успешном старении» (“well aging”), что, на наш взгляд, сужает его рамки. Объектом библиометрического анализа выступают статьи базы Scopus, опубликованные в 2013–2022 гг., в количестве около 101 тысячи. Чаще всего используемыми ключевыми словами были “human”, “article”, “humans”, “aging” и “female”, при этом исследование ограничивалось только публикациями на английском языке [3].

В настоящей статье используется другой метод для изучения мнения сообщества специалистов о проблемах старения – экспертный опрос. В той или иной степени похожие исследования регулярно проводятся отечественными учеными, раскрывая различные аспекты жизни пожилых людей: занятость [4; 5], социальная политика [6; 7], здоровье [8] и др. Предмет данного исследования – более общий обзор взаимосвязи демографического старения с различными социально-экономическими процессами.

Дизайн исследования

Прежде чем перейти к анализу полученных результатов, приведем основные положения дизайна [9] текущего исследования:

1. Проектирование и проведение качественного исследования направлено на поиск ответа на вопрос о том, в какой мере население в возрасте старше трудоспособного включено в экономическую и общественную жизнь в отдельных экономически развитых регионах мира и России.

2. Предварительное предположение, из которого исходят авторы научного труда, заключается в том, что существует ряд тенденций, свидетельствующих о сокращении перспектив реальности угрозы социально-экономическому развитию регионов в результате развития процесса демографического старения населения.

3. Концептуальная модель исследования представлена теориями российских и зарубежных ученых, подробное рассмотрение которых проводилось в более ранних публикациях авторского коллектива [10; 11].

4. В качестве метода сбора полевых данных выбран экспертный опрос. Основные параметры, заложенные в этот опрос, следующие:

- индивидуальный характер;
- заочный (в онлайн-формате с применением Google Forms);
- в один тур (одноразовое заполнение анкеты);
- международный характер (к участию в опросе приглашались как российские, так и зарубежные ученые, в связи с чем вопросы в гайде были предложены на русском и английском языках);
- смешанный формат вопросов (открытые и закрытые);
- возможность отвечать на вопросы как анонимно, так и от собственного имени;
- предполагаемое количество экспертов – 15 человек, фактическое – 18 человек;
- на формирование пула ответов заложено 3 месяца;
- предполагаемый способ анализа полученных данных: для открытых вопросов – тематический, нарративный анализ, для закрытых вопросов – анализ

распределения ответов респондентов.

В основу исследовательского инструментария положены вопросы о взаимосвязи продолжительности жизни и экономической активности, потенциале роста экономической активности старших возрастных групп и увеличивающейся демографической нагрузке, влиянии старения на рынок труда, возможностях усиления роли пожилых в будущем (геронтократия), перспективах социального государства, прогнозируемых изменениях в экономической политике государств, специфике и роли миграции в условиях старения населения.

Результаты исследования

Ответы на вопросы блока, посвященного взаимосвязи продолжительности жизни и экономической активности, распределились следующим образом: абсолютно все эксперты считают, что период социальной и экономической активности населения по мере роста продолжительности жизни увеличивается. В качестве возможных проявлений указанной тенденции эксперты назвали следующие варианты:

- в более продолжительном участии в общественном производстве, в более длительном сохранении возможности работать – ответ выбран 15 экспертами;
- в более активном участии в культурных, спортивных, оздоровительных мероприятиях, проводимых для пожилых людей, – ответ выбран 14 экспертами;
- в активном туризме – ответ выбран девятью экспертами;
- в активном участии в жизни семьи и заботе о внуках и правнуках – ответ выбран одним экспертом.

Подобное распределение ответов в принципе соответствует актуальным социально-экономическим трендам, отраженным в многочисленных исследованиях. Ответ, набравший наибольшее количество голосов, адекватен тенденции к использованию так называемого «второго демографического дивиденда», представленного пожилым населением, способного и готового к труду¹. Следует отметить, что вариант проявления взаимосвязи в активном участии в жизни семьи получил весьма мало сторонников, хотя, как показывают исследования Американской ассоциации пенсионеров, институт «бабушек и дедушек» имеет большие перспективы в плане роста влияния на социально-демографическое и экономическое развитие отдельных регионов мира².

В свою очередь эксперт, не отметивший наличие данной взаимосвязи, указал на то, что причиной отсутствия таковой является низкий уровень социального обеспечения, что не позволяет вести активный и мобильный образ жизни. Это можно связать с тем, что тенденция к укреплению экономического благополучия старшего поколения применима лишь к отдельным регионам мира и пока не носит всеобщий характер.

В следующем блоке вопросов, посвященном взаимосвязанности потенциала экономической активности старших возрастных групп и демографической нагрузки,

¹ Employment Extenders: A (labor) force to be reckoned with // Easterseals : [site]. URL: <https://www.easterseals.com/shared-components/document-library/media-room/employment-extenders-full-study.pdf> (accessed on 06.09.2023); Most U.S. Employed Adults Plan to Work Past Retirement Age // Gallup : [site]. URL: <https://news.gallup.com/poll/210044/employed-adults-plan-work-past-retirement-age.aspx> (accessed on 05.08.2023).

² Grandparents Today National Survey 2018 // AARP: [site]. URL: https://www.aarp.org/content/dam/aarp/research/surveys_statistics/life-leisure/2019/aarp-grandparenting-study.doi.10.26419-2Fres.00289.001.pdf (accessed on 06.09.2023).

экспертам предлагалось оценить степень, с которой экономическая отдача населения пенсионного возраста, относящаяся к их деятельности на рынке труда, способна сгладить эффект от роста демографической нагрузки на трудоспособное население. Показатель влияния одного процесса на другой в данном случае варьировался, поскольку связь между экономическим вкладом пожилых людей в жизнь общества и снижением демографической нагрузки далеко не линейная. Воздействие ряда факторов, которые действуют в этой системе, должно оцениваться индивидуально. К числу таких факторов относятся: государственная пенсионная политика, здравоохранение, возможности непрерывного образования, особенности регионального рынка труда. В качестве позитивных эффектов эксперты назвали рост производительности труда, ускорение процесса цифровизации труда, развитие сферы услуг, снижение дефицита рабочей силы, увеличение числа налогоплательщиков.

Возвращаясь к упомянутому ранее тезису о влиянии демографического старения на рынок труда следует отметить, что не все эксперты его поддерживают. Ряд специалистов придерживается мнения, что происходящие в последние несколько десятилетий изменения на рынке труда в структуре рабочих мест связаны не столько с ростом доли пожилого населения, сколько с динамикой технологического и социально-экономического развития. И наоборот эксперты, разделяющие взгляды о том, что изменения на рынке труда подвержены влиянию демографического старения, приводят следующие аргументы в пользу своей точки зрения:

«Стареют высшее образование и медицина, и там опыт и квалификация работают на пожилых. В ряде направлений ручного труда замена пожилых идет интенсивнее. Все зависит от желания крупных игроков сохранить квалифицированных пожилых или побыстрее отправить в неформальную занятость».

«Да, изменения на рынке труда происходят, в том числе есть связь с законодательством, под которое приходится подстраиваться работодателям. Кроме того, меняется структура типов занятости, люди старшего возраста начинают активно пробовать для себя формы частичной и смешанной занятости».

«Происходят изменения на рынке труда, но преградой стало проявление эйджизма и отсутствие системной организации образования через всю жизнь. Для России существенным препятствием является низкая оплата труда и утрата здоровья в более ранних возрастах».

Как видно из процитированных ответов, эксперты отмечают тенденцию перехода пожилых людей к иному типу занятости, что характеризуется ими как тенденция, свойственная российскому рынку труда. В частности, эта тенденция проявляется в таких сферах деятельности, как образование, здравоохранение, наука, ВПК и ЖКХ, т. е. там, где в качестве работодателя преобладает государство, а рабочие места финансируются из бюджета. Как показывает исследование Ю. В. Сониной и М. Г. Колосницыной [12], работу в названных секторах экономики сохраняют, как правило, те, кто уже трудился в конкретной отрасли до назначения пенсии. Человек, меняющий работу и сферу занятости после официального выхода на пенсию, вероятнее всего, устраивается на место, не требующее высокой квалификации, часто без официального оформления трудовых отношений [13].

Основной проблемой в сфере занятости пожилых и уменьшении им числа предложений о трудоустройстве, о которой неоднократно упоминают эксперты-респонденты, является человеческий капитал пожилого населения, точнее недостаточный уровень развитости систем здравоохранения и непрерывного образования. Под-

тверждение этого тезиса можно найти в современных исследованиях. Так, например, Р. И. Капелюшников считает, что развитие систем здравоохранения и непрерывного образования может компенсировать потери рабочей силы из-за старения населения, поскольку улучшение здоровья и дееспособности пожилых людей создает благоприятные условия для активизации их участия в рабочей силе, а повышение уровня образования, как показывает опыт многих стран мира, тоже откладывает уход с рынка труда и продлевает занятость после достижения официально установленного пенсионного возраста³.

Завершающим блок вопросов, посвященных влиянию старения населения на рынок труда, был следующий вопрос: трансформируется ли рынок труда с учетом спроса на рабочие места со стороны пожилого населения? Мнения экспертов относительно данного вопроса разошлись. Ниже приводятся их наиболее типичные ответы:

«Да, рынок труда становится более лояльным к пожилым людям и ориентированным на продолжение занятости пожилых людей, но подобная тенденция зависит от страны или региона».

«Меняется как сам рынок труда, позволяющий пожилым определить места для трудоустройства, так и потребности людей старшего возраста в занятости и ее типах. Это два параллельных процесса, которые связаны как с объективными причинами (увеличение числа пожилых, изменение пенсионного возраста и т. д.), так и с субъективными параметрами (тенденция к активному долголетию, отложенному старению, психологическая самооценка и т. п.»

«Скорее это пожилые работники вынуждены повышать свою цифровую грамотность, чтобы соответствовать современному рынку труда».

Разделение мнений специалистов может быть связано с региональной дифференциацией рынка труда [14]. Для более точного ответа на этот вопрос, следует рассматривать конкретные кейсы, однако текущее исследование не предполагает углубления в предмет обсуждения. В то же время в рамках проведенного экспертного опроса была затронута тема смещения начала пенсионного обеспечения из-за повышения возраста выхода на пенсию и влияния указанного процесса на рынок труда. В этой связи экспертами были отмечены такие тенденции, как:

1. Удлинение периода экономической активности в определенной мере сглаживает демографическую нагрузку на трудоспособное население, и особенно ярко данная тенденция проявляется в сфере услуг.

2. Более поздний выход на пенсию увеличивает производительность труда и вносит вклад в цифровизацию труда, впрочем, эта тенденция актуальна только в связи с наличием дополнительных вложений в человеческий капитал пожилого населения.

3. Трудовая активность пенсионеров снижает дефицит рабочей силы, увеличивает численность налогоплательщиков. Вместе с тем на российском рынке труда складывается ситуация, когда наблюдаемый нестандартный возрастной профиль зарплат (ранний пик) в совокупности с ростом активности пенсионеров снижает среднюю зарплату по экономике.

Далее рассмотрим ответы на вопрос о перспективах социального государства в контексте роста доли старших возрастных групп. Распределение ответов экспертов

³ Эйджинг навсегда: как старение населения влияет на экономику // НИУ ВШЭ : [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/news/442362720.html> (дата обращения: 08.09.2023).

показывает, что алармистские настроения, связанные с оценкой старения населения как угрозы социальному государству, в котором на государство возлагаются функции материального и социального обеспечения пожилого населения, преобладают над оптимистичным взглядом в будущее. Большинство респондентов считает, что перспективы социального государства значительно сократятся либо исчезнут совсем. Действительно, устойчивость социального государства находится под сомнением у широкого круга исследователей [15]. Однако полноценный ответ на вопрос, создаст ли старение населения для социального государства больше проблем или предоставит больше возможностей, не зависит от количественного фактора – возраста. Различия в состоянии здоровья, возможности пожилых людей вносить вклад в социально-экономическое развитие страны, национальные меры политики занятости пожилого населения, наличие или устройство пенсионных систем, убеждения работодателей в отношении старения и многие другие факторы оказывают влияние на устройство социального государства. В этой связи в будущих исследованиях данный вопрос будет дополнен качественными параметрами.

Экспертам-участникам опроса был задан вопрос и о том, какие изменения претерпевают экономическая политика государства и рынок труда в условиях процесса старения населения. Полученные ответы позволили выделить ряд возможных направлений государственной политики:

- повышение возраста выхода на пенсию;
- создание специальных программ занятости для пожилых людей (к примеру, создание новых рабочих мест, адаптация режимов работы под старение, корректировка требований к соискателям рабочих мест);
- переобучение населения старших возрастов с целью привлечения их к трудовой деятельности, повышение квалификации пожилых;
- управление занятостью на частных предприятиях (например, выгодные условия труда для высокопрофессиональных групп или развитие поддержки бизнеса и предпринимательства в контексте старения).

В разных странах можно найти различные кейсы, свидетельствующие о выборе того или иного (или сразу нескольких) путей развития. Успех их реализации будет заметен со временем, но потребность в проведении грамотной государственной политики, с учетом тенденций роста численности пожилых и всеобщей цифровизации, будет только возрастать.

На предмет взаимосвязи указанных исследовательской группой тенденций были заданы вопросы, но из ответов опрошенных специалистов, приведенных выше, становится понятно, что у технического прогресса и демографического старения отмечаются два направления взаимодействия. С одной стороны, техническое и технологическое развитие – это фактор риска: взрывной рост технологий и набор компетенций пожилых людей вступают в противоречие, становясь причиной цифрового неравенства и эйджизма. С другой стороны, процесс демографического старения населения не имел бы распространения, если бы не снижалась смертность населения, которая приводит к росту ожидаемой продолжительности жизни. А это уже, без сомнения, тесно взаимосвязано и является результатом, в том числе, и технического, технологического, и научного прогресса, достижений в области медицины и здравоохранения. В оптимистичных сценариях технический прогресс может быть направлен на повышение активного и здорового долголетия, продление периода экономической и социальной активности. Как показывают полученные ответы, эксперты в

большей степени придерживаются оптимистичной точки зрения.

Завершающий анкету блок вопросов был посвящен взаимосвязи миграции населения и демографического старения. Специалистам было предложено выбрать виды миграции населения, интенсивность которых будет возрастать в связи с ростом продолжительности жизни, в том числе активной жизни, и увеличением доли пожилого населения. Топ-3 видов миграции, выделенных экспертами, представлен международным туризмом (12 голосов), медицинским туризмом (11 голосов) и трудовой миграцией (6 голосов). Кроме того, важное место эксперты отводят долгосрочной миграции. Ниже приводятся наиболее типичные ответы в пользу приведенных точек зрения:

«Международные миграции с целью получения медицинских услуг, отдыха, переселения в наиболее благоприятные для проживания регионы более характерны для людей старших возрастов, достигших достаточно высокого уровня благосостояния».

«Пожилые располагают финансовыми ресурсами для поддержания активной жизни, своего здоровья. Перемена места жительства, как правило, связана с воссоединением с родственниками».

«Развитие различных видов миграции связано с включением и интеграцией, активностями пожилых людей, что в свою очередь способствует развитию трудовой миграции в поиске рабочих мест пожилыми людьми и развитию международного туризма, то есть развитию туризма как одной из форм активностей пожилых людей».

Следует добавить, что миграция пожилых, имеющая своей целью трудоустройство или переезд на постоянное место жительства, обладает социально-экономической ценностью, поскольку оказывает влияние на рынок труда и демографическую нагрузку принимающего и отдающего государства, на благосостояние населения, а также оказывает компенсаторный эффект на демографическое состояние страны.

Заключение

Проведенный социологический экспертный опрос позволяет сделать ряд обобщений относительно последствий процесса демографического старения населения для состояния рынка труда, развития социального общества, угрозы роста демографической нагрузки и миграционных процессов.

В связи с тем, что, по мнению экспертов, период социальной и экономической активности населения увеличивается по мере роста продолжительности жизни, а также удлиняется период, на протяжении которого происходит участие в рабочей силе, угроза критического роста дефицита трудовых ресурсов на национальном рынке труда отсутствует или сильно преувеличена. Необходимо иметь в виду, что каждое следующее поколение, вступающее в возраст 65+, обладает большим объемом знаний, умений, компетенций, а следовательно, большими адаптивными возможностями к изменяющимся требованиям на рынке труда.

Высока степень алармистских настроений, связанных с оценкой старения населения как угрозы социальному государству, которое должно взять на себя весь объем материального и социального обеспечения пожилого населения. В этом смысле устойчивость социального государства находится под сомнением у широкого круга исследователей, что, впрочем, справедливо при сохранении нескольких составляющих: это низкий уровень оплаты труда работников в предпенсионный период, и, следовательно, отсутствие возможностей за время трудовой деятельности накопить

определенные финансовые и материальные средства, которые позволили бы по завершении активной трудовой деятельности населению сохранять уровень платежеспособности, достаточный для потребления благ и услуг. В случае высокого уровня оплаты труда, который позволяет создать определенные накопления, «иживенческая» нагрузка со стороны неработающего пожилого населения не только не увеличивается, но и возрастает емкость рынка товаров и услуг, что способствует развитию производства и экономическому росту государства.

Платежеспособность пожилого населения, которая должна сформироваться за время трудовой деятельности, позволяет использовать возможности миграционной подвижности пожилого населения для удовлетворения потребностей во внутреннем и международном оздоровительном, медицинском и познавательном туризме. Заметное место эксперты отводят возможностям и потребностям в долгосрочной миграции, которая приводит к смене места жительства в регионы с более благоприятными природно-климатическими условиями. Вместе с тем территориальная мобильность расширяет для пожилого, но трудоактивного населения ареалы рынка труда, дает возможность включенности в международный рынок труда.

Список литературы

1. Ниорадзе, Г. В. Методологические решения в исследованиях эффектов демографического старения населения / Г. В. Ниорадзе, Т. С. Хроленко // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2023. № 1. С. 39–50. EDN [NMHVXE](#).
2. Sabri, S. M. Major Trends in Ageing Population Research: A Bibliometric Analysis from 2001 to 2021 / S. M. Sabri, N. Annuar, N. L. A. Rahman, S. K. Musairah, H. A. Mutalib, I. K. Subagia // Proceedings. 2022. Vol. 82, № 1. Article № 19. DOI [10.3390/proceedings2022082019](#).
3. Kosyigit, B. Y. Scopus-Based Bibliometric Analysis of Publication Activity in the Field of Healthy Aging in 2013–2022 // Anti-Aging Eastern Europe. 2023. Vol. 2, № 2. Pp. 70–75. DOI [10.56543/aaeeu.2023.2.2.01](#).
4. Барков, С. А. Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России / С. А. Барков, А. В. Маркеева, И. В. Колодезникова // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. № 1. С. 97–112. DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843](#). EDN [TUZJPS](#).
5. Черных, Е. А. Готовность общества и работодателей к обучению сотрудников предпенсионного возраста / Е. А. Черных, Н. В. Тонких, М. В. Клейменов // Вопросы управления. 2022. № 4 (77). С. 61–73. DOI [10.22394/2304-3369-2022-4-61-73](#). EDN [SIHYPD](#).
6. Максимова, С. Г. Социальная политика в отношении старших возрастных групп как основа преодоления социальной эксклюзии: экспертные оценки / С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, М. М. Максимова // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 6 (140). С. 177–182. EDN [WDZFPJ](#).
7. Вдовина, М. В. Активизация ресурсов граждан старшего поколения – получателей социальных услуг (итоги экспертного опроса) // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 12. С. 15–21. DOI [10.24158/spp.2019.12.1](#). EDN [HNQPMS](#).
8. Калининская, А. А. Анализ заболеваемости населения старше трудоспособного возраста в Российской Федерации и ее региональные особенности / А. А. Калининская, М. Д. Васильев, А. В. Лазарев, М. В. Кизеев, А. А. Смирнов // Менеджер здравоохранения. 2023. № 2. С. 59–67. DOI [10.21045/1811-0185-2023-2-59-67](#). EDN [LFYZUQ](#).
9. Ваньке, А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании / А. В. Ваньке, Е. В. Полухина, А. В. Стрельникова. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 256 с. ISBN 978-5-7598-1960-8. DOI [10.17323/978-5-7598-1960-8](#). EDN [DBPLCG](#).
10. Воробьева, О. Д. Эволюция подходов к демографическому старению / О. Д. Воробьева, Г. В. Ниорадзе, Т. С. Хроленко // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 72–84. DOI [10.17213/2075-2067-2022-4-72-84](#). EDN [TAFIBQ](#).
11. Топилин, А. В. Миграция населения и демографическое старение в некоторых странах мира

и России за период 1960–2021 гг. / А. В. Топилин, Г. В. Ниорадзе, Т. С. Хроленко // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. Т. 20. С. 302–319. DOI [10.47711/2076-318-2022-302-319](https://doi.org/10.47711/2076-318-2022-302-319). EDN [HIMPQG](https://www.edn.ru/HIMPQG).

12. Сонина, Ю. В. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста / Ю. В. Сонина, М. Г. Колосницына // Демографическое обозрение. 2015. № 2. С. 37–53. DOI [10.17323/demreview.v2i2.178](https://doi.org/10.17323/demreview.v2i2.178). EDN [VBTESV](https://www.edn.ru/VBTESV).

13. Ниорадзе, Г. В. Труд пенсионеров и гиг-экономика: прекаризация или новые возможности? // Социологический журнал. 2022. Т. 28, № 4. С. 102–117. DOI [10.19181/socjour.2022.28.4.9317](https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9317). EDN [IGCRMY](https://www.edn.ru/IGCRMY).

14. Рязанцев, С. В. Трудовой потенциал старшего поколения: межрегиональный анализ / С. В. Рязанцев, Г. В. Ниорадзе // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 1. С. 107–119. DOI [10.19181/lspr.2022.18.1.9](https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.1.9). EDN [ETUXLB](https://www.edn.ru/ETUXLB).

15. Сайлус, Дж. Станет ли старение населения концом социального государства? Обзор фактических данных и варианты политики / Дж. Сайлус, Ж. Фигерас, Ч. Норман. Копенгаген : Европейское региональное бюро ВОЗ, 2021. 39 с. ISBN 978-92-890-5586-4.

Сведения об авторах:

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-1304-3715](https://orcid.org/0000-0003-1304-3715); РИНЦ Author ID: [250138](https://elibrary.ru/250138); Web of Science Researcher ID: [H-9920-2016](https://orcid.org/H-9920-2016); Scopus Author ID: [57202602806](https://orcid.org/57202602806).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: topilinav@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4432-8943](https://orcid.org/0000-0002-4432-8943); РИНЦ Author ID: [453113](https://elibrary.ru/453113); Web of Science Researcher ID: [AAC-7690-2022](https://orcid.org/AAC-7690-2022); Scopus Author ID: [6507485591](https://orcid.org/6507485591).

Хроленко Татьяна Сергеевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tatkhrolenko96@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3049-3515](https://orcid.org/0000-0003-3049-3515); РИНЦ Author ID: [1047899](https://elibrary.ru/1047899).

Ниорадзе Георгий Владимирович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nioradzersuh@gmail.com; ORCID ID: [0000-0003-3127-5966](https://orcid.org/0000-0003-3127-5966); РИНЦ Author ID: [1117975](https://elibrary.ru/1117975).

Благодарности и финансирование

В статье использованы материалы исследования, проведенного при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № [22-28-01549](https://orcid.org/22-28-01549) «Тренды и перспективы демографического старения и миграции населения в мире и России».

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; принята в печать 14.11.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

LABOR MARKET, MIGRATION PROCESSES, SOCIAL STATE IN CONDITIONS OF POPULATION AGING IN RUSSIA

Olga D. Vorobyeva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: 89166130069@mail.ru

Anatoly V. Topilin

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: topilinav@mail.ru

Tatiana S. Khrolenko

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
 E-mail: tatkhoenko96@yandex.ru

Georgy V. Nioradze

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
 E-mail: nioradzersuh@gmail.com

For citation: Vorobyeva, Olga D. Labor Market, Migration Processes, Social State in Conditions of Population Aging in Russia / O. D. Vorobyeva, A. V. Topilin, T. S. Khrolenko, G. V. Nioradze. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 153–164. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.9](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.9).

Abstract. This article deals with the results of a study of the consequences of population aging using sociological methods. The subject of the study is the effects of population aging on the national and international labor market, the prospects of the welfare state in connection with the growing share of the elderly population, directions and options for the development of migration processes involving the elderly. The purpose of the study is to answer the question of what kind of basis alarmist sentiments have under them, caused by threats of a rapid increase in the share of the elderly in the total population. In this study, the authors proceed from the assumption that the concern that the world scientific community is experiencing in connection with population aging is somewhat exaggerated, and there are many chances to evaluate this process as a time of opportunities and broad prospects. The study was conducted using previously developed and published methodological approaches in studies of the effects of population aging. The method of conducting the research is an online survey of experts from the academic community, during which 18 responses were received. The analysis of the received answers allowed us to confirm the hypothesis put forward and offer a number of arguments that can reduce the degree of anxiety for some of the consequences that population aging carries. This study is an important step for further study of such a multifaceted, complex, relevant and mobile process as population aging. One of the areas of future research is to expand the sample of the study to political figures as a force capable of managing expectations from population aging.

Keywords: population aging, migration, elderly, labor market, welfare state, expert survey

References

1. Nioradze, G. V. Methodological Solutions in the Study of the Effects of Population Aging / G. V. Nioradze, T. S. Khrolenko. *Aktual'nyye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Actual problems of socio-economic development of Russia]*. 2023. No. 1. Pp. 39–50. (In Russ.).
2. Sabri, S. M. Major Trends in Ageing Population Research: A Bibliometric Analysis from 2001 to 2021 / S. M. Sabri, N. Annuar, N. L. A. Rahman, S. K. Musairah, H. A. Mutalib, I. K. Subagja. *Proceedings*. 2022. Vol. 82, No. 1. Article No. 19. DOI [10.3390/proceedings2022082019](https://doi.org/10.3390/proceedings2022082019).
3. Kocyigit, B. Y. Scopus-Based Bibliometric Analysis of Publication Activity in the Field of Healthy Aging in 2013–2022. *Anti-Aging Eastern Europe*. 2023. Vol. 2, No. 2. Pp. 70–75. DOI [10.56543/aaeeu.2023.2.2.01](https://doi.org/10.56543/aaeeu.2023.2.2.01).
4. Barkov, S. A. Life and Work Strategies of Pensioners in Contemporary Russia / S. A. Barkov, A. V. Markeeva, I. V. Kolodeznikova. *RUDN Journal of Sociology*. 2022. No. 1. Pp. 97–112. DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843). (In Russ.).
5. Chernykh, E. A. Willingness of Society and Employers to Train Employees of Pre-retirement Age / E. A. Chernykh, N. V. Tonkikh, M. V. Kleymenov. *Management Issues*. 2022. No. 4 (77). Pp. 61–73. DOI [10.22394/2304-3369-2022-4-61-73](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-4-61-73). (In Russ.).
6. Maksimova, S. G. Social Policy for Elderly Age Groups as a Base for Overcoming Social Exclusions: Expert Evaluations / S. G. Maksimova, O. E. Noyanzina, M. M. Maksimova. *Bulletin of Altai State Agricultural University*. 2016. No. 6 (140). Pp. 177–182. (In Russ.).
7. Vdovina, M. V. Activation of Resources of Older Generation Citizens – Recipients of Social Services (The Expert Survey Results). *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2019. No. 12. Pp. 15–21. DOI [10.24158/spp.2019.12.1](https://doi.org/10.24158/spp.2019.12.1). (In Russ.).
8. Kalininskaya, A. A. Analysis of the Incidence of the Population Older than Working Age in the Russian Federation and Its Regional Features / A. A. Kalinskaya, M. D. Vasiliev, A. V. Lazarev, M. V. Kizeev, A. A. Smirnov. *Manager Zdravoochranenia*. 2023. No. 2. Pp. 59–67. DOI [10.21045/1811-0185-2023-2-59-67](https://doi.org/10.21045/1811-0185-2023-2-59-67). (In Russ.).
9. Van'ke, A. V. *Kak sobrat' dannye v polevom kachestvennom issledovanii [How to collect data in a*

qualitative field study] / A. V. Van'ke, E. V. Polukhina, A. V. Strel'nikova. Moscow : Higher School of Economics Publishing House, 2020. 256 p. ISBN 978-5-7598-1960-8. DOI [10.17323/978-5-7598-1960-8](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8). (In Russ.).

10. Vorob'eva, O. D. Evolution of Approaches to Demographic Aging / O. D. Vorob'eva, G. V. Nioradze, T. S. Khrolenko. *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*. 2022. Vol. 15, No 4. Pp. 72–84. DOI [10.17213/2075-2067-2022-4-72-84](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-72-84). (In Russ.).

11. Topilin, A. V. Population Migration and Demographic Aging in Some Countries of the World and Russia for the Period 1960–2021 / A. V. Topilin, G. V. Nioradze, T. S. Khrolenko. *Scientific Works: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 20. Pp. 302–319. DOI [10.47711/2076-318-2022-302-319](https://doi.org/10.47711/2076-318-2022-302-319). (In Russ.).

12. Sonina, Yu. V. Pensioners in the Russian Labor Market: Trends of Economic Activity in Pension Age / Yu. V. Sonina, M. G. Kolosnitsyna. *Demographic Review*. 2015. No. 2. Pp. 37–53. DOI [10.17323/demreview.v2i2.178](https://doi.org/10.17323/demreview.v2i2.178). (In Russ.).

13. Nioradze, G. V. Older Workers' Labor and the Gig-Economy: Precarization or New Opportunities? *Sociological Journal*. 2022. Vol. 28, No. 4. Pp. 102–117. DOI [10.19181/socjour.2022.28.4.9317](https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9317). (In Russ.).

14. Ryazantsev, S. V. The Labour Potential of Older Generation: Interregional Analysis / S. V. Ryazantsev, G. V. Nioradze. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18, No. 1. Pp. 107–119. DOI [10.19181/lsprr.2022.18.1.9](https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.9). (In Russ.).

15. Cylus, J. *Will Population Ageing Spell the End of the Welfare State? A Review of Evidence and Policy Options* / J. Cylus, J. Figeras, Ch. Normand. Copenhagen : WHO Regional Office for Europe, 2021. 39 p. ISBN 978-92-890-5586-4.

Bio notes:

Olga D. Vorobyeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-1304-3715](https://orcid.org/0000-0003-1304-3715); RSCI Author ID: [250138](https://elibrary.ru/250138); Web of Science Researcher ID: [H-9920-2016](https://orcid.org/H-9920-2016); Scopus Author ID: [57202602806](https://orcid.org/57202602806).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: topilinav@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4432-8943](https://orcid.org/0000-0002-4432-8943); RSCI Author ID: [453113](https://elibrary.ru/453113); Web of Science Researcher ID: [AAC-7690-2022](https://orcid.org/AAC-7690-2022); Scopus Author ID: [6507485591](https://orcid.org/6507485591).

Tatiana S. Khrolenko, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tatkhoenko96@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3049-3515](https://orcid.org/0000-0003-3049-3515); RSCI Author ID: [1047899](https://elibrary.ru/1047899).

Georgy V. Nioradze, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nioradzersuh@gmail.com; ORCID ID: [0000-0003-3127-5966](https://orcid.org/0000-0003-3127-5966); RSCI Author ID: [1117975](https://elibrary.ru/1117975).

Acknowledgments

The article uses the materials of a study conducted with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project [No. 22-28-01549](https://orcid.org/No.22-28-01549) "Trends and prospects of population aging and migration in the world and Russia".

Received on 14.09.2023; accepted for publication on 14.11.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.10)
EDN [AGFHAU](https://edn.agfнау)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА В РОССИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ВЫХОДА ИЗ «КОЛЕИ РАЗВИТИЯ»

Яник А. А.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: yanik-andrey@idrras.ru*

Попова С. М.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: popova-svetlana@idrras.ru*

Карпова С. Ф.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: karpova2@yandex.ru*

Для цитирования: Яник, А. А. Региональные рынки труда в России в новых условиях: проблемы и возможности выхода из «колеи развития» / А. А. Яник, С. М. Попова, С. Ф. Карпова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 165–182. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.10). EDN [AGFHAU](https://edn.agfнау).

Аннотация. Предметом исследования являются региональные рынки труда в Российской Федерации. Тема – анализ перспектив выхода региональных рынков труда из «колеи развития». Особое внимание уделяется адресной миграционной политике как одному из инструментов повышения сбалансированности и адаптивности региональных рынков труда. Цель работы – поиск доказательств исключительно важной роли эффективной миграционной политики в решении задач социально-экономического развития регионов в условиях демографического кризиса и дефицита трудовых ресурсов. Источниками служат данные официальной статистики, нормативные правовые акты федеральных и региональных органов власти, материалы СМИ. Используются теоретические подходы институционализма, в частности, концепции зависимости от предшествующего развития, различные общенаучные и сравнительные методы исследования. Показано, что сильные шоки 2020–2022 гг. (ограничения пандемии COVID-19, внешние экономические санкции, ускоренная цифровая трансформация экономики и общества) не смогли «вытолкнуть» региональные рынки труда из «колеи развития» (исторически сложившееся устойчивое состояние дисбаланса, негибкости, низкой отзывчивости на меры регулятивного воздействия) ни в позитивном, ни в негативном направлении. Однако подобное состояние мешает переходу региональных экономик к инновационному развитию и их адаптации к внешним вызовам. Адресная миграционная политика могла бы повысить адаптивность региональных рынков в условиях демографического кризиса и дефицита трудовых ресурсов, но ее противоречивый характер и несовершенство правового регулирования снижают эффективность этого инструмента. Выявленные противоречия требуют совершенствования механизмов регулирования трудовой миграции, повышения согласованности действий федерального и регионального уровня власти, усиления адресности государственной миграционной политики, разработки специальных мер, направленных на повышение квалификации иностранных работников. Результаты исследования могут быть использованы для корректировки регулирующих мер в области управления трудовой миграцией.

Ключевые слова: миграционная политика, региональный рынок труда, трудовая миграция, регулирование миграции, трудовые ресурсы

Введение

Глобальные неэкономические шоки, возникшие в 2020–2022 гг. (пандемия

COVID-19, ограничения во внутренних и трансграничных перемещениях населения; международные санкции), способствовали быстрой трансформации российской экономики и запустили масштабные процессы, связанные с поиском нового состояния экономического равновесия. Такого рода изменения объективно и значимо влияют на ситуацию на рынке труда, особенно на фоне резко усилившихся в 2023 г. эффектов аномально низкой безработицы и кадровой уязвимости отраслей отечественной промышленности.

По данным оперативного опроса Банка России, проведенного в декабре 2022 г., каждое второе предприятие испытывало дефицит кадров, треть предприятий сообщила о нехватке квалифицированных специалистов. Дефицит рабочей силы (за счет естественной убыли населения, релокации высококвалифицированных специалистов за рубеж и снижения количества мигрантов) остается одним из ключевых трендов 2023 г.¹ С этой точки зрения, крайне важны внимание к проблемам рынка труда, поиск эффективных механизмов его адаптации к потребностям экономики и социально-экономического развития.

Необходимо отметить, что представление о некоем общенациональном рынке труда, механизмы которого функционируют абсолютно одинаково в любой части России и демонстрируют схожесть основных экономических индикаторов, является теоретической абстракцией. Применительно к реалиям стоит говорить о наличии даже не системы, а относительно слабо связанного внутри конгломерата региональных рынков труда на уровне отдельных субъектов Российской Федерации, которые чрезвычайно разнородно реагируют на внешние и внутренние возмущения и характеризуются специфическими структурными диспропорциями [1]. Тем не менее, при всем разнообразии реакций на возмущения и высоком уровне межрегиональных различий, относительное положение российских регионов в интегральном рейтинге по показателям уровней экономической активности, занятости, общей и регистрируемой безработицы, неформальной занятости, а также уровней номинальной и реальной заработной платы, остается стабильным или очень устойчивым [2]. Одновременно обратной стороной устойчивости большинства региональных рынков труда выступает их неотзывчивость (негибкость, институциональная неэффективность) [3] на попытки органов публичной власти переломить сложившиеся негативные тренды либо уменьшить дисбалансы, чтобы создать условия для перехода к инновационной модели развития экономики.

До недавнего времени одним из механизмов, связывающих региональные рынки труда и потенциально способствующих сглаживанию их различий, выступали процессы международной миграции [4]. Условия для повышения однородности пространства, в котором функционирует трудовая сила, формально обеспечивают единое и достаточно развитое специальное право, а кроме того, наличие политико-правовых механизмов (как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации), позволяющих целенаправленно и довольно оперативно управлять различными процессами на региональных рынках труда. Такие механизмы включают разного рода административные и правовые возможности субъектов РФ участвовать в формировании адресной миграционной политики, прямо или косвенно влиять на ее параметры, регулируя объем и профессионально-квалификационный состав иностранной рабочей силы (речь идет, в частности, о таких инструментах, как определе-

¹ Региональная экономика: комментарии ГУ № 17. Февраль 2023 года // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43707/report_01022023.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

ние потребности регионов в притоке трудовых мигрантов, квотирование выдачи виз на жительство, разрешений на работу и приглашений иностранным гражданам, прибывающим на территорию России на основании визы, выдача трудовых патентов и определение размера их стоимости, и др.).

Данная работа продолжает серию авторских публикаций [5; 6], в которых анализируются проблемы социально-экономической устойчивости региональных рынков труда, рассматриваются вопросы достаточности и согласованности мер правового регулирования и возможности проведения адресной миграционной политики для повышения сбалансированности и адаптивности региональных рынков труда в условиях демографического кризиса и дефицита трудовых ресурсов (с учетом воздействия форс-мажорных факторов 2020–2022 гг.).

Обзор научной литературы

Анализу российских региональных рынков труда посвящена обширная научная литература, поскольку рынки субъектов Российской Федерации возникли и сформировались более 30 лет назад в специфических условиях постсоветского развития, когда исторически обусловленные особенности размещения населения и сложившиеся структуры экономики в РСФСР столкнулись с последствиями распада СССР, а трансформация прежней плановой советской экономики проходила в условиях резкого спада производства в 1992–1994 гг. [7–11].

Особенный интерес исследователей вызывают процессы динамики региональных рынков труда в новых условиях² [12; 13], изучение баланса их устойчивости и мобильности [2], возможностей целенаправленного воздействия на их функционирование и развитие [6; 14].

Масштабные внешние и внутренние вызовы последних лет (пандемия COVID-19, глобальная цифровизация всех сторон общественной жизни и цифровая трансформация экономики, воздействие на российскую экономику международных санкций и пр.) со всей очевидностью влияют на состояние рынка труда РФ в целом и ее регионов в частности [5; 15–18]. Возникает вопрос о результирующем векторе этого влияния, а также о способности внешних шоков повлиять на перспективы выхода региональных рынков труда из «колеи развития», затрудняющей переход к инновационной экономике.

Методология и методы исследования, источники информации

Теоретико-методологической базой исследования являются теории институционализма [19; 20], к примеру, концепция зависимости от предшествующего развития [21–23], теория сложных систем, теория государства и права.

В работе используются общенаучные методы исследования (анализ, синтез, выдвижение гипотез, сопоставление и пр.), сравнительно-правовые подходы, методы качественного и количественного анализа, анализа политико-правовых документов, регуляторного воздействия (Regulatory Impact Analysis), контент-анализ.

В качестве источников информации используется массив релевантных задач исследования нормативно-правовых актов, документов официальной статистики (федерального и регионального уровня), материалы т. н. «серой литературы» (отчеты,

² Региональные рынки труда в новых экономических условиях. Май 2022 // Центр стратегических разработок : [сайт]. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/346/427t0sggji8w6cuuw7263hy1mna08jlm.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

прогнозы, проекты, программы, экспертные оценки официальных органов, исследовательских центров и т. п.).

Результаты и обсуждение

Известно, что адаптация российского рынка труда (на всех уровнях) к экономическим шокам носит специфический характер и происходит преимущественно не за счет сокращения занятости, а в результате изменения оплаты труда. Если пользоваться терминологией синергетики и теории сложных систем [24], такая реакция означает, что исследователи имеют дело с нестационарным марковским процессом, когда формирование модели рынка рабочей силы (как нового института) определялось всей предшествующей историей советской экономики, но собственно сам выбор модели не был объективно обусловленным и имел случайный характер, который оказался связанным с «сиюминутными» (по историческим меркам) обстоятельствами краха союзной экономики. По существу, региональные рынки труда возникли как QWERTY-эффект [21] советской экономики.

Своеобразным побочным результатом этого процесса стало закрепление дисбалансов региональных рынков труда. Основные дисбалансы региональных рынков труда Российской Федерации связаны с их относительными трудоизбыточностью / трудонедостаточностью (текущий перечень трудоизбыточных и трудонедостаточных регионов России представлен в табл. 1), а кроме того, структурными (профессионально-отраслевыми и территориальными) диспропорциями рабочей силы [25].

Таблица 1

Актуальный перечень трудоизбыточных и трудонедостаточных субъектов Российской Федерации

Table 1

The current list of labor-surplus and labor-self-sufficient subjects of the Russian Federation

Трудоизбыточные регионы	Трудонедостаточные регионы
Респ. Алтай, Респ. Дагестан, Респ. Ингушетия, Кабардино-Балкарская Респ., Карачаево-Черкесская Респ., Респ. Северная Осетия – Алания, Респ. Тыва, Чеченская Респ.	Респ. Бурятия, Респ. Коми, Респ. Хакасия, Забайкальский край, Красноярский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская обл., Вологодская обл., Иркутская обл., Калининградская обл., Кемеровская обл., Ленинградская обл., Магаданская обл., Мурманская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Псковская обл., Сахалинская обл., Свердловская обл., Тюменская обл., Еврейская авт. обл., Ханты-Мансийский АО, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО

Источник: составлено авторами по данным Министерства труда и социальной защиты РФ³

Особенность сложившейся российской модели рынка труда на сегодняшний день по-прежнему обусловлена «доминированием ценовой адаптации над количественной, когда сочетается сильная реакция со стороны оплаты труда и слабая – со стороны занятости. Таким образом, гибкость оплаты труда амортизирует негативные шоки, защищая занятость и сдерживая безработицу» [13, с. 249]. По сути, на протяжении почти 30 лет устроенный подобным образом российский рынок труда по-

³ Работодатели получают субсидии за трудоустройство молодежи // Правительство России : [сайт]. URL: http://government.ru/dep_news/44867/ (дата обращения: 15.10.2023).

мимо сугубо экономической функции выполняет и политическую функцию, снижая опасность возникновения крупномасштабных социальных конфликтов.

Однако подобное балансирование занятости, тактически решая задачу «здесь и сейчас», на самом деле в стратегической перспективе формирует барьеры, препятствующие доступу к высокопроизводительным и высокооплачиваемым рабочим местам, где реально востребован имеющийся человеческий капитал (квалификация, знания, умения, навыки, изобретательность и предприимчивость людей)⁴.

Исторически сложившаяся жесткость российского трудового законодательства (в смысле отсутствия гибкости в регулировании занятости), схожая с ситуацией в странах ОЭСР в период 1950–1990-х гг. [14, с. 39–40], институт минимального размера оплаты труда (МРОТ) и пассивная политика поддержки безработицы формируют устойчиво *низкий порог* заработной платы. При этом наличие в структуре оплаты труда небольшой «базовой» части и значительной, субъективно регулируемой переменной доли обеспечивает работодателю вполне законные возможности оперативного уменьшения размеров выплат в случае кризисных явлений. В итоге, в свою очередь, возрастает доля неформальной занятости (в том числе, в форме индивидуального предпринимательства (ИП) и самозанятости), что ведет к еще большей деформации формальных пропорций региональных рынков труда.

По текущим экспертным оценкам, «неформальная занятость в нашей стране в целом составляет от одной пятой до трети рабочей силы. И ее доля росла и растет <...>. Она представляет собой преимущественно простой, низкотехнологичный, некапиталоемкий и социально незащищенный труд, который особо распространен в сельском хозяйстве, торговле, строительстве и услугах»⁵.

Мало того практически все антикризисные программы российского правительства в области занятости традиционно исходят не столько из экономической, сколько из социально-политической функции рынка труда, а потому разнообразными способами поддерживают, прежде всего, ситуацию *неполной занятости* населения вплоть до прямого ее субсидирования⁶.

Устойчивость российской модели рынка труда

Ключевая особенность кризисов 2020 г. и 2022 г. – их глобальный характер для Российской Федерации и неэкономическая природа, что отличает их от всех преды-

⁴ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Декабрь 2021 // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации : [сайт]. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

⁵ Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения // Центр стратегических разработок : [сайт]. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/861/86192da819e23b2d7ce2161f7718a32f.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

⁶ См., например, О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации № 362 от 13 марта 2021 г. : Постановление Правительства Российской Федерации № 1461 от 19 августа. 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 35. Ст. 6095; О внесении изменений в Правила предоставления субсидий Фондом социального страхования Российской Федерации в 2022 году из бюджета Фонда социального страхования Российской Федерации юридическим лицам, включая некоммерческие организации, и индивидуальным предпринимателям в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан : Постановление Правительства Российской Федерации № 1021 от 4 июня 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 25. Ст. 4332; О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Содействие занятости населения» : Постановление Правительства Российской Федерации № 1593 от 19 декабря 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53 (ч. 1). Ст. 8646.

дущих российских кризисов, произошедших в последних 30 лет⁷. Локдауны и массовый переход на дистанционную занятость в период 2020–2021 гг. из-за пандемии COVID-19 привели к скачкам роста безработицы, инфляции и снижению реальных располагаемых доходов по всему миру, а не только в России. События весны-лета 2022 г., обусловленные началом специальной военной операции (СВО) и введением массовых международных санкций против субъектов экономики и граждан Российской Федерации, затормозили восстановительный рост, привели к спаду ВВП и показателя чистого коэффициента миграции.

Указанные события запустили процесс структурной трансформации российской экономики в «новой реальности»: с учетом изменения географии международной торговли, перестройки логистических цепочек, поиска новых источников технологий и роста стоимости капитала. Такого рода эффекты, не типичные для обычных кризисных ситуаций, были усугублены проблемами, связанными с ограничениями перемещения трудовых мигрантов и сокращением размеров их чистого притока⁸.

Дифференциация региональных рынков труда в результате неравномерности темпов социально-экономического развития регионов, внешних шоков и других факторов манифестируется различиями в уровне напряжения на рынке труда [26].

Поэтому важным индикатором исчерпанности сложившейся российской модели рынка труда в условиях кризиса могли бы стать резкие изменения пропорций напряженности региональных рынков труда по сравнению с докризисным периодом, ведущие к возникновению очагов социальной нестабильности. Коэффициент напряженности на рынке труда характеризует соотношение спроса и предложения на рабочую силу. Количественно коэффициент напряженности на рынке труда – это отношение численности незанятых граждан к числу свободных рабочих мест и вакантных должностей, имеющихся в базах данных органов службы занятости⁹.

В настоящее время в научной литературе из перечисленных форс-мажорных факторов 2020–2022 гг. наиболее полно исследован вопрос влияния пандемии COVID-19 на российский рынок труда. Общий вывод заключается в том, что сложившаяся российская модель рынка труда вновь продемонстрировала свою относительную социально-экономическую устойчивость (например, [16]).

Рынок труда России, пройдя пик падения занятости и роста безработицы летом 2020 г., уже к осени того же года начал постепенно восстанавливаться. При этом реакция на кризис оказалась необычайно разнородной: в одних регионах произошли сокращение уровней экономической активности, занятости и рост безработицы, в других эти показатели практически не изменились, а в-третьих, наблюдалось даже их улучшение на фоне консервации структурных диспропорций (табл. 2). Одной из причин значительных различий в скорости восстановления региональных рынков труда является тот факт, что экономический рост региона зависит не только от его

⁷ Инфляционные вызовы периода пандемии и уроки для будущего. Доклад НИУ ВШЭ // Публикации ВШЭ : [сайт]. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/633951523.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

⁸ Russia Net Migration Rate 1950–2023 // Macrotrends : [site]. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/RUS/russia/net-migration> (accessed on 01.09.2023).

⁹ Приказ Росстата № 98 от 1 марта 2022 г. (ред. от 21.12.2022) «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению для организации Федеральной службой по труду и занятости федерального статистического наблюдения за деятельностью по содействию занятости населения» // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410681/ (дата обращения: 01.09.2023).

социально-экономических характеристик, но и от темпов роста других регионов, в особенности соседних. Эмпирически доказано, что «регион, окруженный быстро-растущими территориями, будет расти тем интенсивнее, чем больше его плотность населения и выше уровень урбанизации» [27, с. 53].

Таблица 2
Рейтинг регионов России по динамике рынка труда (2020–2021)

Table 2

Rating of Russian regions by labor market dynamics (2020–2021)

Субъект Российской Федерации	Изменение числа занятых, %	Доля безработных, %
Регионы-лидеры (ТОП-5)		
Респ. Северная Осетия – Алания	12,3	13,5
Респ. Хакасия	8,5	6,4
Ненецкий АО	8,1	7,0
Респ. Дагестан	7,3	15,1
Карачаево-Черкесская Респ.	7,0	12,4
Регионы-аутсайдеры		
Курганская обл.	-0,7	7,7
Респ. Коми	-0,7	7,0
Еврейская авт. обл.	-0,9	5,7
Вологодская обл.	-1,0	4,7
Тверская обл.	-1,0	3,9

Источник: составлено авторами по материалам РИА Новости¹⁰

Недостатки мер регулирующего воздействия

Согласно ст. 72, п. 1 «к» Конституции России, трудовое законодательство относится к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Базовые принципы государственной политики в сфере труда, занятости, защиты граждан от безработицы, создания условий для устойчивого экономического роста установлены конституционными положениями (в частности, ст. 7; ст. 37; ст. 75; п. 5 ст. 75.1), а стратегия, методы и институциональные механизмы практической реализации регулируются федеральными нормативными правовыми актами и конкретизируются в законодательстве субъектов РФ и документах муниципального уровня.

Правовой основой и *ключевым механизмом* управления развитием рынка труда и экономики регионов выступает совокупность взаимосвязанных актов стратегического и программно-целевого характера различного уровня, в первую очередь, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.¹¹, Концепция демографической политики Российской Федерации на период до

¹⁰ Рейтинг российских регионов по динамике рынка труда – 2021 // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20210419/rabota-1728641129.html> (дата обращения: 01.09.2023 г.).

¹¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 207-р от 13 февраля 2019 г. (ред. от 25.06.2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 7 (ч. II). Ст. 702.

2025 г.¹², Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 г.¹³, Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2035 г.¹⁴, Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017)¹⁵, собственные федеральные программы социально-экономического развития регионов¹⁶, а также многочисленные государственные программы самих субъектов России. Таким образом, дело не в недостатке, а в относительном *избытке* имеющихся регуляторных инструментов и трудности прогнозирования ожидаемых эффектов от их часто разнонаправленных регулирующих воздействий в постоянно меняющихся условиях хозяйствования.

Одной из нерешенных проблем является слабая согласованность мер разного уровня: недостаточная адресность мер федерального уровня и недостаточность финансирования мер регионального уровня.

В современных условиях наиболее важной проблемой управления региональным развитием в Российской Федерации выступает слабая согласованность различных регулятивных инструментов между собой, когда решение общенациональных или отраслевых задач не гармонизировано с иерархией актуальных задач конкретного субъекта страны. Взятые в совокупности мероприятия стратегий и программ федерального уровня, часто оказываются недостаточно адресными за счет эффекта запаздывания решений для регионов, а эффективность региональных программ ограничена возможностями их *финансирования*, точнее наличием или отсутствием в данный момент «окна ресурсных возможностей».

Необходимая для успеха концентрация ресурсов не происходит в «нужное время в нужном месте». В итоге у региона не получается быстро преодолеть так называемый «эффект колеи» (вырваться из «колеи развития»), даже если для такого рывка сложилось согласованное решение федеральных и региональных органов публичной власти. В результате, несмотря на постепенное сокращение межрегиональных раз-

---

¹² Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации № 1351 от 09 октября 2007 г. (ред. от 01.07.2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.

¹³ О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации №3363-р от 27 ноября 2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50 (часть IV). Ст. 8613.

¹⁴ Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации №1523-р от 9 июня 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 24. Ст. 3847.

¹⁵ О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : Постановление Правительства Российской Федерации №234 от 2 марта 2019 г. (ред. от 13.05.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 11. Ст. 1119.

¹⁶ См., например, Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Адыгея на период до 2024 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1043-р от 16 апреля 2020 г. (ред. от 15.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2815; Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Калмыкия на 2020–2024 годы : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 992-р от 12 апреля 2020 г. (ред. от 09.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 16. Ст. 2667; Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 годы : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 972-р от 10 апреля 2020 г. (ред. от 12.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2020. № 16. Ст. 3647; Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Алтай на 2020–2024 годы : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 937-р от 9 апреля 2020 г. (ред. от 05.02.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 16. Ст. 2630.

личий, кластеры регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров в рейтинге субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития остаются практически неизменными (см. табл. 3).

Таблица 3

Рейтинг социально-экономического развития субъектов Российской Федерации

Table 3

Rating of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation

2020	2021	2022
Регионы-лидеры (ТОП-10)		
г. Москва	г. Москва	г. Москва
г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург
Ханты-Мансийский АО	Респ. Татарстан	Московская обл.
Московская обл.	Московская обл.	Респ. Татарстан
Респ. Татарстан	Ханты-Мансийский АО	Ханты-Мансийский АО
Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО
Свердловская обл.	Свердловская обл.	Нижегородская обл.
Московская обл.	Краснодарский край	Свердловская обл.
Красноярский край	Красноярский край	Самарская обл.
Краснодарский край	Ленинградская обл.	Тюменская обл.
Регионы-аутсайдеры		
Чукотский АО	Псковская обл.	Респ. Хакасия
Кабардино-Балкарская Респ.	Кабардино-Балкарская Респ.	Кабардино-Балкарская Респ.
Респ. Хакасия	Чукотский АО	Респ. Северная Осетия – Алания
Респ. Ингушетия	Карачаево-Черкесская Респ.	Респ. Калмыкия
Респ. Северная Осетия – Алания	Респ. Северная Осетия – Алания	Забайкальский край
Карачаево-Черкесская Респ.	Респ. Ингушетия	Респ. Алтай
Респ. Калмыкия	Респ. Алтай	Карачаево-Черкесская Респ.
Респ. Алтай	Респ. Тыва	Респ. Ингушетия
Респ. Тыва	Еврейская авт. обл.	Еврейская авт. обл.
Еврейская авт. обл.	Респ. Калмыкия	Респ. Тыва

Источник: составлено авторами по материалам РИА Новости¹⁷

Конфликт тактических и стратегических целей развития рынков труда. «Эффект колес» и петля отрицательной обратной связи

Фактически сложившиеся институциональные рамки российского рынка труда на деле не стимулируют, а препятствуют успешной реализации его экономической функции, в том числе в форме трансформации человеческого капитала в высокие уровни производительности труда и благосостояния [28]. И как следствие,

¹⁷ Рейтинг социально-экономического положения регионов // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20210531/rejting-1734768833.html> (дата обращения: 01.09.2023); Рейтинг социально-экономического положения регионов // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20220516/ekonomika-1788413061.html> (дата обращения: 01.09.2023); Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 года // РИА Новости : [сайт]. URL: https://ria.ru/20230515/polozhenie_regiony-1870956129.html (дата обращения: 01.09.2023).

региональные рынки труда оказываются в институциональной ловушке, т. е. массово страдают «эффектом колеи» (path dependency), когда имеющиеся пропорции занятости и безработицы, включая структурную, «консервируются» в ущерб перспективам развития. Возникает своего рода замкнутый круг или петля *отрицательной обратной связи*. Иначе говоря, неразвитость современных отраслей ведет к оттоку граждан, желающих реализовать себя в инновационных сферах экономики, а недостаток квалифицированных кадров замедляет развитие высокотехнологичных секторов.

Причем ситуация только усугубляется. Например, по итогам 2022 г., по мнению Э. С. Набиуллиной, «Важная группа рисков связана с ситуацией на рынке труда. Не исключено, что нехватка работников и дальше будет нарастать. Как результат, мы можем увидеть не только исторически низкие уровни безработицы в следующем году, но и рост зарплат, существенно опережающий увеличение производительности труда»¹⁸.

Так, по данным Минэкономразвития России, реальные располагаемые денежные доходы населения за IV квартал 2022 г. выросли на 0,9% г/г по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. после падения на 3,1% г/г в III квартале 2022 г. (по итогам 2022 г. – снижение на 1,0% г/г). Уровень безработицы в январе 2023 г. снизился и достиг нового исторического минимума – 3,6% от рабочей силы (3,7% в декабре 2022 г.)¹⁹. В то же время, по заявлению Министра труда Российской Федерации, «в региональном разрезе ситуация достаточно неоднородная. С марта 2022 г. уровень безработицы, который рассчитывается по методологии Международной организации труда, снизился в 68 субъектах РФ, а в 13 регионах уровень безработицы вырос»²⁰.

Трудовая миграция как ресурс для региональных рынков труда: возможности и барьеры

Формально, проблему трансформации региональных рынков труда в сторону инновационной модели, по крайней мере, в части восполнения дефицита специалистов инновационных профессий могла бы решить *адресная миграционная политика*. Субъекты РФ имеют возможности регулирования притока и профессионально-квалификационного состава иностранной рабочей силы путем участия в корректировке: механизмов квотирования выдачи видов на жительство, рабочих виз, в том числе с учетом потребности экономики в рабочих кадрах, и стоимости трудовых патентов. Однако такая «тонкая настройка» миграции требует от региональных органов власти значительного (до года) времени на согласование решений на федеральном уровне и буквально штучного отбора кадров с прогнозируемым вкладом в решение задач, стоящих перед конкретной экономикой региона.

Представляется, что подобная практика в современных условиях вряд ли эффективна и возможна, поскольку ключевым управляющим параметром в итоге оказывается не столько реальный *запрос регионального рынка труда*, сколько формальный пока-

¹⁸ Заявление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров Банка России 16 декабря 2022 г. // Банк России : [сайт]. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=14404> (дата обращения: 01.09.2023).

¹⁹ О ситуации в российской экономике (январь – февраль 2023 года) // Минэкономразвития России : [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/0cbb5394e03169f0a18ee01d6aea7775/2023_03_01.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

²⁰ Котьяков: рост безработицы в 13 регионах связан с «несовпадением» спроса и предложения // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17151453> (дата обращения: 01.09.2023).

затель под названием «уровень социальной напряженности на рынке труда» субъекта РФ. Принцип расчета этого показателя установлен на государственном уровне и ежемесячно отслеживается в рамках федерального мониторинга²¹.

Уровень социальной напряженности на рынке труда рассчитывается по формуле:

Уровень социальной напряженности = (Численность безработных + Численность иностранных работников) / Численность экономически активного населения × 100%.

Согласно правилу определения уровня социальной напряженности, субъект РФ при неизменных показателях экономически активного населения вправе увеличивать количество трудовых мигрантов лишь при условии сокращения безработицы на местах. Очевидно, что необходимость выдерживать такого рода баланс в условиях структурной безработицы и неожиданных изменений ситуации на рынке труда осложняет управление качеством иностранной трудовой силы. А неизбежное использование механизма частого манипулирования допусками или запретами для привлечения иностранных работников снижает предсказуемость и стабильность миграционной политики на региональном уровне.

По своей формуле показатель «уровень социальной напряженности на рынке труда» совпадает с «модифицированным коэффициентом напряженности на рынке труда», который был предложен в 2012 г. для эконометрического моделирования влияния иностранной рабочей силы на напряженность российского рынка труда и оценки оптимальных вариантов численности иностранных работников для экономики России [29].

Логика подобной модификации коэффициента напряженности исходила из предположения о том, что наличие иностранных мигрантов априори увеличивает напряженность на рынке труда. Однако при этом игнорировался факт, что большинство трудовых мигрантов уже трудится на определенных рабочих местах и дополнительной напряженности на рынке труда не создает. Чтобы «примерить» запланированный рост производства ВВП и стабильность социальной обстановки, авторы статьи предложили критерий реализации оптимальной миграционной политики в форме поддержания темпов роста модельной производительности труда на уровне не ниже 6,4% в год. По состоянию на 2014 г. объемы роста производительности труда и количество иностранных трудовых мигрантов по порядку величины совпадали с фактическими значениями²² и, судя по всему, по данной причине критерий уровня социальной напряженности был включен в 2015 г. в программу федерального мониторинга.

Как бы то ни было, начиная с 2014 г. рост российской экономики замедлился, а в 2020–2022 гг. на фоне пандемии COVID-19 и геополитических событий он сменился рецессией. Что касается производительности труда, то в Российской Федерации, в отличие от стран ОЭСР, используется номинальный подход к ее оценке, учитывая-

²¹ Об утверждении Правил проведения мониторинга ситуации на рынке труда Российской Федерации по субъектам Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации № 1106 от 15 октября 2015 г. (ред. от 13.10.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 43. Ст. 6965.

²² Производительность труда в Российской Федерации. Социальный бюллетень № 9 // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/13612.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).

ющий только занятых по найму, а не фактическую производительность экономики. Реальная производительность в российской экономике, рассчитанная относительно затрат труда на один человек/час, находится в настоящее время на уровне 2013 г. [30, с. 58].

Еще одной проблемой является тот факт, что относительно высокий спрос российского рынка труда на иностранную рабочую силу (трудовая миграция обеспечивает до 8–10% рабочей силы, или 6–7 млн человек), связанный с нарастающим дефицитом трудовых ресурсов из-за сокращения численности населения России, сопровождается устойчивой *дискриминацией* иностранных работников в области оплаты труда. К примеру, в период 2004–2012 гг. при равном уровне производительности труда средняя заработная плата российских работников систематически *превышала* среднюю зарплату мигрантов, занятых на аналогичных позициях, на 15–20% (с ростом разницы в период кризиса) [31, с. 70–72]). Актуальные сопоставимые данные Росстата и Федерации мигрантов России за 2021 г. свидетельствуют о сохранении сходной диспропорции. Так, при среднемесячной начисленной заработной плате в Российской Федерации 62 828 руб., средний месячный доход мигранта из республик Средней Азии составлял 47 100 руб.²³

Выводы

Российские региональные рынки труда как социально-экономический институт хранят «память» о переходном периоде возникновения постсоветской экономики и демонстрируют определенный уровень своей незрелости («подросткового характера»); в силу этого они живучи, но пока еще относительно неэффективны и нуждаются в дополнительном развитии («взрослении»). В частности, такое «взросление» предполагает расширение *разнообразия* институциональных норм и факторов их функционирования.

Серьезной проблемой остается устойчивое сохранение дисбалансов и структурных диспропорций региональных рынков труда, их неотзывчивость как на внешние шоки, включая форс-мажорные факторы 2020–2022 гг., так и на регулирующие воздействия. А это создает препятствия для ускоренного перехода к инновационной модели развития экономики.

В условиях демографического кризиса и дефицита трудовых ресурсов именно адресная миграционная политика станет важным инструментом для решения задач экономического развития регионов и адаптации региональных рынков труда к новым вызовам. Однако существующие политико-правовые механизмы отличаются противоречивым характером, что создает определенные барьеры для эффективного использования трудовой миграции в целях усиления адаптивных возможностей региональных рынков труда. Характерный пример: рост притока трудовых мигрантов, наблюдавшийся в январе – ноябре 2022 г., по сравнению с аналогичным периодом 2021 г., оказался недостаточным для восполнения дефицита кадров в регионах. По данным МВД России, несмотря на общее увеличение числа въехавших мигрантов (на 30% за 11 месяцев 2022 г.), сократилось количество прибывших в страну иностранных высококвалифицированных специалистов (на 29%)²⁴.

---

²³ Средняя зарплата иностранного рабочего превысила 47 тысяч рублей // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/12/13/sredniaia-zarplata-inostrannogo-rabocheho-prevysila-47-tysiach-rublej.html> (дата обращения: 01.09.2023).

²⁴ Региональная экономика: комментарии ГУ. №17. Москва : Банк России, 2023. С. 23–24.

Но поскольку на долю мигрантов приходится до 10% всей занятости, то их квалификация и навыки являются важной составляющей человеческого капитала всей рабочей силы, занятой в российской экономике. При такой значительной доле и имеющихся демографических тенденциях политика жесткого ограничения миграции создает риски для решения задач экономического прорыва. Необходимо выстроить должный баланс между императивами обеспечения общественной безопасности и задачами экономического развития в условиях дефицита трудовых ресурсов, который на текущий момент не может быть восполнен за счет российского населения. И как следствие, составной частью российской политики в области человеческого капитала должны стать поиск путей и способов повышения квалификации иностранных работников [32, с. 46–50], усиление адресности государственной политики в области трудовой миграции.

Следовательно, необходимо признать, что воздействие таких сильных внешних факторов последних лет, как последствия пандемии COVID-19, развитие цифровой трансформации всех сфер общественной жизни и экономики, международные санкции, не привели к выходу региональных рынков труда из «колеи развития» ни в сторону значительного ухудшения ситуации, ни в существенно позитивном направлении. Региональные рынки труда «качнулись», но остались по большей части в устойчивом состоянии дисбаланса и недостаточными возможностями для оперативной адаптации к быстро меняющимся вызовам внешней среды, включая ускоренную перестройку экономики на внутренние источники развития в условиях внешних санкций. Для повышения адаптационных возможностей региональных рынков труда в условиях демографического кризиса, превращения их из источника проблем в ресурс для инновационного прорыва, то есть для преодоления ситуации институциональной ловушки, по всей видимости, требуются более масштабные, системные воздействия. Такие как, реальное изменение модели экономического роста, повышение эффективности правового регулирования, его системности и согласованности всех уровней; углубление цифровой трансформации публичной власти и экономики, включая сферу управления трудовыми ресурсами и миграционными потоками.

Список литературы

1. Ощепков, А. Ю. Региональные рынки труда: 15 лет различий [Электронный ресурс] : препринт WP3/2015/10 / А. Ю. Ощепков, Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст. дан. (2 Мб). Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. Серия WP3 «Проблемы рынка труда». 73 с.
2. Мобильность и стабильность на российском рынке труда / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 529 с. ISBN 978-5-7598-1532-7. EDN [YQXQES](#).
3. Абузярова, Н. А. Экономико-правовое регулирование российского рынка труда // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 128–137. DOI [10.12737/art_2018_1_11](#). EDN [YKWFAY](#).
4. Рязанцев, С. В. Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. № 4. С. 718–729. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729](#). EDN [ZAQDFR](#).
5. Попова, С. М. Особенности функционирования и правового регулирования рынка труда Республики Тыва в условиях пандемии COVID-19 и цифровой трансформации / С. М. Попова, А. А. Яник, А. В. Кашепов // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 17–33. DOI [10.25178/nit.2023.2.2](#). EDN [XIQZVG](#).
6. Яник, А. А. Механизмы корректировки государственной миграционной политики с учетом потребности региональных рынков труда: институционально-правовые аспекты / А. А. Яник, С. М. Попова, С. Ф. Карпова, А. Ю. Несеров // NB: Административное право и практика администрирования. 2022. № 3. С. 30–57. DOI [10.7256/2306-9945.2022.3.38474](#). EDN [GDCZCQ](#).

7. Яник, А. А. История современной России: истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). Москва : Издательство Московского университета, 2012. 760 с. ISBN 978-5-91985-014-4. EDN [UCXXLP](#).
8. Ефимова, Е. А. Из истории развития региональных рынков труда в России // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2011. № 8 (446). С. 152–166. EDN: [OJMUXV](#).
9. Плотицына, Л. А. Региональные рынки труда в современной России: теория и практика. Москва : Фин. Акад. при Правительстве Российской Федерации, 2004. 323 с. ISBN 5-7609-0254-7. EDN [QQGLJB](#).
10. Топилин, А. В. Демографическая ситуация и особенности формирования трудовых ресурсов в России / А. В. Топилин, О. Д. Воробьева // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 856–864. DOI [10.31857/S0869587321090097](#). EDN [JXOCNN](#).
11. Vorobyev, N. V. Socio-Economic and Demographic Transformations of Post-soviet Siberia / N. V. Vorobyev, V. S. Batomunkuev, O. V. Valeeva et al. // Humans in the Siberian Landscapes: Ethnocultural Dynamics and Interaction with Nature and Space / Ed. by V. N. Bocharnikov, A. N. Steblyanskaya. Springer Cham, 2022. Pp. 283–306. ISBN 978-3-030-90061-8. DOI [10.1007/978-3-030-90061-8_13](#).
12. Кашепов, А. В. Рынок труда: проблемы и решения. Монография / А. В. Кашепов, С. С. Сулакшин, А. С. Малчинов. Москва : Научный эксперт. 2008. 232 с. ISBN 978-5-91290-023-5. EDN [SUQNYN](#).
13. Гимпельсон, В. Е. Российская модель рынка труда: испытание кризисом / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 249–254. EDN [UBFBVJ](#).
14. Вишневская, Н. Т. Государственная политика на рынке труда: реформирование институтов в странах ОЭСР // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 1. С. 35–60. EDN [ZAVTUL](#).
15. Земцов, С. П. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России / С. П. Земцов, В. А. Барина, Р. И. Семенова // Форсайт. 2019. Т. 13, № 2. С. 84–96. DOI [10.17323/2500-2597.2019.2.84.96](#). EDN [PUTYMS](#).
16. Забелина, О. В. Региональная трансформация напряженности на рынке труда: новые векторы / О. В. Забелина, Ф. И. Мирзабалаева, Л. В. Санкова // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9, № 1. С. 137–160. DOI [10.18334/lim.9.1.114287](#). EDN [FREKBT](#).
17. Былков, В. Г. Трансформация регионального рынка труда под действием санкций // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32, № 4. С. 732–740. DOI [10.17150/2500-2759.2022.32\(4\).732-740](#). EDN [KOJGFD](#).
18. Моисеев, В. В. Трансформация рынка труда в условиях санкций / В. В. Моисеев, Ю. С. Колесникова, М. А. Игнатов, С. А. Боженков // Человеческий капитал. 2022. № 9 (165). С. 97–101. DOI [10.25629/HC.2022.09.13](#). EDN [CNGWOZ](#).
19. Ходжсон, Д. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. Москва : Дело, 2003. 464 с. ISBN 5-7749-0307-9. EDN [QQBPCT](#).
20. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва : Фонд экономической книги «Начала». 1997. 180 с. ISBN 5-88581-006-0. EDN [YQDVYE](#).
21. David, P. A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75, No. 2. P. 332–337.
22. Аузан, А. А. Развитие и «колея» зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 10. С. 96–105. DOI [10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105](#). EDN [ZNIHAB](#).
23. Аузан, А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2015. № 1. С. 3–17. EDN [TJOVMJ](#).
24. Хакен, Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен ; пер. с англ. Ю. А. Данилова и А. В. Беркова. Изд. 2-е, доп. Серия «Синергетика: от прошлого к будущему». Москва : КомКнига, 2005. 245 с. ISBN 5-484-00189-7. EDN [QJPFBS](#).
25. Стаурский, Е. С. Диспропорции российского рынка труда / Е. С. Стаурский, И. А. Черногор // Вестник Университета «Кластер». Электронный научный журнал. 2022. № 3 (3). С. 83–93. EDN [EQKZXW](#).
26. Коровкин, А. Г. Оценка напряженности на рынке труда: региональный и отраслевой аспекты / А. Г. Коровкин, И. Н. Долгова, И. Б. Королев, А. Л. Сеница // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 18. С. 449–465. DOI: [10.47711/2076-318-2020-449-465](#).

EDN [ТОССТА](#).

27. Демидова, О. А. Модели экономического роста с неоднородными пространственными эффектами (на примере российских регионов) / О. А. Демидова, Д. С. Иванов // Экономический журнал ВШЭ. 2016. Т. 20, № 1. С. 52–75. EDN [ТЛJТЕТ](#).

28. Гимпельсон, В. Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143. DOI [10.32609/0042-8736-2016-10-129-143](#). EDN [WQSXEY](#).

29. Сигова, С. В. Прогнозирование модифицированного коэффициента напряженности на российском рынке труда для определения потребности в иностранных работниках / С. В. Сигова, Е. А. Питухин, Н. В. Парикова // Фундаментальные исследования. 2012. № 11–1. С. 237–242. EDN [PKWKKR](#).

30. Вашаломидзе, Е. В. Производительность труда, уровень и качество жизни населения России: динамика изменения и современные тенденции взаимовлияния / Е. В. Вашаломидзе, М. Н. Дудин // Социально-трудовые исследования. 2022. № 4 (49) С. 49–60. DOI [10.34022/2658-3712-2022-49-4-49-60](#). EDN [QQCVDD](#).

31. Смирных, Л. И. Дифференциация трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками на российском рынке труда / Л. И. Смирных, Е. Ю. Полякова // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 3 (197). С. 65–74. EDN [SVCUKG](#).

32. Авдеева, Д. А. Производительность труда и российский человеческий капитал: парадоксы взаимосвязи? Доклад НИУ ВШЭ / Д. А. Авдеева, Н. В. Акиндинова, И. Б. Воскобойников, В. Е. Гимпельсон, М. Б. Денисенко, Ю. В. Симачев, П. В. Травкин, А. А. Федюнина. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики. 2021. 61 с. ISBN 978-5-7598-2509-8.

Сведения об авторах:

Яник Андрей Александрович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yanik-andrey@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1599-6280](#); РИНЦ Author ID: [638088](#); Web of Science Researcher ID: [C-1854-2016](#); Scopus Author ID: [57202891655](#).

Попова Светлана Михайловна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: popova-svetlana@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1348-4492](#); РИНЦ Author ID: [234638](#); Web of Science Researcher ID: [N-6922-2013](#); Scopus Author ID: [57201667811](#).

Карпова Светлана Федоровна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: karpova2@yandex.ru, ORCID ID: [0009-0004-6771-4793](#); РИНЦ Author ID: [1171918](#).

Статья поступила в редакцию 15.10.2023; принята в печать 12.12.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REGIONAL LABOR MARKETS IN RUSSIA UNDER NEW CONDITIONS: PROBLEMS AND POSSIBILITIES OF PATH DEPENDENCE OVERCOMING

Andrey A. Yanik

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: yanik-andrey@idrras.ru

Svetlana M. Popova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: popova-svetlana@idrras.ru

Svetlana F. Karpova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: karpova2@yandex.ru

For citation: Yanik, Andrey A. Regional Labor Markets in Russia under New Conditions: Problems and Possibilities of Path Dependence Overcoming / A. A. Yanik, S. M. Popova, S. F. Karpova. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 165–182. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.10).

Abstract. The subject of the study is the regional labor markets in the Russian Federation. The topic is an analysis of the prospects for the regional labor markets to overcome the Path Dependence problem. Special attention is paid to targeted migration policy as one of the tools to improve the balance and adaptability of regional labor markets. The purpose of the work is to search for evidence of the extremely important role of an effective migration policy in solving the problems of socio-economic development of regions in the conditions of demographic crisis and shortage of labor resources. The research sources are official statistics data, regulatory legal acts of federal and regional authorities, and media materials. Theoretical approaches of institutionalism are used, in particular, the concepts of dependence on previous development, various general scientific and comparative research methods. It is shown that strong shocks of 2020–2022 (the effects of the COVID-19 pandemic, external economic sanctions, accelerated digital transformation of the economy and society) could not “push” regional labor markets out of the “institutional trap” (a historically stable state of imbalance, inflexibility, low responsiveness to regulatory measures) on either a positive or negative trajectory. However, such a state hinders the transition of regional economies to innovative development and their adaptation to external challenges. Targeted migration policy could increase the adaptability of regional markets in the conditions of demographic crisis and shortage of labor resources, but its contradictory nature and imperfect legal regulation reduce the effectiveness of this tool. The revealed contradictions require to improve the mechanisms for regulating labor migration, to increase the coordination of actions at the federal and regional levels of government, to strengthen the targeting of state migration policy, and to develop special measures aimed at improving the skills of foreign workers. The results of the study can be used to adjust regulatory measures in the field of labor migration management.

Keywords: migration policy, regional labor market, labor migration, migration regulation, labor resources.

References

1. Oshchepkov, A. Yu. *Regional'nye rynki truda: 15 let razlichij* [Regional labor markets: 15 years of differences] [Electronic resource] : WP3 preprint/2015/10. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2015. 73 p. (In Russ.).
2. *Mobil'nost' i stabil'nost' na rossijskom rynke truda* [Mobility and stability in the Russian labor market]. Ed. by V. E. Gimpelson & R. I. Kapelyushnikov. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2017. 529 p. ISBN 978-5-7598-1532-7. (In Russ.).
3. Abuzyarova, N. A. Economic and legal regulation of the Russian labor market. *Journal of Russian Law*. 2018. No. 1. P. 128–137. DOI [10.12737/art_2018_1_11](https://doi.org/10.12737/art_2018_1_11). (In Russ.).
4. Ryazantsev S. V. Labor Migration to Russia: Myths and Counterarguments. *RUDN Journal of Economics*. 2018. No. 4. P. 718–729. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729). (In Russ.).
5. Popova, S. M. Features of Functioning and Legal Regulation of the Labor Market in the Republic of Tuva under Conditions of the COVID-19 Pandemic and Digital Transformation / S. M. Popova, A. A. Yanik, A. V. Kashepov. *The New Research of Tuva*. 2023. No. 2. P. 17–33. DOI [10.25178/nit.2023.2.2](https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.2). (In Russ.).
6. Yanik, A. A. Migration Policy Adjustments to Address the Regional Labor Markets Demands: Institutional and Legal Aspects / A. A. Yanik, S. M. Popova, S. F. Karpova, A. Yu. Nesterov. // *NB: Administrative Law and Practice of Administration*. 2022. No. 3. P. 30–57. DOI [10.7256/2306-9945.2022.3.38474](https://doi.org/10.7256/2306-9945.2022.3.38474). (In Russ.).
7. Yanik, A. A. *The History of Contemporary Russia: The Origins and Lessons of the Last Russian Modernization (1985–1999)*. Moscow : Moscow University Press, 2012. 760 p. ISBN 978-5-91985-014-4. (In Russ.).
8. Efimova, E. A. From History of Development of Regional Labour Markets in Russia. *ECO Journal*. 2011. No. 8 (446). P. 152–166. (In Russ.).
9. Plotitsyna, L. A. *Regional'nye rynki truda v sovremennoj Rossii: teoriya i praktika* [Regional labor markets in modern Russia: theory and practice]. Moscow : Finance Academy under the Government of the Russian Federation, 2004. 323 p. ISBN 5-7609-0254-7. (In Russ.).
10. Topilin, A. V. Demograficheskaya situaciya i osobennosti formirovaniya trudovyh resursov v Rossii [Demographic situation and features of the formation of labor resources in Russia] / A. V. Topilin, O. D. Vorobyova. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91, No. 9. Pp. 856–864. DOI [10.31857/S0869587321090097](https://doi.org/10.31857/S0869587321090097). (In Russ.).

11. Vorobyev, N. V. Socio-Economic and Demographic Transformations of Post-soviet Siberia / N. V. Vorobyev, V. S. Batomunkuev, O. V. Valeeva et al. *Humans in the Siberian Landscapes*. Eds. V. N. Bocharnikov, A. N. Steblyanskaya. Springer : Springer Cham. 2022. P. 283–306. ISBN 978-3-030-90061-8. DOI [10.1007/978-3-030-90061-8_13](https://doi.org/10.1007/978-3-030-90061-8_13).
12. Kashepov, A. V. *Rynok truda: problemy i resheniya [Labor market: problems and solutions]* / A. V. Kashepov, S. S. Sulakshin, A. S. Malchinov. Moscow : Scientific Expert, 2008. 232 p. ISBN 978-5-91290-023-5. (In Russ.).
13. Gimpelson, V. E. The Russian Labour Market Model Trial by Reecccion / V. E. Gimpelson, R. I. Kapelyushnikov. *Journal of The New Economic Association*. 2015. No. 2 (26). P. 249–254. (In Russ.).
14. Vishnevskaya, N. T. State Labour Market Policy: Reforming Institutions in the OECD Countries. *Public Administration Issues*. 2019. No. 1. P. 35–60. (In Russ.).
- 15.1. Zemtsov, S. The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia / S. Zemtsov, V. Barinova, R. Semenova. *Foresight*. 2019. Vol. 13, No. 2. P. 84–96. DOI [10.17323/2500-2597.2019.2.84.96](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.84.96). (In Russ.).
16. Zabelina, O. V. Regional Transformation of the Labour Market Tension: New Vectors / O. V. Zabelina, F. I. Mirzabalaeva, L. V. Sankova. *Leadership and management*. 2022. Vol. 9, No. 1. P.137–160. DOI: [10.18334/lim.9.1.114287](https://doi.org/10.18334/lim.9.1.114287). (In Russ.).
17. Bylkov, V. G. Transformation of the Regional Labor Market under the Influence of Sanctions. *Bulletin of Baikal State University*. 2022 Vol. 32, No. 4. P. 732–740. DOI [10.17150/2500-2759.2022.32\(4\).732-740](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2022.32(4).732-740). (In Russ.).
18. Moiseev, V. V. Transformation of the Labor Market under Sanctions / V. V. Moiseev, Yu. S. Kolesnikova, M. A. Ignatov, S. A. Bozhenov. *Human capital*. 2022. No. 9 (165). Pp. 97–101. DOI [10.25629/HC.2022.09.13](https://doi.org/10.25629/HC.2022.09.13). (In Russ.).
19. Hodgson, G. *Ekonomicheskaya teoriya i instituty: Manifest sovremennoj institucional'noj ekonomicheskoy teorii [Economics and Institutions: Manifesto for Modern Institutional Economics]*. Moscow : Delo, 2003. 464 p. ISBN 5-7749-0307-9. (In Russ.).
20. North, D. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]*. Moscow : Foundation of the Economic Book “Nachala”, 1997. 180 p. ISBN 5-88581-006-0. (In Russ.).
21. David, P. A. Clio, and the Economics of QWERTY. *American Economic Review*. 1985. Vol. 75. No. 2. P. 332–337.
22. Auzan, A. A. Path Dependence Problem and Possibilities of its Overcoming. *World Economy and International Relations*. 2017. Vol. 61, No. 10. P. 96–105. DOI [10.20542/O131-2227-2017-61-10-96-105](https://doi.org/10.20542/O131-2227-2017-61-10-96-105). (In Russ.).
23. Auzan, A. A. Path Dependence Problem: The Evolution of Approaches. *Bulletin of the Moscow University Economics Bulletin*. 2015. No. 1. P. 3–17. (In Russ.).
24. Haken, G. *Informaciya i samoorganizaciya. Makroskopicheskiy podhod k slozhnym sistemam [Information and Self-organization. Macroscopic Approach to Complex Systems]* / G. Haken ; translated from the English by Yu. A. Danilova and A. V. Berkova. Moscow : KomKniga, 2nd ed., 2005. 245 p. ISBN 5-484-00189-7. (In Russ.).
25. Staursky, E. S. Disproportions of the Russian Labor Market / E. S. Staursky, I. A. Chernogor. *Bulletin of the University “Klaster”. Electronic Scientific Journal*. 2022. No. 3 (3). P. 83–93. (In Russ.).
26. Korovkin, A. G. Ocenka napryazhennosti na rynke truda: regional'nyj i otraslevoj aspekty [Assessment of tension in the labor market: regional and sectoral aspects] / A. G. Korovkin, I. N. Dolgova, I. B. Korolev, A. L. Sinita. *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting RAS*. 2020. No. 18. P. 449–465. DOI: [10.47711/2076-318-2020-449-465](https://doi.org/10.47711/2076-318-2020-449-465). (In Russ.).
27. Demidova, O. A. Models of Economic Growth with Heterogenous Spatial Effects: The Case of Russian Regions / O. A. Demidova, D. S. Ivanov. *HSE Economic Journal*. 2016. Vol. 20, No. 1. P. 52–75. (In Russ.).
28. Gimpelson V.E. Does the Russian Economy Need Human Capital? Ten Doubt. *Voprosy Ekonomiki*. 2016. No 10. P. 129–143. DOI [10.32609/0042-8736-2016-10-129-143](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143). (In Russ.).
29. Sigova, S. V. Projection of Modified Tension Factor on Russian Labour Market for Affecting Demand in Foreign Workers / S. V. Sigova, E. A. Pitukhin, N. V. Parikova. *Fundamental Research*. 2012. No 11–1. P. 237–242. (In Russ.).
30. Vashalomidze, E. V. Labor Productivity, Level and Quality of Life of the Russian Population:

Dynamics of Changes and Modern Trends of Mutual Influence / E. V. Vashalomidze, M. N. Dudin. *Social&Labor Research*. 2022. No 4 (49). P. 49–60. DOI [10.34022/2658-3712-2022-49-4-49-60](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-49-4-49-60). (In Russ.).

31. Smirnykh, L. I. Differenciaciya trudovyh dohodov mezhdru vneshnimi immigrantami i mestnymi rabotnikami na rossijskom rynke truda [Earned Income Differentiation between Immigrants and Native Workers on the Russian Labour Market] / L. I. Smirnykh, E. Y. Polyakova. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2015. No 3 (197). P. 65–74. (In Russ.).

32. Avdeeva, D. A. *Proizvoditel'nost' truda i rossijskij chelovecheskij kapital: paradoksy vzaimosvyazi? Doklad NIU VSHE [Labor productivity and Russian human capital: Paradoxes of interrelation] Report of the Higher School of Economics?* / D. A. Avdeeva, N. V. Akindinova, I. B. Voskoboinikov, V. E. Gimpelson, M. B. Denisenko, Yu. V. Simachev, P. V. Travkin, A. A. Fedyunina. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. 61 p. ISBN 978-5-7598-2509-8. (In Russ.).

Bio notes:

Andrey A. Yanik, Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yanik-andrey@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1599-6280](https://orcid.org/0000-0002-1599-6280); RSCI Author ID: [638088](https://www.rsci.org/author/638088); Web of Science Researcher ID: [C-1854-2016](https://www.webofscience.com/author/1854-2016); Scopus Author ID: [57202891655](https://orcid.org/57202891655).

Svetlana M. Popova, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: popova-svetlana@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1348-4492](https://orcid.org/0000-0002-1348-4492); RSCI Author ID: [234638](https://www.rsci.org/author/234638); Web of Science Researcher ID: [N-6922-2013](https://www.webofscience.com/author/N-6922-2013); Scopus Author ID: [57201667811](https://orcid.org/57201667811).

Svetlana F. Karpova, Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: karpova2@yandex.ru; ORCID ID: [0009-0004-6771-4793](https://orcid.org/0009-0004-6771-4793); RSCI Author ID: [1171918](https://www.rsci.org/author/1171918).

Received on 15.10.2023; accepted for publication on 12.12.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.11)

EDN [DSQYUL](https://edn.dsquul.ru)

УПРАВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ОСВОЕНИЕМ ПУСТУЮЩИХ ЗЕМЕЛЬ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МАНЬЧЖУРИИ И ХОККАЙДО НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Ткачев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: sertk@mail.ru

Ткачева Н. Н.

Московский международный университет, Москва, Россия

E-mail: nataltk@mail.ru

Для цитирования: Ткачев, С. В. Управление демографическим освоением пустующих земель: исторический опыт Маньчжурии и Хоккайдо на рубеже XIX–XX вв. / С. В. Ткачев, Н. Н. Ткачева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 183–196. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.11). EDN [DSQYUL](https://edn.dsquul.ru).

Аннотация. Человечество выработало множество способов расселения. Большинство из них имеют сегодня только информативную значимость. В практических целях нас могут интересовать недавние по историческим меркам кейсы, характеризующиеся, с одной стороны, массовостью, а с другой – учитывающие возрастающую ценность человеческой жизни. В данной статье мы рассмотрим два таких случая, имевших место в конце XIX – начале XX вв. в Северо-Восточной Азии – Маньчжурии и Хоккайдо. Данный регион к этому времени становится сосредоточением политических интересов держав. В значительной степени к событиям, здесь происходящим, начинает перемещаться мировое внимание из-за постепенно открывающегося экономического потенциала планетарного уровня. Здесь вспыхивают войны и восстания, в то же время сюда активно стекаются мигранты. Какие цели были у этого движения? Каким образом оно контролировалось? Как стимулировалось? Что общего и что отличало такие процессы между собой? В ходе рассмотрения методов освоения Маньчжурии и Хоккайдо авторами были отмечены их общие черты и различия, заимствование зарубежного опыта и его неизбежная адаптация к уникальным социальным условиям Восточной Азии столетней давности, а также собственные японские и китайские наработки.

Ключевые слова: Маньчжурия, Хоккайдо, переселение, методы освоения, колонизация, демография.

Введение

Занятие пустующих земель – неотъемлемая часть истории человечества. Часть, которая в своей основе приближает его скорее к природе, чем к социуму. Любой живой организм стремится заполнить окружающую пустоту или выдавить из окружающей среды соперничающие элементы. Причем, найдя для себя наиболее комфортную экологическую нишу, этот организм останавливается, разрастается и, наполнив его своим присутствием, опять пускает побег в разные стороны в поисках еще одного удобного места. Да, в этом отношении человек не сильно отличается от чертопо-

лоха или вируса. От других существ в таком биологически присущем стремлении нас отличают только две способности: надеяться и планировать. Первое позволяет нам создать личный и коллективный образ идеального будущего в идеальном месте. Оно заставляет нас глубже изучить настоящее, чтобы понять, что нам стоит взять с собой, а что оставить в прошлом. Планирование в свою очередь позволяет рационально откорректировать все надежды до социально приемлемого уровня, оценить его реалистичность и меру необходимости и, наконец, разработать способ реализации данного проекта.

Теоретический аспект исследования: методы и подходы

Прежде всего поясним, что мы имеем в виду, когда говорим о «пустующих землях». В наиболее общем смысле колонизация в качестве объекта предполагает terra nullius (пустую, ничейную землю), однако в условиях нашей планеты это практически недостижимый идеал. Уже в XIX в. было сложно найти территорию, на которую никто не заявлял бы свои права. С другой стороны, с какого уровня плотности населения мы можем говорить о том, что эта земля не заселена? Более того, вопрос сильно усложняют кочевые сообщества. Но надо отметить, что к периоду, который мы рассматриваем, вопросы, связанные с коренным населением, уже как прежде не игнорировались.

Колонистам так или иначе приходится контактировать с аборигенным населением. Впрочем, если они сосуществуют в параллельных экологических и экономических нишах, а соотношение численности аборигенов и колонистов в пользу последних, то о выраженной эксплуатации можно говорить лишь условно.

Во-вторых, в данной статье мы рассматриваем не методы управления трудовой миграцией (которая в большей степени затрагивает промышленное производство в городах), а именно колонизацию края, наполнение его лояльным и адаптивным к окружающей среде населением. При этом в обоих рассматриваемых нами кейсах (а также в близком им географически и по времени случае колонизации Приамурского края) «занятие» территории было главной целью правительств соответствующих государств в колонизационном вопросе [см., напр., 1, с. 219–220].

Если мы говорим о планировании таких масштабных мероприятий, как колонизация Маньчжурии и Хоккайдо, то целесообразно разделить их на три уровня:

1. Стратегический (правительственный) уровень

Освоение крупных территорий невозможно без проявления долговременной целенаправленной политической воли. Таковую волю способно проявлять государство. Также в качестве политического субъекта колонизации (бенефициара) может выступать и поддерживаемый государством бизнес (Ост-Индская и Вест-Индская, Русско-Американская компании, отдельные магнаты-инвесторы) или религиозные общины. Вместе с тем колонизация – процесс массовый, и поэтому достаточно открытый для того, чтобы бенефициар оставался известным.

Переселение в значительной степени является добровольным. Это означает, что колонисты свободны как минимум в выборе конечной точки своего поселения. Ссылные тоже могут превратиться в колонистов, но только в тот момент, когда у них появится право выбора легальной сферы деятельности, а также возможность селиться в наиболее привлекательном для них месте даже в пределах ограниченной территории. Конечно, в различных условиях можно наблюдать разные степени свободы переселенцев, но, как правило, ее уровень на периферии повышается. Это просто це-

лесообразнее экономически. Хотя опять же перверсии вполне реальны.

Все зависит от целей, которые ставит перед собой бенефициар. Ими могут быть: 1) снижение социально-экономической напряженности в метрополии; 2) расширение и укрепление окраин государства; 3) получение экономической выгоды; 4) все вышеперечисленные пункты либо их комбинации.

Несомненно, были случаи *post factum*, когда бенефициар принимал решение о контроле уже существующих стихийных движений на «пустующие земли». В российской истории таких примеров немало: движение государства за казаками в Сибирь и на юг; и даже присоединение Уссурийского края во многом было инициативой не столько государства, сколько его представителей на местах – капитана Невельского и генерал-губернатора Муравьева при поддержке талантливого дипломата графа Игнатьева. Должны были пройти три десятилетия и смениться два императора, чтобы государство решилось на осторожное освоение присоединенных территорий [подробнее см. 1].

Рассматриваемые случаи объединяет то, что все они организовывались и проводились государствами – Цинской и Японской империями. Ими же определялись необходимость таких мероприятий, уровень и источники финансирования, экономические и политические последствия, организовывались предварительные экспедиции для изучения местных условий, проводились пробные переселения и т. д.

2. Тактический (местный) уровень

В случае правительственной организации переселения для контроля на местах всегда создаются местные переселенческие структуры, контролирующие пересылку людей, сельскохозяйственных орудий, скота, денежных средств и их распределение, формирование сопроводительных служб, землемерные работы и т. д. Эти структуры меняют свое название и уровень подчинения, но всегда остаются необходимым инструментом реализации государственной задачи заселения окраин. Причем значительная часть неудачных периодов в освоении территорий связана именно с некачественной работой таковых организаций. Так как правительственный контроль за их деятельностью еще не отлажен в силу начального административного развития, то на данном уровне самыми серьезными препятствиями на пути к успеху всего предприятия являются коррупция и некомпетентность.

3. Личностный уровень

Очевидная цель колониста – кардинальное улучшение условий для жизни и воспроизводства. Степень этого улучшения может варьироваться от естественной попытки избежать смерти из-за стихийных природных бедствий, голода или геноцида до стремления повысить свой материальный, социальный или политический статус. Для реализации такой цели и в зависимости от уровня необходимости переселения колонист придерживается определенной стратегии. Можно выделить, по крайней мере, три важнейших стадии ее принятия. В первую очередь мигранты подразделяются на тех, кто планирует переселиться временно, а через какое-то время вернуться, и тех, кто ищет новый постоянный дом. Вторым критерием определения стратегии мигранта является срочность переселения, от которой в общем случае зависит его первоначальная экономическая самостоятельность. Наконец, третий критерий – уровень предварительного согласия на «трудовую лабильность», то есть на резкую, непредсказуемую смену сферы деятельности и, соответственно, на риск.

В предыдущих работах мы выделили три когорты мигрантов, примерно соответствующие трем этапам освоения территории:

- 1) «пионеры» – полувоенные организации; промысловики (трапперы); преступники и бывшие преступники; религиозные группы (пуритане, старообрядцы, молокане и др.); просто «искатели приключений» – энергичные люди, неудовлетворенные потенциалом своих перспектив и существующим в обществе уровнем социальной мобильности;
- 2) «экономические переселенцы» – в основном это крестьянские общины, фермеры;
- 3) «беженцы» – бедные и большие семьи, стремящиеся просто выжить [подробнее см. 2].

Результаты

Перейдем к рассмотрению наших кейсов. Начнем с самого массового – Маньчжурии.

Стихийное переселение китайцев в Маньчжурию началось еще в XVII в., но цинская династия всячески препятствовала этому вполне естественному процессу, стремясь сохранить земли в руках маньчжуров. Однако у китайцев были более совершенные методы землепользования и исторически более развитая коммерческая хватка, да и сами маньчжуры все больше предпочитали жить в китайских городах. К концу XIX в. цинская династия переживала очень глубокий финансовый кризис, и чтобы пополнить казну, решила на неограниченную распродажу маньчжурских земель китайцам. Более того, в таком процессе власти увидели способ защиты своих границ¹; и колонизация стала стимулироваться и регулироваться. Эти кардинальные изменения произошли в 1903 г.

Вдобавок центральные районы Маньчжурии представляли собой местности, куда издавна стремилось китайское население по причине благоприятных условий земледелия, наличия дополнительных заработков и торговли. Китайскому правительству было нужно только дать надлежащее разрешение занимать здесь свободные земли и взять на себя урегулирование данного дела. Напротив, заселение северных районов Маньчжурии требовало «громоздкой затраты средств, установления сложной административной системы, дарования особых, дорого стоящих правительству льгот поселенцам» [3, с. III].

Особо стоит отметить и то, что при колонизации Маньчжурии наблюдалось не столько заселение, сколько расселение. То есть на новые земли шли не колонисты из внутренних районов Китая, а население из соседних с Маньчжурией областей, особенно из округа Куанченцзы Гиринской провинции (ныне Чанчунь) и из Мукденской провинции, прилегающих к Южно-Маньчжурской железной дороге. Впрочем, на место убывающих колонистов немедленно прибывали поселенцы из Шаньдуна и Печили. То есть, по сути, происходило естественное вытеснение на свободные земли излишка населения китайских областей, несколько усиленное искусственными мерами [3, с. 9–10].

Для реализации планов освоения окраинных районов Маньчжурии (в значительной мере на основании иностранного опыта) было выработано несколько систем колонизации. Причем им всегда предшествовал один существенно важный этап. В первую очередь намечался район, который признавался необходимым к заселению. И прежде, чем в этом районе появлялся хотя бы один поселенец, и даже прежде, чем

---

¹ Сама колонизационная политика носила официальное название «меры по укреплению границ» [3, с. III].

были определены его границы, он объявлялся административной единицей – «фу», «тин» или «сянь». Данный шаг означал, что район отныне поступал в управление и юрисдикцию китайских властей. Для исполнения должностей начальников данных административных подразделений назначались чиновники с положенным им штатом канцелярии и небольшими отрядами полицейских или охранных войск. По сути, они и становились первыми поселенцами новых городов.

Далее делался выбор потенциально доступных и больше всего подходящих для данной местности вариантов определенной системы колонизации. При этом, как правило, они реализовывались параллельно, и их в большей или меньшей степени сопровождала вольная колонизация выходцами из других провинций, – «единственная нормальная система, не только не стоящая ничего государству, но приносящая ему известного рода доход от продажи земель» [3, с. IV–V].

Рассмотрим такие системы более подробно.

1. Административная колонизация

В 1909 г. были приняты Правила колонизации, согласно которым устанавливались следующие нормы:

1. Образовывались переселенческие бюро, обязанные давать переселенцам нужные указания в Ханькоу (Ухань), Шанхае, Чифу (Яньтай), Тяньцзине, Инкоу, Куанченцзы (Чанчунь). В таких бюро переселенцам выдались свидетельства для проезда на места, по которым глава семьи оплачивал половину стоимости проезда, а его семья перевозилась бесплатно.

2. Каждой семье отводилось по 45 шан земли (30 десятин – 33 га [4, с. 172]), при этом продажа земли запрещалась. Налоги начинали взиматься с четвертого года переселения, соответственно с распаханной земли (лес приравнивался к распаханной земле).

Недостатки этой системы очевидны: она влечет за собой большие издержки по подготовке земельных участков под поселения, на перевозку колонистов, предварительное образование административных центров и, наконец, на охрану новоселов от хунхузов (членов организованных банд).

2. Рабочие батальоны

Такая система, по-видимому, была позаимствована у американских частных колонизационных компаний, но с добавлением на китайской почве военизированной специфики для противодействия хунхузам.

Формировались батальоны так. Высылались агенты во внутренние области Китая или заселенные районы Маньчжурии, где они вербовали рабочих, из которых собирались группы. Затем эти группы отправляли за казенный счет в запланированные районы, где уже сводили в рабочие батальоны. Условия были следующие: ежемесячное (невысокое) жалование, продовольствие и одежда за счет казны, возраст от 20 до 40 лет, отсутствие физических недостатков, обязательная принадлежность к сельскому обществу и его поручительство в добропорядочности кандидата, наличие семьи и желания переселиться после окончания контракта. Длительность службы – три года. При этом рабочий бесплатно получал участок земли в том районе, где он находился во время службы, скот и земледельческие орудия, освобождение от налогов на определенное время. Служба по уровню дисциплины и организации была близка к военной – работа на постройке города, вырубке лесов, проведении дорог, поднятии новой и т. п. [5, с. 273].

За три года будущий поселенец неплохо знакомился с местными условиями, по

истечении положенного срока возвращался домой за семьей, а нередко и за другими родственниками, чтобы основать свое собственное хозяйство на новом месте. Таким образом, на первоначальном этапе колония не обременялась женщинами, стариками и детьми. Да и к прибытию семей уже были готовы пашни, поселки, колодцы, дороги, организовано административное управление, пункты сбыта и снабжения. Позже присоединялись другие родственники, односельчане, которые приобретали землю уже за плату и вносили в казну налоги. Наиболее характерным примером реализации системы «рабочих батальонов» стало заселение округа Мишаньфу в провинции Гирин.

Недостаток данной системы – в необходимости значительного первоначального государственного финансирования [3, с. 55–57].

3. Военные поселения

Эта система имеет давнюю историю [5, с. 273]. Ее целью было поместить на отводимых под колонизацию местах нижних чинов, увольняемых из войск в запас. Тем самым на окраинах появлялись группы обученных военному делу людей, которые в мирное время содержали себя сами своим земледельческим трудом, а в военное время могли быть использованы как солдаты. Вероятно, такая система была скопирована с российских казачьих войск.

Однако данный вид заселения пустующих земель зарекомендовал себя на Дальнем Востоке не с лучшей стороны, и уже с начала XX века от него в России постепенно начали отказываться. И М. А. Полумордвинов, и Л. М. Болховитинов оценивали этот метод колонизации скептически, наблюдая его реализацию на практике. Главная причина заключалась в том, что не хватало желающих селиться [6].

Военные поселения должны были заселяться исключительно увольняемыми в запас солдатами в сопровождении командиров. Каждому солдату выделялись по 10 шан (около 7 га) уже подготовленной пашни и фанза для жилья, предоставлялись льготные ссуды, один казенный бык, на четырех человек – один плуг. Офицерам полагались большая фанза, четыре быка, телега, лошадь с седлом. Женщин в поселениях практически не было.

Подобным образом заселялись районы в Сяньсине, Нингуте и Хэйлунцзяне [3, с. 61–68]. Места выбирались с хорошими землями, слабо заселенные, где не было подготовленных войск для защиты границы, причем на путях вероятного направления русских войск в Маньчжурию.

4. Военно-поселенные пограничные караулы (с 1908 г.)

Данный способ применялся в районе Западной Маньчжурии с центром в г. Хайлар. Здесь наиболее суровый климат, и потому привлечь колонистов не удавалось. Здесь также было мало войск и, соответственно, резервных нижних чинов, поэтому военные поселения установить было невозможно.

Разница такой системы от предыдущей заключалась в том, что для заселения намечались пункты непосредственно на самой границе. Размер поселений определялся потребностями пограничной службы: при расчете, что одна треть находится в карауле на посту, а две трети в это время занимаются обработкой полей, помещаясь в особых пограничных поселках, расположенных позади линии кордонов, на более удобных для земледельческой культуры территориях, естественно, что весь урожай шел в пользу находившихся в карауле.

Для земледельческих работ каждый караул получал от казны 6 лошадей, 6 быков, 2 плуга и некоторое денежное пособие. За время службы всем выдавали установлен-

ное содержание, казенное обмундирование, снаряжение, а по окончании службы каждый бесплатно получал в данном районе земельный участок.

Караулы устанавливались на расстоянии примерно 35–40 км друг от друга, преимущественно напротив российских казацких станиц. Каждый пост состоял из 30 солдат при одном старшем [5, с. 275]. Предполагалось, что позади этих караулов постепенно возникнут китайские поселения. Считается, что описанная система поселения была единственно возможной на этой отдаленной территории, и высоко оценивалась экспертами.

5. Акционерная система

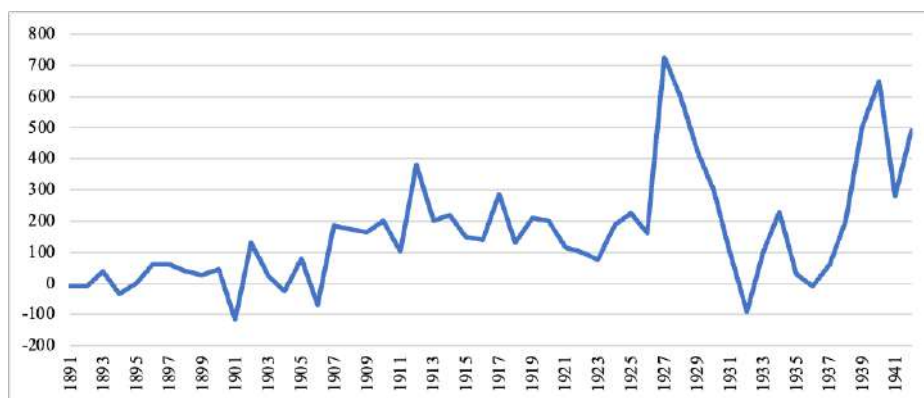
Формировалась по примеру заселения некоторых американских штатов. А именно: предполагалось создать крупные частные акционерные компании, которые должны были, получив от правительства значительные площади свободных земель в кредит или, по крайней мере, с уплатой первоначально незначительных взносов, подготовить отдельные участки под заселение, рекрутировать во внутренних областях Китая поселенцев и быстро заселить уступленные им площади.

Эта система позволяла вести колонизацию без затрат государства. Но в Китае она натолкнулась на препятствие – коррупцию: вместо солидных компаний покупателями в большинстве случаев становились или чиновники, или подставные лица, стремившиеся нажиться на такой операции. Земли подготовлены не были, поселенцы не хотели идти в неизвестную им страну. В результате с наступлением сроков уплаты очередных взносов за землю спекулянты оказались не в силах произвести платеж, земли оставались не подготовленными, во многих местах их пришлось даже отбирать и вновь пускать в продажу через колонизационные бюро [3, с. 9].

6. Вольное заселение

При данной системе государство лишь регулировало потоки мигрантов, получая доход с продажи земли и налогов. Это был наиболее массовый тип заселения, но именно тех местностей, куда стимулировать переселение не было необходимости, люди и так шли туда с охотой.

В целом китайская колонизация Маньчжурии – весьма значительный миграционный процесс, порой сравнимый с аналогичным явлением в Америке. Однако стоит заметить, что большая сложность заключается в отрывочности, недостатке и неточности статистических данных. По замечанию авторов справочника «Северная Маньчжурия и КВЖД», «Здесь никогда не проводилось переписей, подобных современным переписям в Европе, Америке и Японии. Все имеющиеся по данному вопросу данные исходят от местной китайской администрации <...>. Почти как общее правило учитывается лишь взрослое население (то есть с 12 или 16 лет) <...>. Вообще все китайские данные резко уменьшают численность населения, так как производятся <...> с фискальными целями» [7, с. 12]. Тем не менее нам представляется интересным показать данные, полученные Т. Готтшанг и Д. Лэри (рис. 1).

Рис. 1. Миграция из Северного Китая в Маньчжурию в 1891–1942 гг. (тыс. человек)

Fig. 1. Migration from North China to Manchuria in 1891–1942 (thousand people)

Источник: [8, с. 180]

Приведенные на рис. 1 данные показывают, что за указанный период из Северного Китая в Маньчжурию переселились 8,7 млн человек. Пик миграции пришелся на период первой волны железнодорожного строительства в Маньчжурии (1900–1903 гг.), хаоса, последовавшего за революцией 1911 г., вспышки голода и варлордизма (период милитаристов в российской историографии) в Шаньдуне и Хэбэе (1927–1929 гг.), индустриализации Маньчжоу-Го (1939–1942 гг.). Периодически возникавшие спады миграции следовали за крупными конфликтами в Маньчжурии: Китайско-японской войной (1894–1895 гг.), восстанием ихэтуаней (1899–1901 гг.), Русско-японской войной (1904–1905 гг.), Маньчжурским инцидентом (1931 г.), началом Японо-китайской войны Сопrotивления (1937 г.) [9, с. 98].

Рассмотрим, какие методы освоения пустующих земель использовали японцы во время колонизации Хоккайдо.

Если в Маньчжурии вплоть до 1903 г. колонизация сначала шла фронтальным образом, стихийно, когда волна новых поселенцев выдавливалась на север избытком населения на юге, то в случае с Хоккайдо правительство сразу и непосредственно участвовало в переселенческом деле, проводя колонизационную политику. Причем роль государства в данном вопросе была важнейшей. Возможно, в этом – наиболее вероятная причина отличий двух параллельно проходящих процессов. Тем не менее, мы видим и очень много схожего.

Несколько слов о причинах колонизации Хоккайдо.

После окончания Русско-турецкой войны в июле 1856 г. сегунат счел безопасность северного региона Эдзо (остров Хоккайдо) особенно значимой и поручил магистрату Хакодате (в то время – административному центру острова) продумать ответные меры в случае возможного нападения чужеземцев. В апреле следующего года американский консул Харрис, который вел переговоры о заключении торгового договора с Японией, писал: «Англичане... возмущены вторжением русских в Маньчжурию и убеждены, что Россия также планирует вторжение в Китай, а затем нападение на Индию. Англичане считают, что, если они отнимут у Японии Хоккайдо и Сахалин, то смогут противостоять русским на севере и сдерживать их там» [10, с. 41].

После Реставрации Мэйдзи (1868 г.) Япония уверенно встала на путь промышленного обновления. В результате быстро обнаружился избыток рабочих рук, который

направили на внешнюю экспансию в Корею и Китай, а также на освоение Хоккайдо. Но как заставить крестьянина из южных префектур, никогда не видевшего снега, отправиться осваивать северный остров? На самом деле, это оказалось большой проблемой. Японский быт не предполагал одежды теплее зимнего кимоно, домашние печи были неизвестны, а первые строители Саппоро на холодный период года уезжали с острова домой. Чтобы окончательно переселиться туда, нужны были веские причины.

Современная колонизация Хоккайдо началась еще в 1870 г. с высылки на новые территории бывших самураев, соперников императора Мэйдзи, проигравших ему в ходе Реставрации. Самураям был предоставлен выбор: либо отказаться от статуса самурая и остаться на земле в качестве крестьян, либо эмигрировать на Хоккайдо. Экс-самурай переезжали на новую территорию за свой счет с группой вассалов, остальным же приказывали оставаться на своих землях, отказавшись от родового статуса и став крестьянами.

Это переселение часто происходило целыми кланами; на родине земля переселенцев изымалась, но у них оставалось достаточно финансовых и технических средств для обустройства на новом месте. Однако высылка постепенно сокращалась и закончилась в 1893 г. Экс-самураями было образовано 27 поселений [11, с. 140–141]. Они всегда занимали долинные плодородные земли с аллювиальными (пойменными) почвами. Пустых территорий было много и, по-видимому, единственным условием расселения кланов на первоначальном этапе была удаленность от основных административных центров [12, с. 111].

Без сомнения, самурай не могли выполнить задачу по освоению Хоккайдо. В 1869 г. в Саппоро создается Управление по освоению земель (Кайтакуси) с филиалами в Хакодате и Немуро. В этот период начинается заселение острова простыми японцами, хотя и не так быстро, как предполагали местные власти. Было решено влотекущую вольную миграцию стимулировать особыми способами. И правительство их создало.

Начиная с 1881 г., фискальная политика министра финансов Масаеси Мацуката была направлена на дефляцию и повышение налогов, что нанесло серьезный удар по благосостоянию крестьянства. Если одни накапливали землю и становились паразитирующими помещиками, то многие крестьяне вынуждены были отказаться от земли. Потерявшие землю крестьяне не только становились фермерами-арендаторами, но и имели возможность стать наемными рабочими в местах, появившихся с развитием капитализма. Речь идет о сельских прядильнях и прядильных фабриках в крупных городах, шахтах в различных частях страны. Миграция на Хоккайдо стала еще одним из вариантов решения проблемы.

Если в 1886 г. население провинции составляло примерно 290 тыс. человек, а обрабатываемая площадь – около 30 тыс. га, то к 1918 г. население уже выросло примерно до 2,17 млн человек, а обрабатываемые земли исчислялись 800 тыс. га [13, с. 3]. То есть за 32 года население Хоккайдо увеличилось в 7,5 раз, а площадь обрабатываемых земель – в 26,7 раз.

Что привело к такому стремительному развитию? Провинциальное правительство внесло существенные изменения в иммиграционную политику – оно перестало оказывать прямую защиту мигрантам и попыталось привлечь частные капиталовложения, например, путем создания социальной инфраструктуры, транспортных объектов, таких как дороги и порты, а также для строительства новых зданий, предназна-

ченных для использования переселенцами. Эта политика, известная как «косвенная защита», стала применяться только тогда, когда префектуры, расположенные к югу от Хонсю, начали «выталкивать» мигрантов. Такой подход был выгоднее казне даже в условиях сложной финансовой ситуации того времени и оказался весьма успешным.

Отличительной особенностью колонизации Хоккайдо явилось развитие акционерных обществ, в том числе в сельском хозяйстве. Сошлемся на хрестоматийный пример – историю открытого акционерного общества «Бансэйша», основанного в 1882 г. Бензо Йодой с друзьями, которые собрали небольшой капитал, купили землю в округе Токати и пригласили 13 крестьянских семей последовать за ними, разделив долю в уставном капитале. В 1916 г. компания разорилась, но благодаря ее деятельности был основан город Обихиро и преобразился весь округ Токати.

В основном, за исключением таких крупных компаний как Мицубиси, коммерческие инвестиции на Хоккайдо начались только после Китайско-японской войны, а в первые годы своего существования правительство Хоккайдо в значительной степени полагалось на специализированную рабочую силу солдат-тондэн и заключенных.

В ноябре 1873 г. Курода Киетака, заместитель министра мелиорации, представил предложение о создании Тондэнхэй, предусматривавшее эмиграцию обедневших воинов и их семей, которые должны были получить дома и сельскохозяйственные орудия и в течение трех лет выполнять функции «охраны границы», «защиты народа» и «освоения земель», получая деньги и другие льготы. Планируемые поселения должны были находиться в Саппоро, Отару, Муроране и Хакодате, по 750 домов в каждом в 1874 и 1875 гг., всего 1 500 хозяйств и 6 000 человек, включая членов семей, подлежащих переселению [10, с. 35].

Несмотря на то, что необходимость обеспечения безопасности на севере вызывалась напряженными отношениями между Японией и Россией, военные силы на Хоккайдо практически отсутствовали. Это было связано с малочисленностью населения Хоккайдо и напряженной финансовой ситуацией в стране. С другой стороны, для освоения границы Хоккайдо требовалась оседлая рабочая сила.

После поселения тондэнхэй и их семьи в условиях жесткой дисциплины занимались отработкой жалованья и военной подготовкой. Характерно, что такие поселения (в отличие от поселений экс-самураев) стали центрами, вокруг которых постепенно возникали деревни обычных крестьян. То есть они оказались своеобразными катализаторами освоения территории, обеспечивая ее безопасность, близость администрации и локальный рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. Эта схема выглядит более логичной и результативной, чем в случае с казаками в Южно-Уссурийском крае на российском Дальнем Востоке, когда осваиваемая ими территория была доступна только для самих казаков. Кроме того, тондэнхэй имели срочный контракт, а казаки – нет. Все перечисленное выше сближает японский случай с китайским вариантом военных поселений, но последние были по большей части бессемейными, а тондэнхэй – наоборот. И все же во всех трех случаях показателен результат: военизированные поселения могут быть только временным решением в колонизации. И как только начинает расширяться специализация региона, становится очевидным, что одновременно заниматься и сельским хозяйством, и выполнять военные функции эффективно нельзя.

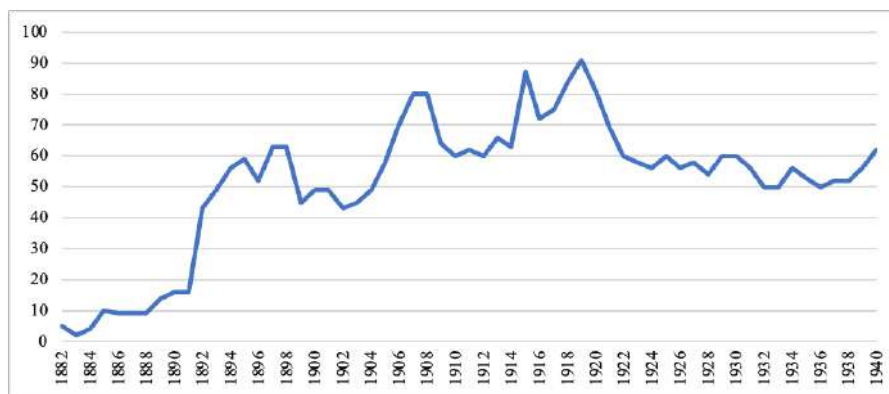
Первые поселения крестьян-колонистов появились на Хоккайдо в 1871 г. Поначалу они распространялись неторопливо, занимая наиболее удобные локации по южному и западному побережью, а также в долине реки Исикари. Среди многочис-

ленных причин медлительности этого движения одной из важнейших явилась неурегулированность земельных отношений. Сложилась парадоксальная ситуация, когда крестьянин не мог сказать, его ли эта земля, что он обрабатывает, или нет. Разумеется, подобная ситуация создавала почву для коррупции. С 1886 г. последовало установление ряда правил, которые еще более запутали ситуацию. Первоначально экс-самураи должны были бесплатно сдавать в аренду свои земли на установленный срок, а потом уже ее продавать, но не более 33 га «в одни руки». Однако правила предполагали возможность «исключительных случаев», что открыло дорогу появлению крупных землевладений.

Закон 1897 г. разрешал владеть уже 500 га пашни и предусматривал для неосвоенных земель безвозмездное пользование. А по закону 1908 г. земля была бесплатной только для тех землевладельцев, которые оформили ее в свою собственность [13, с. 4]. И здесь оказалось, что последнее сделать не так просто – процедура отчуждения запутана, офисы кредитных банков и контор по землеустройству разбросаны по большой территории. Крестьянин не всегда мог выполнить все требования, а крупные землевладельцы и компании могли. Сегодня сельское хозяйство Хоккайдо, в отличие от основной Японии, – это, прежде всего, крупные компании.

Вероятно, такое развитие ситуации сильно ударило по темпам переселения, но в итоге сделало Хоккайдо крупнейшим японским сельхозпроизводителем, особенно в животноводстве, требующем обширных пастбищ (рис. 2).

Рис. 2. Миграция на Хоккайдо в 1882–1940 гг. (тыс. человек)
Fig. 2. Migration to Hokkaido in 1882–1940 (thousands of people)

Источник: [13, с. 3; 14, с. 55–564; 15, с. 3]

Заключение

Оба рассмотренных нами варианта освоения незанятых земель Маньчжурии и Хоккайдо проходили в одно время и в географически близких регионах. И тот и другой использовали опыт прочих стран в проведении переселенческих мероприятий, но в каждом случае они приобрели особую специфику. Каждый из них проводился в условиях дефицита государственного бюджета. В обоих случаях триггером мероприятий, по крайней мере, их оправданием, служила внешняя угроза, а одним из методов было использование полувоенных структур. Оба проводились под контролем государства. Но тот и другой страдали от забюрократизированности. Наконец, оба региона, сто лет назад пережив бурный период роста, сегодня поглощены процессом

депопуляции.

Различия также характерны. Маньчжурия в основном заселялась в процессе вольной колонизации. На Хоккайдо стали доминировать крупные компании. Для рассмотрения нашего вопроса критически важны расстояния: в японском случае добраться до места назначения было гораздо проще. Кроме того, Хоккайдо не знал такого явления, как хунхузы. Наконец, переселение в Маньчжурию осуществлялось в период войн, восстаний, революции, оккупации на территории Китая; Япония этот период проходила в более комфортных условиях.

На наш взгляд, очень важно изучать подобные процессы, потому что они не прекращаются, неожиданно вспыхивая в разных частях мира, чтобы потом медленно затухать. Человечество накопило колоссальный опыт колонизаций, но не научилось рационально ими управлять. Мы надеемся, что наша статья станет скромным вкладом в решение этой проблемы.

Список литературы

1. *Ткачев, С. В.* Причины и цели организации массового переселения крестьян морским путем (1882–1883 гг.) / С. В. Ткачев, Н. Н. Ткачева // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 214–227. DOI [10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi10](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi10). EDN [TPQCPV](https://www.edn.ru/TPQCPV).
2. *Ткачев, С. В.* Этапы процесса колонизации // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 20–33. DOI [10.31166/VoprosyIstorii201904Statyi03](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201904Statyi03). EDN [ZCLCEH](https://www.edn.ru/ZCLCEH).
3. *Полумордвинов, М. А.* Колонизация Чжеримского сейма Монголии, правого берега Амура и округа Айгунского и Син-дун-дао. Харбин : Штаб Заамур. окр. погранич. стражи, 1909. 86 с.
4. *Белоглазов, Г. П.* Русская земледельческая культура в Маньчжурии (середина XVII – первая треть XX в.) / Г. П. Белоглазов ; Российская акад. наук, Дальневосточное отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток : Дальнаука, 2007. 183 с. ISBN 978-5-8044-0798-9.
5. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.) / В. С. Мясников, Б. Г. Сапожников, Ф. В. Соловьев и др. ; отв. ред. Ф. В. Соловьев. Владивосток : Дальневосточное кн. изд-во, 1987. 422 с.
6. *Болховитинов, Л. М.* Колонизация Дальнего Востока. Москва : Директ-Медиа, 2014. 23 с. ISBN 9785446097753.
7. Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога / Сост. Экономическим бюро Китайской вост. жел. дор. Харбин, 1922. 692 с.
8. *Gottshang, T. R.* Swallows and Settlers: The Great Migration from North China to Manchuria / T. R. Gottschang, D. Lary. Ann Arbor, Michigan : University of Michigan Center for Chinese Studies, 2000. 232 p. DOI [10.3998/mpub.22808](https://doi.org/10.3998/mpub.22808).
9. *Reardon-Anderson, J.* Reluctant Pioneers: China's Expansion Northward, 1644–1937. Stanford, California: Stanford University Press, 2005. 312 p. ISBN 9780804751674.
10. 近代のはじまり. 常設展示解説書4. 北海道開拓記念館、2000. 52 p.
11. 永井秀夫、小池喜孝、関秀志編. 明治大正図誌 北海道. 第5巻. 筑摩書房、1978. 155 p.
12. *Ткачев, С. В.* Японская колонизация Хоккайдо (2-я половина XIX – начало XX века) / С. В. Ткачев, Н. Н. Ткачева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2015. № 3. С. 104–122. EDN [ULSSHZ](https://www.edn.ru/ULSSHZ).
13. 開けゆく大地. 常設展示解説書5. 北海道開拓記念館、2000. 52 p.
14. 関秀志、桑原真人、大庭幸生、高橋昭夫. 北海道の歴史、下(近代・現代編)新版. 北海道新聞社、2006. 412p. ISBN 4894533804.
15. 不況から戦争へ. 常設展示解説書6. 北海道開拓記念館、2000. 51 p.

Сведения об авторах:

Ткачев Сергей Викторович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sertk@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9279-5864](https://orcid.org/0000-0001-9279-5864); РИНЦ Author ID: [749241](https://elibrary.ru/749241); Web of Science Researcher ID: [R-7748-2019](https://orcid.org/0000-0001-9279-5864); Scopus Author ID: [56669485600](https://orcid.org/0000-0001-9279-5864).

Ткачева Наталья Николаевна, кандидат политических наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, Московский международный университет, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: natalk@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-8935-7142](https://orcid.org/0000-0001-8935-7142); РИНЦ Author ID: [749244](https://elibrary.ru/749244).

Статья поступила в редакцию 15.09.2023; принята в печать 20.11.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MANAGING THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF WASTELANDS: THE HISTORICAL EXPERIENCE OF MANCHURIA AND HOKKAIDO AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

Sergey V. Tkachev

Institute of Demographic Research FNISC RAS, Moscow, Russia

E-mail: sertk@mail.ru

Natalia N. Tkacheva

Moscow International University, Moscow, Russia

E-mail: natalk@mail.ru

For citation: Tkachev, Sergey V. *Managing the Demographic Development of Wastelands: The Historical Experience of Manchuria and Hokkaido at the Turn of the XIX–XX Centuries* / S. V. Tkachev, N. N. Tkacheva. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 183–196. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.11).

Abstract. Mankind has developed many methods of settlement. Most of them today have only informational value. For practical purposes, we may be interested in cases that are recent by historical standards, characterized, on the one hand, by mass character, and on the other, taking into account the increasing value of human life. In this article we will look at two such cases that took place at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. in Northeast Asia – Manchuria and Hokkaido. By this time, this region had become a concentration of political interests of powers. To a large extent, world attention is beginning to shift to the events taking place here due to the gradually opening economic potential of the planetary level. Wars and uprisings break out here, and at the same time migrants actively flock here. What were the goals of this movement? How was it controlled? How was it stimulated? What do these processes have in common and what are different from each other? When considering the methods of land development of Manchuria and Hokkaido, the authors noted their common features and differences, the borrowing of foreign experience and its inevitable adaptation to the unique social conditions of East Asia a century ago, as well as their own Japanese and Chinese practices.

Keywords: Manchuria, Hokkaido, resettlement, land development methods, colonization, demography

References

1. Tkachev, S. V. Prichiny i tseli organizatsii massovogo pereseleniya krest'yan morskim putem (1882–1883 gg.) [Reasons and goals of organizing the mass resettlement of peasants by sea (1882–1883)] / S. V. Tkachev, N. N. Tkacheva. *Voprosy Istorii*. 2020. No. 1. Pp. 214–227. DOI [10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi10](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi10). (In Russ.).
2. Tkachev, S. V. Stages of Colonizations Process. *Voprosy Istorii*. 2019. No. 4. Pp. 20–33. DOI [10.31166/VoprosyIstorii201904Statyi03](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201904Statyi03). (In Russ.).
3. Polumordvinov, M. A *Kolonizatsiya Chzherimskogo seyma Mongolii, pravogo berega Amura i okruga Aygun'skogo i Sin-dun-dao* [Colonization of the Zherim Seim of Mongolia, the right bank of the Amur and the Aigun district and Xing-dong-dao]. Harbin : Headquarters of the Zaaumur District Border Guard, 1909. 86 p. (In Russ.).
4. Beloglazov, G. P. *Russkaya zemledel'cheskaya kul'tura v Man'chzhurii (seredina XVII – pervaya tret'*

XX v.) [*Russian agricultural culture in Manchuria (mid-17th – first third of the 20th century)*] / G. P. Beloglazov ; Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. Vladivostok : Dal'nauka, 2007. 183 p. ISBN 978-5-8044-0798-9. (In Russ.).

5. *Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII–XX v. [History of Northeast China in the 17th–20th centuries].* Book 1. Man'chzhuriya v epokhu feodalizma (XVII – nachalo XX v.) [Manchuria in the era of feudalism (17th – early 20th century)] / V. S. Myasnikov, B. G. Sapozhnikov, F. V. Solovyov et al. ; ex. ed. F. V. Soloviev. Vladivostok : Far Eastern Book Publishing House, 1987. 422 p. (In Russ.).

6. Bolkhovitinov, L. M. *Kolonizatsiya Dal'nego Vostoka [Colonization of the Far East]*. Moscow : Direct-Media Publishing House, 2014. 23 p. ISBN 9785446097753. (In Russ.).

7. *Severnaya Man'chzhuriya i Kitayskaya Vostochnaya zheleznaya doroga [Northern Manchuria and the Chinese Eastern Railway]* / Compiled by conomic Bureau of China Eastern Railway. Harbin, 1922. 692 p. (In Russ.).

8. Gottshang, T. R. *Swallows and Settlers: The Great Migration from North China to Manchuria* / T. R. Gottschang, D. Lary. Ann Arbor, Michigan : University of Michigan Center for Chinese Studies, 2000. 232 p. DOI [10.3998/mpub.22808](https://doi.org/10.3998/mpub.22808).

9. Reardon-Anderson, J. *Reluctant Pioneers: China's Expansion Northward, 1644–1937*. Stanford, California: Stanford University Press, 2005. 312 p. ISBN 9780804751674.

10. 近代のはじまり. 常設展示解説書4. [*The beginning of modern times. Permanent exhibition manual 4*]. 北海道開拓記念館、2000. 52p. (In Japanese).

11. 永井秀夫、小池喜孝、関秀志. [Hideo Nagai, Yoshitaka Koike, Hideshi Seki]. 明治大正図誌北海道. [*Hokkaido in Meiji-Taisho Era: Photos & Catalog*]. 第5巻. 筑摩書房、1978. 155p. (In Japanese).

12. Tkachev, S. V. Japanese Colonization of Hokkaido (End of XIX – Early XX Centuries) / S. V. Tkachev, N. N. Tkacheva. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2015. No. 3. Pp. 104–122. (In Russ.).

13. 開けゆく大地. 常設展示解説書5. [*The land of opening. Permanent exhibition manual 5*]. 北海道開拓記念館、2000. 52p. (In Japanese).

14. 関秀志、桑原真人、大庭幸生、高橋昭夫. [Hideshi Seki, Masato Kuwabara, Yukio Oba, Akio Takahashi]. 北海道の歴史、下(近代 現代編)新版. [*History of Hokkaido. Part 2 (Modern/ Contemporary History)*]. New Edition]. 北海道新聞社、2006. 412p. ISBN 4894533804. (In Japanese).

15. 不況から戦争へ. 常設展示解説書6. [*From depression to war. Permanent exhibition manual 6*]. 北海道開拓記念館、2000. 51p. (In Japanese).

Bio notes:

Sergey V. Tkachev, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sertk@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9279-5864](https://orcid.org/0000-0001-9279-5864); RSCI Author ID: [749241](https://rsci.org/749241); Web of Science Researcher ID: [R-7748-2019](https://orcid.org/R-7748-2019); Scopus Author ID: [56669485600](https://orcid.org/56669485600).

Natalya N. Tkacheva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Moscow International University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nataltk@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-8935-7142](https://orcid.org/0000-0001-8935-7142); RSCI Author ID: [749244](https://rsci.org/749244).

Received on 15.09.2023; accepted for publication on 20.11.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12)EDN [FKGLMM](https://www.edn.ru/entry/FKGLMM)

АДАПТАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ ДЛЯ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Леденева В. Ю.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

Для цитирования: Леденева, В. Ю. Адаптационные центры для мигрантов в контексте миграционной политики России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 197–208. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12). EDN [FKGLMM](https://www.edn.ru/entry/FKGLMM).

Аннотация. Миграция стала неотъемлемой частью социокультурной и экономической динамики, однако успешная адаптация мигрантов остается приоритетной задачей для обеспечения стабильности и развития общества. По мере того, как международная миграция продолжает наращивать свой объем, необходимо более глубокое понимание того, как меры по адаптации мигрантов влияют на демографические показатели и перспективы страны. В связи с чем актуализируется потребность в создании миграционных адаптационных центров и в выявлении их роли в демографическом развитии государства. Этот аспект изучения представляет собой научную новизну и дополняет знания о миграции и демографических изменениях. Целью данного исследования является изучение отношения государственных и муниципальных служащих к проблемам регулирования миграционных процессов и вопросам создания миграционных адаптационных центров, выявления основных тенденций, требующих системных изменений и новых подходов к миграции. Обосновывается понятие «демографическая интеграция», отражающее взаимосвязь и влияние успешной адаптации мигрантов на демографическое развитие общества, охватывая такие аспекты, как изменения в структуре населения, рождаемости, трудовой силе и другие демографические параметры, которые могут быть прямо или косвенно связаны с процессом адаптации мигрантов. Исходные данные: пилотажное социологическое исследование, проведенное среди государственных и муниципальных служащих, которые прошли обучение по программе повышения квалификации в разных регионах России. Сбор данных осуществлялся методом экспертного опроса. Результаты исследования показали разнонаправленный подход государственных и муниципальных служащих к ключевым аспектам миграционных процессов. Большинство респондентов выразило поддержку созданию миграционных адаптационных центров, что указывает на необходимость предоставления мигрантам знаний и навыков, которые бы способствовали их более успешной адаптации в российское общество. Данный фактор подчеркивает важность тщательной разработки адаптационных образовательных программ и услуг миграционных центров. Научный вклад: в оборот вводится понятие «демографическая интеграция», в контексте которого оценивается роль миграционных адаптационных центров в демографическом развитии России и подчеркивается необходимость учета социальных и демографических аспектов миграционных процессов. Область применения: результаты исследования могут быть использованы для разработки и улучшения политики в области миграции и адаптации мигрантов, а также для изучения динамики демографических процессов в России.

Ключевые слова: миграционные адаптационные центры, государственные и муниципальные служащие, социологический опрос, демографическая интеграция, адаптация мигрантов

Введение

В современном мире миграционные процессы – неотъемлемая часть глобальной динамики, сопровождающейся перемещением миллионов людей между странами и регионами. Миграция оказывает существенное воздействие на социальную, экономическую и демографическую структуру обществ, требуя от государств разработки сбалансированных стратегий для успешной интеграции мигрантов и их участия в жизни новых общностей. В таком контексте вопрос о создании миграционных адаптационных центров становится ключевым для обеспечения устойчивой демографической динамики и социальной стабильности.

Анализ взаимосвязи влияния миграционных процессов и демографических вы-

зовов в России включает не только экономические и производственные потребности, которые могут быть решены привлечением внешних ресурсов из демографически активных стран, но и проблематику успешной адаптации мигрантов. Развитие механизмов более эффективной адаптации и интеграции внешних мигрантов авторы некоторых исследований выделяют в отдельное направление государственной миграционной политики. По их мнению, это будет способствовать решению части демографических проблем, стоящих перед современной Россией [1].

Оценка демографических последствий миграции для населения трудоспособного возраста внутри Европейского союза находится сегодня в фокусе внимания европейских исследователей, хотя до недавнего времени такие проблемы игнорировались. Научные дискурсы об интеграции мигрантов акцентируют внимание на широком разнообразии причин миграции и высокой степени неоднородности демографического поведения мигрантов [2]. Эти вопросы особенно актуальны для сравнительного анализа категорий мигрантов из стран ЕС и стран, не являющихся членами союза, и связанным с ними неравенством в жизненных траекториях, а следовательно, и его влиянием на социальную сплоченность, что в целом имеет важное значение как для исследователей, так и для широких слоев общества.

Демографические проблемы в европейских исследованиях в основном сфокусированы на проблемах старения населения в государствах-членах ЕС. Государства-члены ЕС, которые существенно различаются по своей возрастной структуре, рынкам труда [3], социальной помощи и системам социального обеспечения [4], по-разному реагируют на проблемы, связанные со старением населения [5]. Основные вопросы, вызывающие беспокойство, касаются обеспечения социальными гарантиями пенсионеров, численность которых ежегодно увеличивается, и зависят от снижения доли экономически активного населения [6]. В целом обсуждение политики сосредоточено на роли международной миграции, которая могла бы оказать омолаживающее воздействие, с учетом того, что мигранты, прибывающие в ЕС, как правило, молоды и по сравнению с коренным населением имеют больше детей [7].

В последние годы специальные выпуски научных докладов о миграционных процессах в ЕС чаще всего посвящены интеграционным аспектам на региональном и местном уровне и политике Европейского союза, направленной на интересы местного сообщества [8]. Миграционная политика Европы становится более локальной, формируется инфраструктура для реализации механизмов интеграции мигрантов в местные сообщества, таким образом, местные власти, помимо простой реализации тех или иных задач, вносят вклад в управление политикой интеграции мигрантов.

Другими словами, исследуются взгляды на реализацию политики интеграции мигрантов в условиях, характеризующихся децентрализацией национальной политики стран ЕС. Конкретные исследования сосредотачиваются на локализме и мейнстриминге, которые в последнее время доминируют в политических дебатах [9]. В рамках данных исследований особое внимание уделяется европейским интеграционным центрам для мигрантов. Анализируется их эффективность в контексте изменения качественных характеристик трудовых ресурсов иностранцев и их социокультурной интеграции. Вместе с тем необходимо отметить, что в зарубежной научной литературе практически отсутствуют работы о необходимости развития системы центров подготовки мигрантов. В основном эта тема рассматривается в контексте приема и проживания беженцев в центрах, функционирующих в качестве факторов, способствующих мобильности мигрантов в городах. Центры приюта для мигрантов

воспринимаются как гостеприимные места, деятельность которых концентрируется на взаимных отношениях и гуманитарной заботе о мигрантах в условиях ограниченного пространства [10].

В аналогичном направлении развивается научная мысль и в России. Роль миграционных адаптационных центров рассматривается в первую очередь как площадка для взаимодействия с местными сообществами, государственными и муниципальными органами власти [11]. Второй важный аспект значимости миграционных центров касается долговременных эффектов адаптации мигрантов [12]. Некоторые исследователи проводят долгосрочный анализ с тем, чтобы определить, как адаптация мигрантов влияет на демографические показатели, такие как рождаемость и структура населения [13].

Обобщая обзор исследований в данной области, подытожим: российские ученые признают важность миграционных адаптационных центров для интеграции мигрантов в новое общество и подчеркивают, что эти центры могут играть ключевую роль в поддержании устойчивой демографической динамики. Анализ отношения государственных служащих к таким центрам дает представление о том, какие вызовы и возможности существуют в контексте их внедрения в российском обществе¹.

Методы исследования

Для изучения отношения государственных и муниципальных служащих к вопросам адаптации мигрантов и создания миграционных центров, автор вводит понятие «демографическая интеграция», которое отражает взаимосвязь и влияние успешной адаптации мигрантов на демографическое развитие общества. Демографическая интеграция охватывает такие аспекты, как изменения в структуре населения, рождаемости, трудовых ресурсах и другие параметры, которые могут быть прямо или косвенно связаны с процессом адаптации мигрантов. Демографическая интеграция предполагает, что успешная социальная адаптация мигрантов может способствовать их более полному и продолжительному участию в экономической и социокультурной жизни страны-приема, а также влиять на долговременные демографические тенденции. Таким образом, мигранты становятся неотъемлемой частью демографической структуры и общественной жизни страны, в которую они прибыли. Подобное понимание демографической интеграции помогает более глубоко исследовать взаимосвязь между адаптацией мигрантов и демографическим развитием, определить значимость миграционных центров в этом процессе.

Социологическое исследование, проводимое в рамках нашего исследования, направлено на анализ отношения государственных служащих к созданию миграционных адаптационных центров в России на конкретных территориях, являющихся миграционно привлекательными. Государственные органы власти играют важную роль в формировании и реализации политики по интеграции мигрантов, и их взгляды и убеждения оказывают значительное влияние на принятие решений в этой сфере. Путем анализа результатов опроса государственных служащих выявляется степень поддержки миграционных адаптационных центров на государственном уровне, их роль и значение с точки зрения обеспечения демографического развития Российской Федерации.

---

¹ Миграционные центры в регионах необходимо сохранить / Законодательное Собрание Калужской области : [сайт]. URL: <https://www.zskaluga.ru/deyatelnost/novosti/migratsionnye-tsentry-v-regionakh-neobkhodimo-sokhranit/> (дата обращения: 15.09.2023).

Социологический анализ и внимание к позиции государственных служащих помогают понять сложности и перспективы внедрения таких центров в практике государственных органов. Анкета опроса состояла из 15 вопросов, разделенных на два блока: отношение государственных и муниципальных служащих к миграционной сфере и их отношение к созданию миграционных центров. Опрос проводился в соответствии с выборкой и соблюдением этических стандартов, включая анонимность респондентов и получение их согласия на участие в исследовании.

Результаты и обсуждение исследования

Социологическое исследование, проведенное в октябре – декабре 2022 г., имело целью выявить отношение государственных и муниципальных служащих (далее – ГМС) к необходимости создания миграционных адаптационных центров и форме их функционирования. В ходе пилотного обследования опрошены 132 респондента. География регионов: г. Москва, г. Уфа, г. Якутск, г. Салехард. Анкета состояла из 15 вопросов, выделенных в отдельные блоки.

Первый блок касался отношение ГМС к миграционной сфере. Большинство ГМС выразило сомнение относительно эффективности текущих механизмов регулирования миграционных процессов. Они отметили необходимость усовершенствования законодательства и более строгого контроля за миграционными потоками (62%). Подавляющая часть ГМС считает, что текущая система регулирования миграции требует серьезных изменений, включая усиление мер по адаптации и обучению мигрантов.

В ходе исследования были получены заслуживающие особого внимания результаты относительно уровня информированности государственных и муниципальных служащих о нормах миграционного и трудового законодательства. Важно отметить следующее: только 12% ГМС положительно оценили свой уровень информированности о нормах миграционного и трудового законодательства. 88% указали на низкий уровень осведомленности. Эти результаты подчеркивают серьезность проблемы правовой грамотности государственных и муниципальных служащих в миграционных и трудовых вопросах, несмотря на их ключевую роль в регулировании и обеспечении соблюдения законодательства в данной сфере.

В вопросе об источниках информации для мигрантов ГМС указали на то, что наиболее распространенным источником информации являются «родственники/ друзья/ знакомые». Этот ответ был выбран 46% ГМС; 33% отметили вариант «через представителей диаспоры, общественные организации»; на третьем месте – ответ «через СМИ и Интернет, в социальных сетях» (15%). Подтверждается мнение о том, что мигранты чаще получают информацию через негосударственные каналы и больше доверяют своим соотечественникам и знакомым, чем официальным источникам. Лишь небольшое количество респондентов (5%) ответили, что для получения информации мигранты напрямую обращаются в органы внутренних дел или МФЦ. Мнения ГМС подтверждают сложившуюся практику, при которой мигранты предпочитают получать информацию о правилах пребывания и о работе через личные связи. Таким источникам информации мигранты больше доверяют, т. к. могут получить и практический опыт, и советы, которые оцениваются как более доступные и понятные. Данные результаты подчеркивают важность усиления роли государственных органов власти в обеспечении адаптации мигрантов и свидетельствуют о необходимости улучшения доступа мигрантов к соответствующей поддержке со стороны властей.

По мнению 84% респондентов, мигранты при доступе в Интернет используют

«русскоязычный и родной» сегменты. Ответы «только русскоязычный» или «только родной» получили менее 5%. Эти цифры подтверждают, что русский язык является ключевым в российском информационном пространстве, и несмотря на то, что уровень знания русского языка мигрантами постепенно снижается, тем не менее они предпочитают использовать его для получения информации в сети.

Вопросы о том, куда обратятся мигранты, если им понадобится юридическая, психологическая, медицинская и другие консультации, не вызвали затруднений у участников опроса, и их ответы неожиданными не стали. Большинство опрошенных ответило: «к родственникам/ знакомым/ друзьям» – 74%. Такие результаты подтверждают роль миграционных сетей и личных связей в обеспечении мигрантов необходимыми ресурсами и информацией. Мигранты оказывают друг другу поддержку и делятся знаниями через свои социальные контакты. Миграционные сети, формируемые мигрантами, являются исключительно важными для обеспечения приезжих всей необходимой информацией и ресурсами, включая консультации в юридических, психологических, медицинских и прочих вопросах. Более того, они обеспечивают мигрантам чувство общности и поддержки в новой среде, что может способствовать их успешной адаптации. Понимание этой роли миграционных сетей может помочь государственным органам в разработке подходов и программ, направленных на поддержку мигрантов.

В вопросе «Требуется ли использование труда мигрантов в различных сферах деятельности дополнительных мер регулирования на федеральном и/ или муниципальном уровнях?» значительное большинство респондентов (88%) выбрали положительный ответ. Соответственно, респонденты признали, что существующих мер и механизмов регулирования труда мигрантов недостаточно, и требуются дополнительные усилия на федеральном и муниципальном уровнях. Косвенно подтверждается тезис о необходимости формирования многоуровневой комплексной системы адаптации мигрантов, основанной на деятельности миграционных адаптационных центров. Понимают это и сами государственные и муниципальные служащие.

Позиция 67% ГМС о необходимости ограничения притока иностранных граждан, приезжающих в Российскую Федерацию на заработки, вызывает некоторую обеспокоенность. С такими данными соотносятся полученные в ходе опроса результаты, когда 80% опрошенных ответили «да» на вопрос о росте антимигрантских настроений в связи с криминально-бытовыми конфликтами, что указывает на наличие определенных опасений или даже на восприятие мигрантов как фактора, влияющего на безопасность в регионе.

Во второй блок анкеты вошли вопросы, проясняющие отношение государственных и муниципальных служащих к созданию миграционных центров. Выяснилось, что 98% участников опроса поддерживают идею создания таких адаптационных центров. Они видят в них потенциал для более успешной интеграции мигрантов, в т. ч. средство решения многих социокультурных и экономических проблем.

Для государственных органов это может служить сигналом о необходимости разработки и внедрения политик и программ, направленных на создание и эффективное функционирование миграционных центров, где будут предоставляться разнообразные услуги, включая консультации, языковые курсы, помощь в оформлении документов и т. п. ресурсы, способствующие успешной адаптации мигрантов в российском обществе.

Итоги ответов респондентов на вопрос о том, в какой форме должно осуществ-

вляться функционирование миграционных центров, указывают на разнообразные предпочтения и отсутствие какого-либо единого взгляда на такую дискуссионную проблему. По мнению опрошенных, центры должны функционировать в форме «домиграционной подготовки в странах исхода мигрантов». Так считают 43% ГМС. Более того, они отмечают потребность в подготовке мигрантов до въезда в Россию в качестве основного фактора их последующей адаптации на новом месте. В данном контексте актуальным становится вопрос разработки и внедрения программ и механизмов подобной подготовки в странах исхода мигрантов. Эти программы могут включать в себя обучение языку, ознакомление с нормами и правилами миграции, правовыми и социокультурными аспектами жизни в стране назначения, подготовку к трудоустройству, включающую не только поиск работы и установление контактов с будущим работодателем, но и подтверждение квалификации иностранного работника.

«Миграционные центры регионального уровня при территориальном подразделении УФМС» выбрали 12% респондентов. Этот вариант предполагает создание на региональном уровне специализированных центров, ориентированных на работу с мигрантами в конкретных регионах РФ с учетом особенностей миграционной ситуации. 11% предпочли вариант ответа «миграционные центры, организованные коммерческими структурами», подразумевая участие частных работодателей и торгово-промышленных палат (ТПП) в создании миграционных центров. Четверть опрошенных посчитала, что миграционные центры должны учреждаться общественными организациями, содействующими адаптации мигрантов. И наконец, вариант «миграционные центры, организованные национально-культурными ассоциациями (НКА), диаспорами, этническими или религиозными структурами» поддержали 17% респондентов. Полученные нами результаты показывают, что даже среди ГМС существует разнообразие мнений о том, какими организациями и структурами должны создаваться миграционные центры и регулироваться их деятельность. Возможно, оптимальный вариант зависит от конкретных региональных и контекстуальных условий, а также ресурсов, доступных для реализации конкретных моделей миграционных центров.

Итоги исследования выявили и разные взгляды ГМС по вопросу финансирования деятельности миграционных центров. Вариант финансирования из федерального бюджета выбран фактически наибольшим количеством респондентов (32%), ибо такое финансирование центров может обеспечить их более стабильную работу. 14% опрошенных считают, что центры должны финансироваться из регионального бюджета. Этот вариант может быть адаптирован под конкретные региональные потребности и особенности миграционной ситуации. Но максимальный результат (34%) получил ответ «на самоокупаемости (когда мигранты сами оплачивают консультации)». Данный вариант можно считать устойчивым источником финансирования, особенно если предоставляемые услуги востребованы мигрантами. Несмотря на это, нельзя упускать из виду ситуацию, при которой мигранты могут посчитать излишними тратами обращения за консультациями в миграционные центры, что будет способствовать еще большему их отчуждению от официальных структур и усилению влияния разного рода посредников, действующих в неправовом поле при оказании консультационных услуг мигрантам. Вариант «за счет взносов этнических организаций (диаспор) или пожертвований» выбрали 12% респондентов. На наш взгляд, подобный источник финансирования можно рассматривать только как дополнительный

ный, поскольку этнические группы также требуют контроля и внимания со стороны государственных структур. Небольшое количество респондентов поддержало идею о финансировании миграционных центров работодателями (16%). Такой вариант может быть связан с интересами работодателей в обеспечении успешной адаптации своих иностранных работников. Однако реальная ситуация показывает, что работодатели неохотно участвуют в адаптации мигрантов, считая, это исключительной задачей государства. Анализ ответов на данный вопрос подчеркивает важность ясной и информативной коммуникации со стороны государственных органов и других заинтересованных сторон относительно механизмов финансирования миграционных центров. Государственные и муниципальные служащие могут нуждаться в более четкой и конкретной информации о том, откуда и как будет происходить финансирование миграционных центров.

Один из вопросов был посвящен структуре центров. Почти одинаковые результаты получили варианты «юридический отдел» (23%) и «служба занятости» (23%). По мнению участников опроса, юридический отдел будет заниматься предоставлением юридических консультаций и помощью мигрантам в решении правовых вопросов, связанных с их пребыванием на территории Российской Федерации. Служба занятости будет решать вопросы оказания помощи мигрантам в поиске работы и трудоустройстве, что является ключевым аспектом успешной адаптации. Информационный отдел (18% ответов) будет предоставлять мигрантам актуальную информацию о правилах, процедурах и ресурсах, доступных им в стране пребывания. Культурно-просветительский отдел (11%) заниматься вопросами включения мигрантов в новую для них социокультурную среду через организацию культурных и образовательных мероприятий. Респонденты отметили необходимость наличия и экспертно-аналитического отдела (10%), который должен заниматься анализом данных о посетителях центра и оценкой эффективности программ адаптации, а также отдела по организации работы с волонтерскими движениями (7%), деятельность которого будет состоять в сотрудничестве с волонтерами и общественными организациями, участвующими в адаптации мигрантов, и предоставлении им поддержки.

Завершающий вопрос в анкете касался основных функций миграционных центров. По мнению респондентов, ключевые отделы центров должны заниматься информационными и юридическими услугами. Среди функций центров большинство респондентов назвали «организацию курсов русского языка» (30%), «информационные услуги» (30%), «обучение квалификационным навыкам» (19%), «подготовку документов» (22%). Таким образом, из ответов следует, что важными факторами в адаптации мигрантов являются предоставление услуг по изучению русского языка и информационная поддержка. Эти функции в большей степени связаны с процессами регулирования миграционных процессов. Таким образом, результаты нашего экспертного опроса могут стать основой для разработки программ функционирования миграционных центров, т. к. эффективность их деятельности зависит от предоставления мигрантам разнообразных услуг, способствующих успешной адаптации в стране пребывания.

Заключение

Проведенное пилотажное социологическое исследование показало дифференцированный подход в группе государственных и муниципальных служащих к основным аспектам миграционных процессов. Оно позволило в первом приближении

оценить потенциал создания в России миграционных адаптационных центров, но при этом основной упор все же делался на домиграционную подготовку в государствах исхода мигрантов.

Поддержка идеи домиграционной подготовки в странах исхода мигрантов как части функций миграционных центров указывает на важность предоставления мигрантам знаний и навыков, которые способствовали бы их более успешной адаптации в российское общество. Кроме того, данный фактор подчеркивает важность тщательного планирования и адаптации программ и услуг миграционных центров, предоставляет возможность государственным органам рассмотреть разработку и поддержку образовательных программ для мигрантов.

В настоящее время Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России) реализует пилотные проекты в разных регионах страны по апробации учебных материалов курса «Содействие адаптации трудовых мигрантов из Центрально-Азиатского региона в Российской Федерации» в целях необходимости выработки и применения общих подходов к реализации государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации иностранных граждан. В перспективе результаты этих пилотных проектов планируется распространить на широкий спектр регионов, являющихся миграционно привлекательными для граждан ЦАР.

Программа курса содержит информацию для иностранных граждан по следующим основным темам, необходимым для успешной адаптации в российское общество: миграционное законодательство (включая порядок оформления и заполнения соответствующих документов); трудоустройство (права и обязанности); взаимодействие с органами государственной власти; нормы поведения в российском обществе (в том числе в общественных местах и при отправлении религиозных обрядов); ответственность за нарушение законодательства РФ; профилактика экстремизма и терроризма.

Осуществленное автором статьи исследование позволило сравнить отношение государственных и муниципальных служащих из различных регионов к миграционной ситуации и адаптации мигрантов на основе разного опыта и потребностей в области миграции. Например, в моноэтнической Республике Саха (Якутия) интенсивность миграционных потоков отражается на мнении госслужащих о необходимости создания адаптационных центров. Наряду с этим одной из причин различий во взглядах респондентов можно назвать неодинаковый уровень экспертных знаний в области миграции. Респонденты, непосредственно работающие в сфере миграции, поддерживают создание адаптационных центров как эффективное средство интеграции мигрантов. Их менее информированные коллеги, которые по роду деятельности только косвенно касаются вопросов миграции, могут сомневаться в их необходимости. Еще одной причиной разнообразных взглядов являются различия в уровне экономического развития регионов. В регионах с высокой безработицей и социальными проблемами госслужащие могут считать создание адаптационных центров дополнительной нагрузкой на бюджет, тогда как в развитых регионах это может рассматриваться как инвестиция. Однако в целом респонденты высоко оценили роль миграционных адаптационных центров в интеграции иностранцев в российское общество.

Респонденты подчеркивали необходимость постоянного мониторинга миграционной ситуации и проведения социологических исследований с тем, чтобы лучше понимать динамику и латентные факторы, влияющие на миграционные процессы.

Это позволит государственным органам и другим заинтересованным сторонам своевременно реагировать на негативные явления и разрабатывать более эффективные стратегии управления миграцией, что имеет важное значение для долгосрочной устойчивости и развития общества. Наконец, уникальность темы формирования миграционных центров и их ресурсного обеспечения открывает перспективы для проведения дальнейших сравнительных исследований в миграционной сфере.

На основе полученных результатов можно сделать некоторые выводы о роли миграционных центров:

1. Миграционные центры имеют потенциал стать действенным инструментом в демографическом развитии России, особенно с учетом специфических потребностей и ожиданий государственных и муниципальных служащих.

2. Поддержка идеи домиграционной подготовки, включая обучение русскому языку и профессиональным навыкам в странах исхода мигрантов, является важным средством, способствующим интеграции мигрантов в российское общество и рынок труда, их более гибкой адаптации и улучшению качества жизни, оказывающем положительное воздействие на демографическое развитие России.

3. Миграционные центры должны предоставлять разнообразные услуги, учитывая различия в приоритетах между мигрантами и ГМС: информационную и юридическую помощь, содействие в обучении русскому языку, получении и повышении профессиональной квалификации, подготовке документов. Такой подход способствует не только удовлетворению потребностей мигрантов, но и облегчает их адаптацию.

4. Проведение социологических исследований и постоянный мониторинг миграционной ситуации необходимы для более глубокого понимания динамики и потребностей мигрантов. Эти данные позволят государственным органам надлежащим образом реагировать на изменения в миграционных потоках и разрабатывать более эффективные политики и программы. Уникальность подобных исследований состоит в том, что тема формирования миграционных центров и их ресурсного обеспечения ранее не являлась предметом изучения, но она открывает перспективы для проведения комплексного анализа в миграционной сфере.

5. Важно учитывать латентные факторы, которые могут влиять на миграцию и интеграцию. Это включает в себя мнения и ожидания ГМС, которые могут не всегда отражаться в официальных статистиках. Миграционные центры могут стать местом, где такие факторы могут быть выявлены и учтены при разработке политик и программ.

6. Внимание к миграционным центрам и их ресурсному обеспечению имеет долгосрочное значение для демографического развития России. Эти центры могут способствовать интеграции мигрантов, укреплению их связи с российским обществом и в конечном счете участию в увеличении численности и разнообразии населения нашей страны.

Список литературы

1. Герасимова, И. В. Влияние миграционных процессов на демографическое развитие Российской Федерации / И. В. Герасимова, О. А. Нестерчук, В. О. Гришин // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 10 (74). С. 2731–2737. DOI [10.35775/PSI.2021.74.10.005](https://doi.org/10.35775/PSI.2021.74.10.005). EDN [NFHANJ](https://www.edn.ru/NFHANJ).

2. Ghio, D. Assessing the Demographic Impact of Migration on the Working-Age Population Across European Territories / D. Ghio, A. Goujon, N. Fabrizio // Demographic Research. 2022. Vol. 46, Article № 9. Pp. 261–272. DOI [10.4054/DemRes.2022.46.9](https://doi.org/10.4054/DemRes.2022.46.9).

3. *Mingione, E.* Labour Market Segmentation and Informal Work // Economic Transformation, Democratization and Integration into the European Union. Southern Europe in Comparative Perspective / Ed. by Gibson, H. D. London : Palgrave Macmillan, 2001. Pp. 149–192. ISBN 978-1-349-42104-6. DOI [10.1057/9780333977613_5](https://doi.org/10.1057/9780333977613_5).
4. *Esping-Andersen, G.* Social Foundations of Postindustrial Economies. Oxford : Oxford University Press, 1999. 218 p. ISBN 0198742010. DOI [10.1093/0198742002.001.0001](https://doi.org/10.1093/0198742002.001.0001).
5. *Goujon, A.* The Demographic Landscape of EU Territories: Challenges and Opportunities in Diversely Ageing Regions / A. Goujon, C. Jacobs-Crisioni, F. Natale [et al.]. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2021. 104 p. ISBN 978-92-76-27238-0. DOI [10.2760/49621](https://doi.org/10.2760/49621).
6. *Lutz, W.* Demographic Scenarios for the EU / W. Lutz, G. Amran, A. Belanger [et al.]. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2019. 92 p. ISBN 978-92-76-03215-1. DOI [10.2760/751889](https://doi.org/10.2760/751889).
7. *Kalmijn, M.* A Comparative Perspective on Intergenerational Support / M. Kalmijn, C. Saraceno // European Societies. 2008. Vol. 10, № 3. Pp. 479–508. DOI [10.1080/14616690701744364](https://doi.org/10.1080/14616690701744364).
8. *Fioretti, C.* Migrant Integration in the EU. The Role of Place-based Policies / C. Fioretti, P. Proietti, G. Tintori // European Journal of Spatial Development. 2023. Vol. 20, № 4. Pp. 1–6. DOI [10.5281/zenodo.8308390](https://doi.org/10.5281/zenodo.8308390).
9. *Galandini, S.* Stuck Between Mainstreaming and Localism: Views on the Practice of Migrant Integration in a Devolved Policy Framework / S. Galandini, G. Mulvey, L. Lessard-Phillips // Journal of Migration and Integration. 2019. № 20. Pp. 685–702. DOI [10.1007/s12134-018-0626-5](https://doi.org/10.1007/s12134-018-0626-5).
10. *Maurizio, A.* The Mobility of the Drop-in: Drop-in Centres for Migrants as Providers of Motility // Cities. 2020. Vol. 100, Article № 102654. DOI [10.1016/j.cities.2020.102654](https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102654).
11. *Бормотова, Т. М.* Регулирование миграционных процессов в системе управления Российской Федерации: новые модели // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16, № 4 (123). С. 59–67. DOI [10.17922/2071-3665-2017-16-4-59-67](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-4-59-67). EDN [ZWUECV](https://www.edn.ru/entry/2017-16-4-59-67).
12. *Жестяников, С. Г.* Основные направления и организация деятельности миграционных центров в современной России (на примере опыта работы миграционного центра, созданного в Вологодской области) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 63–66. EDN [VIDABV](https://www.edn.ru/entry/2015-11-63-66).
13. *Рязанцев, С. В.* Влияние миграции на трансформацию этнического состава населения России: тенденции и подходы к политике адаптации мигрантов / С. В. Рязанцев, В. Ю. Леденева, С. Н. Мищук // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 104–116. EDN [SBXJCS](https://www.edn.ru/entry/2023-1-104-116).

Сведения об авторе:

Виктория Юрьевна Леденева, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-9478-2917](https://orcid.org/0000-0002-9478-2917); РИНЦ Author ID: [366610](https://elibrary.ru/author/details.action?id=366610); Web of Science Researcher ID: [AAU-6083-2021](https://orcid.org/AAU-6083-2021); Scopus Author ID: [57208709009](https://orcid.org/57208709009).

Статья поступила в редакцию 16.09.2023; принята в печать 14.11.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ADAPTATION CENTERS FOR MIGRANTS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN MIGRATION POLICY

Victoria Yu. Ledeneva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

For citation: Ledeneva, Victoria Yu. Adaptation Centers for Migrants in the Context of Russian Migration Policy. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 197–208. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12).

Abstract. Migration has become an integral part of sociocultural and economic dynamics, but the successful adaptation of migrants remains a priority to ensure the stability and development of society. As international migration continues to increase, greater understanding is needed of how migrant adaptation measures affect a country's demographic indicators and prospects. In this connection, the need to create migration adaptation centers and to identify their role in the demographic development of the state is becoming urgent. This aspect of the study represents scientific novelty and complements knowledge about migration and demographic changes. The purpose of this research is to study the attitude of state and municipal employees to the problems of regulating migration processes and the creation of migration adaptation centers, identifying the main trends that require systemic changes and new approaches to migration. The concept of "demographic integration" is substantiated, reflecting the relationship and influence of successful adaptation of migrants on the demographic development of society, covering such aspects as changes in population structure, fertility, labor force and other demographic parameters that may be directly or indirectly related to the process of adaptation of migrants. Initial data: a pilot sociological study conducted among state and municipal employees who were trained under a professional development program in different regions of Russia. Data collection was carried out using the method of expert survey. The results of the study showed a multidirectional approach of state and municipal employees to key aspects of migration processes. The majority of respondents expressed support for the creation of migration adaptation centers, which indicates the need to provide migrants with knowledge and skills that would contribute to their more successful adaptation to Russian society. This factor emphasizes the importance of carefully developing adaptation educational programs and services of migration centers. Scientific contribution: the concept of "demographic integration" is introduced, in the context of which the role of migration adaptation centers in the demographic development of Russia is assessed and the need to take into account the social and demographic aspects of migration processes is emphasized. Scope of application: the results of the study can be used to develop and improve policies in the field of migration and adaptation of migrants, as well as to study the dynamics of demographic processes in Russia.

Keywords: migration adaptation centers, state and municipal employees, sociological survey, demographic integration, adaptation of migrants

References

1. Gerasimova, I. V. The Impact of Migration Processes on the Demographic Development of the Russian Federation / I. V. Gerasimova, O. A. Nesterchuk, V. O. Grishin. *Political Science Issues*. 2021. Vol. 11, No. 10 (74). Pp. 2731–2737. DOI [10.35775/PSI.2021.74.10.005](https://doi.org/10.35775/PSI.2021.74.10.005). (In Russ.).
2. Ghio, D. Assessing the Demographic Impact of Migration on the Working-Age Population Across European Territories / D. Ghio, A. Goujon, N. Fabrizio. *Demographic Research*. 2022. Vol. 46, Article No. 9. Pp. 261–272. DOI [10.4054/DemRes.2022.46.9](https://doi.org/10.4054/DemRes.2022.46.9).
3. Mingione, E. Labour Market Segmentation and Informal Work. In : *Economic Transformation, Democratization and Integration into the European Union. Southern Europe in Comparative Perspective* / Ed. by Gibson, H. D. London : Palgrave Macmillan, 2001. Pp. 149–192. ISBN 978-1-349-42104-6. DOI [10.1057/9780333977613_5](https://doi.org/10.1057/9780333977613_5).
4. Esping-Andersen, G. *Social Foundations of Postindustrial Economies*. Oxford : Oxford University Press, 1999. 218 p. ISBN 0198742010. DOI [10.1093/0198742002.001.0001](https://doi.org/10.1093/0198742002.001.0001).
5. Goujon, A. *The Demographic Landscape of EU Territories: Challenges and Opportunities in Diversely Ageing Regions* / A. Goujon, C. Jacobs-Crisioni, F. Natale [et al.]. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2021. 104 p. ISBN 978-92-76-27238-0. DOI [10.2760/49621](https://doi.org/10.2760/49621).
6. Lutz, W. *Demographic scenarios for the EU* / W. Lutz, G. Amran, A. Belanger [et al.]. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2019. 92 p. ISBN 978-92-76-03215-1. DOI [10.2760/751889](https://doi.org/10.2760/751889).
7. Kalmijn, M. A Comparative Perspective on Intergenerational Support / M. Kalmijn, C. Saraceno. *European Societies*. 2008. Vol. 10, No. 3. Pp. 479–508. DOI [10.1080/14616690701744364](https://doi.org/10.1080/14616690701744364).
8. Fioretti, C. Migrant Integration in the EU. The Role of Place-based Policies / C. Fioretti, P. Proietti, G. Tintori. *European Journal of Spatial Development*. 2023. Vol. 20, No. 4. Pp. 1–6. DOI [10.5281/zenodo.8308390](https://doi.org/10.5281/zenodo.8308390).
9. Galandini, S. Stuck Between Mainstreaming and Localism: Views on the Practice of Migrant Integration in a Devolved Policy Framework / S. Galandini, G. Mulvey, L. Lessard-Phillips. *Journal of Migration and Integration*. 2019. No. 20. Pp. 685–702. DOI [10.1007/s12134-018-0626-5](https://doi.org/10.1007/s12134-018-0626-5).
10. Maurizio, A. The Mobility of the Drop-in: Drop-in Centres for Migrants as Providers of Motility. *Cities*. 2020. Vol. 100, Article No. 102654. DOI [10.1016/j.cities.2020.102654](https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102654).
11. Bormotova, T. M. Regulation of Migration Processes in the Management System of the Russian Federation: New Models. *Social policy and sociology*. 2017. Vol. 16, No. 4 (123). Pp. 59–67. DOI [10.17922/2071-3665-2017-16-4-59-67](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-4-59-67). (In Russ.).
12. Zhestyannikov, S. G. Main Areas and Activity Centres in Modern Russia (on the Example of the

Migration Center Established in the Vologda Region). *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. No. 11. Pp. 63–66. (In Russ.).

13. Ryazantsev, S. V. Impact of Migration on the Transformation of the Ethnic Composition of the Population of Russia: Trends and Approaches to the Policy of Adaptation of Migrants / S. V. Ryazantsev, V. Yu. Ledeneva, S. N. Mishchuk. *Journal of Siberian Federal University. Humanity and Social Sciences*. 2023. Vol. 16, No. 1. Pp. 104–116. (In Russ.).

Bio note:

Victoria Yu. Ledeneva, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Head of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-9478-2917](https://orcid.org/0000-0002-9478-2917); RSCI Author ID: [366610](https://elibrary.ru/366610); Web of Science Researcher ID: [AAU-6083-2021](https://orcid.org/AAU-6083-2021); Scopus Author ID: [57208709009](https://orcid.org/57208709009).

Received on 16.09.2023; accepted for publication on 14.11.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13)EDN [VSKTQI](https://www.edn.ru/VSKTQI)

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА

Маньшин Р. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: manshin@list.ru

Моисеева Е. М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Для цитирования: Маньшин, Р. В. Влияние международной трудовой миграции на сбалансированность региональных рынков труда / Р. В. Маньшин, Е. М. Моисеева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 209–230. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13). EDN [VSKTQI](https://www.edn.ru/VSKTQI).

Аннотация. В последние годы спрос на рабочую силу на российском рынке труда продолжает расти, при этом численность рабочей силы, определяющая ее предложение, напротив, сокращается. В сложившейся ситуации бизнес указывает на желательность расширенного привлечения трудовых мигрантов, однако представители власти высказывают опасения, что это создаст угрозу для занятости российских граждан. Целью данной статьи является определение вклада внешней трудовой миграции в формирование рабочей силы в субъектах РФ с учетом специфики воспроизводства местных трудовых ресурсов. Научная новизна настоящей работы состоит в анализе современных статистических данных по внешней трудовой миграции и рынкам труда с детализацией по регионам России. Особое внимание авторы уделяют не только количественным характеристикам потоков иностранных работников, но и показателям качества этих трудовых ресурсов. Актуальность исследования обусловлена изменением баланса на рынках труда и трендов миграции населения под влиянием мощных стрессовых факторов последних лет, таких как пандемия COVID-19, начало специальной военной операции, новая волна санкций. Эмпирическую базу исследования составляет массив данных официальной статистики, для анализа которых используются стандартные статистические методы. На основе полученных результатов авторы обсуждают эффективность современной федеральной и региональной миграционной политики. В заключении статьи подводятся итоги проведенного исследования, определены возможные направления совершенствования инструментов управления перемещениями иностранной рабочей силы. Авторы приходят к выводу о том, что на сегодняшний день система регулирования мобильности трудовых ресурсов не обеспечивает соответствия их предложения изменившимся потребностям рынка труда, и обосновывают необходимость разработки селективной системы привлечения иностранных работников.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, нехватка рабочей силы, иностранная рабочая сила, потребность в иностранных работниках, экономическое развитие, демографическое развитие, миграционная политика, управление миграцией, баланс трудовых ресурсов, региональная экономика

Введение

В последние годы спрос на рабочую силу на российском рынке труда продолжает неуклонно расти. Так, за пятилетие с 2018 по 2022 г., по данным выборочного обследования Росстата, списочная численность работников предприятий в сумме с потребностью организаций в них увеличилась на 2,2 млн человек¹. При этом за тот же

¹ О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266> (дата обращения: 20.09.2023).

период численность рабочей силы, определяющая предложение на рынке труда, сократилась на 1,3 млн человек². Превышение предложения труда над спросом стремительно сокращается. Согласно оценкам некоторых экспертов, в мае 2023 г. оно могло приближаться всего к 500 тыс. человек³. По данным опросов Банка России (ЦБ), в III квартале 2023 г. обеспеченность кадрами оказалась ниже, чем в разгар пандемии в I квартале 2020 г.⁴, о нехватке персонала сообщили 60% предприятий⁵. В то же время безработица в июле-августе 2023 г. опустилась до рекордно низкого уровня в 3%⁶.

Причин такой напряженной ситуации на рынке труда можно назвать несколько. Прежде всего это объективно сложившаяся демографическая ситуация. На протяжении последних двух десятилетий, начиная с середины 2000-х гг., численность населения в трудоспособном возрасте неизменно сокращалась вплоть до 2019 г. по причине его естественной убыли и старения. Исключением стал лишь 2015 г., когда данная возрастная группа увеличилась за счет вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Лишь в 2019–2023 гг. начала наблюдаться положительная динамика⁷, обусловленная результатами реализации пенсионной реформы, повышением рождаемости в начале 2000-х гг., получением гражданства РФ жителями Донбасса и присоединением новых регионов.

Однако спрос на рабочую силу растет быстрее, чем ее численность. Объем рынка труда увеличился за счет расширения отечественного производства после ухода из страны иностранных компаний на фоне санкций, развития импортозамещения и увеличения государственных заказов, особенно на оборонную продукцию. Соответственно, с нехваткой персонала сталкивается в первую очередь промышленность⁸. Стремясь привлечь новых работников в условиях возросшей конкуренции, наниматели предлагают им более высокую заработную плату (рост на 13% в I полугодии 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом 2022 г.)⁹, что привело к некоторому повышению уровня участия россиян в составе рабочей силы (0,2% за I полугодие 2023 г.)¹⁰, но означало дополнительные расходы для предприятий.

В сложившейся ситуации бизнес указывает на желательность расширенного привлечения трудовых мигрантов на российский рынок труда не только из безвизово-

² Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 20.09.2023).

³ Рабочая сила за полгода возросла на 300 000 человек // Ведомости : [сайт]. 04.08.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/08/04/988460-rabochaya-sila-za-polgodu-vozroslo> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴ Мониторинг предприятий № 10. Октябрь 2023 года // Банк России : [сайт]. URL: <https://cbr.ru/collection/collection/file/46496/1023.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

⁵ Региональная экономика: комментарии ГУ № 22. Сентябрь 2023 года // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46309/report_01092023.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

⁶ Социально-экономическое положение России. Январь-август 2023 года // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-08-2023.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

⁷ Среднегодовая численность трудовых ресурсов // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36730> (дата обращения: 20.09.2023).

⁸ Региональная экономика: комментарии ГУ № 22. Сентябрь 2023 года // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46309/report_01092023.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

⁹ Социально-экономическое положение России. Январь-август 2023 года // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-08-2023.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁰ Уровень участия в составе рабочей силы // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/34028> (дата обращения: 20.09.2023).

вых стран¹¹, но и из дальнего зарубежья¹². Вместе с тем в парламенте высказываются мнения о необходимости, напротив, ограничить въезд иностранцев в интересах трудоустройства российских граждан¹³. Таким образом, соблюдение баланса интересов всех участников рынка труда требует решений, основанных на более детальном анализе.

Целью настоящей работы является определить вклад внешней трудовой миграции в формирование рабочей силы в регионах России с учетом специфики воспроизводства трудовых ресурсов. Для этого нами будут проанализированы количественные характеристики входящих потоков иностранных работников, их географическая направленность, распределение по занятиям и уровню образования, что позволит ответить на вопросы о том, каковы уровень и характер влияния миграционных процессов на рынки труда различных регионов, и на что должны быть направлены меры их регулирования.

Обзор научной литературы

Демографические прогнозы свидетельствуют, что в ближайшие десятилетия миграция будет оставаться единственным компонентом изменения численности населения, обеспечивающим его прирост в странах с высоким уровнем дохода [1]. Не станет исключением и Россия, причем миграционный прирост в стране не сможет полностью компенсировать естественную убыль¹⁴. В свете подобных фактов многие ученые-демографы традиционно рассматривали внешнюю миграцию именно в контексте динамики численности и возрастной структуры населения как зарубежом [2–4 и др.], так и в России [5–7 и др.], возлагая на нее надежды в плане смягчения негативных последствий демографического перехода, связанных со старением и сокращением населения. Между тем проведенные нами подсчеты показывают, что потенциал миграции в данном отношении далеко не безграничен [8].

Аналогичным образом трудовая миграция, под которой понимается прежде всего внешняя миграция [9], традиционно рассматривается как источник пополнения трудовых ресурсов страны-реципиента. В западной литературе фундаментальные работы по этой проблеме начали появляться уже с конца 1980-х гг. [10; 11 и др.]. В отечественной науке внимание к процессам трудовой миграции возросло в середине 2000-х гг. после ее заметного всплеска в начале десятилетия и на фоне ухудшения прогнозов национальных трудовых ресурсов. Сформировавшееся в тот период понимание экономической необходимости привлечения иностранной рабочей силы [напр., 12] разделяет большинство демографов и сегодня [13–15 и др.].

Основная часть исследований трудовой миграции в области экономических наук основана на анализе официальной статистики. Например, детальный анализ такого

¹¹ Трудовые формальности просят упростить // Коммерсантъ : [сайт]. 02.02.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5798500> (дата обращения: 20.09.2023).

¹² Титов предложил Путину расширить приток мигрантов из Юго-Восточной Азии // РБК : [сайт]. 27.09.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/09/2023/65130b859a79478410e19568> (дата обращения: 05.10.2023).

¹³ В ЛДПР считают, что мигранты должны работать в РФ по запросу // Парламентская газета : [сайт]. 11.10.2023. URL: <https://www.pnp.ru/economics/v-ldpr-schitayut-chto-migranty-dolzheny-rabotat-v-rf-po-zaprosu.html> (дата обращения: 11.10.2023).

¹⁴ Изменение численности населения по вариантам прогноза // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn1.xls> (дата обращения: 25.09.2023).

рода, охватывающий и региональный уровень, содержит доклад РАНХиГС 2015 г. [16]. Социологические исследования, опирающиеся на опросы мигрантов и их работодателей, направлены на преодоление ограничений статистических данных [напр., 17; 18]. Методологические походы к изучению миграции населения и механизмов функционирования российского рынка труда развиваются за счет использования математического моделирования [напр., 19; 20]. Часть ученых продолжает работу в парадигме баланса трудовых ресурсов [напр., 21; 22].

Научная новизна настоящей работы состоит в анализе современных статистических данных по внешней трудовой миграции и рынкам труда с детализацией по регионам Российской Федерации, что необходимо в силу высокой степени дифференциации показателей их развития. Особое внимание авторы уделяют не только количественным характеристикам потоков иностранных работников, но и показателям качества этих трудовых ресурсов.

За последние несколько лет социально-экономическая и социально-демографическая ситуация в России и других странах подверглась воздействию сразу нескольких мощных стрессовых факторов, таких как пандемия COVID-19, начало специальной военной операции, новая волна санкций, спровоцировавшая колебания курса рубля. Вероятность изменений трендов миграции населения и баланса на рынках труда под влиянием перечисленных кризисных явлений обуславливает актуальность исследования.

Материалы и методы

В работе использован доступный на момент проведения исследования¹⁵ массив данных официальной статистики, размещенных в открытом доступе на сайте и в публикациях Росстата, в системе ЕМИСС, на сайте МВД России, а также полученных от Росстата по запросу.

По мнению авторов статьи, данные по выбытию внешних мигрантов, а следовательно, и по миграционному приросту за 2022 г. имеют серьезные ограничения. В целях преодоления последствий пандемии течение сроков регистрации иностранных граждан было приостановлено Указом Президента РФ¹⁶ с 16.06.2021 по 31.12.2021. Поскольку Росстат фиксирует выбытия мигрантов по факту их снятия с регистрационного учета¹⁷, то действие данного указа фактически привело к переносу наблюдаемых статистикой выбытий иностранных мигрантов с 2021 г. на 2022 г. В результате миграционный отток в 2021 г. сократился по сравнению с 2020 г. почти на 250 тыс., а в 2022 г. возрос на 430 тыс. в сравнении с 2021 г. и на 180 тыс. по сравнению с 2020 г. При этом статистика не зафиксировала значимого всплеска выбытий российских граждан: 65,2 тыс. в 2022 г. против 63,9 тыс. в 2021 г. и 73,4 тыс. в допандемийном 2019 г.¹⁸ Т. е. до 200 тыс. иностранцев могли в реальности покинуть Россию еще в 2021 г., одна-

¹⁵ Данные приведены без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям, поскольку таковая на момент проведения исследования была недоступна.

¹⁶ Указ о временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Президент России : [сайт]. 15.06.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65863> (дата обращения: 25.09.2023).

¹⁷ Методологические пояснения // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metod-poyasn_demo.htm (дата обращения: 25.09.2023).

¹⁸ Данные Росстата, предоставленные по запросу.

ко продолжали числиться на ее территории до 2022 г. На том основании, что с точностью установить объем искажения данных не представляется возможным¹⁹, в настоящей работе мы будем использовать цифры по прибытиям иностранных мигрантов, а не по миграционному приросту. Число прибывших в 2019–2022 гг. оставалось относительно стабильным, за исключением резкого снижения на 107 тыс. в 2020 г., когда перемещение населения сдерживали противоэпидемиологические меры²⁰.

Аналогично ограничена и точность информации о численности трудовых мигрантов, на что различные исследователи неоднократно указывали в своих работах [напр., 23]. Самыми точными на сегодняшний день нам представляются публикуемые с 2021 г. МВД РФ данные о количестве трудовых или гражданско-правовых договоров с иностранными гражданами и лицами без гражданства, поскольку они включают мигрантов, осуществляющих трудовую деятельность как на основании разрешения на работу или патента, так и тех, кому не требуются разрешительные документы, и обеспечивают сопоставимость между этими группами. Недостатком этого набора данных является их заниженный характер в виду того, что не все работодатели направляют в МВД уведомления о заключении подобного договора. Вопрос о количестве нелегальных трудовых мигрантов в России и их роли на рынке труда требует отдельного исследования с применением социологических методов и остается за рамками настоящей работы.

Для анализа отобранных нами данных используются стандартные статистические методы: сведение, расчет абсолютных и относительных показателей, анализ распределения и группировка, корреляционный анализ.

Результаты

Некоторые показатели современного состояния рынков труда российских регионов

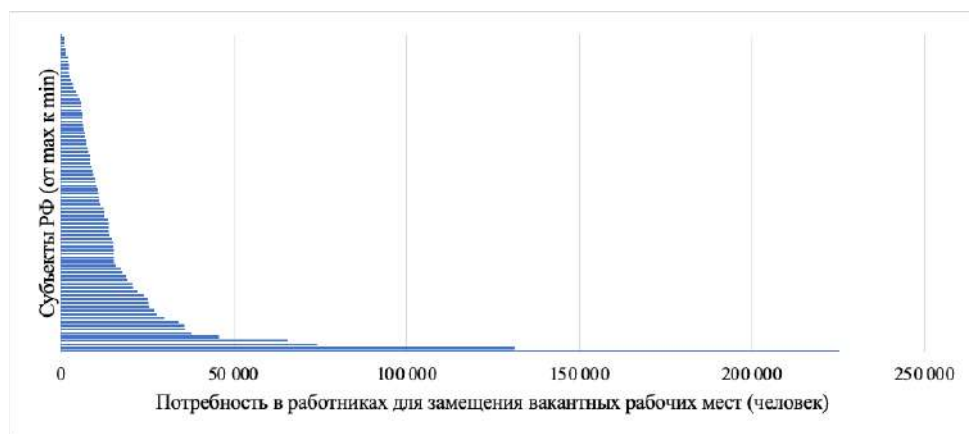
Объем спроса на рабочую силу на региональных рынках труда России характеризуется крайней неравномерностью. Так, в 2022 г. заявленная работодателями потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест в Москве (225 449 человек) превосходила данный показатель по Республике Ингушетия (261 человек) в 864 раза (рис. 1).

Разрыв настолько велик, что стандартные методы группировки оказываются малоинформативными. Например, при определении интервалов по правилу Стерджеса в первую из семи групп (потребность в работниках менее 32 431 человек) попадают 76 регионов РФ из 85²¹, два интервала оказываются пустыми, и еще два имеют частоту $f=1$. При выделении Москвы и Московской области в отдельную группу картина распределения следующая (табл. 1).

¹⁹ Некоторые демографы согласны с его наличием и так же называют цифру порядка 200 тыс. человек. См.: Щербакова, Е. М. Миграция в России, предварительные итоги 2022 года // Демоскоп Weekly. 2023. № 983-984. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0983/barom01.php> (дата обращения: 25.09.2023).

²⁰ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 25.09.2023).

²¹ Без учета Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Запорожской и Херсонской областей.

Рис. 1. Регионы России по потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест на 31.10.2022

Fig. 1. Russian regions by demand for workers to fill vacant jobs as of 31/10/2022

Источник: составлено авторами по данным Росстата²²

Таблица 1

Группировка регионов России по потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест на 31.10.2022

Table 1

Grouping of Russian regions by demand for workers to fill vacant jobs as of 31/10/2022

Группа	Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест (человек)	Частота	Регионы
1	261-10 801	43	Респ. Ингушетия, Чеченская Респ., Ненецкий АО, Респ. Тыва, Еврейская авт. обл., Респ. Калмыкия, Чукотский АО, Респ. Северная Осетия – Алания, Респ. Дагестан, Респ. Алтай, Респ. Адыгея, Кабардино-Балкарская Респ., Магаданская обл., Карачаево-Черкесская Респ., Камчатский край, Респ. Хакасия, Орловская обл., Респ. Карелия, Тамбовская обл., г. Севастополь, Респ. Коми, Астраханская обл., Костромская обл., Респ. Мордовия, Респ. Марий Эл, Смоленская обл., Новгородская обл., Псковская обл., Архангельская обл. (кроме АО), Томская обл., Сахалинская обл., Рязанская обл., Чувашская Респ., Калининградская обл., Липецкая обл., Вологодская обл., Амурская обл., Респ. Бурятия, Кировская обл., Брянская обл., Ивановская обл., Ульяновская обл., Курганская обл.
2	10 801-21 340	25	Пензенская обл., Тюменская обл. (кроме АО), Калужская обл., Ямало-Ненецкий АО, Ярославская обл., Мурманская обл., Владимирская обл., Курская обл., Алтайский край, Оренбургская обл., Респ. Саха (Якутия), Тульская обл., Омская обл., Забайкальский край, Белгородская обл., Саратовская обл., Удмуртская Респ., Тверская обл., Пермский край, Хабаровский край, Ленинградская обл., Волгоградская обл., Ставропольский край, Респ. Крым, Воронежская обл.
3	21 340-31 880	8	Иркутская обл., Респ. Башкортостан, Ханты-Мансийский АО – Югра, Приморский край, Новосибирская обл., Самарская обл., Кемеровская обл., Челябинская обл.
4	31 880-42 419	4	Красноярский край, Респ. Татарстан, Нижегородская обл., Свердловская обл.
5	42 419-52 959	1	Ростовская обл.

²² О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266> (дата обращения: 25.09.2023).

Группа	Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест (человек)	Частота	Регионы
6	52 959–63 498	0	-
7	63 498–74 038	2	Краснодарский край, г. Санкт-Петербург
8	> 74 038	2	Московская обл. (131 242), г. Москва (225 449)

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата²³

Таким образом, ряд субъектов РФ (особенно оба столичных региона, а также южные Краснодарский край и Ростовская область) обладают объемными рынками труда и испытывают значительную потребность в рабочей силе. Она может быть удовлетворена либо за счет найма местных жителей, либо за счет привлечения трудовых мигрантов – внутренних или внешних. Если в регионе наблюдается высокий уровень безработицы, то входящая миграция, особенно международная, представляется нежелательной с точки зрения защиты занятости постоянного населения.

Для того, чтобы оценить обеспеченность регионов внутренними трудовыми резервами, рассмотрим их распределение по коэффициенту напряженности на рынке труда (рис. 2)²⁴. Как видим, и здесь оно далеко от нормального и характеризуется большим разбросом. Минимальное значение рассматриваемого коэффициента (0,4), зафиксированное в 2022 г. в Ямало-Ненецком АО и Амурской области, отличается от максимального (186,5), наблюдавшегося в Республике Ингушетия, в 466 раз.

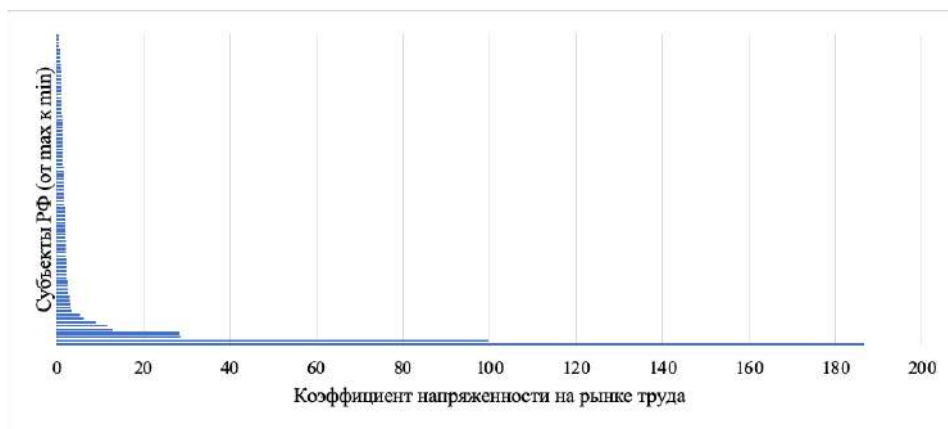

Рис. 2. Регионы России по коэффициенту напряженности на рынке труда в 2022 г.

Fig. 2. Russian regions by labor market tension coefficient in 2022

Источник: составлено авторами по данным Росстата²⁵

²³ О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266> (дата обращения: 25.09.2023).

²⁴ Отношение среднегодовой численности безработных (по методологии МОТ) к среднегодовому числу вакансий, сообщенных работодателями в органы службы занятости населения. Данные приведены по населению в возрасте 15–72 года.

²⁵ Коэффициент напряженности на рынке труда // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59028> (дата обращения: 25.09.2023).

По этой причине регионы были разделены нами на группы неравномерно: с шагом в одного соискателя, претендующего на вакансию, до 5, а далее – в четыре более крупные группы (табл. 2).

Таблица 2

Группировка регионов России по коэффициенту напряженности на рынке труда в 2022 г.

Table 2

Grouping of Russian regions by labor market tension coefficient in 2022

Группа	Коэффициент напряженности на рынке труда	Частота	Регионы
1	$\leq 1,0$	14	Ямало-Ненецкий АО, Амурская обл., Еврейская авт. обл., Чукотский АО, Красноярский край, Приморский край, Ленинградская обл., Мурманская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра, Хабаровский край, Владимирская обл., Тульская обл., Респ. Татарстан, Камчатский край
2	1,1–2,0	45	Самарская обл., Тюменская обл. (кроме АО), Иркутская обл., Магаданская обл., Рязанская обл., г. Москва, Удмуртская Респ., Нижегородская обл., Ивановская обл., Псковская обл., Волгоградская обл., Ростовская обл., Кировская обл., Кемеровская обл., Сахалинская обл., Смоленская обл., Вологодская обл., Калининградская обл., Краснодарский край, Респ. Башкортостан, Саратовская обл., Респ. Хакасия, Белгородская обл., Костромская обл., Орловская обл., Чувашская Респ., Свердловская обл., Курская обл., Липецкая обл., Тверская обл., Новгородская обл., Ульяновская обл., Челябинская обл., Калужская обл., Новосибирская обл., Респ. Марий Эл, Пензенская обл., Воронежская обл., Тамбовская обл., Респ. Мордовия, Оренбургская обл., Омская обл., Брянская обл., Пермский край, Респ. Бурятия
3	2,1–3,0	14	Респ. Коми, Ставропольский край, Московская обл., Ярославская обл., г. Санкт-Петербург, Респ. Адыгея, Алтайский край, Респ. Карелия, Архангельская обл. (кроме АО), Респ. Крым, Томская обл., Респ. Саха (Якутия), г. Севастополь, Курганская обл.
4	3,1–4,0	3	Астраханская обл., Забайкальский край, Ненецкий АО
5	4,1–5,0	0	-
6	5,1–10,0	3	Респ. Алтай (5,3), Респ. Калмыкия (6,2), Карачаево-Черкесская Респ. (9,0)
7	10,1–15,0	2	Кабардино-Балкарская Респ. (11,5), Респ. Тыва (13)
8	15,1–30,0	2	Респ. Северная Осетия – Алания (28,2), Чеченская Респ. (28,6)
9	> 30,0	2	Респ. Дагестан (99,7), Респ. Ингушетия (186,5)

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата²⁶

Итак, в большинстве субъектов РФ напряженность на рынке труда можно оценить как низкую или умеренную. Однако сильно выделяются по рассматриваемому показателю трудоизбыточные республики Северного Кавказа, сибирские республики Тыва и Алтай, Республика Калмыкия. Данные регионы имеют одновременно невысокие показатели экономического развития и относительно высокие показатели естественного прироста населения.

Видя столь значительные диспропорции в характеристиках рынков труда различных субъектов Российской Федерации, легко поддаться искушению заключить, что равновесие может быть достигнуто лишь за счет одного стимулирования терри-

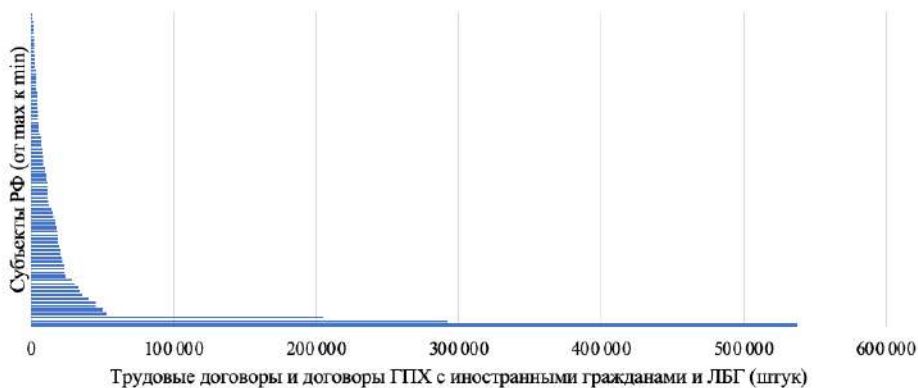
²⁶ Коэффициент напряженности на рынке труда // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59028> (дата обращения: 25.09.2023).

ториальной мобильности российских граждан. Однако в действительности на решение индивида о миграции влияет множество разнородных факторов, помимо наличия вакансий – от комфортных климатических условий вплоть до возможностей для культурного досуга. Поэтому добиться полной синхронизации потребностей рынка труда и направлений перемещения населения – задача практически невыполнимая. К тому же в последние годы (начиная с 2019 г.) численность внутренних мигрантов, как и их доля в общем объеме перемещений по территории страны и через ее границы, продолжает уменьшаться²⁷, что свидетельствует о снижении миграционного потенциала постоянного населения РФ. Иными словами, все меньше становится тех, кто хочет и может переехать.

Таким образом, привлечение труда иностранных работников остается действенным способом удовлетворения спроса со стороны российских нанимателей. Однако необходимо еще ответить на вопрос: насколько предлагаемая мигрантами рабочая сила соответствует потребностям российского рынка труда?

Некоторые характеристики внешней трудовой миграции в регионы России

Для начала проанализируем территориальное распределение внешних потоков трудовой миграции. В силу описанных выше ограничений статистических данных в качестве показателя будем использовать количество уведомлений о заключении трудового договора или договора гражданско-правового характера (ГПХ) с иностранными гражданами и лицами без гражданства (ЛБГ) (рис. 3).

Рис. 3. Регионы России по количеству трудовых договоров и договоров ГПХ с иностранными гражданами и ЛБГ за 2022 г.

Fig. 3. Russian regions by the number of employment contracts and civil employment agreements with foreign citizens and stateless persons in 2022

Источник: составлено авторами по данным МВД²⁸

²⁷ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 25.09.2023).

²⁸ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года с распределением по странам и регионам // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711/> (дата обращения: 25.09.2023).

И по этому показателю также регионы России распределяются крайне неравномерно: разрыв между максимальным значением (573 тыс. – г. Москва) и минимальным (365 – Республика Калмыкия) – более, чем три порядка. Поэтому для достижения большей информативности группировки «столичные» регионы нами вновь были выделены отдельной позицией (табл. 3).

Таблица 3

Группировка регионов России по количеству трудовых договоров и договоров ГПХ с иностранными гражданами и ЛБГ за 2022 г.

Table 3

Grouping of Russian regions by the number of employment contracts and civil employment agreements with foreign citizens and stateless persons in 2022

Группа	Количество договоров	Частота	Регионы
1	365-7 924	38	Респ. Калмыкия, Чеченская Респ., Респ. Марий-Эл, Ненецкий АО, Респ. Тыва, Еврейская АО, Курганская обл., Респ. Хакасия, Респ. Ингушетия, Респ. Северная Осетия – Алания, Чувашская Респ., Кабардино-Балкарская Респ., Орловская обл., Архангельская обл. (кроме АО), Карачаево-Черкесская Респ., г. Севастополь, Респ. Коми, Чукотский АО, Респ. Карелия, Кировская обл., Новгородская обл., Респ. Алтай, Респ. Адыгея, Костромская обл., Брянская обл., Ульяновская обл., Псковская обл., Респ. Мордовия, Тамбовская обл., Белгородская обл., Пензенская обл., Липецкая обл., Удмуртская Респ., Смоленская обл., Курская обл., Ивановская обл., Оренбургская обл., Саратовская обл.
2	7 924-15 483	16	Ярославская обл., Респ. Бурятия, Вологодская обл., Алтайский край, Респ. Крым, Астраханская обл., Томская обл., Ставропольский край, Камчатский край, Калининградская обл., Респ. Дагестан, Магаданская обл., Рязанская обл., Кемеровская обл., Волгоградская обл., Воронежская обл.
3	15 483-23 042	14	Владимирская обл., Омская обл., Респ. Башкортостан, Забайкальский край, Пермский край, Ямало-Ненецкий АО, Тюменская обл. (кроме АО), Тверская обл., Ростовская обл., Приморский край, Мурманская обл., Калужская обл., Хабаровский край, Респ. Саха (Якутия)
4	23 042-30 601	3	Сахалинская обл., Нижегородская обл., Самарская обл.
5	30 601-38 160	3	Красноярский край, Ханты-Мансийский АО – Югра, Респ. Татарстан
6	38 160-45 719	3	Амурская обл., Свердловская обл., Новосибирская обл.
7	45 719-53 278	2	Иркутская обл., Краснодарский край
8	> 200 000	3	г. Санкт-Петербург и Ленинградская область (205 016), Московская обл. (292 656), г. Москва (537 213)

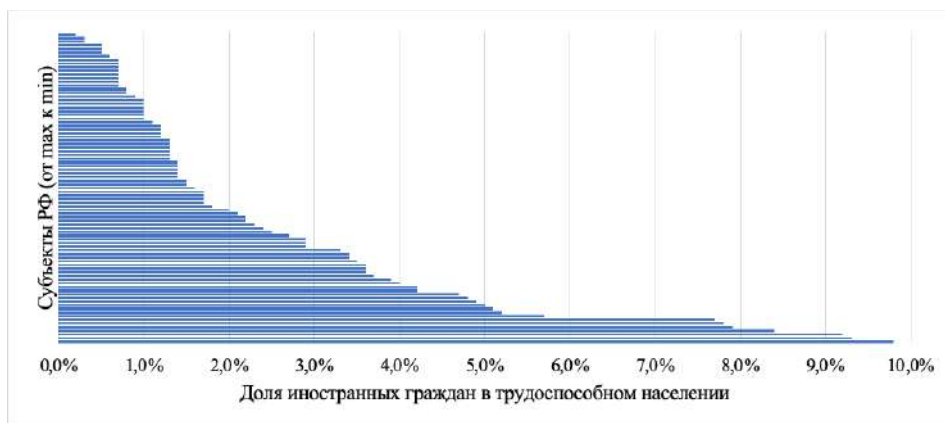
Источник: рассчитано авторами по данным МВД РФ²⁹

Количество трудовых договоров, заключенных с иностранцами, имеет сильную корреляцию с потребностью организаций в работниках ($N = 85$ субъектов РФ; коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,96$; коэффициент корреляции Спирмена $r_s = 0,80$). При этом линейная корреляция между напряженностью на рынке труда и количеством таких договоров отсутствует ($r = -0,06$), а ранговая слабо выражена ($r_s = -0,51$). Иными словами, работодатели в ряде случаев предпочитают или вынуждены нанимать мигрантов, несмотря на наличие на рынке труда местного населения, ищущего работу.

²⁹ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года с распределением по странам и регионам // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711/> (дата обращения: 25.09.2023).

Причин тому может быть несколько, но ясно одно: эпоха дешевого труда мигрантов осталась в прошлом. Сегодня они получают ту же заработную плату, что и граждане России на аналогичных позициях, о чем свидетельствуют и данные социологических исследований³⁰, и мнения экспертов³¹, и статистика по денежным переводам³². Возможно, причина кроется в разделении ниш занятости между россиянами и мигрантами, сложившемся в силу их профессиональных характеристик, которые будут рассмотрены нами ниже.

Теперь определим регионы, наиболее зависимые от труда мигрантов. Для этого нами будет оцениваться доля иностранных граждан в трудовых ресурсах субъектов РФ (вне зависимости от их статуса в занятости) (рис. 4).

Рис. 4. Регионы России по доле иностранных граждан в трудоспособном населении в 2022 г.

Fig. 4. Russian regions by the share of foreign citizens in the able-bodied population in 2022

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата³³

По данному показателю регионы РФ распределяются более равномерно: разрыв от 0,2% в Республике Марий Эл до 9,8% в Сахалинской области (табл. 4). Это свидетельствует о том, что контингент иностранных работников прирастает медленно даже в тех регионах, где они привлекаются в гораздо больших количествах, чем в среднем по стране, поскольку их пребывание носит временный характер.

³⁰ Средняя зарплата иностранного рабочего превысила 47 тысяч рублей // Российская газета : [сайт]. 13.12.2021. URL: <https://rg.ru/2021/12/13/sredniaia-zarplata-inostrannogo-rabocheho-prevysila-47-tysiach-rublej.html> (дата обращения: 25.09.2023).

³¹ Зарплаты трудовых мигрантов и россиян сравнялись // Российская газета : [сайт]. 23.04.2023. URL: <https://rg.ru/2023/04/23/zanimajte-mesta.html> (дата обращения: 25.09.2023).

³² Трансграничные переводы физических лиц (резидентов и нерезидентов) // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/hd_base/tg/ (дата обращения: 25.09.2023).

³³ Среднегодовая численность трудовых ресурсов // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36730> (дата обращения: 25.09.2023).

**Группировка регионов России по доле иностранных граждан
в трудоспособном населении в 2022 г.**

**Grouping of Russian regions by the share of foreign citizens
in the able-bodied population in 2022**

Группа	Доля иностранных граждан в трудоспособном населении (%)	Частота	Регионы
1	0,2–1,6	43	Респ. Марий Эл, Чувашская Респ., Чеченская Респ., Респ. Калмыкия, Респ. Тыва, Респ. Северная Осетия – Алания, Архангельская обл. (кроме АО), Кировская обл., Алтайский край, Респ. Хакасия, Курганская обл., Респ. Ингушетия, Саратовская обл., Респ. Мордовия, Ставропольский край, Белгородская обл., Респ. Крым, Респ. Башкортостан, Пензенская обл., Орловская обл., Кемеровская обл., Ростовская обл., Удмуртская Респ., Респ. Алтай, Брянская обл., Пермский край, Тамбовская обл., Респ. Коми, Ненецкий АО, Волгоградская обл., г. Севастополь, Томская обл., Липецкая обл., Кабардино-Балкарская Респ., Респ. Бурятия, Респ. Адыгея, Оренбургская обл., Воронежская обл., Ульяновская обл., Смоленская обл., Костромская обл., Ивановская обл., Респ. Дагестан
2	1,6–3,0	16	Новгородская обл., Курская обл., Вологодская обл., Псковская обл., Респ. Карелия., Карачаево-Черкесская Респ., Ярославская обл., Краснодарский край, Омская обл., Нижегородская обл., Челябинская обл., Респ. Саха (Якутия), Респ. Татарстан, Калининградская обл., Еврейская авт. обл., Свердловская обл.
3	3,0–4,3	12	Красноярский край, Тверская обл., Тюменская обл. (кроме АО), Забайкальский край, Мурманская обл., Рязанская обл., Астраханская обл., Приморский край, Самарская обл., Новосибирская обл., Ямало-Ненецкий АО, Владимирская обл.
4	4,3–5,7	6	Калужская обл., Хабаровский край, Чукотский АО, Тульская обл., Иркутская обл., Ханты-Мансийский АО
5	5,7–7,1	1	Камчатский край
6	7,1–8,4	4	Амурская обл., г. Санкт-Петербург, Магаданская обл., Ленинградская обл.
7	8,4–9,8	3	г. Москва, Московская обл., Сахалинская обл.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата³⁴

Доля международных мигрантов в трудоспособном населении не демонстрирует выраженной корреляции ни с потребностью в работниках ($N = 85$ субъектов РФ; коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,52$; коэффициент корреляции Спирмена $r_s = 0,33$), ни с коэффициентом напряженности на рынке труда ($r = -0,15$; $r_s = -0,55$). Корреляция наблюдается только с количеством трудовых договоров с иностранными гражданами ($r = 0,60$; $r_s = 0,72$). Иными словами, ситуация простая: в целом мигрантов много там, где их нанимают.

В то же время выделяется несколько регионов, где доля иностранцев в трудоспособном населении значительна, однако их абсолютное число невелико. Прежде всего это Сахалинская область, где иностранные мигранты составляют наибольшую часть трудовых ресурсов по сравнению с другими субъектами страны. Вместе с тем по количеству трудовых договоров с ними регион занимает лишь 14-е место. Аналогичная тенденция прослеживается в Магаданской области, Камчатском крае, Чукотском АО, Хабаровском крае, Магаданской области – регионах Дальнего Востока, где наблю-

³⁴ Среднегодовая численность трудовых ресурсов // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36730> (дата обращения: 25.09.2023).

дается масштабный отток местного населения, но при этом функционируют порты и множество предприятий добывающей промышленности, в т. ч. нефтегазовой отрасли, рыбной промышленности, кораблестроения, предъявляющие спрос на труд.

Вдобавок важно понимать, какую часть спроса на труд могут удовлетворить мигранты. Для этого рассмотрим профессиональную структуру потребности организаций в работниках, с одной стороны (табл. 5), и прибывающих в Россию международных мигрантов, с другой стороны (табл. 6), в разрезе федеральных округов³⁵.

Итак, мы видим, что по всей Российской Федерации особенно высока потребность в специалистах высшего уровня квалификации (22,6%), квалифицированных рабочих промышленности, строительства и транспорта (17,5%), операторах производственных установок и машин, сборщиках и водителях (13,8%). При этом среди мигрантов, указавших свой род занятий, 43,8% составляют неквалифицированные рабочие, 12,8% – работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности, 11% – служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием.

Среди указавших свой уровень образования только 48% международных мигрантов в возрасте 14 лет и старше, прибывших в Россию в 2022 г., имели какую-либо профессиональную подготовку³⁶. Более того, лишь немногим более половины (61%) трудовых мигрантов, получивших профессиональное образование, устраиваются в РФ на работу, связанную с их специальностью³⁷. Таким образом, в большинстве своем иностранные работники остаются поставщиками на российский рынок труда низкоквалифицированной рабочей силы.

В региональном разрезе профессиональная структура прибывающих в РФ иностранцев более полно соответствует потребностям рынка труда в Центральном ($r = 0,40$), Северо-Западном ($r = 0,46$) и Южном ($r = 0,40$) федеральных округах (ФО). Наименьшая степень соответствия достигается в Сибирском и Дальневосточном ФО, где ситуация на рынке труда и без того является наиболее сложной вследствие миграционного оттока местного населения. В этих регионах среди международных мигрантов особенно велика доля неквалифицированных рабочих, а доля высококвалифицированных специалистов заметно ниже среднероссийского уровня (в ДФО – всего 2,1% против 5,5% по России) (см. табл. 6). Т. е. одни и те же регионы «забирают» и лучших иностранных работников, и внутрироссийских мигрантов, поскольку и на первых, и на вторых, действуют одинаковые факторы притяжения.

---

³⁵ Сокращения названий федеральных округов далее по тексту: Центральный федеральный округ – ЦФО, Северо-Западный федеральный округ – СЗФО, Южный федеральный округ – ЮФО, Северо-Кавказский федеральный округ – СКФО, Приволжский федеральный округ – ПФО, Уральский федеральный округ – УФО, Сибирский федеральный округ – СФО, Дальневосточный федеральный округ – ДФО.

³⁶ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 25.09.2023).

³⁷ Итоги выборочного наблюдения труда мигрантов в 2019 году // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html (дата обращения: 25.09.2023).

Таблица 5
Потребность в работниках для замещения вакантных мест по профессиональным группам и макрорегионам России
 на 31.10.2022

Table 5
Demand for workers to fill vacant positions by professional groups and macro-regions of Russia as of 31/10/2022

Регион	Единица измерения	Всего	в т.ч. по профессиональным группам								
			руководители	специалисты высшего уровня квалификации	специалисты среднего уровня квалификации	служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыболовства и охотничьего хозяйства	квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и прочие родственные занятия	операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	неквалифицированные рабочие
РФ	человек	1 511 737	69 448	341 005	159 093	66 794	206 092	13 080	263 835	208 864	183 524
	%	100	4,6	22,6	10,5	13,6	0,9	17,5	13,8	12,1	
ЦФО	человек	534 445	30 494	116 457	48 938	31 500	72 523	4 213	86 597	68 079	75 643
	%	100	5,7	21,8	9,2	13,6	0,8	16,2	12,7	14,2	
СЗФО	человек	155 419	7 467	37 311	17 629	6 316	24 852	1 332	22 983	16 833	20 696
	%	100	4,8	24,0	11,3	4,1	16,0	0,9	14,8	10,8	13,3
ЮФО	человек	166 683	6 312	37 773	20 619	6 537	26 028	1 159	25 144	21 218	22 393
	%	100	3,8	22,4	12,4	3,9	15,6	0,7	15,1	12,7	13,4
СКФО	человек	30 774	1 058	8 532	3 888	1 062	3 639	833	4 513	2 837	4 472
	%	100	3,4	27,7	12,7	3,5	11,8	2,7	14,7	9,2	14,3
ПФО	человек	235 789	8 749	49 459	22 798	7 561	35 092	2 161	48 423	37 240	235 789
	%	100	3,7	21,0	9,7	3,2	14,9	0,9	20,5	15,8	10,3
УФО	человек	127 036	4 919	28 967	13 423	4 382	17 976	397	25 344	19 679	11 949
	%	100	3,9	22,8	10,6	3,4	14,2	0,3	20,0	15,5	9,4
СФО	человек	153 425	5 863	38 706	18 630	6 032	17 074	1 482	26 464	24 953	14 281
	%	100	3,8	25,2	12,1	3,9	11,1	1,0	17,2	16,3	9,3
ДФО	человек	108 167	4 585	24 301	13 168	3 404	8 988	1 503	24 368	18 027	9 843
	%	100	4,2	22,5	12,2	3,1	8,3	1,4	22,5	16,7	9,1

Источники: составлено авторами по данным Росстата³⁸

³⁸ О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266> (дата обращения: 25.09.2023).

Таблица 6
Распределение международных мигрантов в возрасте 14 лет и старше по профессиональным группам и макрорегионам России за 2022 г.

Table 6
Distribution of international migrants aged 14 years and older by professional groups and macro-regions of Russia in 2022

Регион	Единица измерения	Всего прибывших	в т. ч. по профессиональным группам										не указано
			руководители	специалисты высшего уровня	специалисты среднего уровня	служащие, занятые подготовкой и оформлением документов, учетом и обслуживанием	работники сферы обслуживания и торговли, охраня граждан и собственности	квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыболовства и добыч	квалифицированные рабочие промышленности, транспорта и родственных занятий	операторы производственных установок и машин, сборщики водители	неквалифицированные рабочие	военнослужащие	
РО	человек	652 847	3 991	35 992	27 521	41 322	47 867	4 617	40 093	9 054	164 350	334	277 706
	%	100	0,6	5,5	4,2	6,3	7,3	0,7	6,1	1,4	25,2	0,1	42,5
ЦФО	человек	227 405	1 606	13 943	11 203	18 046	14 582	1 687	14 867	3 666	42 952	65	104 788
	%	100	0,7	6,1	4,9	7,9	6,4	0,7	6,5	1,6	18,9	0,03	46,1
СЗФО	человек	55 069	680	4 404	3 270	3 270	4 687	537	3 980	1 067	11 558	66	21 550
	%	100	1,2	8,0	5,9	5,9	8,5	1,0	7,2	1,9	21,0	0,1	39,1
ЮФО	человек	87 580	646	7 039	5 066	6 835	5 606	598	4 791	899	16 004	114	39 982
	%	100	0,7	8,0	5,8	7,8	6,4	0,7	5,5	1,0	18,3	0,1	45,7
СКФО	человек	15 332	17	423	299	1 173	627	54	224	99	4 151	10	8 255
	%	100	0,1	2,8	2,0	7,7	4,1	0,4	1,5	0,6	27,1	0,1	53,8
ПФО	человек	84 414	375	4 021	2 665	3 981	5 060	502	4 407	677	24 774	37	37 915
	%	100	0,4	4,8	3,2	4,7	6,0	0,6	5,2	0,8	29,3	0,04	44,9
УФО	человек	61 911	217	2 455	2 139	2 750	3 921	412	3 812	855	20 990	21	24 339
	%	100	0,4	4,0	3,5	4,4	6,3	0,7	6,2	1,4	33,9	0,03	39,3
СФО	человек	72 762	193	2 698	2 203	3 877	4 729	424	3 363	682	21 971	6	32 616
	%	100	0,3	3,7	3,0	5,3	6,5	0,6	4,6	0,9	30,2	0,01	44,8
ДФО	человек	48 374	257	1 009	676	1 390	8 655	403	4 649	1 109	21 950	15	8 261
	%	100	0,5	2,1	1,4	2,9	17,9	0,8	9,6	2,3	45,4	0,03	17,1

Источник: составлено авторами по данным Росстата, предоставленным по запросу

Обсуждение

Привлечение иностранной рабочей силы даже в тех регионах, где наблюдается острая нехватка кадров, неизбежно сопряжено с определенными рисками для принимающего общества. В качестве таковых эксперты в первую очередь отмечают рост социальной напряженности из-за этнодемографических и этнокультурных изменений, вызванных постоянным притоком мигрантов [24]. Преодоление этой проблемы требует разработки и реализации целевых программ адаптации мигрантов на федеральном и муниципальном уровнях.

Как нам представляется, снизить подобную нагрузку могло бы внедрение более тонких инструментов миграционной политики, направленных на регулирование потоков иностранной рабочей силы в зависимости от текущих экономических интересов и потребностей рынка труда каждого конкретного региона и страны в целом.

На современном этапе государственная система с помощью квоты на привлечение иностранных работников регулирует только трудовую миграцию из визовых стран, которая в 2022 г. составляла менее 5% всей трудовой миграции в Россию. Количество патентов ничем не ограничивается, равно как и количество разрешений на работу для высококвалифицированных специалистов, которыми признаются в т. ч. любые иностранные граждане, получающие доход свыше 2 млн рублей в год³⁹. Свободный доступ на российский рынок труда имеют граждане стран ЕАЭС, которым не требуются разрешительные документы для работы в РФ, а также граждане всех стран, получившие разрешение на временное проживание или вид на жительство.

Следует признать, что в такой системе уже присутствуют зачатки селективного подхода, а именно: предоставление преференций государствам-партнерам. Однако нельзя сказать, что она исходит из «реальной ситуации на российском рынке труда и тенденций ее изменения с учетом потребностей экономики Российской Федерации и интересов ее граждан», как продекларировано в Концепции миграционной политики⁴⁰.

Оценка текущей потребности в привлечении иностранной рабочей силы проводится при определении квоты на трудовых мигрантов из визовых стран⁴¹ и их предельно допустимой доли по отдельным видам экономической деятельности⁴². Но несмотря на здравый методологический подход, в плане практической реализации

---

³⁹ Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 25.09.2023).

⁴⁰ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России : [сайт]. 31.10.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 28.09.2023).

⁴¹ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 14 мая 2019 г. № 326н «О Межведомственной комиссии по определению потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, утверждению квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности, а также квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу» // Гарант : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72196626/> (дата обращения: 28.09.2023).

⁴² Постановление Правительства РФ от 3 октября 2022 г. № 1751 «Об установлении на 2023 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности» // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/405387099/> (дата обращения: 28.09.2023).

такая жесткая система ограничения «сверху» уже показала свои недостатки, которые заключаются главным образом в разрастании «серого» сектора и всевозможных схем обхода квоты, которые были описаны исследователями [напр., 23]. Поэтому авторы настоящей статьи склоняются к идее о целесообразности упразднения «ручного» регулирования столь малочисленного миграционного потока, а не распространения подобной меры и на безвизовые страны тоже.

Вместе с тем сама практика оценки критериев нехватки рабочей силы на региональных рынках труда и невозможности ее пополнения за счет национальных трудовых ресурсов, по нашему мнению, должна стать регулярной и универсальной в отношении любых стран выхода мигрантов. Для обеспечения объективности в ее основу следует положить систему количественных показателей, отражающих состояние локального рынка труда, баланс трудовых ресурсов, влияние внутрироссийской и международной миграции. Подобные наработки предлагались как в научных исследованиях [25], так и в методических указаниях органов власти⁴³. Такие оценки должны стать отправной точкой для определения комплекса *косвенных* мер управления потоками трудовой миграции.

Заключение

Огромные диспропорции, продолжающиеся наблюдаться между рынками труда различных российских регионов, свидетельствуют о том, что на государственном уровне отсутствует эффективная система регулирования мобильности национальных и иностранных трудовых ресурсов. Так, например, обращает на себя внимание тот факт, что в ряде субъектов РФ, где отмечается высокий уровень безработицы, одновременно привлекается достаточно большое количество иностранной рабочей силы. Ярче всего такая тенденция проявляется в республиках Дагестан, Тыва и Алтай, а также во всех остальных регионах Северного Кавказа, Республике Калмыкия (см. табл. 2, 3).

В географическом распределении входящих потоков международных трудовых мигрантов прослеживается тот же «западный дрейф», который составляет основную проблему внутренней миграции населения. Больше всего иностранных работников привлекают столицы (Москва и Санкт-Петербург с областями), Краснодарский край и «богатые» нефтегазовые регионы (см. табл. 2). Они же получают наиболее квалифицированных мигрантов.

В результате целые районы и отрасли становятся «мигрантозависимыми». В территориальном отношении снова выделяются столицы, а также ряд субъектов ДФО, где иностранцы составляют до 10% всех трудовых ресурсов (см. табл. 4). В случае столичных регионов это объясняется постоянным и мощным притоком международных мигрантов, в случае Дальнего Востока – постоянным и мощным оттоком местного населения.

Причем уровень квалификации и профессиональная структура иностранной рабочей силы в целом не соответствуют потребностям российской экономики (см. табл. 5, 6), особенно в условиях возрождения промышленности и в эпоху, когда инновации необходимы для обеспечения роста. Можно допустить, что за счет мигрантов будут удовлетворяться потребности в низкоквалифицированном труде, в то время

---

⁴³ Приказ Минтруда РФ от 31.03.2021 № 191н «Об утверждении методики определения потребности субъектов Российской Федерации, отраслей экономики и крупнейших работодателей в профессиональных кадрах на среднесрочную и долгосрочную перспективу» // Консорциум Кодекс : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/542631831> (дата обращения: 28.09.2023).

как российские граждане займут иные позиции, однако и это ведет к торможению технологического развития и совершенствования организации труда. Результаты математического моделирования показывают, что «преобладание неквалифицированных работников в миграционном потоке приводит (в долгосрочной перспективе) к умеренному снижению темпов роста выпуска и к существенному увеличению экономического неравенства» [26].

В качестве решения авторы статьи предлагают разработку селективного подхода к управлению потоками трудовой миграции, основанную на мониторинге по системе объективных критериев и реализуемую за счет косвенных механизмов, таких как экономические меры стимулирования. Например, в числе прочего преференции могут быть введены для мигрантов, прошедших предварительную языковую и профессиональную подготовку в специальных центрах, которые будут открыты на территории стран-партнеров [27]. Оценка предполагаемой эффективности подобных методов и определение их конкретного набора представляется актуальным направлением для будущих исследований по рассматриваемой проблеме. В частности, должен быть проработан вопрос о целесообразности введения в России балльной иммиграционной системы и предоставлении льгот для иностранных работников в трудодефицитных регионах (напр., снижение НДФЛ, стоимости патента и т. п.).

Список литературы

1. World Population Prospects 2022: Summary of Results. New York : United Nations, 2022. 38 p. ISBN 978-92-1-148373-4.
2. *Champion, A. G.* International Migration and Demographic Change in the Developed World // *Urban Studies*. 1994. Vol. 31, № 4–5. Pp. 653–677. DOI [10.1080/00420989420080621](https://doi.org/10.1080/00420989420080621).
3. *Lutz, W.* Future Demographic Change in Europe: The Contribution of Migration. IIASA Interim Report / W. Lutz, S. Scherbov. Laxenburg, Austria : IIASA, 2003. 14 p.
4. *Findlay, A. M.* Migration and Demographic Change / A. M. Findlay, J. Wahba // *Population, Space and Place*. 2013. Vol. 19, № 6. Pp. 651–656. DOI [10.1002/psp.1786](https://doi.org/10.1002/psp.1786).
5. *Переведенцев, В. И.* Миграция населения и демографическое будущее России : (Науч.-аналит. докл.) / В. И. Переведенцев ; Рос. акад. наук. Ин-т сравн. политологии. Москва, 2003. 60 с. ISBN 5-244-00932 X. EDN [QOOXGB](https://www.edn.ru/000XGB).
6. Миграция и демографический кризис в России / [Ж. А. Зайончковская и др.] ; под ред. Ж. А. Зайончковской, Е. В. Трюкановой. Москва : МАКС Пресс, 2010. 106 с. ISBN 978-5-317-03299-9. EDN [TRJCWZ](https://www.edn.ru/TRJCWZ).
7. *Ионцев, В. А.* Мифы и реальность четвертого демографического перехода в России / В. А. Ионцев, Ю. А. Прохорова // *Уровень жизни населения регионов России*. 2011. № 12 (166). С. 3–11. EDN [OKFMSP](https://www.edn.ru/OKFMSP).
8. *Manshin, R. V.* The Role of Migration in the Contemporary Demographic Development of Russia / R. V. Manshin, E. M. Moiseeva // *Geo-Economy of the Future* / Ed. by E. G. Popkova, B. S. Sergi. Springer, Cham, 2022. Pp. 607–618. ISBN 978-3-030-92303-7. DOI [10.1007/978-3-030-92303-7_65](https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_65). EDN [PSLUVY](https://www.edn.ru/PSLUVY).
9. Glossary on Migration. International Migration Law No. 34. Geneva : International Organization for Migration, 2019. 231 p. ISSN 1813-2278.
10. *Sassen, S.* The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. 224 p. ISBN 9780511598296. DOI [10.1017/CBO9780511598296](https://doi.org/10.1017/CBO9780511598296).
11. *Stalker, P.* Workers without Frontiers: The Impact of Globalization on Intern Migration. London : ILO, 2000. 163 p. ISBN 92-2-110854-6.
12. *Трюканова, Е.* О влиянии миграции на рынок труда // *Отечественные записки*. 2007. № 4 (36).
13. *Мкртчян, Н. В.* Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты / Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2018. № 1 (37). С. 186–193. DOI [10.31737/2221-2264-2018-37-1-9](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9). EDN [XRWLZR](https://www.edn.ru/XRWLZR).

14. *Красиней, Е. С.* Трудовая иммиграция в трансформациях иностранного рынка труда // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 18. Ч. 1. Москва : ИНИОН РАН, 2023. С. 420–422. ISBN 978-5-248-01073-8. EDN [KDVRQD](#).

15. *Ионцев, В. А.* Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 2 (10). С. 90–96. DOI [10.24412/1994-3776-2023-2-90-96](#).

16. Миграция и рынок труда / Ю. Ф. Флоринская, Н. В. Мкртчян, Т. М. Малева, М. К. Кириллова ; Ин-т социального анализа и прогнозирования. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с. ISBN 978-5-7749-1042-7.

17. *Мукомель, В. И.* Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69–79. DOI [10.21686/2500-3925-2017-6-69-79](#). EDN [YMWJPM](#).

18. *Осадчая, Г. И.* Мигранты из Узбекистана в Московской агломерации: оценка миграционного опыта // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 65–74. DOI [10.31857/S013216250019752-0](#). EDN [YFPGYO](#).

19. *Вакуленко, Е. С.* Моделирование миграции населения и рынков труда в России : диссертация ... доктора экономических наук : 08.00.13 / Е. С. Вакуленко ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, 2020. 465 с.

20. *Васильева, А. В.* Прогноз развития миграционных процессов и рынка труда в регионах России / А. В. Васильева, А. А. Тарасьев // Экономика региона. 2014. № 4. С. 283–298. DOI [10.17059/2014-4-25](#). EDN [TFGKTF](#).

21. *Топилин, А. В.* Демографическая ситуация и особенности формирования трудовых ресурсов России и регионов в перспективе / А. В. Топилин, О. Д. Воробьева // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 856–864. DOI [10.31857/S0869587321090097](#). EDN [JXOCNN](#).

22. *Кашепов, А. В.* Баланс трудовых ресурсов: традиционные и современные методы расчета и формирования // Социально-трудовые исследования. 2022. № 49 (4). С. 8–15. DOI [10.34022/2658-3712-2022-49-4-8-15](#). EDN [WKYLAZ](#).

23. *Рязанцев, С. В.* Международная трудовая миграция в Россию / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Международные процессы. 2019. Т. 17, № 4 (59). С. 65–83. DOI [10.17994/IT.2019.17.4.59.5](#). EDN [UUVXRR](#).

24. *Леденева, В. Ю.* Социологическое измерение социальной адаптации трудовых мигрантов: региональный аспект // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 106–119. DOI [10.17213/2075-2067-2022-4-106-119](#). EDN [SMPIVE](#).

25. *Топилин, А. В.* Миграция и сбалансированность региональных рынков труда // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1, № 2. С. 79–96. DOI [10.18334/migration.1.2.38084](#).

26. *Дмитриев, М. Г.* Моделирование экономического роста с учетом миграционных потоков / М. Г. Дмитриев, А. П. Петров, О. Г. Прончева // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2019. Т. 69, № 2. С. 17–27. DOI [10.14357/20790279190202](#). EDN [NYGJST](#).

27. *Рязанцев, С. В.* Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126. DOI [10.31857/S013216250006666-5](#). EDN [VNFYFR](#).

Сведения об авторах:

Маншин Роман Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: manshin@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-2331-9834](#); РИНЦ Author ID: [124768](#); Web of Science Researcher ID: [P-1146-2017](#); Scopus Author ID: [57192174665](#).

Моисеева Евгения Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](#); РИНЦ Author ID: [665294](#); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](#); Scopus Author ID: [57214717819](#).

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; принята в печать 01.12.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE IMPACT OF INTERNATIONAL LABOR MIGRATION ON THE BALANCE IN REGIONAL LABOR MARKETS

Roman V. Manshin

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: manshin@list.ru

Evgeniya M. Moiseeva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

For citation: Manshin, Roman V. The Impact of International Labor Migration on the Balance in Regional Labor Markets / R. V. Manshin, E. M. Moiseeva. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 209–230. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13).

Abstract. In recent years, the demand in the Russian labor market continues to grow, while the labor force, which determines the supply, on the contrary, is declining. In the current situation, business points to the desirability of expanding the involvement of migrant workers, but government officials express concerns that this might create a threat to the employment of Russian citizens. The purpose of this study is to determine the contribution of external labor migration to the formation of the labor force in Russian regions, considering the specifics of the reproduction of local labor resources. The scientific novelty of the research lies in the analysis of the latest statistical data on external labor migration and labor markets detailing by regions of Russia. The authors pay special attention not only to the quantitative characteristics of the flow of foreign workers, but also to the quality indicators of these labor resources. The relevance of the study is due to changes in the labor markets balance and migration trends and under the influence of powerful stress factors in recent years, such as the COVID-19 pandemic, the start of a special military operation, and a new wave of sanctions. The empirical basis of the study is an array of official statistics, for the analysis of which standard statistical methods are applied. Based on the results obtained, the authors discuss the effectiveness of modern federal and regional migration policies. In conclusion, the results of the study are summed up and possible directions for improving instruments for managing the movement of foreign labor are identified. The authors conclude that today the system for regulating the mobility of labor resources does not ensure that their supply meets the changing needs of the labor market, and justify the need to develop a selective system for attracting foreign labor.

Keywords: labor resources, labor shortage, foreign labor, need for foreign workers, economic development, demographic development, migration policy, migration management, labor balance, regional economy

References

1. *World Population Prospects 2022: Summary of Results*. New York : United Nations, 2022. 38 p. ISBN 978-92-1-148373-4.
2. Champion, A. G. International Migration and Demographic Change in the Developed World. *Urban Studies*. 1994. Vol. 31, No. 4–5. Pp. 653–677. DOI [10.1080/00420989420080621](https://doi.org/10.1080/00420989420080621).
3. Lutz, W. *Future Demographic Change in Europe: The Contribution of Migration*. IIASA Interim Report / W. Lutz, S. Scherbov. Laxenburg, Austria : IIASA, 2003. 14 p.
4. Findlay, A. M. Migration and Demographic Change / A. M. Findlay, J. Wahba. *Population, Space and Place*. 2013. Vol. 19, No. 6. Pp. 651–656. DOI [10.1002/psp.1786](https://doi.org/10.1002/psp.1786).
5. Perevedentsev, V. I. *Migratsiya naseleniya i demograficheskoye budushcheye Rossii [Population migration and the demographic future of Russia]* : (Scientific analytical report) / V. I. Perevedentsev ; Institute of Comparative Political Science of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2003. 60 p. ISBN 5-244-00932 X. (In Russ.).
6. *Migratsiya i demograficheskiy krizis v Rossii [Migration and demographic crisis in Russia]* / Zh. A. Zayonchkovskaya et al. ; ed. by Zh. A. Zayonchkovskaya, E. V. Tyuryukanova. Moscow : MAKSS Press, 2010. 106 p. ISBN 978-5-317-03299-9. (In Russ.).
7. Iontsev, V. A. Mify i real'nost' chetvertogo demograficheskogo perekhoda v Rossii [Myths and reality of the fourth demographic transition in Russia] / V. A. Iontsev, Yu. A. Prokhorova. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2011. No. 12 (166). Pp. 3–11. (In Russ.).
8. Manshin, R. V. The Role of Migration in the Contemporary Demographic Development of Russia /

R. V. Manshin, E. M. Moiseeva. In: *Geo-Economy of the Future* / Ed. by E. G. Popkova, B. S. Sergi. Springer, Cham, 2022. Pp. 607–618. ISBN 978-3-030-92303-7. DOI [10.1007/978-3-030-92303-7_65](https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_65).

9. *Glossary on Migration*. International Migration Law No. 34. Geneva: International Organization for Migration, 2019. 231 p. ISSN 1813-2278.

10. Sassen, S. *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow*. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. 224 p. ISBN 9780511598296. DOI [10.1017/CBO9780511598296](https://doi.org/10.1017/CBO9780511598296).

11. Stalker, P. *Workers without Frontiers: The Impact of Globalization on Intern Migration*. London : ILO, 2000. 163 p. ISBN 92-2-110854-6.

12. Tryukanova, E. O vliyaniy migratsii na rynek truda [On the impact of migration on the labor market]. *Otechestvennyye zapiski*. 2007. No. 4 (36). (In Russ.).

13. Mkrtchyan N. V. Labor Migration in Russia: International and Internal Aspects / N. V. Mkrtchyan, Yu. F. Florinskaya. *Journal of the New Economic Association*. 2018. No. 1 (37). Pp. 186–193. DOI [10.31737/2221-2264-2018-37-1-9](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9). (In Russ.).

14. Krasinets, E. S. Trudovaya immigratsiya v transformatsiyakh inostrannogo rynka truda [Labor immigration in the transformations of the foreign labor market]. In: *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: development trends and prospects]*. Issue 18. Part. 1. Moscow : INION RAN, 2023. Pp. 420–422. ISBN 978-5-248-01073-8. (In Russ.).

15. Iontsev, V. A. International Labor Migration in a “Comfortable” Labor Market in Russia. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2023. No. 2 (10). Pp. 90–96. DOI [10.24412/1994-3776-2023-2-90-96](https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-90-96). (In Russ.).

16. *Migratsiya i rynek truda [Migration and the labor market]* / Yu. F. Florinskaya, N. V. Mkrtchyan, T. M. Maleva, M. K. Kirillova ; Institute of Social Analysis and Forecasting. Moscow: Publishing House “Delo” RANEPa, 2015. 108 p. ISBN 978-5-7749-1042-7. (In Russ.).

17. Mukomel, V. I. Migrants at the Russian Labor Market: Occupations, Mobility, Intensity of Labor and Wages. *Statistics and Economics*. 2017. No. 6. Pp. 69–79. DOI [10.21686/2500-3925-2017-6-69-79](https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79). (In Russ.).

18. Osadchaya, G. I. Migrants from Uzbekistan in the Moscow Agglomeration: Assessment of Migration Experience. *Sociological Studies*. 2023. No. 4. Pp. 65–74. DOI [10.31857/S013216250019752-0](https://doi.org/10.31857/S013216250019752-0). (In Russ.).

19. Vakulenko, E. S. *Modelirovaniye migratsii naseleniya i rynekov truda v Rossii [Modeling of population migration and labor markets in Russia]* : dissertation ... Doctor of Economic Sciences : 08.00.13 / E. S. Vakulenko ; National Research University Higher School of Economics. Moscow, 2020. 465 p. (In Russ.).

20. Vasilyeva, A. V. Future Development of Migration Processes and Labour Market in the Regions of Russia / A. V. Vasilyeva, A. A. Tarasyev. *Economy of Regions*. 2014. No. 4. Pp. 283–298. DOI [10.17059/2014-4-25](https://doi.org/10.17059/2014-4-25). (In Russ.).

21. Topilin, A. V. Demograficheskaya situatsiya i osobennosti formirovaniya trudovykh resursov Rossii i regionov v perspektive [Demographic situation and features of the formation of labor resources in Russia and regions in the future] / A. V. Topilin, O. D. Vorobyova. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91, No. 9. Pp. 856–864. DOI [10.31857/S0869587321090097](https://doi.org/10.31857/S0869587321090097). (In Russ.).

22. Kashpov, A. V. Balance of Labor Resources: Traditional and Modern Methods of Calculation and Formation. *Social & Labour Research*. 2022. No. 49 (4). Pp. 8–15. DOI [10.34022/2658-3712-2022-49-4-8-15](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-49-4-8-15). (In Russ.).

23. Riazantsev, S. V. International Labour Migration to Russia / S. V. Riazantsev, E. E. Pismennaya. *International Trends*. 2019. Vol. 17, No. 4 (59). Pp. 65–83. DOI [10.17994/IT.2019.17.4.59.5](https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.5). (In Russ.).

24. Ledeneva, V. Yu. Sociological Dimension of Social Adaptation of Labor Migrants: Regional Aspect. *Bulletin of the South-Russian State Technical University. Series: Socio-Economic Sciences*. 2022. Vol. 15, No. 4. Pp. 106–119. DOI [10.17213/2075-2067-2022-4-106-119](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-106-119). (In Russ.).

25. Topilin, A. V. Migration and Balance of Regional Labor Markets. *Migration and Social Development*. 2016. Vol. 1, No. 2. Pp. 79–96. DOI [10.18334/migration.1.2.38084](https://doi.org/10.18334/migration.1.2.38084). (In Russ.).

26. Dmitriev, M. G. Modeling Economic Growth with Migration Flows / M. G. Dmitriev, A. P. Petrov, O. G. Proncheva. *Proceedings of the Institute for Systems Analysis Russian Academy of Sciences*. 2019. Vol. 69, No. 2. Pp. 17–27. DOI [10.14357/20790279190202](https://doi.org/10.14357/20790279190202). (In Russ.).

27. Ryzantsev, S. V. Modern Migration Policy of Russia: Challenges and Approaches to Improvement. *Sociological Studies*. 2019. No. 9. Pp. 117–126. DOI [10.31857/S013216250006666-5](https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5). (In Russ.).

Bio notes:

Roman V. Manshin, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: manshin@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-2331-9834](https://orcid.org/0000-0003-2331-9834); RSCI Author ID: [124768](https://elibrary.ru/124768); Web of Science Researcher ID: [P-1146-2017](https://orcid.org/P-1146-2017); Scopus Author ID: [57192174665](https://orcid.org/57192174665).

Evgeniya M. Moiseeva, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); RSCI Author ID: [665294](https://elibrary.ru/665294); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Received on 28.09.2023; accepted for publication on 01.12.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.14](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.14)
EDN [VPGNBE](https://vpgnbe.vniiv.ru/)

НАУЧНАЯ ШКОЛА ПО ДЕМОГРАФИИ

Ростовская Т. К.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Для цитирования: Ростовская, Т. К. Научная школа по демографии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 231–235. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.14](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.14). EDN [VPGNBE](https://vpgnbe.vniiv.ru/).

С 28 сентября по 9 октября 2023 г. в Сочинском институте (филиале) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (далее – РУДН имени П. Лумумбы) в смешанном формате прошла Научно-методическая школа по демографии (далее – Научная школа).

Организаторами мероприятия выступили: ФНИСЦ РАН, Институт демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН, Координационный центр развития кадрового потенциала в области демографии ИДИ ФНИСЦ РАН, РУДН имени П. Лумумбы, Сочинский институт (филиал) РУДН имени П. Лумумбы, Научный совет «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук Российской академии наук (далее – ООН РАН), Учебно-методический совет «Демография» Федерального учебно-методического объединения по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Социология и социальная работа».

Целью Научной школы было совершенствование теоретико-методологических знаний и прикладных навыков в области демографии и демографической политики, формирование новых образовательных технологий, способствующих повышению эффективности и качества учебного процесса при реализации программ образовательного модуля «Основы демографии».

Стратегическими проектами Научной школы стали:

1. Научно-методологические основы комплексного междисциплинарного подхода к оценке демографической ситуации и демографической политики в условиях глобальных вызовов современного мира.
2. Формирование новой образовательной модели подготовки кадрового потенциала в области демографии в контексте реализации приоритетных направлений Указов Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ» и от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Участники Научной школы – это представители из 5 федеральных округов и 12 субъектов Российской Федерации из числа научно-образовательного сообщества,

руководителей и специалистов региональных органов государственной власти (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Иркутская, Новосибирская, Ростовская, Свердловская, Тамбовская области).

В рамках Научной школы прошли первая сессия программы профессиональной переподготовки «Демограф» (ИДИ ФНИСЦ РАН) и курсы повышения квалификации «Глобальная демография» (РУДН имени П. Лумумбы).

Рис. 1. Участники Научной школы
Fig. 1. Participants of the Scientific School

Источник: из архива организаторов

28 сентября 2023 г. мероприятие торжественно открыли **Т. К. Ростовская**, заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН по научной работе, руководитель Координационного центра кадрового потенциала в области демографии ИДИ ФНИСЦ РАН, доктор социологических наук, профессор, и **А. Т. Петенко**, директор Сочинского института (филиала) РУДН имени П. Лумумбы.

На открытии Научной школы с приветствиями выступили **М. Ф. Черныш**, директор ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, профессор; **С. В. Рязанцев**, председатель Научного совета «Демографические и миграционные проблемы» при ООН РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор; **Ю. Н. Эбзеева**, первый проректор – проректор по образовательной деятельности РУДН имени П. Лумумбы, кандидат филологических наук, доцент; **Н. И. Козлова**, научный руководитель Сочинского института (филиала) РУДН имени П. Лумумбы, председатель Общественной палаты города Сочи; **В. Н. Холина**, заведующий кафедрой региональной экономики и географии экономического факультета РУДН имени П. Лумумбы, кандидат географических наук, доцент.

В этот же день состоялась встреча участников Научной школы с профессорско-преподавательским составом Сочинского института (филиала) РУДН имени П. Лумумбы.

29 сентября 2023 г. **К. А. Чернышев**, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, доцент кафедры региональной экономики и географии экономического факультета РУДН имени П. Лумумбы, провел лекции на

темы «Демографическая динамика городов и городских агломераций РФ» и «Использование сведений социальных сетей в демографии».

2 октября 2023 г. прошло **заседание Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при ООН РАН**, на котором с научными докладами выступили:

В. С. Никольский, доктор философских наук, профессор, заместитель начальника центра проектной деятельности Московского политехнического университета, главный редактор журнала «Высшее образование в России», – с научным докладом на тему «Демографические исследования высшего образования. Что мы знаем и чего мы не знаем о высшем образовании в России?».

Т. К. Ростовская, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН по научной работе, руководитель Координационного центра кадрового потенциала в области демографии ИДИ ФНИСЦ РАН, – с научным докладом на тему «Ресурсы демографического развития: концептуальные основы».

3 октября 2023 г. состоялось **заседание Учебно-методического совета по демографии ФУМО по УГСН «Социология и социальная работа»**, в ходе которого обсуждались концептуальные документы в области демографии.

Т. К. Ростовская, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН по научной работе, руководитель Координационного центра кадрового потенциала в области демографии ИДИ ФНИСЦ РАН, и **С. В. Рязанцев**, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, председатель Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при ООН РАН, предложили для обсуждения вопросы, связанные с актуальностью принятия профессионального стандарта «Демограф», создания УМС по демографии; дали развернутую характеристику образовательной программы базового высшего образования по направлению 13.06. «Демография» в рамках разработанного проекта ФГОС ВО по УГСН «Политика, социология и международные процессы».

Рис. 2. Открытие Научной школы
Рис. 2. Opening of the Scientific School
 Источник: из архива организаторов

4 октября 2023 г. прошла **панельная сессия «Междисциплинарность в демографической науке: особенности, преимущества, проблемы»**, модератором которой выступила **Т. К. Ростовская**, заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН по научной работе, доктор социологических наук, профессор.

В рамках данной сессии научные доклады представили ведущие ученые в области демографии:

И. И. Елисеева, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором Социологического института (филиала) ФНИСЦ РАН, – на тему «Демографические события и физиология человека».

А. Е. Иванова, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом здоровья и самосохранительного поведения ИДИ ФНИСЦ РАН, – на тему «Самосохранительное поведение и активное долголетие в демографической перспективе России».

Ю. П. Гуцо, доктор технических наук, профессор, – на тему «Применение цифровых двойников в демографии».

5 октября 2023 г. состоялась **панельная сессия «Демографическое образование: системный подход»**. С научными докладами в виде презентаций выступили, а также в их обсуждении и научной дискуссии участие приняли:

Т. К. Ростовская, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН по научной работе, руководитель Координационного центра кадрового потенциала в области демографии ИДИ ФНИСЦ РАН, представившая научный доклад на тему «Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей».

Е. Н. Васильева, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, сделавшая научный доклад на тему «Образование как ресурс формирования “мягкой силы” в работе с молодыми соотечественниками, проживающими в странах СНГ».

Л. А. Давлетшина, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, доцент кафедры статистики Государственного университета управления, выступившая с научным докладом на тему «Образовательная миграция в контексте геополитических вызовов».

6 октября 2023 г. **О. В. Кучмаева**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, прочитала **лекцию** на тему «Демографическая структура населения».

Также прошел **мастер-класс Т. К. Ростовской**, доктора социологических наук, профессора, заместителя директора ИДИ ФНИСЦ РАН по научной работе, руководителя Координационного центра кадрового потенциала в области демографии ИДИ ФНИСЦ РАН, на тему «О внедрении в вузы образовательного модуля “Основы демографии” (письмо Минобрнауки России от 04.04.2023 г. № МН-5/168663)».

9 октября 2023 г. состоялись **выступления участников Научной школы**, а в завершении были подведены итоги мероприятия. На **торжественном закрытии** выступили руководители Сочинского института (филиала) РУДН имени П. Лумумбы. Обращаясь к участникам Научной школы, **А. Т. Петенко**, директор Сочинского института (филиала) РУДН имени П. Лумумбы, поддержал предложение ИДИ ФНИСЦ РАН о проведении **V Всероссийского демографического форума с международным участием** и Научно-методической школы по демографии с 23 по 28 сентября 2024 г. в Сочи на

площадке Сочинского института (филиала) РУДН имени П. Лумумбы.

Н. И. Козлова, научный руководитель Сочинского института (филиала) РУДН имени П. Лумумбы, председатель Общественной палаты города Сочи, предложила провести совместное с ИДИ ФНИСЦ РАН социологическое исследование «Демографическое поведение населения г. Сочи», а его результаты представить на заседании Общественной палаты города в рамках проведения V Всероссийского демографического форума с международным участием.

В заключение **Т. К. Ростовская**, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН по научной работе, поблагодарила ректора РУДН имени П. Лумумбы **О. А. Ястребова** и директора Сочинского института (филиала) РУДН имени П. Лумумбы **А. Т. Петенко** за поддержку и помощь в организации и проведении Научной школы, за предложения о проведении перспективных совместных проектов в части подготовки кадрового потенциала в области демографии.

Сведения об авторе:

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); PИИЦ Author ID: [767943](https://www.iiict.ru/author/767943); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://www.researcherid.org/rid/F-5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://orcid.org/57192987864).

Статья поступила в редакцию 13.10.2023; принята в печать 08.12.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SCIENTIFIC SCHOOL OF DEMOGRAPHY

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

For citation: Rostovskaya, Tamara K. Scientific School of Demography. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 231-235. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.14](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.14).

Bio note:

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); RSCI Author ID: [767943](https://www.rsci.ru/author/767943); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://www.researcherid.org/rid/F-5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://orcid.org/57192987864).

Received on 13.10.2023; accepted for publication on 08.12.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.15)
EDN [XJUJMW](https://www.edn.ru/XJUJMW)

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И КИТАЯ: КРУГЛЫЙ СТОЛ В МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Лебедева Т. В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: shonohova@rambler.ru

Акрамова А. Р.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: akrmv1999@gmail.com

Для цитирования: *Лебедева, Т. В. Современная демографическая политика России и Китая: круглый стол в МГУ имени М. В. Ломоносова / Т. В. Лебедева, А. Р. Акрамова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 236–247. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.15). EDN [XJUJMW](https://www.edn.ru/XJUJMW).*

В рамках Всероссийского фестиваля «НАУКА О+» 6 октября 2023 г. кафедра демографии Высшей школы современных социальных наук (далее по тексту – ВШССН) МГУ имени М. В. Ломоносова провела заседание Круглого стола с международным участием на тему «Современная демографическая политика в России и Китае: общее и особенное» (модератор – зав. каф. демографии, д-р экон. наук, проф., заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова **В. А. Ионцев**). Во вступительном слове ученый отметил важность Всероссийского фестиваля «НАУКА О+», напомнил о мероприятиях, проведенных кафедрой демографии в рамках данного фестиваля в предыдущие годы, а также подчеркнул особую значимость обсуждения государственной демографической политики Российской Федерации и Китайской Народной Республики в современных реалиях.

С приветственным словом к участникам заседания обратился зам. дир. по научной работе ВШССН, д-р экон. наук **А. А. Гребенюк**, который назвал Круглый стол масштабным научным событием в стенах Московского университета. Учитывая большое значение обсуждения демографических проблем, он предложил проводить заседания Круглого стола на регулярной основе. О значимости текущего заседания А. А. Гребенюк, в частности, сказал, что две разные в социальном, культурном, демографическом отношении страны сталкиваются с похожими проблемами. Китайская сторона внимательно наблюдает за особенностями проведения демографической политики в нашем государстве, оценивает российский опыт экономического регулирования рождаемости. В России с интересом следят за изменением вектора демографической политики Китая. Итак, тема для обсуждения является весьма ак-

туальной и жизненно важной. В заключительной части своего приветствия зам. дир. ВШССН поздравил собравшихся с почином широкого обсуждения демографических проблем и пожелал удачной работы.

Рис. 1. Участники Круглого стола
Рис. 1. Participants of the Round table

Источник: из архива организаторов

Первой с научным докладом на заседании выступила д-р экон. наук, проф. кафедры демографии **О. Д. Воробьева**. В выступлении были раскрыты особенности демографической политики, цели, типы, методологические основы ее разработки, инструменты реализации. С помощью презентационных материалов были проанализированы основные показатели экономического и демографического развития некоторых стран мира, в т. ч. суммарного коэффициента рождаемости, возрастной структуры населения. Особое внимание в докладе было уделено характеристике мер демографической политики прямого и косвенного воздействия на демографическое поведение населения. Были охарактеризованы экономические меры демографической политики для стимулирования и ограничения рождаемости, административно-правовые, регламентирующие браки и разводы, положение детей в семьях, алиментные обязанности, охрана материнства и детства и пр., а также воспитательные и пропагандистские, которые призваны сформировать общественное мнение, нормы и стандарты демографического поведения, определенный демографический климат. Отмечено, что последняя группа мер требует меньших финансовых затрат, но зачастую используется не в полной мере.

На примере Китайской Народной Республики было продемонстрировано изменение демографической политики по десятилетиям, начиная с 1970-х гг. Сначала планирование рождений было объявлено политической задачей, а демографическая политика проводилась под лозунгом «Поздно, редко, мало». В 1980–1990-е гг. в Конституции КНР даже содержалось положение о том, что «ограничение числа рождений является обязанностью супругов». Для однопородных семей предусматривались различные льготы, а для семей с более чем одним ребенком – разного рода наказания. С начала 2000-х гг. в Китае наблюдается некоторое смягчение ограничений на

число детей. В демографической политике появляется новый акцент – снижение рождаемости для повышения «качества населения», более здорового и образованного. Последние изменения в действующее законодательство, регулирующее реализацию демографической политики страны, были внесены в 2015 г. и вступили в силу в 2016 г. Китайским семьям было разрешено иметь двух детей, и был провозглашен курс «одна семья – два ребенка».

Завершая свое выступление, проф. О. Д. Воробьева подытожила: при разработке государственной демографической политики необходима грамотная оценка демографической ситуации в стране, разумный подбор необходимых мер и инструментов воздействия на воспроизводство и миграцию населения с целью сохранения, улучшения или оптимизации сложившейся ситуации.

Затем научный доклад на тему «Демографическая политика России в области поощрения браков между мигрантами и коренным населением: история и современный этап развития» сделала зам. дир. ВШССН по учебной работе, доц. кафедры демографии, канд. экон. наук **Ю. А. Узкая**. В докладе отмечалось, что возникающие в обществе фундаментальные изменения приводят к уменьшению численности населения и развитию многолетней депопуляции, которая в настоящее время стала существенным фактором демографического кризиса в развитых странах, включая Россию.

Очень часто в современной демографической политике недоучитывается значение миграции населения, представляющей собой положительное явление, которое может иметь негативный характер только из-за неправильного понимания ее сущности и неверной миграционной политики.

Для описания развития демографических процессов, исторической последовательности смены типов воспроизводства населения в результате эволюции общества в демографии используется теория демографического перехода. В данной связи Ю. А. Узкая напомнила классическую теорию демографического перехода, концепцию второго демографического перехода, общую теорию населения А. Сови как основу для понимания и разработки соответствующей демографической политики. Своевременный анализ демографического поведения населения с использованием положений демографической теории позволяет объяснить характер воспроизводства населения и происходящих в нем изменений, демографического поведения, взаимовлияния демографических процессов и применить адекватные меры демографической политики.

В выступлении были приведены итоги сравнительного анализа эволюции семейных отношений в репродуктивном поведении в России и в ряде развитых европейских государств с 1960-х гг. по настоящее время. На его основе выявлены схожие тенденции и тенденции, не имеющие распространения в нашей стране. Кроме того, были представлены результаты авторского анализа статистических данных, характеризующих демографическую ситуацию в Российской Федерации, таких как браки и разводы с 1950 по 2020 г.; изменение среднего возраста вступления в брак у мужчин и женщин в 1980–2016 гг., заметно увеличившегося у лиц обоего пола с 2011 г.; среднего возраста матери при рождении ребенка за период 1980–2020 гг., имевшего ярко выраженную тенденцию к увеличению с 26 до 29 лет, и некоторых других показателей, отображающих нарастание негативных демографических тенденций в российском обществе. При этом происходила активизация международных иммиграционных потоков. Сложившаяся демографическая ситуация полностью согласуется с концепцией третьего демографического перехода Д. Коулмена, которая разработана на ма-

териалах демографической статистики стран Западной Европы и определяется как особая фаза развития населения, когда наиболее значительный вклад в динамику численности населения страны вносит иммиграция.

В целом же, как отметила Ю. А. Узкая, теории демографического перехода в настоящее время подвергаются серьезной критике из-за того, что оказались несостоятельными для объяснения демографических процессов во многих странах мира, т. к. не отражают всего спектра протекающих в обществе демографических процессов и причин, их вызывающих. Вследствие чего они не рассматриваются как серьезный теоретический фундамент для решения демографических проблем.

Докладчик проанализировала данные об иммиграции в Российскую Федерацию за период 2000–2020 гг., в т. ч. из государств ближнего и дальнего зарубежья, по общей численности, половому составу и возрастным группам. В дополнение к этому Ю. А. Узкая заявила о том, что России необходимо разработать свое собственное направление демографического развития через реализацию концепции четвертого демографического перехода в рамках евразийского пути, идеи которого могут быть положены в основу формирования новых обществ, где международная миграция способна стать позитивным фактором развития как для самих мигрантов, так и для принимающего их населения. Концепция четвертого демографического перехода подразумевает проведение демографической политики по поощрению этнически смешанных браков – браков между коренным населением и мигрантами, учитывает важность формирования «нового населения», формирующегося в результате рождения детей в таких браках.

В настоящее время в российской научной среде наибольшее распространение получили термины «смешанный брак», «этнический брак» и «межнациональный брак». Вместе с тем до сих пор нет единого мнения о терминах «этнос», «этничность», «нация», «национальность», поэтому часть своего выступления Ю. А. Узкая посвятила рассмотрению подходов к пониманию и определению данных понятий отечественными и зарубежными учеными. В дополнение был представлен краткий экскурс в российскую историю по вопросам отношения к межнациональным и межконфессиональным бракам, сделан небольшой обзор изменений нормативно-правового оформления и особенностей научного осмысления такого явления.

В заключительной части выступления был дан весьма подробный анализ распространения смешанных браков между россиянами и гражданами КНР как в исторической ретроспективе (с XIX века), так и в последние десятилетия на примере российско-китайского приграничья Дальнего Востока. Были использованы результаты исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, отдельных ученых, выполняющих исследования по данной теме. К проблемам современной политики в области формирования смешанных браков Ю. А. Узкая отнесла: отсутствие сформированной терминологической базы, недостаточное понимание нужности и важности развития этого направления не только миграционной политики, но и демографической политики в целом. В виду чего пока не налажен централизованный сбор данных по смешанным бракам и отсутствуют систематические научные исследования по этой теме. До сих пор существует скептическое отношение к подобным бракам как в научной среде, так и на официальном уровне.

Рис. 2. Работа Круглого стола
Pic. 2. The work of the Round Table

Источник: из архива организаторов

Следующим на заседании выступил ст. преп. кафедры демографии, канд. социол. наук. **А. А. Субботин** с сообщением об особенностях демографической политики в г. Москве, где реализуются пять региональных проектов, входящих в состав национального проекта «Демография»: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости», «Старшее поколение», «Спорт – норма жизни», «Укрепление общественного здоровья».

В выступлении отмечалось, что с учетом данных Всероссийской переписи населения 2021 г. численность населения Москвы на 1 января 2023 г. составила 13,1 млн человек, постоянное население г. Москвы и Московской области насчитывало 21,7 млн человек. За последние 10 лет население города увеличилось на 1,1 млн человек, среднегодовые темпы прироста были порядка 1%. С 2011 г. в столице происходил переход от естественной убыли к естественному приросту. Но в период пандемии COVID-19 такая тенденция была нарушена, и в 2020–2021 гг. уже фиксировалась естественная убыль. Однако к 2022 г. негативные показатели естественного движения были преодолены.

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в Москве стабильно растет – с 1,3 в 2012 г. до 1,6 в 2021 г. Этот показатель соответствует СКР крупнейших мегаполисов мира и свидетельствует о том, что политика стимулирования рождаемости может быть эффективной. Так, например, приоритетным направлением деятельности департамента труда и социальной защиты населения города Москвы является организация социальной поддержки семей с детьми. В 2022 г. был утвержден новый порядок назначения выплат нуждающимся семьям – ежемесячное пособие на детей теперь выплачивается с рождения и до 18 лет. Причем действующая система мер поддержки семей с детьми включает не только денежные выплаты, но и комплекс натуральных льгот и натуральной помощи. Особые льготы предусмотрены для многодетных семей.

В настоящее время продолжается реализация программы «Наше сокровище», когда каждый малыш, родившийся в Москве, получает в подарок набор из 49 не-

обходимых вещей или выплату в размере 20 тысяч рублей. Семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, оказывается адресная социальная помощь в виде электронных сертификатов. В 2022 г. было выдано более 35 тысяч сертификатов на детские товары, товары длительного пользования и продовольствие.

Далее докладчик отметил, что ожидаемая продолжительность жизни москвичей составляет 78 лет, и за последние 10 лет данный показатель в мегаполисе существенно вырос. Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию призвал добиться такой же продолжительности жизни к 2030 г. во всей стране. Впрочем, продолжительность жизни москвичей к началу 2030-х гг. может уже превысить 85 лет. То есть г. Москва в демографическом плане является ориентиром, к которому стремятся все другие субъекты нашей страны. Увеличение продолжительности жизни свидетельствует об улучшении качества жизни населения в городе. К примеру, для старшего поколения в городе создан уникальный образовательный, оздоровительный и досуговый проект «Московское долголетие», цель которого – увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. С начала реализации проекта его участниками стали более 500 тысяч представителей старшего поколения.

В то же время докладчик признал, что основной вклад в увеличение численности населения столицы обеспечил миграционный прирост. По итогам 2022 г. он достиг 94 тыс. человек. При этом порядка 90% миграционного прироста приходится на внутрисоветскую миграцию. В структуре миграционного потока более 70% составляют лица трудоспособного возраста. Значимая роль миграции в развитии г. Москвы и Московской области подкрепляется активным жилищным строительством. В последние годы рынок недвижимости Подмосковья стал для приезжих более привлекательным, нежели столицы, поскольку средняя стоимость одного квадратного метра жилья в области на 20 с лишним процентных пунктов ниже, чем в городе.

Аналитический центр Правительства Москвы разработал следующие прогнозы численности населения столицы: 15,0 млн человек – градостроительный, 14,0 млн человек – базовый и 13,4 млн человек – консервативный.

В настоящее время предпринимаются меры по изменению направлений трудовой маятниковой миграции, имеющей преимущественный вектор из Московской области в Москву. В центральной и срединной зонах области создаются предпосылки для переориентации направления трудовых поездок от центростремительных к центробежным, но первый пояс Московской области сохранит центростремительный характер трудовых связей в Москву.

Выступавший напомнил участникам заседания о том, что статистический учет постоянного населения формируется по итогам переписи населения и в последующие годы корректируется на величину естественного прироста (по данным ЗАГС) и сальдо миграции (по данным МВД). Между переписями возникают неточности из-за учета населения, родившегося на территории, но сразу же отбывшего в другой регион, и неучета лиц, сменивших место фактического проживания, но не изменивших место регистрации. Поэтому после каждой переписи населения данные корректируются. В связи с такими методологическими особенностями статистического учета населения возникает потребность в использовании альтернативных источников для уточнения сведений по постоянному населению.

В качестве альтернативных источников данных о населении Москвы и Московской области используются сведения сотовых операторов. По ним численность насе-

ления Москвы составляет 10,3 млн человек, Московской области – 10,1 млн человек. Расхождение данных Росстата и сотовых операторов может быть связано с тем, что часть населения, имеющая московскую регистрацию, фактически проживает в области. В то же время часть населения родилась в столице и не проживала там, однако попала в расчет официальной статистики постоянного населения. По результатам анализа матрицы «дом-работа» выявлено, что, например, в марте 2022 г. из Москвы в область на работу выезжали 271,7 тыс. человек, а из области в Москву – 873,6 тыс. человек; внутрирегиональное взаимодействие составило в пределах Москвы 3 668 тыс. человек, в пределах области – 3 019 тыс. человек.

В завершение выступления А. А. Субботина О. Д. Воробьева задала ему вопрос о влиянии маятниковой миграции на показатели рождаемости, поскольку фактор времени вынуждает родителей ограничивать общение с детьми, на который выступавший ответил, что участие в маятниковых миграциях крайне негативно влияет на семейные ценности. Хотя в последние годы в результате грамотного управления транспортной мобильностью время в пути маятниковых мигрантов на работу и обратно значительно сократилось. Однако совсем отказаться от подобных трудовых поездок они пока не могут по причине заметной разницы в оплате труда москвичей и жителей Подмосковья.

Затем участники Круглого стола заслушали доклад проф. кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д-ра социол. наук **А. Б. Синельникова** на тему «О влиянии семейно-демографической политики на брачность и разводимость». В нем ученый представил презентационные материалы со статистическими данными, характеризующими число браков и рождений в браке и вне брака за период 1989–2022 гг. Корреляция между числом браков и рождений имеет высокое значение – 0,83. Достаточно высоки значения корреляционной зависимости и между числом браков и рождений в браке – 0,82. Также проф. А. Б. Синельников ознакомил с расчетами числа рожденных детей на 100 женщин в возрасте 40–44 лет с данным брачным статусом, на основании которых был сделан вывод о том, что более всего детей рождается в зарегистрированных браках, а в сожительстве – значительно меньше. Результаты авторского опроса по откладыванию рождения детей из-за неуверенности в прочности брака (партнерства) показали, что 46% мужчин и столько же процентов женщин, состоящих в незарегистрированном браке, откладывают рождение детей именно по этой причине. Из числа респондентов, состоящих в браке, только 8% мужчин и 13% женщин откладывают рождение детей из-за неуверенности в прочности брака (партнерства).

Расчеты проф. А. Б. Синельникова по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2017 г. показали, что доля не имеющих или имеющих одного ребенка не от этого брака к числу состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке составляла:

- в первом зарегистрированном браке только 4%;
- в повторном зарегистрированном браке – 22%;
- в первом незарегистрированном браке – 32%;
- в повторном незарегистрированном браке – уже 47%.

Выступавший также привел мнения респондентов, полученные в ходе межрегионального социолого-демографического исследования «Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019)», о наличии «гражданского супруга» (без регистрации брака) как о признаке семейной жизни. Для четверти участников опроса (24,5%) дан-

ный признак оказался очень важным, для 38,6% участников опроса – не очень важным, а практически для трети респондентов (28,2%) – совсем неважным, остальные респонденты с ответом затруднились. Мнение о том, что жена имеет моральное право на развод, если она разлюбила мужа, но у них есть дети, поддержал 71% участников опроса; категорическое «нет, не имеет» высказали только 15% респондентов, остальные участники опроса отметили ответ «трудно сказать». В отношении мнений респондентов о моральном праве мужа на развод, если он разлюбил жену, но у них есть дети, данные с предыдущими ответами различаются незначительно: «да, имеет» – 69%, «нет, не имеет» – 18%, остальные затруднились с ответом.

На основании проведенных исследований А. Б. Синельников выдвинул предложение о том, что семейно-демографическая политика должна начинаться со стимулирования вступления в законный брак. Только весомые льготы и пособия для молодых и многодетных семей могут спасти российское общество от депопуляции. Но семья не может сразу стать многодетной. Поддерживать семью надо с момента ее создания, т. е. с регистрации брака, в т. ч. при помощи кредитов молодоженам на приобретение жилья. Кредиты должны частично погашаться с рождением первого и второго ребенка, и полностью – когда в семье будет трое детей.

Многие пары не регистрируют брак, чтобы после развода не потерять квартиру и иную ценную собственность из-за ее предстоящего раздела. И в итоге среднее число детей у них гораздо меньше, а вероятность разрыва отношений – намного больше, чем у законных супругов. Семейный кодекс Российской Федерации разрешает заключить брачный договор (контракт) о раздельном режиме собственности супругов, чтобы в случае развода каждый из них смог сохранить имущество, приобретенное на его личные средства после регистрации брака. То, что принадлежало ему до брака или было получено от родителей и родственников в наследство, либо по договору дарения, не подлежит разделу и без контракта. Впрочем, если жених предложит невесте (или она – ему) заключить брачный договор, это может быть воспринято как обидное недоверие и привести к отказу от вступления в брак. Поэтому докладчик предложил сделать заключение договора обязательным условием для регистрации брака, тогда обижаться будет не на что. Если договор будет предусматривать режим совместной собственности, то с согласия обеих сторон в него может быть включена статья о том, что при нарушении правил семейной жизни, одним из которых является одностороннее расторжение брака без уважительных причин, собственность должна делиться в пользу того из супругов, который не нарушал прописанные в договоре правила.

Проф. А. Б. Синельников также высказал предложение дополнить Семейный кодекс РФ понятиями «уважительная причина развода» и «вина в разводе». А именно: если один из супругов подаст заявление о разводе без согласия другого, то ему придется либо доказать в суде факт нарушения правил семейной жизни со стороны последнего (супружеская измена, пьянство, наркомания, жестокое обращение с членами семьи, отсутствие заботы о них), либо взять на себя вину за одностороннее расторжение брака без уважительных причин.

Докладчик сделал предложение и о том, чтобы решения по судебным спорам между бывшими супругами о разделе имущества, и о том, с кем останутся дети, принимались в пользу невинной в разводе стороны. Не каждый муж разведется с надоевшей ему, но ни в чем не виноватой женой, если ему придется уступить ей квартиру. И не каждая жена пойдет на развод с мужем, вина которого состоит только в том, что она его разлюбила или никогда не любила. Ведь он может забрать себе ребенка.

Необходимо сформировать в широких массах населения более ответственное отношение к заключению и расторжению законного брака, который является основой семьи, иначе кризис семьи и депопуляция будут продолжаться в обозримом и необозримом будущем. Такими выводами завершил свое выступление А. Б. Синельников.

Рис. 3. Работа Круглого стола
Рис. 3. The work of the Round Table

Источник: из архива организаторов

Вслед за А. Б. Синельниковым свой доклад на тему «Опыт проведения демографической политики в Китае на современном этапе» представила в.н.с. Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, в.н.с. Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, доц. кафедры демографии ВШССН, канд. экон. наук **С. Н. Мищук**. В докладе ученый прежде всего обратила внимание на то, что для демографической ситуации этой страны в конце XX – начале XXI вв. были характерны трансформационные процессы, затрагивающие как общую динамику численности населения, так и изменения возрастной, гендерной, образовательной структур. И поскольку меры демографической политики Китая в начале XXI века значительно эволюционировали, особый интерес представляет выявление основных направлений демографической политики государства в части поддержки рождаемости на современном этапе.

В первой части выступления С. Н. Мищук особо остановилась на анализе основных демографических показателей КНР, определении факторов, повлиявших на формирование современной демографической ситуации. В презентационных материалах была отражена динамика основных показателей за 2000–2021 гг. – численности населения, количества родившихся, общего и суммарного коэффициентов рождаемости, показателей естественного прироста, а также доли населения младше 15 лет и старше 65 лет.

Анализируя статистические данные, докладчик пришла к выводам о том, что за период 2000–2021 гг. численность населения страны увеличилась на 10,3%. В то же время основные демографические показатели, за исключением доли населения в

возрасте 65 лет и старше, в 2021 г. оказались ниже значений 2000 г. В результате реализации политики «одна семья – один ребенок» рождаемость в Китае значительно снизилась. В числе факторов, повлиявших на снижение рождаемости, докладчик выделила следующие: исторические (изменения в государственной демографической политике страны), материальные (высокие финансовые затраты на создание семьи и воспитание детей, ограниченная финансовая поддержка государства) и идеологические (высокий уровень образования и культуры отрицательно сказался на желании семей иметь детей).

В завершении доклада оратор сделала некоторые итоговые выводы. Итак, политика рождаемости в Китае на рубеже XX–XXI вв. претерпела большие изменения. Планирование семьи и ограничение рождаемости, имевшие место в течение 30 лет, сменились на активную политику ее поддержки. Увеличение прямой государственной финансовой помощи, создание более благоприятных условий занятости женщин с детьми, расширение инфраструктуры присмотра за детьми, воспитательных и образовательных учреждений – все эти мероприятия, по мнению китайских властей, должны положительно сказаться на росте показателей рождаемости. При всем при том в КНР до настоящего времени увеличивалась доля населения, придерживающегося мнения о возможности семьи без детей, самореализации женщин вне семьи без обязательного рождения детей.

Из числа почетных гостей на заседании Круглого стола выступили:

– зав. каф. социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д-р филос. наук, заслуженный профессор МГУ **А. И. Антонов**, который согласился с критикой теории демографического перехода и подчеркнул значимость поведенческой демографии, но при этом особое внимание обратил на такие демографические процессы, как рождаемость и брачность;

– руководитель центра исследований социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН, д-р экон. наук, проф. **О. А. Козлова**, в своем выступлении упомянувшая о концепции третьего демографического перехода с точки зрения увеличения численности граждан Таджикистана и Кыргызстана в коренном населении Свердловской области и возможной замены в условиях демографического кризиса коренного населения мигрантами из этих стран;

– канд. геогр. наук, доц. Московского университета имени С. Ю. Витте, доц. Благовещенского государственного педагогического университета **Л. А. Понкратова**, высказавшаяся на предмет актуальности темы Круглого стола в нынешней демографической и экономической ситуации и отметившая то, что обмен опытом проведения демографической политики может быть полезен для дальнейшего социально-экономического развития как Российской Федерации, так и Китайской Народной Республики.

Всего в заседании Круглого стола, которое проходило в смешанном (офлайн и онлайн) формате, участвовали 93 человека. Большинство из них – россияне – 79 человек, 14 участников – иностранные граждане (представители Китая – 10 человек, Кыргызстана – 3 участника и Судана – 1 участник). В научном мероприятии приняли участие представители профессорско-преподавательского и административно-управленческого состава вузов (22 человека), сотрудники научных организаций (10 человек), аспиранты (16 человек), студенты бакалавриата и магистратуры (42 человека), учителя школ (2 человека) и один представитель общественной организации.

Наибольший контингент участников составили представители российского студенчества, обучающиеся по программам бакалавриата и магистратуры (45%). Из них 10 студентов, которые осваивают образовательную программу по направлению подготовки «Социология», представляли Российский государственный социальный университет (г. Москва).

Из числа магистрантов наибольшей численностью отличались группы обучающихся по магистерским программам «Социальная демография» и «Управление демографическими процессами» ВШССН МГУ имени М. В. Ломоносова – 11 человек. Существенная часть участников – это магистранты Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского, которые наравне с преподавателями участвовали в работе Круглого стола онлайн

Среди представителей профессорско-преподавательского и административно-управленческого персонала вузов страны численно преобладали организаторы мероприятия, преподаватели и сотрудники кафедры демографии, руководства ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова – 9 человек. К работе Круглого стола также были привлечены их коллеги с социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (**А. И. Антонов, А. Б. Синельников**). Активными участниками были представители Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) и Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского. В числе участников были проректор по научной работе Северо-Кавказской государственной академии (г. Черкесск), два заместителя директора ВШССН, трое заведующих кафедрами, пять профессоров, семеро доцентов, старшие преподаватели, преподаватели и ассистенты кафедр ряда российских вузов.

В работе Круглого стола приняли участие и представители российской научной общественности (10 человек или 11% участников). В их числе – директор научно-исследовательского института, два руководителя и заместитель руководителя научного центра, руководитель научного отдела, ведущие, старшие и младшие научные сотрудники ряда научных организаций страны.

Активной была группа аспирантов (16 человек или 17%), половина из которых проходит обучение на кафедре демографии ВШССН. При этом в мероприятии участвовали аспиранты и других факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова (Высшей школы государственного администрирования, Факультета политологии), Московского государственного университета управления Правительства Москвы, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

На заседании Круглого стола присутствовали два учителя географии и биологии двух средних общеобразовательных школ г. Ярославля (№ 2 и № 35), шеф-редактор Национального агентства ДЕМ ИНФОРМ общественной организации «Институт демографической политики имени Д. И. Менделеева» (**Е. Е. Косоуров**).

В заключительной части Круглого стола его модератор, проф. **В. А. Ионцев**, подводя итоги обсуждения, указал на важность перехода Российской Федерации и Китайской Народной Республики на евразийский путь демографического развития, в основе которого лежат традиции и ценности, присущие обеим странам. Он также поблагодарил всех докладчиков, организаторов и участников мероприятия за проявленный интерес к обсуждаемым проблемам и активную работу на Круглом столе.

От участников заседания в адрес оргкомитета Круглого стола поступило несколь-

ко благодарственных писем за возможность участия в таком интересном мероприятии и надеждой на будущее плодотворное научное сотрудничество.

Сведения об авторах:

Лебедева Тамара Васильевна, кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: shonohova@rambler.ru; ORCID ID: [0000-0002-1817-3685](https://orcid.org/0000-0002-1817-3685); РИНЦ Author ID: [731576](https://elibrary.ru/731576); Scopus Author ID: [57190430527](https://orcid.org/57190430527).

Акратова Александра Робертовна, аспирант кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: akrmv1999@gmail.com; ORCID ID: [0009-0002-1434-9425](https://orcid.org/0009-0002-1434-9425).

Статья поступила в редакцию 06.10.2023; принята в печать 05.12.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

CONTEMPORARY POPULATION POLICY IN RUSSIA AND CHINA: ROUND TABLE AT LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Tamara V. Lebedeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: shonohova@rambler.ru

Aleksandra R. Akramova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: akrmv1999@gmail.com

For citation: Lebedeva, Tamara V. Contemporary Population Policy in Russia and China: Round Table at Lomonosov Moscow State University / T. V. Lebedeva, A. R. Akramova. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 236–247. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.15).

Bio notes:

Tamara V. Lebedeva, Candidate of Geographical Sciences, Docent, Researcher, Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: shonohova@rambler.ru; ORCID ID: [0000-0002-1817-3685](https://orcid.org/0000-0002-1817-3685); RSCI Author ID: [731576](https://elibrary.ru/731576); Scopus Author ID: [57190430527](https://orcid.org/57190430527).

Aleksandra R. Akramova, Postgraduate Student, Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: akrmv1999@gmail.com; ORCID ID: [0009-0002-1434-9425](https://orcid.org/0009-0002-1434-9425).

Received on 06.10.2023; accepted for publication on 05.12.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования.
DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр Рос-
сийской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Издатель – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Адрес: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Ответственный секретарь: Никита Григорьевич Кузнецов

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Компьютерная верстка: Ирина Александровна Князева

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК (категория К2)

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2023. Том 3, № 4. Дата выхода в свет 29.12.2023.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>

ДЕМИС. Демографические исследования
2023. ТОМ 3. № 4

Сайт журнала:
www.demis-journal.ru